

2

неприкосновенный
запас

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ

148²⁰²³

- * конкретный историзм и материалистическая диалектика
- * прогрессизм и социализм сегодня
- * мобилизация 1914-го как провокация?
- * Африка как цивилизационная модель

неприкосновенный запас 2 [148] 2023

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ | выходит шесть раз в год | издается с сентября 1998 года

КОНКРЕТНЫЙ ИСТОРИЗМ И МАТЕРИАЛИСТИЧЕС- КАЯ ДИАЛЕКТИКА	003	Антон Сюткин. Марксистская контрреформация: Абсолют и история в материалистической диалектике Михаила Лифшица
	028	Александр Дмитриев. Крот истории в спячке: о закате марксистской теории истории в после-сталинском СССР
	043	Тимур Атнашев. Михаил Гефтер, Павел Волобуев и другие мастера позднесоветского дискурса. Дополняя Алексея Юрчака
	064	Игорь Кобылин. Необходимость случайности: экономия истории и добродетель пустоты
КУЛЬТУРА ПОЛИТИКИ	084	Энтони Барнетт. Год дефинитивных левых
	100	Прогрессизм и социализм сегодня. Беседа Энтони Барнетта и Кирилла Кобрин
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА	111	Есть ли у нас то, чего нет? <i>Страницы</i> Алексея Левинсона
АРХИВ «НЗ»	117	Константин Тарасов. Мобилизация как провокация? Мемуары генерала Добrorольского в историографии
	121	Александр Кустарев. Июльский кризис 1914 года и мобилизация русской армии: к историографии Первой мировой войны
	125	Сергей Добrorольский. О мобилизации Русской Армии в 1914 году
ПОЛИТИКА КУЛЬТУРЫ	150	Дмитрий Колчигин. История духа как техника выживания
	173	Эрнст Роберт Курциус. Гуманизм как инициатива
ПРЕВРАТНОСТИ МЕТОДА	194	Тревожное настоящее страны «вечного будущего» <i>Страницы</i> Татьяны Ворожейкиной
МИР, В КОТОРЫЙ МЫ ИДЕМ: АФРИКА КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ	206	Андрей Коротаев, Алина Хохлова. Мали: революционное десятилетие после «арабской весны»
	224	Андрей Захаров. Федерация в Камеруне: тезис, антитезис, синтез
	248	Леонид Исаев, Дарья Бобарыкина. Клановый федерализм в Сомали
CASE STUDY	285	Юлия Фролова. Мозаика баскского сепаратизма

ОБЗОР ЖУРНАЛОВ	299	АЛЕКСАНДР ПИСАРЕВ. Наблюдать и управлять: обзор российских интеллектуальных журналов
НОВЫЕ КНИГИ	311	Рецензии
SUMMARY	328	

Главный редактор
Ирина Прохорова

Шеф-редактор
Кирилл Кобрин

Редакторы
АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
АНТОН ЗОЛОТОВ
ИГОРЬ КОБЫЛИН

Дизайн
ДМИТРИЙ ЧЕРНОГАЕВ
АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Корректор
МАРИНА АЛХАЗОВА

Маркетинг, PR и реклама
АНАСТАСИЯ ВЕКШИНА
Тел. +7 (495) 229 91 03
e-mail:
a.vevshina@nlobooks.ru

Почтовый адрес редакции
123104, Москва,
Тверской бульвар, д. 13, стр. 1.
тел./факс: +7 (495) 229 91 03
в Санкт-Петербурге:
тел./факс: +7 (812) 579 50 04

e-mail:
nz@nlobooks.ru
электронная версия
журнала:
www.nlobooks.ru/nz

member of
the eurozine network
www.eurozine.com

Подписка по России:
Агентство «Роспечать»:
подписной индекс 45683

Зарубежная подписка:
Kubon & Sagner,
Hesstr. 39/41,
80798, München, Germany
Tel.: +49-89-54-218-130
Fax: +49-89-54-218-218
e-mail:
postmaster@kubon-sagner.de
www.kubon-sagner.de

ISSN 1815-7912
ISBN 5-86793-053-x
«Неприкосновенный запас»
Лицензия на издательскую
деятельность:
серия ЛР № 061083
от 6 мая 1997 г.

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации:

Серия ПИ № 77-7546 от
5 марта 2001 г.

Периодичность: 6 раз в год.
[18+]

© 000 Редакция журнала
«Новое литературное
обозрение»

Москва, 2023

Марксистская контрреформация:

АНТОН
СЮТКИН

Абсолют и история в материалистической
диалектике Михаила Лифшица

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ТОВАРИЩИ АБСОЛЮТА

Основные вехи жизни Михаила Лифшица связаны с его работой в области эстетики, литературной или художественной критики. В 1920-е, будучи сначала студентом, а затем преподавателем философии во ВХУТЕМАСе, Лифшиц выступает с резкой критикой советского авангарда и призывает вернуться к классическому искусству в духе раннего Возрождения. Десятилетием позже в редакции журнала «Литературный критик» вместе с Дьёрдем Лукачем и другими соратниками он создает теорию реалистического искусства, альтернативную сталинскому соцреализму. В 1950-е Лифшиц сотрудничает со своим бывшим студентом Александром Твардовским в журнале «Новый мир». Наконец, в 1960-е он ведет яростную борьбу против модернистского искусства, стоившую ему репутации среди большей части советской интеллигенции.

Однако на протяжении всей жизни он также занимается философскими исследованиями. В первой ее половине они чаще всего выходят в качестве журнальных статей или фило-

*Антон Сюткин
(р. 1988) – философ,
старший преподаватель
Национального исследо-
вательского универси-
тета ИТМО.*

КОНКРЕТНЫЙ ИСТОРИЗМ И МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

003

софско-исторических введений к публикуемым в Советском Союзе классическим текстам, а во второй половине остаются лежать «в столе» в виде рукописей и дневниковых заметок. Из-за этого философский проект Лифшица не обретает завершенной систематической формы при его жизни. Тем не менее сегодня, после издания «Диалога с Ильенковым» и сборников дневниковых заметок «Что такое классика?» и «Varia»¹, у нас появляется возможность изучить довольно подробный набросок этой системы.

Более того, в постсоветское время вокруг Михаила Лифшица возникает интересный «конфликт интерпретаций». С одной стороны, Виктор Арсланов, ученик и последователь Лифшица, публикует множество подробных и очень полезных комментариев к его работе. В них он продолжает развивать критику современной философии, общества и искусства с классических позиций. Таким образом, вокруг Арсланова возникает семинар «Архив Михаила Лифшица»², представляющий ортодоксальное лифшицианство сегодня. С другой стороны, Дмитрий Гутов создает Институт Михаила Лифшица и посвящает ему некоторые свои художественные и образовательные проекты³. В еретической – «чешущей против шерсти» – интерпретации Гутов представляет Лифшица в качестве одного из важнейших авторов XX века для понимания модернистской эстетики. Между двумя современными интерпретациями философии Лифшица, ортодоксальной и еретической, существуют непримиримые противоречия. Тем не менее оба, Арсланов и Гутов, несмотря на эти противоречия проводят огромную работу по сохранению и актуализации наследия Лифшица.

Своеобразным «слепым пятном» лифшицианства является его отношение к современной материалистической диалектике, прежде всего представленной Славоем Жижекком и Аленом Бадью. Максим Морозов, продолжающий в своей мысли традицию советской материалистической диалектики, критикует Жижека и Бадью за отказ от ключевого для диалектики понятия тотальности и, как следствие, за неспособность помыслить диалектику как монистический проект⁴. Алексей Савин, один из самых глубоких исследователей советского диалектического материализма, в ряде своих статей подчеркивает отличие в понимании философского наследия Ленина между Жиже-

1 Лифшиц М. А. *Диалог с Ильенковым. (Проблема идеального)*. М.: Прогресс-Традиция, 2003; Он же. *Что такое классика?* СПб.: Умозрение, 2023; Он же. *Varia*. М.: Grundrisse, 2010.

2 См. множество записей семинара «Архив Михаила Лифшица»: www.youtube.com/@user-dt7su9kv3w/videos.

3 Пожалуй, наиболее важным событием такого рода является выставка «Если бы наша консервная банка могла говорить» (2018).

4 Морозов М. *Логика фрактальности как монистический проект материалистической диалектики* // *Stasis*. 2022. № 1(13). С. 118–150.

ком, Бадью и советским ленинизмом⁵. Игорь Саблин, ученик Виктора Арсланова и представитель ортодоксального лифшицианства, в публицистической манере прямо называет философию Славоя Жижека «интегральным бунтом», повторяя критику самого Лифшица в адрес модернизма⁶.

Все эти авторы так или иначе проводят почти непреодолимую границу между Лифшицем и мыслителями постальтюссеррианской материалистической диалектики. Но так ли непреодолима эта граница? Разве не занимает Лифшиц в советской традиции структурную позицию, похожую на ту, что занимают Жижек и Бадью в западном (пост)марксизме? Дело в том, что основной задачей материалистической диалектики Лифшица является критика ее социологической или иррационалистической вульгаризации и возвращение марксизму абсолютного содержания. Жижек и Бадью в конце XX века также выступают против «постмодернистского» прочтения марксизма, отстаивая классические понятия субъекта и истины. Более того, в начале XXI века, отчасти в полемике со спекулятивным реализмом, они (опять же вполне в духе Лифшица) занимаются диалектико-материалистическим переосмыслением такого понятия, как Абсолют. Таким образом, несмотря на все различия между ними – Лифшица, с одной стороны, и Жижека с Бадью, с другой, – их объединяет попытка создать материалистическую теорию Абсолюта с помощью диалектики.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы описать пространство возможного взаимодействия между лифшицианством и современной материалистической диалектикой. Однако эта задача также предполагает обсуждение материалистического прочтения диалектики в двух марксистских традициях. Именно в этом контексте проект материалистической диалектики, предложенный Лифшицем, может быть содержательно осмыслен. Более того, этот проект Лифшица не является исключительно онтологическим – он развивается также в области философии истории. Между материалистической диалектикой Лифшица и его идеей коммунизма как *Restauratio Magna* существует непосредственная связь. Поэтому прежде, чем перейти к обсуждению отношений проекта Лифшица и современной материалистической диалектики, необходимо эту связь прояснить.

АНТОН СЮТКИН
МАРКСИСТСКАЯ
КОНТРАРЕФОРМАЦИЯ...

5 САВИН А. Э. Трактовка мысли Ленина у Славоя Жижека // Vox. Философский журнал. 2021. № 35. С. 163–171.

6 САБЛИН И. Жижек и упакованная пустота // Сигма. 2022. 12 января (<https://syg.ma/@igor-sablin/zhizhiek-i-upakovannaia-pustota>).

МАРКСИСТСКАЯ РЕФОРМАЦИЯ ДИАЛЕКТИКИ

С философской точки зрения марксизм представляет собой материалистическое прочтение гегелевской диалектики. Согласно знаменитой метафоре, такое прочтение означает извлечение «рационального зерна» из «мистической оболочки». После распада школы Гегеля на левых и правых гегельянцев под «рациональным зерном» понимается метод, а под «мистической оболочкой» – система. Марксисты и их предшественники, левые гегельянцы, стремятся освободить революционный диалектический метод от консервативной системы, оправдывающей религию и государство. Проблема, однако, заключается в том, что метод и система не являются внешними друг другу элементами, которые можно так легко отделить друг от друга. Поэтому отбрасывание системы Гегеля неизбежно ведет к упрощению его диалектики в марксистских интерпретациях: Абсолют как тождество субстанции и субъекта распадается⁷.

Здесь необходимо сделать шаг назад и определить место гегелевской диалектики в общей логике развития немецкого идеализма, в истории которого можно выделить три принципиально отличающихся друг от друга этапа. На первом этапе Иммануил Кант совершает «коперниканскую революцию», делая невозможной старую догматическую метафизику с помощью трансцендентальной критики. Однако трансцендентальная философия Канта основывается на двух альтернативных друг другу началах – субъекте и вещи-в-себе⁸. Последователи Канта, немецкие идеалисты, видят в этом непоследовательность кантовского трансцендентального проекта. Поэтому второй этап развития немецкого идеализма связан с попытками выведения всей системы трансцендентальной философии из одного онтологического начала.

Иоганн Готлиб Фихте выбирает в качестве онтологического идеала для построения своей системы наукоучения абсолютный субъект, отказываясь от внешней вещи-в-себе. Все, существующее в рамках этой системы, является результатом самоопределения абсолютного субъекта, его отношения к самому себе. В фихтеанской диалектической логике субъект (Я) встречается с миром как собственным иным (не-Я), которое он должен присвоить себе заново⁹. Субстанция, внешний и независимый от субъекта мир, в этой логике должен исчезнуть, растворившись в преобразовательной деятельности субъекта.

7 Хорошее описание тех затруднений, с которыми встречается материалистическая диалектика (и марксизм вообще) после исчезновения Абсолюта, предлагает Джилиан Поуз: ROSE G. *Hegel contra Sociology*. London; New York: Verso, 2009.

8 КАНТ И. *Критика чистого разума*. М.: Мысль, 1994.

9 ФИХТЕ И.Г. *Первое введение в наукоучение* // Он же. *Сочинения: В 2 т.* СПб.: Мифрил, 1993. Т. 1. С. 445–477.

Но вместе с миром тогда исчез бы и сам субъект как нечто определенное и существенное. Поэтому субстанция в диалектике Фихте сохраняется, но в призрачной форме *Anstoss*, одновременно толкающего субъекта к деятельности и мешающего субъекту обрести самождественность¹⁰.

Излишняя ставка на субъективность, сделанная Фихте, сразу же порождает противодействие со стороны романтиков. Гёльдерлин, Новалис и ранний Шеллинг стремятся укоренить расколотую трансцендентальную субъективность в развитии самой природы, которой теперь отдается онтологическое первенство. Иными словами, в качестве реакции на фихтеанский субъективизм происходит возрождение натурфилософии в духе Спинозы, но с приданием субстанции большей динамичности.

Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг воплощает эту реакцию в своих ранних произведениях наиболее последовательно¹¹. В его натурфилософии порождающая и порожденная природа не тождественны между собой, поэтому природа не статична, а находится в бесконечном процессе саморазвития. На одном из этапов этого развития возникает субъект, являющийся частью природы – частью, которая способна видеть эту природу в качестве целого. Иными словами, благодаря субъекту природа обретает возможность саморефлексии: благодаря субъекту ее развитие превращается из стихийного в организованный процесс. Тем не менее самого Шеллинга не устраивает, что субъект в его ранней натурфилософской системе, становясь органом саморефлексии природы, лишается собственной автономии. Поэтому Шеллинг обращается к пересмотру своей системы, начиная тем самым третий этап истории немецкого идеализма.

Сначала Шеллинг пытается создать систему, в которой балансируют натурфилософия и трансцендентальный идеализм, динамическая субстанция в духе Спинозы и автономный субъект в духе Канта и Фихте¹². Однако самым важным моментом системы тогда оказывается точка динамического тождества между субстанцией и субъектом, ускользающая как от натурфилософского, так и от трансценденталистского рассуждения. Шеллинг пытается найти своеобразный «третий термин» между натурфилософией и трансцендентальным идеализмом в философии искусства, однако не удовлетворяется и этим решением тоже. Поэтому довольно быстро он отказывается и от этой версии, приходя к выводу, что тождество субстанции и субъек-

10 О важности этого понятия для системы Фихте подробно пишет Жижек: ZIZEK S. *Less Than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism*. London: Verso, 2012. P. 137–179.

11 Шеллинг Ф. В. Й. *Введение к наброску системы натурфилософии* // Он же. *Сочинения: В 2 т.* М.: Мысль, 1987. Т. 1. С. 182–226.

12 Он же. *Система трансцендентального идеализма* // Там же.

екта – это безразличный Абсолют, доступ к которому открывается с помощью интеллектуальной интуиции, а не рефлексии.

В то же самое время Георг Вильгельм Фридрих Гегель, сотрудничавший до этого с Шеллингом, создает собственный проект спекулятивной диалектики. Его задача остается той же – осмыслить Абсолют как тождество субстанции и субъекта. Но, в отличие от Шеллинга, Гегель утверждает, что путь к Абсолюту открывает не интеллектуальная интуиция, а диалектика как логика рефлексии. Более того, гегелевский Абсолют не существует где-то вне мира, он оказывается опрокинутым в человеческую историю. В «Феноменологии духа», например, Гегель пытается написать своеобразную биографию Абсолюта, его становление самим собой в историческом процессе¹³.

Однако гегелевское отождествление Абсолюта с логикой рефлексии также связано с рядом затруднений. В своих поздних текстах Гегель описывает систему своей философии как трехчастную, состоящую из логики, натурфилософии и философии духа. Диалектический процесс, таким образом, сводится к двум этапам: отчуждению логической Идеи в природе (оказывающейся всего лишь инобытием Идеи) и возвращением этой Идеи к самой себе в процессе истории¹⁴. Проблема в данном случае заключается в том, что исторический процесс лишается собственного автономного значения, превращаясь в несущественное дополнение к логике. Именно здесь Шеллинг наносит своему старому соратнику Гегелю ответный удар.

Сначала Шеллинг настаивает на том, что логике рефлексии предшествует онтологически расколотый Абсолют. Более того, для него важно, что этот раскол не может быть устранен в результате диалектического процесса: мы можем только приближаться к идеалу (примирению Абсолюта с самим собой), но никогда не сможем его достичь. Потому что это значило бы для Шеллинга уничтожение места для свободы субъекта, как это и происходит – с его точки зрения – в гегелевской панлогистской диалектике. Однако затем, в своей поздней системе, Шеллинг отказывается от идеи расколотого Абсолюта: она замещается у него противопоставлением экзистенциальной «позитивной» и логической «негативной» философий. Таким образом, финальный кризис немецкого идеализма заключается в борьбе гегелевского панлогизма и шеллинговского иррационализма.

Однако после распада школы Гегеля на правых и левых гегельянцев развитие диалектики отбрасывается к предыдущим этапам. Если правые гегельянцы сохраняют понятие Абсолюта, но изымают его из истории, то левые гегельянцы фактически

13 ГЕГЕЛЬ Г.В.Ф. *Феноменология духа*. М.: Академический проект, 2008.

14 ОН ЖЕ. *Энциклопедия философских наук: В 3 т.* М.: Мысль, 1974–1977.

от него отказываются. Людвиг Фейербах помещает на месте Абсолюта как тождества субстанции и субъекта чувственную человеческую природу¹⁵, а Бруно Бауэр – бесконечное самосознание, преодолевающее все внешние преграды на своем пути¹⁶. Карл Маркс сначала движется в русле левого гегельянства, лишь добавляя к гуманистическому материализму Фейербаха историческое и экономическое измерение. Затем, после разрыва с левым гегельянством, он использует в «Капитале» более сложную диалектику, действительно близкую к гегелевскому методу¹⁷. Однако эта диалектика позднего Маркса разворачивается только в критике политической экономии, не приобретая собственно философской формы. Поэтому марксистская материалистическая диалектика является результатом работы не самого Маркса, а Фридриха Энгельса и Дьёрдя Лукача. Обе эти противостоящие друг другу версии материалистической диалектики также не удерживаются на свойственном немецкому идеализму уровне понимания Абсолюта, что приводит не только к внутрифилософским, но и к политическим последствиям.

Энгельс помещает на место Абсолюта материальную природу. Диалектика в таком случае перестает быть логикой рефлексии, становясь всего лишь законом (точнее, тремя законами) развития материи¹⁸. Законы развития материи в свою очередь переходят в железные законы развития истории. Революционный переход к коммунизму оказывается, таким образом, также предопределен, как превращение воды в пар при кипении. В российском марксизме энгельсовская диалектика природы укореняется благодаря Георгию Плеханову. Поэтому неудивительно, что в 1920-е в советской философии, которой руководили ученики Плеханова, споры идут вокруг его основных тем. Абрам Деборин¹⁹ и его ученики («диалектики») ведут полемику с группой Любови Аксельрод-Ортодокс²⁰ («механистами») по поводу необходимости философии и, в частности, диалектики. «Диалектики» борются за то, что без диалектики никакого подлинного материализма быть не может, а «механисты», напротив, утверждают, что после революции философия больше не нужна – материализм может быть не диалектическим, а естественнонаучным²¹.

15 ФЕЙЕРБАХ Л. *Основные положения философии будущего* // Он же. *Сочинения: В 2 т.* М.: Мысль, 1995. Т. 1. С. 90–145.

16 БАУЭР Б. *Трубный глас страшного суда над Гегелем*. М.: Красанд, 2010.

17 МАРКС К. *Капитал*. М., 2019.

18 ЭНГЕЛЬС Ф. *Диалектика природы*. М.: Партиздат, 1934.

19 ДЕБОРИН А. *Введение в философию диалектического материализма*. Петроград: Жизнь и знание, 1916.

20 АКСЕЛЬРОД Л. *Спиноза и материализм* // *Красная новь*. 1925. Кн. 7. С. 144–168.

21 О дискуссии между «диалектиками» и «механистами» см.: ГРЭХЭМ Л. *Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе*. М.: Политиздат, 1991.

В этом споре побеждают «диалектики», но ненадолго. Уже в 1930-е им на смену приходят так называемые «ленинцы», отличавшиеся от учеников Деборина только подчеркиванием партийности в философии. В результате происходит отождествление законов истории и даже законов развития материи с партийными установлениями. В послевоенный период на официальном уровне «ленинская» версия диалектического материализма (пусть и в ослабленной форме) просуществует до самого конца СССР. Однако, если не считать оттепельного «творческого» марксизма, о котором речь пойдет позже и подробнее, диалектическая мысль в этот период перестает быть марксистской вообще. Бывшие сторонники диалектического материализма переходят на позиции позитивизма или экзистенциализма, а место коммунистической политики Абсолюта занимают технократическая реал-политика и индивидуалистический экзистенциальный стоицизм. Таким образом, хотя между онтологией и политикой нет прямой связи, тем не менее ошибки в интерпретации материалистической диалектики ведут в истории реального социализма также к отказу от коммунистической политики.

Хотя между онтологией и политикой нет прямой связи, тем не менее ошибки в интерпретации материалистической диалектики ведут в истории реального социализма к отказу от коммунистической политики.

Похожий процесс происходит и в западном марксизме. Дьёрдь Лукач критикует сведение диалектики к трем законам развития материи. Более того, следуя за Гегелем, он понимает Абсолют как тождество субстанции и субъекта. Однако сам он помещает на место Абсолюта осознавший свою историческую миссию пролетариат²². Именно вменение пролетариату сознания должно привести к радикальному разрыву в истории, к прыжку из царства необходимости в царство свободы. Если же этот переход не осуществляется, то это проблема не мешающих объективных обстоятельств, а недостатка революционной воли у субъекта. Теодор Адорно и другие представители критической теории, заимствуя методологические ходы Лукача, отказываются от его фихтеанского субъективного радикализма: Адорно, в частности, видит в нем апологию насилия²³.

22 Лукач Д. *История и классовое сознание*. М.: Логос-Альтера, 2003. С. 236–302.

23 Адорно Т. *Негативная диалектика*. М.: Научный мир, 2003.

Тем не менее, настаивая на первичности и нередуцируемости объекта, Адорно ставит под вопрос саму возможность революционного субъекта и связанной с ним политики. Критика революционного насилия ведет его к признанию, что утопический потенциал содержится в модернистском искусстве, а не в организованной партийной политике. Завершается история критической теории тем, что ученик Адорно, Юрген Хабермас, возвращается к неокантианскому либерализму²⁴.

В послевоенной французской философии Луи Альтюссер предпринимает попытку дать материалистической диалектике другое начало, альтернативное как советскому диамату, так и критической теории. Для этого, опираясь на достижения фрейдовского и лакановского психоанализа, он создает теорию сверхдетерминации²⁵. Однако весь подрывной потенциал этой теории блокируется тем, что Альтюссер отождествляет субъекта с результатом работы аппаратов идеологической интерпелляции. Поэтому альтюссеровская материалистическая диалектика оказывается, как справедливо указывают ее критики, либо марксистской версией функционализма²⁶, либо алеаторно-материалистическим оправданием реал-политики в духе Макиавелли²⁷.

Уже после Альтюссера, в наследующей структурализму мысли марксизм сводится либо к неисполнимому мессианическому обещанию²⁸, которое тем не менее следует удерживать, либо к акселерационистской теории неизбежной победы рабочей силы над Капиталом и множества над Империей²⁹. Однако и в том и в другом случае происходит отказ от политики: Деррида замещает политику этикой, а Негри – стихийным экономико-техническим развитием. Таким образом, так же, как и в случае советского марксизма, неспособность материалистической диалектики мыслить Абсолют как тождество субстанции и субъекта ведет к неизбежному отказу от коммунистической политики. Поэтому, когда Лифшиц (так же, как Жижек и Бадью после него) возвращается к проблеме Абсолюта в рамках материалистической диалектики, он также пытается дать новое дыхание политике, основанной на коммунистической идее.

24 ХАБЕРМАС Ю. *Философский дискурс о модерне*. М.: Весь мир, 2003.

25 АЛЬТЮССЕР Л. *За Маркса*. М.: Практис, 2006. С. 127–170.

26 В частности, такая критика структуралистского марксизма была распространена среди представителей Франкфуртской школы. См.: СЧМІДТ А. *History and Structure*. Cambridge; London: MIT Press, 1983.

27 Опасность превращения коммунистической идеи в реал-политику неизбежно возникает в результате отказа от телеологии.

28 ДЕРРИДА Ж. *Призраки Маркса*. М.: Логос-Альтера, 2006.

29 НЕГРИ А., ХАРДТ М. *Империя*. М.: Практис, 2004.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕНИНИЗМ³⁰

Философские исследования, которыми Михаил Лифшиц занимается в 1920–1930-е, прежде всего сосредоточены на эстетике и философии искусства. Конечно, за эстетическими рассуждениями Лифшица уже скрывается его собственная философия истории и онтология. Тем не менее на первый план проблема материалистической диалектики выходит в работе Лифшица уже в послевоенный период. Во многом это связано с его полемикой против оттепельного «творческого» марксизма, с которым в какой-то момент были связаны его надежды на обновление философии реального социализма. Пожалуй, наиболее близким мыслителем этого поколения для Лифшица является Эвальд Ильенков. Судя по всему, Лифшиц воспринимает Ильенкова в качестве философского продолжателя своих эстетических исследований 1930-х (и всего течения, сформировавшегося вокруг Лифшица и Лукача)³¹. Поэтому их расхождение в отношении к проблеме идеального вызывает у Лифшица болезненную реакцию, заставившую его сформулировать основные черты собственного понимания материалистической диалектики.

Критика оттепельного поколения марксистов в адрес диалектико-материалистической ортодоксии заключается в несоответствии этой последней одиннадцатому тезису Маркса о Фейербахе³². Диалектический материализм рассуждает о природе, развивающейся по диалектическим законам, но ничего не говорит об изменении мира. Или, если точнее, изменение мира в рамках советского диалектического материализма происходит, но оно является «законом» этого мира, его позитивным свойством. Так или иначе, для оттепельных марксистов официальный диалектический материализм представляется своеобразной натурфилософией («динамическим спинозизмом»), лишенным практического и политического измерения. Поэтому их ответ на натурфилософский диалектический материализм заключается в понимании материалистической диалектики как теории деятельности. Сергей Мареев полагает, что оттепельный «творческий» марксизм опирается в своих наработках прежде всего на

30 Термин «онтологический ленинизм» сегодня иногда использует для описания своей философской позиции Йозель Регев. Я же заимствую его у Лешека Колоковского, который так определяет философию Эрнста Блоха в одной из глав его истории марксизма. См.: КОЛАКОВСКИ L. *Main Currents of Marxism. Vol. 3.* Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 421–450. Вообще Эрнст Блох, несмотря на разногласия с Лифшицем по поводу эстетики, является самым близким для него онтологическим мыслителем в западном марксизме.

31 «Течением» принято называть круг советских интеллектуалов, собравшихся вокруг Михаила Лифшица, Дьёрдя Лукача и журнала «Литературный критик» в 1930-е.

32 Здесь и далее я опираюсь на противопоставление диамата и «творческого» марксизма, осуществленное Сергеем Мареевым, см.: МАРЕЕВ С. Н. *Из истории советской философии: Лукач–Выготский–Ильенков.* М.: Культурная революция, 2008. С. 127–184.

раннюю книгу Дьёрдя Лукача «История и классовое сознание», которая в это время снова входит в интеллектуальную моду, и на культурно-историческую психологию Льва Выготского. Однако влияние эстетических работ Лифшица и его соратников в 1930-е также не нужно недооценивать.

Насколько можно судить по дневниковым записям, Лифшиц также не испытывает особенной симпатии к советскому официальному диалектическому материализму. В 1930-е он называет Деборина и его школу катедер-марксистами, справедливо намекая на то, что их онтология ближе к немецкой университетской социал-демократии, а не к революционному ленинизму³³. В 1960-е же он доходит до того, что описывает тогдашних сторонников диалектико-материалистической ортодоксии как «старых шимпанзе, держащихся за скалы»³⁴. Однако он также видит опасную тенденцию в оттепельном «творческом» марксизме. Критика динамического спинозизма с марксистских позиций может вести к реабилитации фикштанства. Иными словами, отказ от отождествления Абсолюта с природной субстанцией влечет за собой риск абсолютизации деятельности коллективного человеческого субъекта.

Именно это с точки зрения Лифшица происходит в тот момент, когда Эвальд Ильенков утверждает, что идеальное является результатом человеческого преобразования природы, а не свойственно природе самой по себе. Возникает соблазн противопоставления разумного активного человеческого субъекта и неразумной пассивной природы, являющейся всего лишь материалом для его деятельности. В таком случае, как полагает Лифшиц, мы больше не можем говорить об объективности идеального, поскольку ссылки Ильенкова на коллективную деятельность означают только то, что идеальное в его понимании связано с коллективным, а не индивидуальным субъектом. Тем не менее коллективная субъективность остается субъективностью. Поэтому Лифшиц в посмертно опубликованной рукописи «Диалога с Ильенковым» обвиняет представление об идеальном Ильенкова в «гегельянской богдановщине»³⁵.

Мы знаем из опубликованной переписки Лифшица, что он видит в этой субъективизации Ильенковым идеального следы влияния психологов, «не понимающих в диалектике»³⁶. В отношении Ильенкова, однако, обвинения в «богдановщине» не являются сколько бы то ни было оправданными. В посмертно опубликованной работе «Ленинская диалектика и метафизика

АНТОН СЮТКИН
МАРКСИСТСКАЯ
КОНТРЕФОРМАЦИЯ...

33 Лифшиц М.А. *Надоело. В защиту обыкновенного марксизма*. М.: Искусство – XXI век, 2012. С. 47.

34 Цит. по: Лифшиц М.А., Лукач Д. *Переписка*. М.: Grundrisse, 2011. С. 249.

35 По крайней мере такую интерпретацию дает Виктор Арсланов, см.: *Михаил Александрович Лифшиц / Ред. В. Арсланов*. М.: РОССПЭН, 2010. С. 225.

36 Там же. С. 330.

позитивизма» Ильенков сам критикует современную ему философскую ситуацию в Советском Союзе как скрытую «богдановщину» вполне в духе Лифшица. Тем не менее большинство оттепельных «творческих» марксистов, действительно, в результате своей идейной эволюции отказываются от марксизма, подтверждая диагноз, вынесенный Лифшицем. В конце 1960-х Александр Зиновьев и Георгий Щедровицкий от анализа диалектики «Капитала» переходят к чисто позитивистским исследованиям. Мераб Мамардашвили обращается от диалектического анализа превращенных форм к экзистенциалистской проблематике. Вадим Межуев начинает заниматься культурологией в неокантианском ключе. Генрих Батищев делает выбор в пользу экзистенциальной религиозной мысли, а Юрий Давыдов – консервативной социологии.

Лифшиц в споре с Ильенковым доказывает необходимость для материалистического диалектика (и «обыкновенного марксиста») мыслить идеальное в качестве объективного, свойственного самой природе. Однако сразу же возникает подозрение: не ведет ли это материалистическую диалектику в сторону объективного же идеализма? Лифшиц, конечно, ссылается на Ленина, утверждающего в «Материализме и эмпириокритицизме», что автономная нечеловеческая природа является абсолютной истиной материалистической диалектики³⁷. Но на деле Лифшиц идет гораздо дальше Ленина. В рукописи «Диалога с Ильенковым», в частности, он призывает материалистов брать уроки диалектики не только у Гегеля, но также и у Платона. Более того, в одном из дневниковых фрагментов, опубликованных в сборнике «Varia»³⁸, он усиливает эту мысль, сравнивая объективное идеальное с «максимумом всех вещей» средневекового неоплатонического диалектика Николая Кузанского. Таким образом, Лифшиц не просто возвращается от марксизма к немецкому идеализму, как полагают многие критики и комментаторы, он укореняет свое понимание материалистической диалектики в неоплатонической традиции. Иными словами, мы имеем дело со своеобразной контрреформацией материалистической диалектики.

Лифшиц тем не менее не разделяет платоновской веры в мир идей или аристотелевского представления о родовидовой иерархии бытия. Скорее он следует за ренессансными неоплатониками, отождествляющими идеальное не с иерархической структурой бытия, а с его творческой мощью³⁹. Иными

37 Ленин В. *Материализм и эмпириокритицизм*. М.: Издательство политической литературы, 1984.

38 «Верить ли ты в Бога? Я верю в максимум всех вещей» (Лифшиц М.А. *Varia*. С. 57).

39 Виктор Арсланов пишет о важности для Лифшица такого понятия, как «заем бесконечности», имеющего очевидное неоплатоническое происхождение. Цит. по: Лифшиц М.А. *Диалог с Ильенковым*. (*Проблема идеального*). С. 334.

словами, природа сама по себе не является разумной – разумность содержится в ней в качестве внутренней потенции, которая только должна быть реализована. Лифшиц еще называет такую потенциальную разумность «отражаемостью» или «зеркальностью мира»⁴⁰. Но само понятие «отражения» для него является всего лишь материалистическим, заимствованным у Ленина, синонимом для гегелевской рефлексии.

Таким образом, подводя промежуточный итог, можно зафиксировать следующее: представление Лифшица об объективности идеального означает стремление природы к саморефлексии. Сначала это стремление ищет формы для выражения себя стихийно и случайно. Однако, проходя ступень за ступенью внутреннего эволюционного процесса, природа порождает человека как субъективный орган такой саморефлексии. Поэтому Андрей Муравьев в своей работе о Лифшице справедливо указывает на близость его материалистической диалектики к шеллинговской натурфилософии⁴¹. Более того, именно шеллингианство (сознательное или нет) позволяет Лифшицу создать онтологическую версию ленинизма. Субъект вносит в стихийное развитие природы такую же организованность, как большевистская партия в пролетарскую политику. Преобразовательная деятельность человека, так высоко ценимая «творческими» марксистами, действительно важна, но в качестве саморефлексии природы. Исходя из этого Лифшиц дает собственную интерпретацию одиннадцатому тезису Маркса о Фейербахе: человек должен не менять мир, а помогать миру, изменяющему самого себя.

АНТОН СЮТКИН
МАРКСИСТСКАЯ
КОНТРЕФОРМАЦИЯ...

Субъект вносит в стихийное развитие природы такую же организованность, как большевистская партия в пролетарскую политику. Преобразовательная деятельность человека, так высоко ценимая «творческими» марксистами, действительно важна, но в качестве саморефлексии природы. Человек должен не менять мир, а помогать миру, изменяющему самого себя.

Также в шеллингианской перспективе становится понятным отличие онтологического ленинизма Лифшица от официально ленинизма 1930-х (то есть от сталинской версии диалектического материализма). «Ленинцы» Марк Митин и Павел Юдин,

⁴⁰ Там же. С. 189.

⁴¹ МУРАВЬЕВ А.Н. Михаил Лифшиц и Эвальд Ильенков: незавершенный диалог по проблеме идеального (<https://umozrenie.com/?p=2475>).

так же, как Лифшиц, выступают за введение в диалектико-материалистическую философию ленинского принципа партийности. Однако, как замечает Дьёрдь Лукач, бывший в 1930-е соратником Лифшица, ошибка «ленинцев» состоит в том, что они пытаются соединить объективные закономерности и партийную волю без какого-либо опосредования между ними⁴². В результате происходит не субъективное отражение объективно существующих тенденций, а придание партийной воле характера абсолютного закона. Именно в этом состоит катастрофа сталинизма. Однако Лифшиц и Ильенков, продолжая мысль Лукача, указывают, что «ленинцы» 1930-х не были ленинцами как таковыми: отождествление партийной воли с абсолютным законом – это ересь Богданова.

Лифшиц же, напротив, прилагает массу усилий, чтобы избежать абсолютизации субъекта. В рукописи «Диалога с Ильенковым» он проводит различие между «большим бытием» и «малым бытием»⁴³. Под «большим бытием» он понимает саму природу, стремящуюся к саморефлексии, но еще не полностью оформленную. В свою очередь «малое бытие» означает для Лифшица отдельный участок природы, представляющий собой совокупность вещей. Если бы бытие сводилось только к «малому бытию», то человек не смог бы стать свободным и разумным субъектом, он был бы только вещью среди других вещей. Только присутствие «большого бытия» среди всего множества вещей дает человеку возможность над ними подняться и обрести способность к саморефлексии. Однако если бы «малого бытия» не было, то существование человека тоже не имело бы никакого смысла, он просто растворился бы в бездне абсолютной неразличенности. Свобода и разумность возникают в мире благодаря тому, что между «большим бытием» и «малым бытием» всегда сохраняется щель, минимальное различие, мешающее их схлопыванию. Поэтому идеальное никогда для Лифшица не совпадает полностью с реальным, оно лишь стремится к такому совпадению как к идеалу.

Но не поддается ли Лифшиц другому соблазну, прямо противоположному «ленинцам» 1930-х? Если Абсолют – это всегда тождество субстанции и субъекта, то не сводит ли Лифшиц Абсолют к субстанции, пусть динамичной и рефлексивной? По крайней мере именно в этом с точки зрения Гегеля (и позднего Шеллинга) состоит ограниченность шеллинговской натурфилософии. В ее рамках единственным подлинным субъектом является сама природа – человеческий субъект выступает в качестве ее органа, средством осуществления ее саморефлексии.

42 Лукач Д. Из письма А. Карочки. Цит. по: Дьёрдь Лукач о сталинизме (<https://vk.com/@marksnsk-derd-lukach-o-stalinizme>).

43 Лифшиц М.А. Диалог с Ильенковым. (Проблема идеального). С. 189, 172.

Точно так же субъект у Лифшица является полномочным представителем «большого бытия» внутри многообразной фактичности вещей. Более того, у приоритета субстанции над субъектом в материалистической диалектике Лифшица есть не только философские, но и политические следствия, связанные с его пониманием коммунистической идеи.

АНТОН СЮТКИН
МАРКСИСТСКАЯ
КОНТРЕФОРМАЦИЯ...

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ СПАСЕНИЯ ПРОШЛОГО

В перспективе онтологического ленинизма Лифшица его эстетические и «историософские» рассуждения 1930-х приобретают черты целостного проекта, начало которого связано с разочарованием в линейном представлении о прогрессе раннего советского исторического материализма. В рамках его абстрактной схемы само событие октябрьской революции оказывается крайне противоречивым. Революция означает эпохальный переход от капитализма к социализму, происходящий под воздействием железных законов исторического развития. То, что после революции социалистическое общество не возникает (а это было общим местом среди марксистов 1920-х)⁴⁴, с точки зрения прогрессистского исторического материализма свидетельствует о том, что сама революция является ошибкой, забеганием вперед, имеющим катастрофические последствия. Подлинная социалистическая революция должна произойти в центре капиталистической миросистемы, а не на ее аграрной полупериферии.

Лифшиц решает в своих текстах 1930-х двойную задачу. С одной стороны, он сохраняет верность событию октябрьской революции и стремится пересмотреть абстрактную прогрессивную схему исторического материализма своего времени. С другой стороны, важнейшим моментом его рассуждений является рефлексия по поводу очевидного несоответствия между действительностью и идеалом в постреволюционном Советском Союзе. Самым заметным результатом его работы в этот период становится издание сборника, посвященного эстетике Карла Маркса. Лифшиц делает подборку текстов Маркса об искусстве, сопровождая ее своим комментарием⁴⁵. В итоге читатель убеждается в том, что для Маркса нет строго детерминизма в отношениях между экономическим базисом и эстетической надстройкой: Маркс ставит античное искусство, развивавшееся в рабовладельческом обществе, выше, чем искусство буржуазной эпохи. Иными словами, вместо линейного прогресса

⁴⁴ Лифшиц ссылается в данном случае на дискуссии, которые велись в Институте Маркса и Ленина под руководством Давида Рязанова.

⁴⁵ *Маркс и Энгельс об искусстве* / Сост. М.А. Лифшиц, Ф.П. Шиллер. М.: Советская литература, 1933.

в эстетической области мы имеем дело со сложным процессом переходящих друг в друга прогресса и регресса.

Одновременно с этим Лифшиц обращается к наследию таких философов истории, как Джамбаттисто Вико, чтобы произвести диалектическую критику абстрактного прогрессизма⁴⁶. В философии истории Вико Лифшица привлекает его борьба против просвещенческих абстракций. Как представитель проигравшего итальянского народа, от величия которого ко времени его жизни остались только воспоминания, Вико лучше, чем философы-просветители, видит противоречия исторического развития. В борьбе с «тьмой» средневековых предрассудков философы-просветители отстаивают идею линейного и равномерного прогресса. Проблема, однако, заключается в том, что каждое движение вперед имеет свою цену и влечет за собой множество потерь. Осознание этого факта ведет Вико к принятию пессимистической теории круговорота: в истории за всяким ростом следует неизбежный упадок. Божественная, героическая и человеческая история сменяют друг друга в жизни человечества так же, как детство, зрелость и старость в жизни отдельного человека. Поэтому завершением исторического развития оказывается не торжество разума и справедливости, а смерть (цивилизации или человека), возвращающая к начальной точке движения. Лифшиц считает, что в этих рассуждениях Вико содержатся зачатки диалектического мышления, позволяющие пересмотреть просвещенческие абстракции советского исторического материализма, но они не получают еще у него должно развития.

Развитие диалектической философии истории Лифшиц находит у Гегеля, которого на этом этапе он воспринимает прежде всего как исторического мыслителя, отстаивавшего необходимость примирения с действительностью. В биографии самого Гегеля «примирение с действительностью» происходит в его переходе от раннего романтического республиканства к позднему консервативному государственническому либерализму. Большинство исследователей оценивают этот переход как предательство революционных идеалов юности со стороны взрослого человека, делающего государственную карьеру. Лифшиц, однако, подчеркивает другую сторону этого перехода. Он цитирует слова Сен-Симона о том, что за эпохой революционных экспериментов (имеется в виду эпоха Французской революции и наполеоновских войн) с необходимостью следует эпоха созидания «положительной системы»⁴⁷. В философской апологии прусского государства Лифшиц видит попытку создания Гегелем такой позитивной системы, которая возникает после

⁴⁶ Лифшиц М. А. *Джамбаттисто Вико* (www.gutov.ru/lifshitz/texts/viko.htm).

⁴⁷ Он же. *О Гегеле*. М.: Grundrisse. С. 59.

революционной работы негативности. Такая позитивная система, следовательно, представляет собой не только предательство революции, но и своеобразное осуществление ее внутренней истины.

Разрушая старый порядок, революция привносит в жизнь новые принципы общественной жизни, более прогрессивные, чем прежние. Тем не менее на первом этапе революции эти принципы остаются абстрактными и, следовательно, террористическими: Лифшиц, неожиданно ссылаясь на Эдмунда Бёрка, одного из главных консервативных критиков Французской революции, отождествляет «голые абстракции» и политику террора⁴⁸. Революция осуществляет свою истину только на втором этапе, когда ее принципы входят в «плоть и кровь» ежедневного существования общества, тем самым давая начало новой позитивной системе. Согласно Гегелю, второй этап революции представляет собой примирение с действительностью, которое может выглядеть как формально реакционное, но на содержательном уровне продолжающее революцию другими средствами. Шаг вперед Гегеля по отношению к Вико заключается в том, что смена прогресса и регресса, революции и реакции для него не означает бесконечного возвращения к изначальному состоянию. Напротив, реакция может осуществлять истину революции, а относительный регресс служит упрочнению результатов прогрессивного движения. Проблема гегелевской диалектики состоит для Лифшица в том, что примирение с действительностью требует предательства революции, пусть и для осуществления ее собственной истины.

Материалистическое присвоение гегелевской логики истории, напротив, заключается в том, чтобы оба такта исторического процесса, революцию и реакцию, осуществить внутри самой революции. Для этого должен появиться собственный революционный Термидор. Здесь Лифшиц опять опасно приближается к апологии сталинизма, но все дело состоит в минимальных различиях, имеющих серьезные последствия.

Для Лифшица смысл октябрьской революции определяется в споре двух тенденций, представленных старыми партийными товарищами-соперниками – Богдановым и Лениным⁴⁹. Богданов, возглавлявший Пролеткульт и влиявший на множество радикально левых интеллектуалов и художников, настаивает на понимании революции как полного разрыва со старой культурой. Цель Пролеткульта, соответственно, состоит в создании совершенно новой культуры, построенной на пролетарской

⁴⁸ Он же. *Varia*. С. 79.

⁴⁹ Спору Богданова и Ленина о пролетарской культуре посвящена статья: Чехонадских М. *Товарищи прошлого: советское Просвещение между утверждением и отрицанием* (<http://crisiscritique.org/2017/november/Maria%20Chehonadskih.pdf>).

классовой основе⁵⁰. Исходя из этого Лифшиц видит в «богдановщине» отказ от понимания коммунизма как новой положительной системы, превращающий его в чисто негативный мелкобуржуазный бунт.

Ленин, напротив, в своих поздних статьях «Лучше меньше, да лучше»⁵¹ и «О пролетарской культуре»⁵² подвергает критике «абстрактное замещение старого новым», пропагандируемое Пролеткультом, и определяет пролетарскую культуру как квинтэссенцию всей предыдущей культуры. С точки зрения Ленина Пролеткульт пытается создать партикулярную (а следовательно, эгоистическую) классовую идеологию, в то время как подлинной марксистской целью является присвоение всего накопленного человечеством культурного опыта, неважно – буржуазного или феодального. Поэтому за революцией должно следовать не террористическое разрушение прошлого, а его сохранение и переосмысление.

В споре двух большевистских тенденций Лифшиц полностью стоит на позиции Ленина⁵³. Он отождествляет первый этап революции с массовым восстанием против классовой культуры, целью которого является уничтожение частной собственности и угнетения одного человека другим. Однако вместе с классовой культурой под ударом находится также весь накопленный человечеством культурный опыт, а его разрушение ведет к формированию казарменного, уравнительного коммунизма, представляющего собой изнанку классовой культуры. Поэтому важнейшей задачей первого революционного этапа для Лифшица является проведение различия между разрушением классовой культуры (частной собственности и угнетения) и разрушением всего культурного наследия.

Второй этап революции, этап относительного регресса и восстановления прошлого, Лифшиц связывает с ленинской политикой присвоения всего наследия человеческой культуры. На этом этапе революции возникает угроза, свойственная Термидору: за восстановлением культуры прошлого может последовать и восстановление его политической формы. Таким образом, главной задачей оказывается удержание различия между возвращением мировой культуры и возвращением буржуазного или даже феодального порядка. Лифшиц указывает на взаимозависимость двух этих этапов: без сохранения мировой культуры массовое восстание закончится казарменным коммунизмом, но без массового восстания мировая культура останется запертой в рамках классового устройства. Револю-

50 Богданов А. *О пролетарской культуре 1904–1924 гг. Сборник статей.* Л.; М., 1924.

51 Ленин В.И. *Последние письма и статьи.* М.: Политиздат, 1977. С. 71.

52 Он же. *Полное собрание сочинений.* М.: Издательство политической литературы, 1981. Т. 41. С. 337.

53 Лифшиц М.А. *Собрание сочинений: В 3 т.* М.: Изобразительное искусство, 1988. Т. 3. С. 259–285.

ция в понимании Лифшица должна стать спасением прошлого, всей мировой культуры, которая в классовом обществе обречена на то, чтобы оставаться ограниченной⁵⁴.

В советской культуре конца 1930-х эту дифференциацию, однако, произвести не удается. Поздний сталинизм реконструирует традиционную российскую имперскую культуру, пренебрегая универсалистским измерением коммунизма. В итоге сам Лифшиц в это время подвергается официальной критике сразу по двум пунктам: за немарксистскую теорию круговорота и за интернационализм.

Тем не менее, несмотря на поражение Лифшица в 1930-е, идея коммунистического спасения прошлого сохраняется в его поздних исследованиях. Более того, освобождаясь от слишком тесной связи со сталинизмом, она приобретает универсальное значение. В дневниковых записях Лифшица она теперь описывается как идея *Restauratio Magna*, «великого восстановления» культуры⁵⁵. Лифшиц находит намек на эту идею даже в «Коммунистическом манифесте», в котором Маркс пишет о капитале как о разрушающей сообщество силе, а о революции, соответственно, как силе, его восстанавливающей. Таким образом, *Restauratio Magna* из стратегий культурной политики превращается в коммунистическую политику Абсолюта.

История представляется Лифшицу в рамках проекта *Restauratio Magna* движением в порочном круге между двумя крайностями, которые могут иметь разные имена: иррационального мифа и просвещенческой абстракции, бесконечного круговорота и механического линейного прогресса, консервативного террора Старого порядка и революционного террора якобинцев. Лифшиц настаивает на существовании тайного сговора между этими «противоборствующими церквями»: порочный круг истории представляет собой парадоксальное тождество противоположностей⁵⁶. В этом он сходится с Адорно и Хоркхаймером, утверждавшими, что Просвещение в борьбе с иррациональным мифом само становится мифологией, но выраженной в рассудочной форме. Однако, отчасти сближаясь с анализом Просвещения Адорно и Хоркхаймера, Лифшиц совершенно не разделяет их политического пессимизма.

Онтологический ленинизм с его представлением об идеальности самого бытия заставляет Лифшица искать выход из порочного круга истории. Он указывает на щель между двумя крайностями, препятствующую их полному отождествлению:

54 Лифшиц любит цитировать фразу Александра Герцена из его полемики с Бакуниным о том, что «революция должна стать силой хранительной» (Герцен А.И. *Сочинения: В 2 т.* М.: Мысль, 1985–1986. Т. 2. С. 533–550).

55 Лифшиц М.А. *Что такое классика?* М.: Искусство – XXI век, 2004. С. 26.

56 Адорно Т., Хоркхаймер М. *Диалектика Просвещения.* М.: СПб., 1997.

порочный круг не замкнут, а, следовательно, человечество не обречено на бесконечное движение внутри него. Античный полис является таким историческим чудом выхода из порочного круга, благодаря щели между мифической древностью и расудочной современностью. Другим историческим чудом для Лифшица оказывается итальянское Возрождение, возникающее после упадка феодального общества и до бурного развития капиталистических отношений. Лифшиц видит в коммунизме третью попытку выхода из порочного круга после Античности и Возрождения. Попытку, более радикальную, поскольку античная культура была собственностью рабовладельческой аристократии, возрожденческая культура – торговой олигархии, а возникающая коммунистическая культура является (или по крайней мере должна быть) всеобщим достоянием.

Вместе с тем у проекта *Restauratio Magna* сохраняется и собственно политический смысл. В послевоенное время, когда реальный социализм переживает тяжелейший кризис, Лифшиц – так же, как и Ильенков⁵⁷, – видит возможный выход из этого кризиса в возвращении к НЭПу⁵⁸. Парадоксальным образом философы-гегельянцы, сохраняющие верность коммунизму как политике Абсолюта, выступают в это время за частичную реабилитацию рыночной экономики. С их точки зрения радикальное внешнее отрицание частной собственности, осуществленное в Советском Союзе, приводит не к ее исчезновению, а к появлению государственной частной собственности и «черного рынка». Иными словами, государство, пытаясь избавиться от рынка, само заражается логикой частных интересов, не преодолевая рынка как такового, а только вытесняя его в преступную область. Проблема заключается, таким образом, в том, что «вытесненный» рынок в полном соответствии с психоаналитической логикой становится бессознательной внутренней истиной репрессивного казарменного коммунизма. Следовательно, для подлинного коммунистического преодоления рынка требуется его легализация. Кроме того, такая легализация позволит государству также освободиться от рыночных функций: государство как инстанция всеобщего будет регулировать частные рыночные интересы.

Можно сказать, что Лифшиц в послевоенный период видит выход в создании советской версии социального государства. То есть он отказывается от идеи достижения коммунизма как бесклассового общества с помощью одного исторического рывка, поскольку такой рывок неизбежно завершается террором и казарменным коммунизмом. Чистый прогресс в данном случае оказывается невозможным, поэтому как гегельянец и левый

57 Ильенков Э.В. *Письма Юрию Жданову* (<http://caute.ru/ilyenkov/texts/epis/zhdanlib.html>).

58 Арсланов В.Г., Лагуев А.С. *Михаил Лифшиц*. СПб.: Умозрение, 2021. С. 193.

консерватор он считает необходимой легализацию рынка в качестве относительного регресса, делающей возможным более устойчивое дальнейшее прогрессивное развитие истории. Но так же, как в 1930-е, идея Лифшица терпит поражение: легализация рынка происходит не в конце 1960-х, а во время перестройки и приводит не к возникновению советского социального государства, а к «реставрации Бурбонов»⁵⁹, которой он пытался всеми силами противостоять.

АНТОН СЮТКИН
МАРКСИСТСКАЯ
КОНТРЕФОРМАЦИЯ...

Государство, пытаясь избавиться от рынка, само заражается логикой частных интересов, не преодолевая рынка как такового, а только вытесняя его в преступную область. Проблема заключается в том, что «вытесненный» рынок становится бессознательной внутренней истиной репрессивного казарменного коммунизма. Для подлинного коммунистического преодоления рынка требуется его легализация.

Будущее материалистической диалектики

Сегодня, после завершения истории реального социализма, материалистическая диалектика Лифшица снова освобождается от ограниченности эпохи, в которой она появляется. Полемика с другими советскими марксистами, проблема культурной политики 1930-х и попытка найти философский выход из политического тупика реального социализма отходят на второй план. Более того, сама риторика Лифшица, связанная с соединением гегелевской диалектики и ленинизма, кажется данью времени. Таким образом, возникает вопрос: что остается от материалистической диалектики Лифшица после краха политической действительности, которую она пытается осмыслить и возводить к разумности?

Как кажется, главное философское достижение Лифшица заключается в попытке вернуть марксизму абсолютное содержание. В советском контексте он героически сражается против сведения материалистической диалектики к спинозистской диалектике природы и фихтеанской теории деятельности. В понимании Лифшица марксистская материалистическая диалектика становится теорией Абсолюта – порождающей силы природы,

59 Лифшиц М.А. *Varia*. С. 101.

которая оформляется в человеческой деятельности субъекта. Таким образом, коммунистическая политика далеко выходит за пределы социологической борьбы частных интересов, приобретая натурфилософское значение. Лифшицу удается спасти коммунистическую идею от ее сведения к технократическому администрированию, циничной реал-политике и экзистенциальному протесту. Однако у этого спасения также есть своя цена.

Лифшиц возвращается к теории Абсолюта в рамках материалистической диалектики, сводя марксизм к практической версии немецкого идеализма и даже неоплатонической натурфилософии. Иными словами, он делает в своей теории несущественным «революционный перелом в мышлении XIX века»⁶⁰, связанный с кризисом немецкого идеализма. Марксизм для Лифшица – это не теория подозрения наряду с фрейдовским психоанализом или ницшеанской генеалогией, а спекулятивная диалектика Гегеля в руках пролетариата. Благодаря этому Лифшиц сохраняет верность коммунистической идее в момент кризиса марксизма, но сводит все развитие философской мысли после Гегеля к иррационализму.

Дьёрдь Лукач, находившийся под влиянием Лифшица, лучше всего выражает эту мысль в своей книге «Разрушение разума»⁶¹. Он выстраивает антигегельянскую линию мыслителей от позднего Шеллинга, через Шопенгауэра и Кьеркегора прямо к Гитлеру. Если коммунизм является политическим выражением гегелевской диалектики, то фашизм, напротив, осуществляет на практике философию иррационализма. Таким образом, мы имеем дело с непримиримым противоречием: коммунизм или фашизм, материалистическая диалектика или иррационализм. Похожим образом в своих памфлетах 1960-х сам Лифшиц противопоставляет классическое и модернистское искусство⁶². Все дело в том, что в философском иррационализме и художественном модернизме происходит забвение Абсолюта, превращающее все бытие в «консервную банку». Для Лифшица ближе оказываются догматические метафизики, отождествляющие Абсолют с высшим Сущим, чем иррационалисты, отрицающие существование Абсолюта вообще.

В материалистической диалектике Лифшица тем не менее есть инструмент, позволяющий осмыслить иррационализм, не отвергая его полностью. Таким инструментом является его теория щели, означающая несовпадение разумного и действительного⁶³. С точки зрения Лифшица эта теория как раз и помогает справиться с панлогистским соблазном гегелевской

60 Левит К. *От Маркса к Ницше: революционный перелом в мышлении XIX века*. СПб.: Владимир Даль, 2002.

61 Лукас Г. *The Destruction of Reason*. London: Merlin, 1980.

62 Лифшиц М. А. *Почему я не модернист?* М.: Искусство – XXI век, 2009.

63 Он же. *Что такое классика?* М.: Искусство – XXI век, 2004. С. 230.

диалектики. Таким образом, догматическая рациональная метафизика прямо отождествляет разумность и действительность, а иррационализм, напротив, делает различие между разумностью и действительностью непреодолимым. Материалистическое динамическое тождество между разумностью и действительностью не сводится ни к тому ни к другому – оно проходит в щель между рационалистической метафизикой и иррационализмом. Иными словами, иррационализм просто является реификацией критики, необходимой, чтобы материалистическая диалектика не полностью совпадала с догматической метафизикой даже в момент реабилитации Абсолюта.

Лифшиц тем не менее не может избежать этой опасности. Его понимание Абсолюта как объективной идеальности самого бытия приводит к преуменьшению значения субъективного измерения. Подлинным субъектом в его материалистической диалектике оказывается порождающая сила природы, человеческая же субъективность оказывается только органом природы, лишаясь тем самым автономии. Поэтому политика, связанная с понятием субъекта, в материалистической диалектике Лифшица также теряет свое значение. Она сводится либо к культурной политике в 1930-е, либо к непубличным проектам реформирования Советского Союза в 1960-е. Более того, все усилия такой политики Лифшица направлены на сохранение реального социализма, выведение его из исторических тупиков и отсрочивание «реставрации Бурбонов». Сегодня же, после того как эта реставрация уже состоялась, лифшицианская версия коммунистической политики Абсолюта не может сохраняться в прежнем виде.

Здесь на помощь может прийти современная материалистическая диалектика Славоя Жижека и Алена Бадью. Разумеется, с точки зрения ортодоксального лифшицианства их позиции также будут иррационалистическими и модернистскими. Жижек, опираясь на собственное понимание Шеллинга, прошедшее через призму лаканианства и гегельянства, утверждает расколотость самого Абсолюта⁶⁴. Именно в точке этого раскола субъект обретает собственную автономию. Однако задача такого субъекта состоит только в переходе за/через фантазм и отождествление с собственным симптомом, совпадающим с симптомом самого Абсолюта. Иными словами, материалистическая диалектика Жижека прежде всего обращает внимание на тождество расколотого Абсолюта и расколотого субъекта. С помощью этого Жижек производит операцию превращения поражения в победу, нехватки бытия – в его полноту. Тем не менее, если мы рассматриваем материалистическую диалекти-

64 Наиболее актуальная версия материалистической диалектики Жижека представлена в его последней «онтологической» книге: ZIZEK S. *Sex and Failed Absolute*. London: Bloomsbury, 2020.

ку Жижека саму по себе, то она рискует превратиться в вид современного стоицизма, трагической мудрости, примиряющейся с несовершенной действительностью.

Обратная проблема имеет место в материалистической диалектике Алена Бадью. Он также, в конечном счете, утверждает расколотость Абсолюта⁶⁵. Прежде всего она выражается в невозможности консистентной репрезентации бытия как такового. Поэтому в каждой ситуации возникает, с одной стороны, репрезентация этой ситуации, превращающая ее в организованное целое, а с другой стороны, – событийный избыток, препятствующий такому превращению. Субъект в материалистической диалектике Алена Бадью берет на себя ответственность за этот незаконный избыток бытия: он именуется им и пересматривает всю ситуацию с точки зрения этого имени. Именно этот процесс, включающий в ситуацию онтологический избыток, Бадью называет истиной. Однако, чтобы избежать опасности превращения своей философии в трагическую мудрость, Бадью проводит строгое различие между человеческим животным, существующим внутри ситуации, и субъектом истины, пересматривающим ее в перспективе события. Отсюда происходят обвинения Бадью в скрытом (нео)кантианстве.

Иными словами, в современной материалистической диалектике разворачивается конфликт между негативной натурфилософией Жижека и утвердительной теорией субъекта Бадью. Каждая по отдельности они вполне соответствуют той критике иррационализма, которую развивают Лукач и Лифшиц в середине XX века. Но, если мы рассмотрим две эти версии материалистической диалектики как части единого целого, то это в корне изменит ситуацию. Материалистическая диалектика Жижека станет теорией слабого расколотого Абсолюта, каждое воплощение которого в конкретной ситуации будет приводить к образованию той или иной его «превращенной формы». В свою очередь материалистическая диалектика Алена Бадью окажется теорией субъекта, задача которого состоит в возвращении этих «превращенных форм» в адекватное состояние, их пересмотр с точки зрения Абсолюта. Так синтез двух современных версий материалистической диалектики становится очень похожим на онтологический ленинизм Михаила Лифшица – с одной небольшой поправкой. Абсолют в данном случае не может быть рассмотрен как Субъект с большой буквы, природа в понимании Жижека и Бадью слишком слаба для этого. Абсолют до субъективного вмешательства присутствует только в собственных «превращенных формах».

65 Нужно отметить, что это является форсированной интерпретацией Бадью. Ему самому она, возможно, показалась бы неприемлемой из-за близости к романтизму, с которым он спорил в эпоху первого тома «Бытия и события». См.: BADIOU A. *Being and Event*. London: Continuum, 2006.

Похожим образом можно прочитать тексты Жижека и Бадью о коммунистической идее в духе Лифшица. В рамках этого прочтения историческое бытование коммунистической идеи представляет собой бесконечную серию из поражений. Восстание Спартака, крестьянские войны Томаса Мюнцера, якобинская политика во время Французской революции, Парижская коммуна и, наконец, советский государственный социализм – все терпят историческую катастрофу. Поэтому целью современной коммунистической политики является спасение прошлого, превращение серии поражений в этапы движения к победе. Однако, в отличие от Лифшица, больше невозможно верить, что «ветер истории»⁶⁶ дует в наши паруса: сохранение и утверждение идеальности бытия, следовательно, требует не только диалектически тонкого пересмотра представления о прогрессе, но прежде всего субъективной решимости.

АНТОН СЮТКИН
МАРКСИСТСКАЯ
КОНТРЕФОРМАЦИЯ...

66 Так Лифшиц называет статью, посвященную юбилею Энгельса, в которой он связывает идею коммунизма с прогрессом, пусть и идущим нелинейным путем, иногда осуществляемый через регресс.

АЛЕКСАНДР
ДМИТРИЕВ

Крот истории в спячке: о закате марксистской теории истории в послесталинском СССР¹

Светлой памяти Антона Свещникова (1968–2021).

Александр Дмитриев
(р. 1973) – исследователь,
сотрудник лаборатории истории науки
и техники Федеральной политехнической школы
в Лозанне (EPFL, Швейцария).

Основной тезис статьи: марксистская теория в 1970-е по обе стороны «железного занавеса» развивалась – в смысле «интеллектуальной гегемонии», по Грамши, – ровно противоположным образом²: если на Западе недавние активисты 1968 года и их единомышленники все больше проникали в академический мейнстрим, то в СССР, как и на востоке Европы, недогматический марксизм так или иначе терял своих бывших искренних, не по обязанности сторонников из среды обществоведов, по-настоящему – по «гамбургскому счету» – сильных. Почему?

Мой вариант объяснения: как очень общая схема всемирно-исторического развития марксизм при Брежневе и Хрущеве продолжал быть значимым и востребованным – отчасти по инерции, отчасти из-за трудности выхода «за флажки» или по незнанию иных теорий, – но переменялся его практический вектор. «Действенная объяснительная сила» теории в приложении именно к «обществу реального социализма» не работала: рабочий класс (возможно, за исключением Польши) не становился субъектом перемен, а интеллигенция (вне цензурного контроля) оказывала предпочтение скорее уже не марксистским, а в 1980-е все чаще – даже не левым идеям. А ведь марксизм первой трети XX века во всех его видах – от Бернштейна и Каутского до Лукача или Сталина – был построен на переводе историософской схематики в политическую практику, на связи двух этих сторон «всепобеждающего учения»: теории прогресса и классовой политики «в интересах трудящихся»³.

1 Выражаю искреннюю признательность Андрею Зорину, Михаилу Велижеву и Тимуру Атнашеву за возможность обсудить положения этой статьи на семинаре по интеллектуальной истории в РАНХиГС в феврале 2018 года.

2 Ср.: *Встреча: Мераб Мамардашвили – Луи Альтюссер*. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2016.

3 См. важную статью о самой метафоре «крота истории»: Будрайтскис И.Б. *Semper in motu: марксизм и метафора «старого крота»* // Социология власти. 2016. № 2. С. 35–61. Этот же образ сотрудник журнала «Вопросы философии», публицист и литератор Владимир Кормер (1939–1986) использовал в заглавии тамиздатского романа конца 1970-х: КОРМЕР В. *Крот истории, или Революция в республике S = F*. Paris: YMKA-press, 1979.

В промежуток между серединой 1950-х и концом 1960-х оживление разных форм марксистской мысли к востоку от тогда же построенной Берлинской стены было связано с поисками некапиталистической альтернативы успешного индустриального и, шире, общественного развития. А после 1968 года и танков в Праге (и атаки Тито и Кадара на марксизм «Праксиса» или учеников Лукача) даже самые утонченные и свободные от вульгаризации разработки марксистской социальной философии в открытой печати все равно тщательно сторонились прямой «политики», особенно трактовок актуального положения государственного социализма. И попытки рассуждать о «потенциале революционного действия» марксизма за предписанными рамками примерно до 1987 года в СССР были весьма гипотетическими, непубличными и в заострении небезопасными. Собственно, желающих напрямую, вопреки прописям из партийных докладов и учебников преобразовывать теоретические схемы в постулаты политического действия оказывалось совсем немного: это очень быстро заканчивалось как минимумом допросом в КГБ (что и случалось в московской интеллигентской среде 1970-х и начала 1980-х)⁴. Течения троцкистского типа с артикулированной критикой господствующей системы слева, на языке «подлинного ленинизма» в позднем СССР хотя и существовали, но были весьма слабы⁵. Идеи такого рода оказались во время перемен второй половины 1980-х показательно беспомощны политически (будь то политэкономы из «Марксистской платформы» в КПСС накануне краха или печатавшийся на Западе в левой печати Борис Кагарлицкий). По сути, советский полуофициальный марксизм (и теория истории как его ядро) был формой идейных представлений «прогрессивного» интеллектуального слоя, со всей амбивалентностью этого реформизма. И в плане социальной философии это был очень странный, как бы намеренно анемичный, точнее, аполитичный и в силу этого, по сути, обреченный на исчезновение – вместе со своей цензурной рамкой – марксизм.

Но внутри советского официального истмата, даже в широком понимании, ни линия «правды людей труда», ни линия просветительской утопии «хорошего общества» интеллектуалов⁶

- 4 Самым громким оказалось дело «молодых социалистов» начала 1980-х (Андрея Фадына, Павла Кудюкина, Бориса Кагарлицкого и других), связанных с академическими институтами: Черкасов П.П. *ИМЭМО: портрет на фоне эпохи*. М., 2004. Гл. 9 («ИМЭМО под ударом (1982 год)»). С. 490–530.
- 5 Казаков Е.А., Рублев Д.И. «Колесо истории не вертелось, оно скатывалось». *Левое подполье в Ленинграде, 1975–1982* // Неприкосновенный запас. 2013. № 5(91). С. 156–175; Козлов Д.С. *Две революции, две составные части политического инакомыслия эпохи «оттепели»* // Социология власти. 2017. № 2. С. 153–177.
- 6 См.: Шенкман Б. *Духовное производство и его своеобразие* // Вопросы философии. 1966. № 12. С. 113–123; *Борис Раббот: шестидесятник, которого не услышали. Статьи. Интервью. Воспоминания*. М.: Р. Валент, 2012.

не могли быть артикулированы в чистом виде, хотя обе они довольно хорошо различимы для тогдашних наблюдателей на Западе или в околодиссидентских кругах. Идеи социальной справедливости (условно первый тип) оказались уже к середине 1980-х апроприированы «уравнителями»-сталинистами (символом этого направления может быть назван Ричард Косолапов), а установки второго типа под лозунгом «возврата в лоно цивилизации» свелись в конечном счете к отказу от идей равенства в пользу неограниченной свободы предпринимательства (тут подходящее воплощение – Александр Ципко)⁷. Но что объединяло двух этих теоретиков – точнее, стоящие за ними «мыслительные линии» – в предыдущие четверть века? Какая идейная рамка, помимо цензурных требований, удерживала их вместе?

Главный импульс моих размышлений – попытка хотя бы в самых общих формах очертить последние фазы эволюции «академического марксизма», сложившегося в СССР к концу 1930-х в весьма специфических социальных и идеологических условиях. Сложилась ли в СССР своя – пусть и очень рыхлая – общая научная и мировоззренческая парадигма как способ видения и описания социальных и исторических процессов, связанная с идеями Маркса и при этом отличимая от идеологической догматики официального марксизма-ленинизма? Можно предположить, что эта общая программа десталинизированного марксизма сопоставима с восточноевропейскими «проторевизионистскими», а затем и с диссидентскими философскими школами вроде «Праксиса» в Югославии, «будапештской школы» учеников Дьёрдя Лукача, единомышленников Лешека Колаковского в Польше⁸, Карла Косика в Чехословакии, Петера Рубена в ГДР. В роли же наиболее масштабных фигур в истории послевоенной советской философии принято упоминать Мераба Мамардашвили, Эвальда Ильенкова и (в последнее десятилетие) Михаила Лифшица или даже Бориса Поршнева. Из всех перечисленных, пожалуй, только Ильенкову удалось уже к концу 1960-х сформулировать контуры связанной с классическим марксизмом и мировоззренчески заостренной «методологической программы», в центре которой лежит деятельностное пони-

7 Ср.: Косолапов Р.И. *Социализм. К вопросам теории*. М.: Мысль, 1979; Ципко А.С. *Некоторые философские аспекты теории социализма*. М., 1983. Я не согласен с точкой зрения Сергея Алымова о советских «реформаторах» как потенциальных поборниках неолиберализма, изложенной им в хорошо документированной статье: Алымов С.С. *О личностях и элементах: позднесоветская социальная философия от марксистского гуманизма к идее Homo sovieticus* // Антропологический форум. 2020. № 47. С. 11–52. Перенос восточноевропейской схемы эволюции «бывших неомарксистов» на советскую почву (SHORE M. *Caviar and Ashes: A Warsaw Generation's Life and Death in Marxism, 1918–1968*. New Haven: Yale University Press, 2006; ВОСКМАН J. *Markets in the Name of Socialism*. Stanford: Stanford University Press, 2011) требует слишком большого числа оговорок и дополнений.

8 См.: Туманин В. *Ежи Топольский как историк. Автореф... дис. кан. ист. наук*. Казань, 2003.

мание сознания и реконцептуализация идей «диалектической логики». Это давало выход и на иные гуманитарные дисциплины, в первую очередь психологию и педагогику. И если к середине 1980-х связанная с идеями Ильенкова постановка базовых проблем во многом потеснила старый схоластический диамат (особенно в стенах академического Института философии), то с истматом в СССР схожего переосмысления/усложнения не произошло – точнее, близкие оттепельные импульсы здесь явно реализовалось по-иному. В тесной связи с новым пониманием общества, включая и его исторические формообразования, читались и методологические работы Мераба Мамардашвили⁹ (включая критику Сартра), и проблемные выступления Генриха Батищева о Марксовой «родовой сущности» человека.

Почему в советской философии и теории истории не случилось своего Ильенкова – крупного мыслителя, сочетавшего бы верность Марксу с готовностью по-новому описать открытый основоположником «континент истории» (Луи Альтюссер)? Самый простой и в целом верный ответ на этот вопрос – неизбежный советский акцент на идеологическую, легитимирующую, а не критическую сторону марксизма, общая идейная стагнация восточного блока, особенно после разгрома Пражской весны. Ведь теория формаций куда ближе к острым и политически заряженным вопросам о социальных основах советского строя, неравенстве, эксплуатации и так далее, чем академическая теория деятельности (или анализ идеального). Но только ли Суслов или Трапезников – известный своим дремучим сталинизмом глава Отдела науки и учебных заведений ЦК в 1965–1983 годах, давний протеже Брежнева – виноваты в довольно бесславном «загнивании» советского истмата?

Советский истмат даже не в самых кондовых его версиях был не просто системой идей (которую в 1970-е думали систематизировать, логически выверить модным «методом восхождения от абстрактного к конкретному», собирали специальные совещания молодых философов и так далее¹⁰). Это еще и преподаваемый во всех вузах страны обязательный курс и масса занятых преподавателей, система повышения квалификации, столичные и региональные сборники статей, обязательные разделы в журналах... И в то же время заметно, что с 1960-х и историки, и социологи, и этнографы пытаются выработать собственные цеховые методологии, независимые (хотя и без деклараций о суверенитете) от исторического материализма.

9 См.: Соколов Е. *Философия передовиц. Мераб Мамардашвили как советский философ* // Логос. 2017. № 6 (<https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-peredovits-merab-mamardashvili-kak-sovetskiy-filosof/viewer>).

10 Наиболее утонченные версии истмата представлены, пожалуй, у Карена Момджяна: Момджян К.Х. *Категории исторического материализма: системность, развитие*. М., 1986. Более расхожей и дидактически ориентированной была попытка систематизации у Владимира Барулина: БАРУЛИН В.С. *Исторический материализм: современные тенденции развития*. М.: Мысль, 1986.

В последние годы Александр Бикбов и его последователи пытаются продуктивно переосмыслить историю советской философии и обществознания как утонченную и непрямую манифестацию происходящих в СССР социальных перемен и эволюции диспозитивов правительности, политики населения и так далее. В этих перспективных эскизах пока, на наш взгляд, недостаточно учтено академическое наполнение процессов «нормализации» и обуржуазивания¹¹ советского общества. В статье речь пойдет о масштабных образах прошлого и теории истории (а не о философии вообще или гуманитаристике в целом), поскольку именно этот ряд сюжетов – далеко не случайно – как будто выпал из поля зрения как в «советологической» истории идей, так и в цеховой истории исторической науки. Теория истории будет пониматься нами в нескольких различающихся по важности, но взаимосвязанных регистрах: в первую очередь как общая концептуализация исторического процесса (или отдельных его фаз); во-вторых, как теория исторического знания; в-третьих, как историософия, или эстетика истории.

Развитие исторической мысли в 1950–1980-е не было, конечно, делом только академических специалистов: в советских условиях на магистральные вехи осознания прошлого влияли и писатели, и деятели культуры (например Леонид Леонов или Сергей Эйзенштейн), но в еще большей степени – руководители идеологических подразделений ЦК КПСС или авторы установочных учебников. Но, в отличие от притязаний на теоретические новации 1920-х или 1930-х, исходивших от политиков первого ранга – Бухарина или Сталина, – новые руководители советской идеологии или кураторы обществоведческих дисциплин были не творцами, но «хранителями ортодоксии»: аккуратными и умеренными специалистами¹² или бывшими партчиновниками, спущенными в более спокойные научные заводы – часто в роли академиков-секретарей соответствующих отделений Академии наук (Михаил Храпченко, Марк Митин, Петр Федосеев, Леонид Ильичев или Федор Константинов). Несмотря на то, что три последних академика оставили после себя труды, так или иначе связанные с историческим материализмом, их сочинения редко упоминались даже в сугубо схоластической литературе или вне ритуального цитирования. Мы не будем упоминать и выходящие «за края» допускаемых дискуссий слишком специальные работы Аверинцева, Баткина а также авторов политического и художественного сам- и тамиздата – ведь ненапечатанными или «рассыпанными» оказался и ряд трудов вполне конвенцио-

11 См.: Бикбов А.Т. *Тематизация личности как индикатор скрытой буржуазности в обществе зрелого социализма // Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге.* М.: Модест Колеров, 2007.

12 MITRONIN N. *Back-office Михаила Суслова, или Кем и как производилась идеология брежневского времени // Cahiers du monde russe.* 2013. Vol. 54. № 3-4. P. 409–440.

нальных обществоведов (например сборник к столетию Ленина со статьей Багищева в секторе методологии истории у Михаила Гелфера – о котором речь пойдет чуть ниже).

За три послесталинских десятилетия в развитии советской теории истории можно в первом приближении выделить три главных полосы развития.

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ
КРОТ ИСТОРИИ В СПЯЧКЕ...

В советских условиях на магистральные вехи осознания прошлого влияли и писатели, и деятели культуры, но в еще большей степени – руководители идеологических подразделений ЦК КПСС или авторы установочных учебников.

В первое десятилетие после смерти Сталина споры по обшей исторической проблематике преимущественно развивались вокруг формационных проблем (или периодизации исторического процесса); часть историков пыталась опереться на политэкономические схемы как последнюю инстанцию в обрисовке исторических закономерностей¹³. В плане историографии в начале 1960-х уровень задавали труды по истории метода – посмертно изданный курс лекций Евгения Косминского¹⁴; ряд работ уже немолодого, весьма знающего и методологически консервативного ленинградского медиевиста Осипа Вайнштейна¹⁵; написанный Игорем Коном очерк новых тенденций в западной философии истории¹⁶, который все же явно уступал давней книге Валентина Асмуса «Маркс и буржуазный историзм» (1933). Характерно, что сам Асмус с начала 1940-х совершенно ушел в чистую историю философии, почти не касаясь прежних социально-философских сюжетов (отчасти эту связь общественных дебатов и историко-философских споров пыталась реализовать в первой половине 1970-х Нелли Мотрошилова).

Толчком в поисках новых теоретических решений стал импульс к усилению идеологической работы в связи с идеей ускоренного коммунистического строительства и одновременно растущая взаимосвязь советского обществоведения с мировой наукой. Сейчас эти тенденции могут казаться противоположно направленными в привычной дихотомии «пропаганда vs.

13 Юдельсон А. *Методологический поиск советских историков в 1960-е гг.: к вопросу об «оттаявшем» во время историографической «оттепели»* // *Образ историографии*. М.: РГГУ, 2001. С. 147–172.

14 Косминский Е. А. *Историография Средних веков (V – середина XIX века)*. М., 1963.

15 См., например: Вайнштейн О. Л. *Теоретические дисциплины истории* // *Труды ЛОИИ*. Т. 10. Ленинград, 1967. С. 7–29.

16 Кон И. С. *Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли*. М., 1959 (полное издание: Кон И. С. *Die Geschichtsphilosophie des 20. Jahrhunderts. Kritischer Abriss. Bd. I–II*. Berlin, 1964).

чистое знание», но в повседневной деятельности советского гуманитария рубежа 1950–1960-х эти полюса были взаимосвязаны и опосредованы друг другом (под знаком востребованности и самореализации). Примером внешнего – властного – импульса может служить работа ученых новой формации над базовым синтетическим и пространственным учебником «Основы марксизма-ленинизма» в конце 1950-х и созыв Всесоюзного совещания по проблемам исторической науки (1962), где главным докладчиком был Борис Пономарев – секретарь ЦК по связям с западными компартиями и редактор новых очерков по истории КПСС, заменивших «Краткий курс».

1960-е стали, вероятно, последним десятилетием синхронного развития марксистской теории по обе стороны «железного занавеса», где главной пружиной оказалось столкновение гуманистического историзма со структуралистскими моделями. При этом соперничающие течения внутри самой марксистской традиции опирались в первом случае на антропологический подход молодого Маркса, а во втором, напротив, – на идеи «Капитала» как образцового сочинения по эпистемологии.

Созданный в академическом Институте истории сектор методологии (во главе с Михаилом Гефтером) и организационное формирование советской социологии (исторической проблематике там были близки Игорь Кон и Юрий Левада), а также активизация коллег-истматчиков из Института философии (Владислав Келле) обеспечили институциональный контур формирования новой теории истории. В Томском университете новый центр изучения историографии и методологии истории (с периодическим выпуском альманаха) основал московский медиевист Александр Данилов; этому амбициозному ученому предстоит сыграть противоречивую и в конечном плане негативную роль в развитии советской медиевистики. Но, наверное, решающим для пересмотра привычных схем «пятичленки» в середине 1960-х стало вмешательство востоковедов и отчасти этнографов: именно они инициировали вторую (после 1920–1930-х) дискуссию об азиатском способе производства, которая ставила под вопрос многие устоявшиеся схемы истмата. Яркими и неординарными были коллективные труды сектора Гефтера «Проблемы истории докапиталистических обществ» (1968) и «Историческая наука и некоторые проблемы современности» (1969). Одной из последних попыток общего и философского, и историко-теоретического смотра марксизма стала книга «Наследие Карла Маркса и проблемы теории общественно-экономической информации» (1974), над которой вместе с истматчиком Келле работали неординарный интерпретатор Канта Юрий Борода и бывший помощник престарелого академика

Деборина¹⁷, историк русской революционной мысли XIX века Евгений Плимак. В этой книге авторы пытались акцентировать многообразие социальных форм в рамках главной Марксовой идеи трех больших «мегаформаций» и, в частности, проблематизировать привычные схемы разложения феодализма как основы будущего буржуазного строя¹⁸. Разумеется, рассуждения о преодоленном в СССР капитализме или выработка идеи «развитого социализма» так или иначе затрагивали не только сугубо теоретические темы, но и вполне злободневные проблемы советского общества: споры с китайской, албанской и югославской компартиями, а позднее и упреки сторонников «еврокоммунизма» в адрес советского прошлого и настоящего.

С рубежа 1960–1970-х сам оттепельный марксизм находится под огнем обвинений в ревизионизме со стороны не столько бдительных чиновников из ЦК, сколько защитников ортодоксии «снизу» – партийных коллег-ученых, приверженных старым положениям. Критика Левады, с его увлечением структурным функционализмом, официальное опровержение тезиса Гефтера о многоукладности дореволюционной России, попытка проработать «Вопросы философии» со стороны активистов из Академии общественных наук при ЦК КПСС, критика «товарников» в политэкономии и атака на структуралистов от истории (статья Данилова в журнале «Коммунист»¹⁹) были не столько скоординированными нападками сталинистов²⁰, сколько попытками подморозить поисковые теоретические увлечения, способные «далеко завести» нелояльных обществоведов-интеллигентов – в ситуации растущего диссидентского движения, с оглядкой на уроки Пражской весны. Но важно отметить, что никакого не допускающего «неоднозначных трактовок» сводного курса или учебника «застойного марксизма», по которому были бы обязаны равняться все обществоведы, так и не появилось.

В плане проблематики исторического сознания и образа истории конца 1960-х обязательно нужно отметить выполнен-

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ
КРОТ ИСТОРИИ В СПЯЧКЕ...

17 Близкий к Плеханову Абрам Деборин, один из изобретателей термина «диалектический материализм» еще до 1917 года, стараниями молодых выдвиженцев-сталинистов вроде Митина и Юдина был подвергнут опале в 1930–1931 годах и увенчан ярлыком главы «меньшевиствующего идеализма». Вопреки всем поношениям Деборин сохранил и жизнь, и кресло академика, а в конце 1950-х, после писем Хрущеву, ему даже удалось издать три компилятивных и мало кем замеченных тома «Социально-политические учения нового и новейшего времени» (М., 1958–1967).

18 Плимак Е. Г. *К характеристике некоторых закономерностей движения буржуазных революций // Принцип историзма в познании социальных явлений*. М.: Наука, 1972. С. 233–287.

19 Данилов А. И. *К вопросу о методологии исторической науки* // Коммунист. 1969. № 5. С. 68–81.

20 Нередко за ними видят фигуру секретаря Московского горкома КПСС по идеологии Владимира Ягодкина (ранее секретаря парткома МГУ), который явно пытался сделать карьеру на волне критики ревизионизма – как и Валентин Маланчук в Киеве, слишком ревностный украинский секретарь Компартии Украины по идеологии. Эти двое ортодоксов во второй половине 1970-х были заменены на своих постах людьми более серыми и гибкими.

ную в Институте философии – но не в секторе исторического материализма! – коллективную работу «Философские проблемы исторической науки», где были напечатаны статьи Юрия Левады об историческом сознании, его заместителя Михаила Виткина о месте Востока в классическом марксизме, Арсения Гулыги о научности истории, Игоря Кона о теории «охватывающих законов» Карла Гемпеля. В плане историософии не менее важную роль, чем монография Асмуса о Марксе и «буржуазном историзме» 1933 года, сыграло расширенное переиздание в 1972-м громкого антимодернистского манифеста Михаила Лифшица о Марксе, искусстве и общественном идеале.

Победа ортодоксов к середине 1970-х оказалась пирровой: в последующее десятилетие марксизм постепенно переставал быть значимым для новых поколений гуманитариев и обществоведов. Зачем специалисту с интересом к социальной теории ставить на сложный и утонченный марксизм Адорно или журнала «Телос», когда перед ним на полках ИНИОН простирается огромное и едва ли толком освоенное пространство чохом ругаемой, но уже не запретной западной теории, где те, кого считают буржуазными мыслителями, куда представительней ершистых детей 1968 года. И гораздо более важной, чем обновление марксизма, стала казаться задача спокойного освоения этого общего поля (повторяя порой ритуальные лозунги про «обострение идеологической борьбы»), нежели только одного его левого участка с риском быть обвиненным в ревизионизме. Суммирующие истматовские книги начала 1980-х (Келле и Ковальзона «Теория и история» или трехтомная «Марксистско-ленинская теория исторического процесса»²¹) – в отличие от трудов Юрия Давыдова или Арона Гуревича, при всем их различии, просто перестали читаться теми, кому не нужно было делать ссылки в диссертациях по обществознанию или научному коммунизму. Эти официальные опусы явно не брали в руки и практикующие историки, даже достаточно лояльные к марксизму-ленинизму: им хватало теории от своих прямых начальников-академиков 1970-х вроде Евгения Жукова или Юлиана Бромляя, которых тоже переставали цитировать.

На мой взгляд, явно недостаточно объяснять утрату интереса ведущих советских гуманитариев к наследию Маркса в 1970-е только усилением внешнего цензурного давления и наступлением «ортодоксов». Внутреннее оскудение исторического материализма в его советском варианте особенно сказалось даже не на лозунговых его изводах вроде научного коммунизма и рассуждений о всемирно-исторической миссии рабочего класса (где на помощь могло прийти хотя бы эхо Лукача 1920-х), но

21 См. о ее редакторе: *Жизнь, отданная науке: Ю.К. Плетников – творческое наследие, воспоминания, документы*. М.: Канон+, 2017.

на самом ядре теории: про такие базовые категории, как социальная форма движения материи, переосмысление способа производства или детерминизм исторических законов, с начала 1970-х брались писать только самые закоряченные «идеологические виртуозы» из поколения бывших фронтовиков – но при этом не сталинысты. Более того, именно на этом «нулевом уровне» доктрины во времена Брежнева охотней всего осваивались подновления марксизма или популярные системные подходы, синергетика и экология или, например, поиск «исходной клеточки» категорий истмата вплоть до теории парадигм Томаса Куна.

В рамках теории исторического процесса остановленное переосмысление теории формаций уже к середине 1970-х было переключено в плоскость типологического анализа переходных эпох или региональных проявлений: подлинным мастером терминологических ухищрений оказался явно напуганный атакой Данилова в самом конце 1960-х бывший «структуралист» от всеобщей истории Михаил Барг. Но его итоговые методологические книги и статьи (в соавторстве с Ефимом Черняком)²² устаревали сразу к моменту их появления. Даже на уровне пресловутого «базиса» изучение экономических структур довольно плохо стыковалось с описанием социальных движений, и явно не работы виртуозов истмата давали думающим историкам 1970-х ключи к синтезу экономического и социального, которого уже мало кто искал на уровне типологий. Работы Барга и Черняка, написанные между 1970-м и 1988 годами, охотно и отчасти самокритично замененные самими авторами на изучение цивилизаций на излете перестройки, оказались «мертвой водой» для историко-теоретического поиска и уж точно не могли ничего дать в плане философии и эстетики истории. Книга «Эпохи и идеи» (1987) Барга тоже опоздала – она появилась тогда, когда советскому читателю в переводах был уже доступен Коллингвуд, и Фуко, а в ИНИОН появились и русские переводы Макса Вебера. На смену философии истории от Левады и шестидесятников с середины 1970-х приходят скорее авторы общих пособий для историков-студентов по методологии исторического знания.

Ядром в освещении общественных процессов и даже местом синтеза экономики и социального становится культура, которая понимается шире, чем «только» надстройка. О рецепции культуры советскими гуманитариями того времени уже написан ряд интересных статей. Важно отметить, что, в отличие от 1960-х, историки последующих лет перестали читать не толь-

22 См., например: БАРГ М.А. *Категории и методы исторической науки*. М.: Наука, 1984; БАРГ М.А., ЧЕРНЯК Е.Б. *Регион как категория внутренней типологии классово-антагонистических формаций. Проблемы социально-экономических формаций*. М., 1975.

ко авторов статей про исторический материализм, но также и неординарных советских и марксистских философов-культуроведов или теоретиков «духовного производства». Почему? Скорее всего потому, что у историков 1970-х уже была своя культура – то ли от школы Анналов и Хейзинги, то ли от Карсавина и Милюкова, но в еще большей степени – от нефилософов Юрия Лотмана, Сергея Аверинцева, Дмитрия Лихачева и Александра Панченко. А в плане эстетики истории очень существенным было и влияние Владимира Библиера как автора книги «Мышление и творчество» (1975) и неформального руководителя влиятельных домашних семинаров, внимательного – и пишущего! – собеседника Арона Гуревича и Леонида Баткина²³.

В этой книге Библиера замечательный и тонкий пассаж о диалектике «совместного» и «всеобщего» труда в «Капитале» и «Грундриссе» остался как будто висящим в воздухе, как и вскрытие «превращенных форм», по Марксу, у Мераба Мамардашвили почти десятилетием раньше. Эта неожиданная и потенциально исторически богатая социология знания очень быстро превратилась в апологию самодетерминации и, в конечном счете, асоциального «новоевропейского субъекта». Бахтин или Пруст оказались для выдающихся советских мыслителей куда важнее Грамши или Альтюссера (то же задним числом случилось и с марксистом Выготским); и в этом не стоит сейчас видеть предательство «четвертого сословия», как кажется кому-то из нынешних наблюдателей. Для историков философии попытка использовать Марксово понятие «объективных мыслительных форм» сказалось скорее на возможностях заниматься почти табуированными ранее темами вроде связей протестантизма с генезисом философии Нового времени. Но при этом сами важнейшие категории вроде «буржуазного сознания» большинству специалистов представлялись как дань навязшей в зубах риторике, а не аналитическими инструментами²⁴.

Уже с начала 1970-х из исканий гуманитариев и обществоведов исчезает прежний интерес к марксведению²⁵: ни со-

23 См.: БИБЛЕР В.С. *Исторический факт как фрагмент действительности. Логические заметки // Источниковедение: теоретические и методические проблемы*. М., 1969. С. 89–101. Он же. *Мышление как творчество. (Введение в логику мысленного диалога)*. М.: Политиздат, 1975. О Баткине и его равнодушии к официальной теории культуры см. даже у Вадима Межуева: ДМИТРИЕВ А. *Бахтин и марксизм, или Снова об «уютности культуры»* // Новое литературное обозрение. 2019. № 6. С. 122–143.

24 Немалый интерес представляют разнообразные публикации и оставшиеся в архиве работы ростовского философа Михаила Петрова 1960–1980-х годов и их соотношение с «оттепельным» марксизмом. См.: ПЕТРОВ М.К., ПОТЕМКИН А.В. *Относительная самостоятельность науки // Социология науки*. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1968. С. 35–61. ПЕТРОВ М.К. *Предмет и цели изучения истории философии // Вопросы философии*. 1969. № 2. С. 126–136.

25 См. мемуары Бориса Тартаковского, исследователя биографии Энгельса в Институте марксизма-ленинизма: ТАРТАКОВСКИЙ Б.Г. *Все это было: воспоминания об исчезающем поколении*. М.: АИРО-XX, 2005.

ветские серьезные работы о «самих» Марксе или Энгельсе или непереуверенные «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» Маркса, ни сочинения западных альтюссеррианцев или их критиков (аналитических марксистов вроде Барри Хиндеса и Пола Хёрста или британских «историков снизу» Эдварда Томпсона и Реймонда Уильямса) не вдохновляют коллег на новые поиски марксистского «философского камня». Обществоведы уже в 1970-е стали брать общий набросок социального прогресса из западных теорий модернизации (мейнстримных или критических) – откуда, к примеру, раннеперестроечные новации вроде трех эшелонов капитализма. «Интегрализм», попытки соединить в духе 1920-х политэкономии с теорией деятельности и философией истории – вне заимствования неомарксизма – остается обреченным уделом или новичков-аспирантов, или разнообразных «зубров» из 1960-х²⁶. Так называемый «творческий» – но отнюдь не диссидентский! – марксизм в советском обществоведении с середины 1970-х выживает скорее за счет внутренней или внешней периферии.

Вне Москвы и Питера работали историк революций XIX века Рэм Блюм в Тарту, круг Геннадия Бурбулиса в Свердловске, философы Владимир Кутырев и Владилен Израитель в Горьком, социолог Захар Файнбург в Перми²⁷. В столицах на долю «ищущих» оставалась рецепция мир-системного подхода Валлерстайна, теорий зависимости или идеи Теодора Шанина о позднем Марксе, разговоры о латиноамериканцах и востоковедах как пионерах цивилизационных подходов²⁸. Отчасти возвращение «цивилизации» в арсенал советского марксизма связано с деятельностью одного из брежневских речеписцев Вадима Загладина, который вставил в один из докладов тезис о «новом типе цивилизации» (отчасти могла сказаться и тема очередного всемирного философского конгресса). Как и в случае с популярностью Парсонса или Мертона, а не Адорно, у советских социологов быть/оставаться марксистом именно в аналитическом модусе для мыслящих советских историков начала 1980-х заведомо означало ограничиться узкими мыслительными ходами, размечая свой материал прошлого по весьма сложным и дисциплинарно чужим политэкономическим или социально-философским лекалам. Гораздо проще было руководствовать-

- 26** Отчасти схожей была деятельность Геннадия Поспелова в постсталинской теории литературы: его «реверверзевский» или «пыхановский» багаж в 1960-е весьма отличался от гегелевских или бахтинских устремлений молодых теоретиков литературы из Института мировой литературы.
- 27** Лейбович О. *Диалектическая концепция социализма Захара Файнбурга* // *Toros*. 2013. № 1. С. 69–86; Лооне Э.Н. *Методологические заметки о теории общественно-экономических формаций*. Тарту, 1969; Израитель В.Я. *Проблемы формационного анализа общественного развития*. Горький, 1975; и так далее.
- 28** Шемякин Я.Г. *Проблема цивилизации в советской научной литературе 60–80-х годов* // *История СССР*. 1991. № 5. С. 84–101.

ся позитивистскими ориентирами, для видимости защищаясь в предисловиях нужными цитатами или самыми общими положениями, а также осваивать современную западную литературу, давно махнув рукой на все разговоры о «буржуазной науке» или «борьбе идей».

Быть/оставаться марксистом для мыслящих советских историков начала 1980-х означало ограничиться узкими мыслительными ходами, размечая свой материал прошлого по весьма сложным и дисциплинарно чужим политэкономическим или социально-философским лекалам.

Особая роль выпала востоковедческим исследованиям и подспудно формирующейся в СССР политической науке или теории международных отношений²⁹. Свернутые в начале 1970-х по указанию сверху дебаты об азиатском способе производства слишком вызывающе отсылали (особенно у заграничных авторов) к опыту строительства социализма методами государственного принуждения. Вышедшие в 1990-е работы востоковедов старших поколений со сложным и нюансированным изложением теории формаций, которые суммировали старые споры рубежа 1960–1970-х, остались в тени куда менее мудреных книг с «отодвигающей в архив» критикой марксизма³⁰. Интересно, что у реформистского крыла советских речеписцев (Федор Бурлацкий, Александр Бовин, Георгий Шахназаров) с начала 1970-х присутствовал явный интерес к политологии; Шахназаров даже участвовал в международных форумах по политическим наукам и широко печатал опровержения западной футурологии; на западном же материале ставились вопросы эволюции «буржуазных обществ» вне навязчивой риторики классовой борьбы – и в Институте мировой экономики и международных отношений, и даже в специально созданном для изучения рабочего движения Институте международного рабочего движения.

29 Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. *Социология. Политика. Международные отношения*. М.: Международные отношения, 1974; Сморгунов Л.В. *Региональные политологические сообщества в советское время* // Политическая наука. 2015. № 3. С. 125–137; *Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного* / Ответ. ред. Л.И. Рейснер, Н.А. Симония. М.: Наука, 1984.

30 Ср.: Рейснер Л.И. *Цивилизация и способ общения*. М.: Наука, 1993; Илюшечкин В.П. *Теория стадийного развития общества*. М.: Восточная литература, 1996; Крылов В.В. *Теория формаций*. М.: Восточная литература, 1997; Дьяконов И.М. *Пути истории: от древнейшего человека до наших дней*. М., 1994. См. также анализ работы Всеволода Вильчека «Алгоритмы истории»: Хут Л.Р. *Алгоритмы Вильчека, или Российский интеллект в эпоху перемен* // Диалог со временем. 2009. № 28. С. 148–165.

Те, кто нестандартно ставил социально-философские проблемы на материале Нового времени, медиевистики или востоковедения еще до перестройки (Григорий Водолазов, Эрих Соловьев или Дмитрий Фурман³¹, Александр Ципко, Игорь Клямкин, Александр Ахиезер), в начале 1980-х не составляли «единого фронта». Важно отметить – за исключением близкого к Ильенкову Водолазова, никто из перечисленных авторов не отстаивал свою марксистскую идентичность после 1989 года³². Тех, кого можно было считать неофициальными марксистами времен застоя, уже после перестройки оказались или западниками-либералами (Клямкин, Библер), или давно или недавно поправевшими почвенниками-консерваторами (Бородай, Гулыга, Фурсов³³). А вот третьего пути – за исключением отдельных казусов – не вышло: в отсутствие влиятельной социал-демократии в политике, или новых левых, крен многих бывших свободомыслящих марксистов в сторону советской ностальгии был почти неизбежен. Бывший набор основных правил видения «нашего развития» и истории человечества в целом – «средний путь» постулатов про общественные сферы, первичность материального бытия при важности духовного производства и так далее и тому подобное, – который удерживал четверть века в одной идейной обойме и ястребов ждановизма, и сторонников протолиберального прогрессизма, этот вектор оказался достоянием прошлого. Кроме совсем маргинальных работ (вроде сочинений Леонида Гринина), советские истматовские премудрости 1970-х оказались в новом веке, по сути, забытыми.

Из-за отсутствия в СССР реальной политической борьбы от социальной философии марксизма могла быть востребована только самая абстрактная часть (или эпистемологическая, или протозекзистенциалистская), а классовый – точнее, социальный – анализ «движущих сил», обычно лишенный революционного заострения, всегда был развернут или в прошлое, или на Запад и в «третий мир». Что же касается самой марксистской критики реального советского общества – например, в духе Джиласа, – то она оставалась уделом не социологов или историков, и тем более не истматчиков, но диссидентов или, после 1987 года, ревнителей «непосредственно-общественного производства» и протосталинистов, озабоченных выявлением «советской буржуазии» – но ничуть не изменивших общий вектор политического поворота. Недолгие попытки

31 И Соловьев, и Фурман были авторами весьма новаторской для своего времени коллективной монографии «Философия эпохи ранних буржуазных революций» (1984).

32 Водолазов Г.Г. *Диалектика и революция (методологические проблемы социальной революции)*. М., 1975; Он же. *Идеалы и идолы. Мораль и политика: история, теория, личные судьбы*. М., 2006.

33 Фурсов А.И. *Революция как имманентная форма развития европейского исторического субъекта // 200 лет французской революции. Французский ежегодник. 1987*. М.: Наука, 1989. С. 278–330.

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ
КРОТ ИСТОРИИ В СПЯЧКЕ...

«внутримарксистской» интерпретации советского опыта времен ранней перестройки (у Леонида Гордона или Захара Файнбурга, например) были маргинализованы сокрушительной критикой именно доктринальных корней социалистического эксперимента. Советский истмат остался скорее в структурах учебников по социальной философии (у того же Карена Момджяна) или в нечастых обращениях историков к стадильным подходам, довольно мало значимых вне очень локального педагогического контекста. Крота истории взялись разбудить уже новые поколения марксистски ориентированных обществоведов и политических активистов 2010-х, которым Жижек или Джеймисон были ближе и даже понятнее Библера, Карла Кантора или Гефтера.

Михаил Гефтер, Павел Волобуев и другие мастера позднесоветского дискурса. Дополняя Алексея Юрчака

ТИМУР
АТНАШЕВ

Позднесоветская историография – одно из привилегированных полей, где можно проследить эволюцию роли публичной речи и отношения к официальной идеологии с момента смерти Сталина до самороспуска страны в декабре 1991 года. В ставшей классической книге «Это было навсегда пока не кончилось» Алексей Юрчак предложил модель *перформативного сдвига* в использовании официального дискурса в позднесоветский период, включая в него время между рубежом 1940–1950-х и началом перестройки¹. Это долгосрочное и глубокое изменение в субъективном отношении последнего советского поколения к идеологии призвано объяснить структурные условия, в которых перестройка и неожиданный быстрый распад СССР стали возможны. Отталкиваясь от ряда ключевых аргументов и понятий книги, я постараюсь дополнить общую конструкцию функционирования публичного дискурса в нескольких аспектах².

Антропологический подход Юрчака во многом задает выбор кейсов, которые представляют взгляд (не)типичного советского гражданина последнего поколения на идеологию как бы «снизу». Основное внимание уделено рецепции, переинтерпре-

Тимур Атнашев (р. 1975) – историк, специалист в области интеллектуальной истории, работает в Московской высшей школе социальных и экономических наук.

- 1 YURCHAK A. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton: Princeton University Press, 2006. Далее цитаты даются по русскому изданию: ЮРЧАК А. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- 2 Как убедительно показывает Александр Беляев в предисловии к первому русскому изданию книги, оригинальный ракурс и новизна исследования способствовали максимально положительной рецепции. А основные критические замечания связаны с неприятием антропологического подхода Юрчака или выбора предмета изучения: «Согласно одному типу критики, субъекты или явления, исследованные в данной книге, не относятся к “репрезентативной выборке”, то есть в ней анализируется слишком узкий или слишком “ненормальный” срез населения. Согласно другим замечаниям, автор книги в своем анализе некритично пользуется категориями, заимствованными у самих информантов (сюда относятся, например, категории “нормальный человек”, “нормальные люди”, “свои” и так далее), то есть подменяет аналитические категории исследователя этнографическими высказываниями информантов» (БЕЛЯЕВ А. *Взгляд антрополога на книгу Алексея Юрчака* // ЮРЧАК А. *Указ. соч.* С. 14). Ср. также другие рецензии: GANGULI L. *Book Review. Alexei Yurchak, Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation, Princeton University Press, 2006, 352 pp.* // *International Journal of Communication*. 2007. № 1. Р. 51–53; ГОЛУБЕВ А. *В поисках вневходимости*. Рец.: Юрчак А. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение* // Историческая экспертиза. 2015. № 1. С. 13–23; КОРМИНА Ж. *Рец. на кн.: Алексей Юрчак. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: НЛО, 2014. 664 с. // Антропологический форум.

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ
ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТ-
СКОГО ДИСКУРСА...

тации и освоению официального дискурса активным потребителем последнего поколения. Я не буду касаться этой важной и, возможно, центральной части работы. При этом вторая глава книги специально посвящена описанию модели производства официального дискурса в ситуации после исчезновения центральной фигуры хозяина метадискурса. Я постараюсь на примере позднесоветской историографии показать, что как минимум в течение двадцати лет после смерти Сталина вокруг потенциально пустого места хозяина публичной речи шла активная интеллектуальная, публичная и административная борьба. Мне представляется, что для более адекватного и полного понимания как антропологических изменений постсталинского периода, так и перестройки важно дополнить оптику перформативного сдвига встречной интерпретацией, которая обращает внимание на значимость констатирующих актов и методологически исходит из логики языкового реализма и рационального дискурса, понятой в духе скорее близком Квентину Скиннеру, Томасу Куну и Юргену Хабермасу, чем Клоду Лефору и Жаку Деррида. Такая интерпретация расширяет исследовательское поле зрения за счет (а) внимания к полю производства дискурса; (б) альтернативного взгляда на перформативность; (в) включения двух других поколений.

Британский антрополог Кэролайн Хэмфри предложила полемическую встречную интерпретацию (что соответствует пункту «а») и сделала акцент на биографии Георгия Смирнова, «творческого бюрократа»³. Я хотел бы продолжить и усилить эту линию аргументации другими кейсами и теоретическим уточнением о типах перформативности, а также добавить к ней поколенческое измерение. Философ, академик, аппаратчик и руководитель группы консультантов при ЦК КПСС Георгий Смирнов (1922–1999), как и многие другие творческие герои этой статьи, принадлежит к поколению «шестидесятников» – то есть людей 1918–1935 (и 1940-го) годов рождения. За их спинами на руководящих постах в позднесоветский период часто стояли закаленные представители первого (или, как его называют, «революционного») поколения 1900–1917 годов рождения.

В качестве рабочей гипотезы я предполагаю, что амбициозные ученые, сотрудники партийного аппарата и высшие партийные функционеры, в основном принадлежавшие к двум более старшим советским поколениям, участвовали в открытой конкуренции за право определять границы разрешенно-

2015. № 26. С. 209–220; Платт К.М.Ф., Натанс Б. *Социалистическая по форме, неопределенная по содержанию: позднесоветская культура и книга Алексея Юрчака «Все было навечно, пока не кончилось»* // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 167–184.

3 HUMPHREY C. *The «Creative Bureaucrat»: Conflicts in the Production of Soviet Communist Party Discourse* // Inner Asia. 2008. № 10. P. 6.

го и истолковывать актуальные идеологические приоритеты, предлагая новые языковые формы и понятия⁴. Действительно, никто больше не мог убедительно претендовать на статус единого мастера, так что борьба за возможность скорректировать курс и продвинуть свою повестку велась внутри этого достаточно узкого, но неоднородного сообщества. К бюрократам Кэролайн Хэмфри я хотел бы добавить ученых-историков, многие из которых в этот период были достаточно самостоятельными мыслителями – и общественными деятелями *sui generis*.

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТСКОГО ДИСКУРСА...

ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ ФОРМЫ VS. ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Логика этой борьбы за производство авторитетного дискурса может быть понята с помощью другого значения *перформативности* речи: перформативности как намерения авторов оказать рациональное и риторическое воздействие на поведение, речевые конвенции и высказывания других авторов. Для Скиннера речевые ходы и инновации позволяют наиболее виртуозным авторам изменять общий язык и конвенции согласно своим намерениям⁵. Хабермас показывает, что в постметафизическом интеллектуальном контексте постоянный живой обмен аргументами и их оспаривание с разных сторон позволяет производить согласие без наличия выведенной за рамки дискурса метафигуры⁶. Наконец, Кун указывает на важность как разделяемой сообществом ученых парадигмы, так и аномалий, которые заставляют через кризисы приходиться к лучшим моделям описания реальности⁷.

В каждом из трех подходов сочетание критического оспаривания (инновации) и апелляции к конвенции (традиции, парадигме, узусу) работает без внеположенного авторитета через делиберативную рациональность и разумную способность сопоставления речи и действительности. Каждое высказывание при этом обладает перформативной силой в отношении поддержания или изменения языковых конвенций, представлений

4 Как пишет Хэмфри: «В качестве публичного он [официальный язык] являлся монолитным и однородным. Но [...] процесс, ведущий к такой монолитности, часто был конфликтным и всегда напряженным, и за подразумеваемое значение текста велись битвы» (Ibid. P. 6).

5 См. обзор в: *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории* / Ред. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

6 О возможности совмещения подходов Хабермаса и Скиннера см.: Атнашев Т., Велижев М., Вайзер Т. *Двести лет опыта. От буржуазной публичной сферы к российским режимам публичности // Несовершенная публичная сфера*. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

7 Этот подход продуктивно и системно применяет Роджер Марквик: MARKWICK R. *Rewriting History in Soviet Russia: The Politics of Revisionist Historiography, 1956–1974*. Basingstoke: Palgrave, 2001.

ТИМУР АТНАШЕВ
МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ
ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТ-
СКОГО ДИСКУРСА...

других людей о фактическом положении дел и изменения намерения ответных действий. Перформативный характер речи в этом втором смысле нацелен на взаимодействие с другими в заданном наборе фактических обстоятельств (положений дел, фактов) и при наличии хотя бы отчасти разделяемого с другими словаря или репертуара значений слов.

Если дополнить и несколько скорректировать модель Юрчака предлагаемой мной конструкцией, можно сказать, что формы дискурса, воспринимаемые *последним советским поколением* в качестве обязательных для исполнения ритуалов (которые можно при этом достаточно свободно наполнять своим содержанием и смыслами), для сообщества конкурирующих друг с другом производителей дискурса *первого революционного поколения* и для среднего поколения «шестидесятников» представлялись сложным полем интеллектуальной и политической полемики и борьбы за определение реальной повестки. В этой схватке некоторые игроки могли одолеть и даже бюрократически «отменить» других игроков, но никто не мог сделать этого по своему усмотрению, и никто не обладал монополией на произвольное наложение санкций и тем более – на насилие, не прибегая хотя бы отчасти к *риторическим* и *содержательным аргументам*, убеждая третью сторону⁸.

Формы дискурса, воспринимаемые *последним советским поколением* в качестве обязательных для исполнения ритуалов, для сообщества конкурирующих друг с другом производителей дискурса *первого революционного поколения* и для среднего поколения «шестидесятников» представлялись сложным полем полемики и борьбы за определение реальной повестки.

Особая роль, которую играла советская историография в публичной сфере и сфере производства инноваций в официальном дискурсе, связана с провозглашением собственного извода марксистской историософии в качестве единственной и научной идеологии ВКП(б) и затем КПСС – в сочетании с тотальной предварительной цензурой и репрессиями против несогласных. После короткого периода бурных партийных и научных дискуссий, с конца 1920-х, историческая наука находилась под

⁸ Именно фактическая силовая монополия давала Сталину метапозицию и заставляла других так трепетно относиться к его речи, но даже этот мастер подкованной борьбы прибегал к перформативной силе высказываний и риторики.

пристальной личной опекой сначала лидера партии и его подручных, а затем под многоуровневым контролем специализированной бюрократии партийных органов. Тем не менее в какой-то момент советские историки (убежденные сталинисты в начале своей карьеры) предприняли масштабную попытку перехватить влияние. На этом примере мы можем проследить последовательность нескольких этапов в трансформации одного из важнейших аспектов всей системы идеократического устройства СССР; а именно постепенную утрату политическим руководством идеологической инициативы, временную бюрократизацию этой функции и ее последующий частичный возврат в руки нового партийного лидера в 1985 году.

В задачу настоящей статьи не входит описание эволюции советской исторической науки или ее ревизионистского крыла за этот тридцатилетний период. В настоящем тексте я хотел бы указать на центральное значение одного момента в этой эволюции, который позволит уточнить – и отчасти оспорить – модель Алексея Юрчака. Речь пойдет о моменте, когда концептуальный поиск новых подходов в советской историографии обозначил намерение нескольких историков самостоятельно и «творчески» обновить советскую идеологию в 1960-е. Как показывает внимательный и глубокий исследователь этого феномена Роджер Марквик, в этот период произошла смена *научной парадигмы*, за которой стояли концептуальные и политические амбиции целой плеяды ученых-«шестидесятников» в отечественной историографии⁹. После окончания Великой Отечественной войны Михаил Гефтер и Павел Волобуев – два ярких лидера этого направления – прошли одновременно очень близкий и очень разный путь от искреннего сталинизма к ленинскому ревизионизму и затем к собственной, но вполне марксистской, методологии и историософии. В самом конце 1960-х и в 1970-е, проиграв в борьбе с более сильными конкурентами, оба были изгнаны со своих уже достаточно высоких позиций и были вынуждены на десять лет прекратить публиковаться. По сути, речь идет о политическом интеллектуальном предприятии, которое встретило административный и политический отпор со стороны других игроков.

Неудачный исход этих коллективных (и одновременно глубоко личных) попыток предложить обновленную марксистскую и ленинскую интерпретацию всего хода советской и мировой истории до и после социалистической революции в начале застойных 1970-х казался предсказуемым и необратимым. Однако он не стал последней точкой в истории. Горбачевская перестройка продолжила этот ранний ревизионистский импульс, следст-

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ
ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТ-
СКОГО ДИСКУРСА...

9 MARKWICK R. *Op. cit.*

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ
ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТ-
СКОГО ДИСКУРСА...

вием чего стала несколько наивная серьезность отношения ученых и части высшего руководства к советскому марксизму (и научному знанию в целом) как основе для больших реформ. Вытесненные на периферию или в подполье идеологи неожиданно оказались мастерами дискурса в период перестройки: на их историософском языке стали писать многомиллионные газеты и толстые журналы. Я хотел бы противопоставить эту бинарную серьезность и искренность в позднесоветской историографии гуманистическому релятивизму Юрчака, обратившего наше внимание на игровой или небинарный тип отношения позднесоветских людей к формулам официальной идеологии.

Судьба и влияние двух видных историков-ревизионистов, чьи карьеры во многом перекликаются и переплетаются в течение их жизней, дают очень ценный исходный материал для частичной ревизии трактовки Юрчака и дополнения ее вниманием к претендентам на гегемонию в официальном дискурсе, которые представляли два других больших советских поколения – и по отношению к которым последнее советское поколение накануне и во время перестройки было реципиентом. Такое дополнение к модели Юрчака поможет ответить на новые вопросы. В какой мере интеллектуалы и представители позднесоветского политического режима перестали относиться к официальной идеологии *всерьез*? Насколько перестройка и последующий распад Советского Союза были обусловлены перформативным сдвигом, переводящим политическое содержание в режим индивидуальной творческой игры с ритуальной формой или же перформативной попыткой содержательного *возрождения идеологии*?

ОПИРАЯСЬ НА АЛЕКСЕЯ ЮРЧАКА

Блестящая и новаторская работа Алексея Юрчака, безусловно, помогает понять последнее советское поколение, или поколение «семидесятников» (взятое в широком смысле), и его отчасти циничское, отчасти эскапистское мировоззрение как один из важнейших ключей для понимания позднесоветского периода в целом. Благодаря перформативному сдвигу в речевых актах советских граждан, переставших выражать или констатировать их реальную оценку значения этих высказываний, постепенно формируются различные социокультурные пространства вневходимости, в которых расцветают множество удивительных цветов. Официальные ритуалы и официальный дискурс, лишенный претензии на содержательное описание мира и воплощение убеждений людей, оказываются защитным панцирем от вмешательства властной иерархии и от угрожа-

ющей тени тотального контроля и террора. Антрополог берет в качестве точки отсчета для своего исследования парадоксальное сочетание полной неожиданности распада страны для обитателей СССР – и удивительной легкости признания его «закономерности и неизбежности» теми же самыми людьми после 1991 года¹⁰. Система обнаружила встроенную хрупкость и глубокие трещины в, казалось бы, монолитной конструкции, которые Юрчак осмысляет как последствие перформативного сдвига в идеологии.

С методологической точки зрения концепция Алексея Юрчака исходит из задачи указать на структурный дефицит бинарных интерпретаций позднего социализма в парах *свобода – несвобода, подавление – сопротивление, правда – ложь, истинное лицо – маска*. Представления о *Homo Sovieticus*, в формулировках Франсуазы Том или Франка Элиса (более поздние и эмпирически фундированные построения Юрия Левады и его коллег в этом смысле требуют отдельного рассмотрения, но в целом могут быть включены в этот ряд) строились на гипотезе, что советские люди живут в несвободной системе, где их субъектность и способность к автономной воле подавлены. Для этих авторов публичная жизнь и внутренний мир советского обывателя или карьериста были наполнены либо ложью и двуличием, либо пустотой ритуала – в системе подавления живой человек не мог оставаться нормальным и не мог разделять бесчеловечные (а по сути, лишь не европейские) официальные ценности и практики СССР. Споря с этой «черно-белой» и колонизаторской моделью, исключающей реальный опыт советской повседневности, Юрчак утверждает, что разделение советских людей на конформных лоялистов и немногих героев-диссидентов упускает реальную сложность и многоцветье социальной материи:

«Смысл многих культурных явлений советской жизни, включая те, которые были официально разрешены и которые власть могла даже сама пропагандировать, подчас сильно отличался от буквального смысла партийных выступлений и программ, а порой им противоречил. Советская реальность была намного амбивалентнее и парадоксальнее, чем она предстает в сегодняшних бинарных описаниях»¹¹.

На смену парадигме «холодной войны» Юрчак предлагает новую небинарную перспективу и альтернативный академический язык, который может помочь точнее понять не только позднесоветскую действительность. Предлагаемая альтернати-

10 «Вдруг оказалось, что, как это ни парадоксально, советские люди были в принципе всегда готовы к распаду советской системы, но долгое время не отдавали себе в этом отчета» (Юрчак А. *Указ. соч.* С. 34).

11 Там же. С. 41.

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ
ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТ-
СКОГО ДИСКУРСА...

ва призвана одновременно регуманизировать простого советского субъекта в его способности к автономии и творчеству. Как представляется, эти две задачи антропологическая программа Юрчак решила с наибольшей убедительностью, одновременно открыв новое исследовательское поле.

Другой авторский ход связан с указанием на структурное сходство государственного социализма с западными демократиями в том, что касается сложности установления легитимной истины в дискурсах о конечных политических отношениях (он описывается как «парадокс Лефора»). Также Юрчак указывает на сходство защитных реакций позднесоветских людей на советскую идеологию и современных реакций в глобальном мире на распространение эконоцентричной системы неолиберализма¹². Я хотел бы чуть подробнее и критически рассмотреть аргумент о структурной проблеме легитимации общественно-политических институтов через отсылку к объективной истине. Согласно Лефору, источником легитимности политического дискурса в современных государствах, в конечном счете, оказывается скрытая под маской очевидности фигура хозяина дискурса. Господствующая фигура находится за пределами дискурса, то есть не может быть оспорена.

Юрчак применяет парадокс Лефора к советской идеократии, как бы стирая разницу между ней и западными демократиями: сначала советский революционный авангард, а затем Сталин играли роль контролирующей инстанции, производящей метадискурс. Однако после смерти диктатора, который лично вмешивался в редактуру художественных произведений или в значимые публичные дискуссии (в диапазоне от литературы и кинематографа до марксистской историософии и исторической лингвистики), советский официальный дискурс сохраняет господствующее положение, но теряет хозяина. Больше никому поправить ошибку в интерпретации, высказаться о новом, ранее не обсуждавшемся классиками вопросе или предложить творческое развитие доктрины. Юрчак пишет:

«Исчез не просто конкретный субъект, занимавший внешнюю позицию по отношению к идеологическому дискурсу, но и вообще сама возможность занимать такую позицию по отношению к идеологическому дискурсу. Внешней, внеидеологичной позиции не стало как таковой. С исчезновением господствующей фигуры, стоящей вне идеологического дискурса, исчез и метадискурс, который ранее осуществлял публичную оценку идеологических высказываний и репрезентаций на предмет их соответствия или несоответствия объективной истине... В результате этой реорганизации [всего дискурсивного режима социализма] постепенно

12 Там же. С. 47.

становилось важнее воспроизводить точную структурную форму идеологических высказываний и ритуалов, чем слишком подробно вдаваться в их буквальный смысл»¹³.

В этой связи, советская доктрина с конца 1950-х превращается в «авторитетный дискурс», который не предполагает внутреннего согласия с собой или соответствия речи и реальности, но требует от людей лишь признания себя «как единственно возможным». Уполномоченные во властной иерархии пользователи «авторитетного дискурса» (Бурдьё) в позднесоветском контексте, когда отсутствует диктатор-диктор, теряют уверенность «в том, насколько форма их собственных текстов и высказываний соответствует верной идеологической модели». Стратегическим ответом партийных руководителей, идеологов и ученых на неопределенность, по Юрчаку, становится повторение, стандартизация и бесконечные цитаты с буквальным сохранением формы как единственной гарантии верности.

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ
ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТ-
СКОГО ДИСКУРСА...

МЕТАДИСКУРС И ДИАЛЕКТИКА ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ

Я постараюсь показать, что в этой объяснительной схеме производства дискурса без метадискурса пропущен один важный исторический и логический этап коллективного и индивидуального творчества, нацеленного на обновление или утверждение нового канона. Неудача множества ревизионистских проектов не была неизбежной, хотя и вероятной. А сама стандартизация и нормализация неуклюжего бюрократического языка возникла в ходе борьбы между инноваторами и более осторожными идеологами, претендующими на первенство и равно принимавшими марксизм всерьез, как реакция на эту борьбу. Консерваторы не меньше инноваторов претендовали на контроль за дискурсом и боролись за утверждение новых, пусть и «нелиберальных», идеологических формул.

Опираясь на Батлер и Деррида, Юрчак показывает потенциально бесконечную открытость «семиотической составляющей перформативной силы конвенциональных высказываний»¹⁴. Комсомольцы, учителя, музыканты, рабочие и партийные деятели учатся изготавливать и почти незаметно для окружающих вливать в доктринальные старые меха новое вино по собственному вкусу. Именно здесь автор видит структурный слом господствующих норм и политической системы в целом, без массового и открытого им сопротивления. Эта динамика, вероятно, точно характеризует последнее советское поколе-

13 Там же. С. 52.

14 Там же. С. 67.

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ
ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТ-
СКОГО ДИСКУРСА...

ние, но такая перформативная антропологическая модель всего позднесоветского периода упускает еще несколько важных аспектов, которые можно проанализировать с помощью описанной выше другой перформативной модели. Это модель языка как средства содержательного взаимодействия и воздействия друг на друга, а также критического изменения ранее сложившихся конвенций через рациональное и риторическое оспаривание аргументов и инноваций.

Во-первых, такое прочтение перформативного лучше помогает понять жизненный мир и общественную деятельность предшествующего поколения «шестидесятников», старшими представителями которого, в частности, были Михаил Гефтер (1918–1995), Павел Волобуев (1923–1997) или помощники последнего генерального секретаря Анатолий Черняев (1921–2017) и уже упоминавшийся Георгий Смирнов, о котором писала Кэролайн Хэмфри. Как представляется, попытки описать происходящее в СССР в терминах теоретического языка Жака Деррида и Джудит Батлер, языка, укорененного в западном культурном контексте с присущими именно этому контексту конфликтами и противостояниями, уводят наше внимание от специфики собственно советской ситуации, где в 1960-е развивается вполне еще «модерная» конкуренция интеллектуальных проектов обновления официальной доктрины. Новые веяния в историографии, возникновение социологии и других общественных наук явно указывают на людей¹⁵, которые относились к *констатирующей* составляющей официального дискурса всерьез и имели намерение влиять на него – предлагая новые термины и радикальные изменения в общем мировоззрении, апеллируя к новому опыту и фактам, противопоставленным догмам.

Для более адекватного и целостного осмысления
позднесоветского периода и структурных условий
перестройки необходимо уделять внимание
диалектике носителей разных типов отношения
к официальному дискурсу.

Во-вторых, для более адекватного и целостного осмысления позднесоветского периода и структурных условий самой перестройки необходимо не только включить в поле зрения еще два поколения (и два условно соответствующих им антропологических слоя), но и уделять внимание *диалектике*

15 Например: Владимир Ядов (1929–2015), Борис Грушин (1929–2007), Юрий Левада (1930–2006); Георгий Шахназаров (1924–2001); Георгий Щедровицкий (1929–1994).

(включающей отталкивание и взаимное влияние, дополнение) носителей разных типов отношения к официальному дискурсу. Полная картина идеологического «производства и потребления» в 1953–1984 годах включает первое советское поколение, поколение «шестидесятников» и «последнее советское поколение», в определении Юрчака. Конечно, личные установки множества их представителей выходят за эти условные поколенческие стандарты. И что еще важнее: естественным образом все это время происходил процесс столкновения, притирки и борьбы между представителями разных поколений как разных типов отношения к дискурсу и их частичная взаимная контаминация.

Ключевые позиции в позднесоветском обществе, и особенно в высшем руководстве страны, занимали пожилые уже люди первого советского поколения, выжившие и победившие в конкурентной борьбе в ходе революции, голодных лет, террора, войн и радикальных экспериментов. К ним относились влиятельные в позднесоветский период сталинские выдвиженцы: член Политбюро ЦК КПСС, ответственный за идеологию, Михаил Сулов (1902–1982); проректор Высшей партийной школы при ЦК КПСС по научной работе, а затем заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК Сергей Трапезников (1912–1984) и специалист по новейшей истории, академик Исаак Минц (1896–1991). Хотя об успешно переживших революционные бури деятелях этого типа нам все еще известно недостаточно много, в их натуре можно предположить наличие большой осторожности, тактической хитрости и глубинного догматизма. Герои же данной статьи – Михаил Гефтер и Павел Волобуев – представляют собой пример серьезного («модерного») отношения следующего поколения к идеологии. Вступая в сложные отношения – отношения одновременно преемственности и отталкивания – со своими предшественниками, они в итоге сыграли важную роль в формировании нового, перестроечного, но продолжавшего оставаться марксистско-ленинским, дискурса. Из этой точки можно задать вопрос для будущих исследований: уместно ли говорить о первом поколении как о хранителях представления о важности самой верности догмам без четкого понимания их конкретного содержания (очевидно, именно такой тип мог быть наиболее адаптирован к бурным тридцати годам после 1917 года), тогда как «шестидесятники» были больше нацелены на содержательный плюрализм, инновации и рациональное оспаривание?

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ
ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТ-
СКОГО ДИСКУРСА...

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ
ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТ-
СКОГО ДИСКУРСА...

НЕЛИНЕЙНЫЕ КАРЬЕРЫ ИСТОРИКОВ, ИЛИ МАРКСИСТЫ НА РАСПУТЬЕ

Сходство в жизни и карьере двух историков, которые внесли значительный вклад в формирование общественно-политического языка перестройки, поразительно, что во многом объясняется принадлежностью к одному поколению людей, родившихся сразу после революции. Закончив школу, Михаил Гефтер и Павел Волобуев поступают на недавно созданный тогда исторический факультет МГУ. Война застает Гефтера с дипломом историка и в должности комсомольского вожака, Волобуев не успевает доучиться. Оба уходят на фронт (в 1941-м Гефтер недолгое время был командиром студенческого батальона, в составе которого Волобуев участвовал в строительстве укреплений под Смоленском), оба были серьезно ранены. Гефтер и Волобуев вступают в партию в двадцать с небольшим лет и в это время считают себя верными сталинистами. После войны они продолжают учебу и затем начинают успешную научную карьеру¹⁶.

И здесь еще одно важное пересечение: оба становятся учениками видного историка и педагога (имевшего, впрочем, репутацию и мастера закулисной административной интриги) Аркадия Сидорова (1900–1966). Еще до войны, первый год которой он провел на фронте, Сидоров занимал серьезные научные и административные должности в МГУ и Институте АН СССР. После войны его карьера стремительно набирала обороты. Один из активных участников погромной «кампании по борьбе с космополитизмом», приведшей к увольнению академиков Минца и Деборина (1881–1963) (а также несколько позже редактора «Вопросов истории» Эдуарда Бурджалова), Сидоров в то же время настаивал – что было редким в позднесталинскую эпоху – на принципиальной важности архивной работы и серьезного внимания к теоретическим вопросам¹⁷. Вероятно, эти фундаментальные установки он унаследовал от своего учителя Михаила Покровского, в свое время «главного марксистского историка», чье влияние – уже после его смерти в 1932 году – было уничтожено историком-самоучкой Сталиным. «Краткий курс» стал венцом победы Сталина, сумевшего навязать свое видение истории в качестве единственно возможного. В терминах Юрчака, политик стал всесильным мастером метадискурса.

16 Кожокин Е.М. *О значении неполитического лидерства, или Михаил Гефтер* // Труд и социальные отношения. 2014. № 2. С. 3–13. *Интервью с академиком Павлом Васильевичем Волобуевым* // Академик П.В. Волобуев. *Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи*. М.: Наука, 2000.

17 «Сидоров требовал от своих учеников следовать исторической правде, добросовестно работать над источниками, быть самостоятельными в своих выводах. Позднее, когда собирались у Аркадия Лавровича, он говорил: “Плох будет тот учитель, который боится, что ученики превзойдут его”. Это было его кредо» (*Интервью с академиком Павлом Васильевичем Волобуевым*. С. 20).

Однако, как мы увидим, ученики ученика Покровского в конечном счете взяли символический реванш в этой большой схватке. Помимо наших двух героев, среди студентов «школы Сидорова» были Арон Аврех (1915–1988), Андрей Анфимов (1916–1995), Валерий Бовыкин (1927–1998) и его любимый ученик Константин Тарновский (1921–1987). В целом можно говорить, что Аркадий Сидоров был одним из ключевых идеологов и организаторов советской постсталинской историографии; в частности, инициатором и соавтором более десятка много-томных коллективных изданий. Но, вероятно, самым ценным в наследии буквально обожаемого учениками Сидорова был тот редкий сплав теории и архивной работы, верность которому поможет Гефтеру и Волобуеву серьезно трансформировать официальную советскую историческую науку. В каком-то смысле ими даже был поставлен под вопрос непоколебимый ранее догмат об объективных закономерностях истории – догмат, чье господство слишком часто обеспечивалось манипулятивным отношением к фактам.

В рубежном 1953 году оба молодых историка защищают кандидатские диссертации. В начале 1956-го на XX съезд КПСС Никита Хрущев разоблачает «культ личности». Сталинские преступления ставят перед советской гуманитарной интеллигенцией и руководством страны большой вопрос: как в марксистско-ленинских терминах объяснить столь трагическое искажение идеалов социализма после *объективно неизбежной* победы октябрьской революции? Последовавшее после Второй мировой войны крушение мировой колониальной системы привело к возникновению новых социалистических режимов там, где монополистический капитализм еще явно не успел созреть и привести экономический базис на уровень развития, достаточный для следующего революционного скачка. Эти страны как будто бы перескакивали капиталистическую формацию, а с ней ставили под вопрос не только сталинскую *пятичленку*, из «Краткого курса» перекочевавшую в каждый учебник, но и общую логику исторической необходимости и марксистской версии прогресса.

Ученики Сидорова предложили на это несколько фундаментальных ответов, которые опирались как на тщательное эмпирическое исследование, так и на ряд теоретических новаций. Они даже выработали необычный для советской идеологической науки историософский язык, который, помимо реинтерпретированных терминов («многоукладность», «неравномерность развития», «азиатский способ производства»), включал несколько ключевых метафор и идиом – «выбор исторического пути» и даже «альтернативы»¹⁸. С известной степенью

18 См.: АТНАШЕВ Т. *Исторический путь, выбор и альтернативы в политической мысли перестройки около 1988 года // «Особый путь»: от идеологии к методу*. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТСКОГО ДИСКУРСА...

риска можно даже сравнить некоторые аспекты работ Гефтера и Волобуева с современными им алеаторным материализмом Альтюссера, мирсистемным анализом Валлерстайна или концепцией множественной модерности Эйзенштадта.

После двух лет в должности инструктора отдела ЦК Павел Волобуев возвращается в науку и делает последовательную карьеру в Институте истории Академии наук СССР. Он курирует издание многотомной «Истории СССР», в которой участвует и Гефтер, а в 1963 году защищает докторскую о причинах октябрьской революции. К концу 1960-х Волобуев становится известен как один из лидеров «нового направления» в историографии, куда входили, в частности, уже упоминавшиеся Тарновский, Анфимов, Аврех и также Иосиф Гиндин (1900–1980), Виктор Данилов (1925–2004), Леонид Иванов (1909–1972). Сторонники этой неформальной, но влиятельной группы доказывали, что октябрьская революция произошла не как следствие высокой зрелости русского капитализма, но стала продуктом многоукладности российской экономики, которая создала специфический массовый запрос на демократизацию, гениально пойманный Лениным. Напротив, последующей сталинской фазе форсированной индустриализации и централизации Волобуев и коллеги отказывали в столь же объективной неизбежности и указывали на возможные исторические альтернативы¹⁹.

Гефтер выбирает другой путь и другую карьеру. По словам Кожокина, он становится «неполитическим лидером» и центром интеллектуального притяжения для широкого круга ученых-гуманитариев, представляющих разные дисциплины, а также публицистов из «Нового мира». В 1964-м, в год свержения Хрущева с поста Первого секретаря КПСС Гефтер создает в Институте истории свой Сектор методологии истории и ведет постоянный семинар, который в разные годы посещают видные гуманитарии-«шестидесятники»: Владимир Библиер (1918–2000), Арон Гуревич (1924–2006), Александр Некрич (1920–1993), Вячеслав Вс. Иванов (1929–2017), Сигурд Шмидт (1922–2013), Юрий Буртин (1932–2000) и другие. Под руководством Гефтера Сектор методологии и его семинар, где поощрялись свободный интеллектуальный поиск и острые дискуссии, существуют пять лет; в нем успели подготовить две коллективные монографии. При этом изначально вполне марксист-

19 Марквик подробно разбирает политические импликации нового направления в: MARKWICK R. *Op. cit.* P. 99–103. Он показывает, что в рамках этого парадигматического сдвига возможность критики сталинизма как «не неизбежного» этапа социалистического строительства была намечена в середине в 1960-х, на излете оттепели. Полностью эти разнообразие политические валентности метакультуры сталинизма через утверждение альтернативности истории были проявлены уже в ходе перестройки, в том числе в работах самого Павла Волобуева. См.: АТНАШЕВ Т. *Исторический путь, выбор и альтернативы в политической мысли перестройки около 1988 года*; ВОЛОБУЕВ П. В. *Выбор путей общественного развития: теория, история, современность*. М.: Политиздат, 1987.

ский язык Гефтера с течением времени все усложняется и даже затемняется, пока к концу жизни историка он не стал загадочным и даже пророческим²⁰.

В конце 1960-х Гефтер прямо атакует сталинскую метасхему, «обескровившую историографию», за грубую телеологичность, доказывая центральность выбора и альтернатив не только для объяснения репрессий, но и для анализа предреволюционного периода. Выбор из альтернативных вариантов и создание, нащупывание альтернатив – существо исторического процесса, по Гефтеру. До конца жизни мыслитель-теоретик находится в постоянном интеллектуальном диалоге с Лениным, чьи гибкость и прагматическая готовность искать новые пути исходя из практических задач, могли бы стать импульсом к реальному обновлению советского марксизма. Своей задачей он видит предложить новое прочтение целостной системы ленинской мысли. При этом, как вспоминает Светлана Неретина, на шуточный вопрос «Кто наш Ленин?» сотрудники отвечали: «Это Михаил Яковлевич»²¹.

В сборнике под названием «Историческая наука и некоторые проблемы современности», опубликованном в 1969 году, Гефтер формулирует новое ревизионистское понимание закономерностей как открытого и всегда локального результата борьбы разных возможностей и людей, разных альтернатив:

«Не закономерности плюс отклонения, а закономерности как конфликт и равнодействующая тенденций, заключающих разные возможности исторического движения. Отсюда столь органичное мысли Ленина сочетание полемической заостренности и даже односторонности – нацеленности на определенное действие – с отступлениями и “заделами”, которые содержали в себе и вероятность других, в том числе наименее благоприятных, вариантов развития и как бы проект иного решения тех же проблем и задач, то есть то, что в совокупности составляет философию и методологию исторической альтернативы, без которой нельзя представить себе марксизм XX века»²².

За год до выхода сборника, получившего большой общественный резонанс (включая отзыв главного редактора «Нового мира» Александра Твардовского) и отчасти потому ставшего причиной особого беспокойства партийных кураторов истории в Отделе науки ЦК, Институт истории был разделен на две части («истории СССР» и «всеобщей истории»). Сектор мето-

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТСКОГО ДИСКУРСА...

20 ГЕФТЕР М.Я. *Прощальная запись* // Век XX и Мир. Михаил Гефтер. Аутсайдер – человек вопроса. 1996. № 2. С. 7.

21 MARKWICK R. *Op. cit.* P. 179–183.

22 ГЕФТЕР М.Я. *Страница из истории марксизма начала XX века* // *Историческая наука и некоторые проблемы современности* / Под ред. М.Я. ГЕФТЕРА. М.: Наука, 1969.

ТИМУР АТНАШЕВ
МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ
ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТ-
СКОГО ДИСКУРСА...

дологии истории был закрыт с формулировкой «по идеологическому несоответствию», сотрудники были распределены по другим отделам. В 1971-м и 1972 годах скандальный сборник и лично Михаил Гефтер были атакованы в журнале «Коммунист», после чего историк не смог больше печататься. В 1976 году он принимает решение уволиться из Института и выйти на пенсию. В 1977-м Гефтер находит способ, как продолжить влиять и думать (полу)публично: он становится одним из сооснователей диссидентского журнала «Поиски». Так сталинист, ленинец и талантливый ревизионист, прямо стремившийся обновить сталинский канон и советский марксизм, в итоге становится диссидентом.

Гефтер находит способ, как продолжить влиять и думать (полу)публично: он становится одним из сооснователей диссидентского журнала «Поиски». Так сталинист, ленинец и талантливый ревизионист, прямо стремившийся обновить сталинский канон и советский марксизм, в итоге становится диссидентом.

Атака на Гефтера, а затем на Волобуева и ряд других коллег была организована Сергеем Трапезниковым, с 1965-го по 1983 год заведующим Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС. Пользуясь личной протекцией и доверием Брежнева, он был известен как консервативный аппаратчик-неосталинист. Современный историк Николай Митрохин выделяет несколько конкурирующих и нестрого оформленных идеологических течений в аппарате ЦК, которым покровительствовали разные члены Политбюро: «русские националисты», «неосталинисты» и «либералы», или «интернационалисты»²³. При этом общую идеологическую линию позднесоветского периода курировал еще один сталинский выдвиженец, «серый кардинал» Суслов. Он был убежденным советским ортодоксом, но старался держать осторожный центристский баланс между разными уклонами. Так Суслов иногда привлекал Волобуева для работы над важными партийными документами в полуофициальном режиме.

Вероятно, благодаря этой поддержке Волобуев успешно переживает разделение Института истории на две части и в 1969 году становится руководителем Института истории СССР. В 1970-м его избирают членом-корреспондентом Академии наук СССР, но с 1971-го сотрудники чувствуют себя «в осаж-

23 Митронин Н. *Back-office Михаила Суслова, или Кем и как производилась идеология брежневского времени* // Cahiers du monde russe. 2013. Vol. 54. № 3-4. P. 409-440.

денной крепости», а уже в 1972-м Отдел науки ЦК КПСС проводит дискуссию о «новом направлении», впервые пытаясь его осудить. По инициативе академика Петра Поспелова в июле 1972 года бюро отделения истории Академии наук СССР приняло постановление с осуждением «нового направления», а в марте 1973-го состоялось совещание в отделе науки ЦК КПСС, на котором «новое направление» было прямо осуждено как «ревизионистское». Трапезников указал на принципиальные несоответствия предлагавшихся подходов основам ленинизма – наиболее острую критику вызвало понятие «многоукладности», подрывающее представление о линейном стадийном прогрессе, а значит – и о благотворности и закономерности социалистической революции в России²⁴.

Трапезников с помощью публичной кампании против «методологических отклонений» переиграл Волобуева, в котором, возможно, видел потенциального конкурента. В результате один из ведущих советских историков потерял руководящий пост и возможность публиковать новые работы. Однако диссидентом он не стал. Любопытно, что даже после перестройки и распада СССР Волобуев остался верным защитником октябрьской революции, которую считал объективно необходимой и благотворной. Гефтер встретил перестройку «бинарным» антисоветским диссидентом, но навсегда сохранил глубокий интерес к мысли Ленина, наследовать которому после 1989–1991 годов требовало определенного мужества. В противовес тезису Юрчака о том, что в постсталинском СССР официальный дискурс больше не обсуждался, а лишь воспроизводился, мы можем отметить, что дискуссии, политические по сути и публичные по форме, продолжались в среде официальных историков, причастных к формулированию идеологием, до 1975 года. Иначе говоря, предполагаемые парадоксом Лефора эффекты на уровне производства дискурса в лучшем случае наступают только через 22 года после смерти Сталина. Но и победившие в этот момент идеологи-консерваторы Суслов и Трапезников конкурировали между собой и оба не были механическими трансляторами, но скорее творческими редакторами позднесоветского неосталинизма.

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТСКОГО ДИСКУРСА...

ПЕРЕСТРОЙКА. МОМЕНТ ИСТОРИЧЕСКОГО ВЫБОРА И НАУЧНАЯ ИСТИНА

Начало горбачевских реформ в 1985 году и последовавшая вскоре политика гласности позволили Волобуеву и Гефтеру не только снова начать печататься, но и увидеть, как их давно про-

24 Кожокин Е.М. Указ. соч.; *Интервью с академиком Павлом Васильевичем Волобуевым.*

работанные и выстраданные идеологические ходы и историософский язык стали важной частью общественной дискуссии²⁵. В первые годы сама новая политика перестройки осмыслялась ведущими публицистами, «прорабами перестройки», как выбор исторического пути и утверждение альтернативности. В целом можно сказать, что концепции Волобуева и Гефтера сыграли – как непосредственно, так и опосредованно – значительную роль в подготовке идеологического меседжа первых лет перестройки. Смелые инновации 1960-х, почти подавленные в 1970-е, вновь оказались востребованы в публичном поле. Оба мыслителя лично включились в общественную полемику перестройки, хотя и не заняли в ней заметного места²⁶.

Общий замысел перестройки был связан с масштабной и смелой (хотя, как покажет дальнейшая история, неудавшейся) попыткой возродить веру в советскую идеологию – обновить и применить официальные формулы всерьез. «Шестидесятник» Михаил Горбачев (1931–2022), в аппаратной борьбе переигравший старшее поколение в Политбюро, стал активно привлекать – как ему представлялось, лучших – специалистов в области экономики и социальных наук для разработки программы реформ, полагая, что свежие кадры и их идейный марксистско-ленинский прогрессизм станут гарантией успеха. Владимир Мау вместе с финским коллегой Пеккой Сутела ретроспективно назвали этот подход «иллюзией объективности», анализируя советскую экономическую политику времен перестройки²⁷. Многие политические тексты, периодические издания и научные статьи эпохи перестройки исходят из того, что научно достоверное знание об истории, экономике и обществе может и должно непосредственно определять направление для эффективной (и предположительно гармоничной) политики. Предполагаемая научность обещала относительно легкое преодоление пугающего разрыва между идеалами и реальностью – разрыва, обусловленного общим перформативным сдвигом 1975–1985 годов.

По словам Валерия Болдина, бывшего помощника Михаила Горбачева (а Болдин ретроспективно не был склонен восхвалять своего начальника), Горбачев, в отличие от своих предшественников и коллег, вообще неплохо знавший классику марксизма-ленинизма, в 1986–1987 годах находился под особым влиянием сочинений Ленина:

25 См.: АТНАШЕВ Т. *Исторический путь, выбор и альтернативы в политической мысли перестройки около 1988 года*.

26 Впрочем, через десять лет Глеб Павловский, неакадемический ученик Гефтера-диссидента, по-своему продолжит, значительно – часто до неузнаваемости – искажая замысел учителя, но останется верен его убеждению в возможности человека решительно влиять на ход истории. Невидимая цепочка ученичества соединяет Михаила Покровского и Глеба Павловского.

27 SUTELA P., MAU V. *Economics under Socialism: The Russian Case* // WAGENER H.-J. (Ed.). *Economic Thought in Communist and Post-Communist Europe*. London: Routledge, 1998. P. 203–206.

«В течение второго и третьего годов перестройки Горбачев был внезапно захвачен сочинениями В.И. Ленина, в которых он находил полезные для себя высказывания. Бывая в его кабинете, я всегда замечал тома основателя социалистического государства. Он часто брал том и зачитывал вслух отрывки из Владимира Ильича, сравнивал их с современным контекстом и восхищался его проницательностью»²⁸.

Горбачев решил вернуть идеологическую инициативу и контроль за метанарративом в сердце власти, отказавшись при этом от цензуры и репрессий. Он вполне искренне хотел опереться на ленинское наследие и на достаточно широкий круг специалистов, чья легитимность в его глазах также была основана на доверии научному знанию.

Научность понималась по модели точных наук и инженерии. Один из самых известных «прорабов перестройки», историк Юрий Афанасьев, прямо говорит о «социальной инженерии» в 1985 году:

«Прикладное значение истории возрастет, если среди историков укрепится взгляд на историю как на гигантскую лабораторию мирового социального опыта. И, возможно, на рубеже второго и третьего тысячелетия такое, например, словосочетание, как “социальная инженерия”, обретет реальный смысл и будет для нас столь же привычным и понятным, как и биотехнология, генная инженерия, космонавтика. История принадлежит здесь особая роль»²⁹.

В 1987 году редакторы «Коммуниста» писали о том же, но в более официальном духе:

«Отличительная черта ленинской партии – признание высокой роли научной революционной теории, которая давала большевикам возможность выявить закономерности развития общественной жизни, научно обосновывать и решать новые проблемы, владеть событиями и не допускать того, чтобы события владели ими»³⁰.

Горбачев, предложив новый язык и новые формулы, одновременно поставил «научный поиск истины» выше других критериев в тот момент, когда он с небольшой группой помощников уже готовил радикальную – скорее утопическую, чем научно обоснованную – политическую реформу, которая могла не понравиться большинству в Политбюро. Вероятно, ссылаясь в речи на февральском пленуме ЦК в 1988 году на свободный научный поиск, Горбачев пытался защитить предлагаемые им новшества от партийных консерваторов. В те годы он в самом деле поощрял *свободное соревнование умов* и советовался

28 Болдин В. *Крушение пьедестала*. М.: Республика, 1995. С. 132.

29 Афанасьев Ю. *Прошлое и мы* // Коммунист. 1985. № 14. С. 116.

30 *Партия революции и созидания* // Коммунист. 1987. № 14. С. 5.

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ
ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТ-
СКОГО ДИСКУРСА...

с лучшими учеными-экспертами, включая Абеда Аганбегяна (р. 1932), Татьяну Заславскую (1927–2013) или Егора Гайдара (1956–2009), бывшего в то время заведующим отделом экономической политики журнала «Коммунист»:

«Нет и не может быть никаких ограничений подлинно научного поиска. Вопросы теории не могут и не должны решаться никакими декретами. Нужно свободное соревнование умов. От этого только выиграет наша общественная мысль, умножится ее прогностическая сила, а значит – способность служить надежной основой для выработки политики партии»³¹.

* * *

Подводя итог, я хотел бы привести цитату Алексея Юрчака об отсутствии регуляторов метадискурса, высказывание, которое, как нам представляется, требуют уточнения или даже ревизии:

«[После смерти Сталина] верность любого идеологического высказывания теперь определялась не мнением внешней фигуры, а некими “объективными законами” – законами, которые заранее не были известны и которые еще только предстояло открыть... В результате исчез публичный метадискурс, который ранее осуществлял подобную оценку идеологических текстов и делал к ним комментарии... Единственной публично видимой позицией теперь была позиция не автора идеологического языка, а его *ретранслятора* – то есть позиция человека, который лишь повторяет предыдущие авторитетные высказывания, не создавая новых»³².

Предположение Клода Лефора, что научная и публичная дискуссия не может обосновать базовые положения дискурса и может быть источником метадискурса, я хотел бы скорректировать более оптимистическим модернизмом Хабермаса. Как показывает история Михаила Гефтера, Павла Волобуева, Михаила Сулова, Сергея Трапезникова и многих других, в эпицентре производства и контроля метадискурса речь не шла о тавтологическом повторении и ретрансляции, но скорее об инновациях, о конкуренции различных идеологических линий – наконец, о временами открытой *публичной полемике* о ключевых аспектах официального советского мировоззрения. Именно эта не идеальная, но содержательная полемика в сочетании с аппаратной борьбой и порождала метадискурс, включавший свежее прочтение устоявшихся концепций (например «мирное сосуществование») и разработку новых идеологем – таких, как

31 Горбачев М. *Речь на пленуме ЦК, 18 февраля* // Коммунист. 1988. № 4. С. 9.

32 Юрчак А. *Указ. соч.* С. 107–108.

«развитой социализм», «выбор пути» или «революционная перестройка». В этом смысле мне кажется важным дополнить в целом, безусловно, ценную и продуктивную аналитическую рамку перформативного сдвига «семидесятников» другой историей и другой логикой состязательной борьбы людей, которые всерьез воспринимали и оспаривали констатирующие утверждения друг друга. «Последнее советское поколение» формировало свою вневременную субъектность в стране, где спорили и боролись за влияние «шестидесятники» и предшествующее им поколение «выживших победителей».

ТИМУР АТНАШЕВ

МИХАИЛ ГЕФТЕР, ПАВЕЛ
ВОЛОБУЕВ И ДРУГИЕ
МАСТЕРА ПОЗДНЕСОВЕТ-
СКОГО ДИСКУРСА...

**«Последнее советское поколение» формировало
свою вневременную субъектность в стране, где
спорили и боролись за влияние «шестидесятники»
и предшествующее им поколение «выживших
победителей».**

Распад СССР был обусловлен не только перформативным сдвигом и ритуальным повторением формул, но и верой Горбачева и части его большой команды реформаторов в действенность ленинского наследия, полемики и научного знания об обществе как инструмента гуманистической и эффективной социальной инженерии. Без этой искренней убежденности «шестидесятников» в содержательной правильности советского марксизма и в его научном характере они вряд ли пошли бы на столь радикальные и опасные реформы. Это была попытка реванша за прежнее поражение от искренне убежденных, но более догматичных выдвиженцев «революционного поколения». Впрочем, победителями оказалось последнее советское поколение, которое научилось творчески наполнять позднесоветские ритуалы и идеологемы неосталинизма собственным содержанием.

Необходимость случайности: экономия истории и добродетель пустоты¹

Экономика должна быть ойкономной, или Планово-провиденциальное хозяйство истории

Игорь Игоревич Кобылин
(р. 1973) – редактор
журнала «Неприкосно-
венный запас».

Джорджо Агамбен в работе «Царство и Слава», посвященной теологическому бэкграунду современной гувернаментальности, так пишет о христианской ойкономической концепции истории и ее последующей судьбе в Новое время:

«Связь, которую христианская теология устанавливает между *ойкономией* и историей, принципиально важна для понимания философии истории на Западе. В частности, можно утверждать, что концепция истории в немецком идеализме от Гегеля и Шеллинга до Фейербаха есть не что иное, как попытка помыслить “экономическую” связь между процессом божественного откровения и историей (в терминологии упомянутого нами Шеллинга – “сопринадлежность” теологии и *ойкономии*). Любопытно, что, когда левые гегельянцы порывают с этой теологической концепцией, им удается это сделать, лишь поместив в центр исторического процесса экономику в современном значении, то есть как историческое самовоспроизводство человека. В этом смысле они подменили божественную экономику экономикой чисто человеческой»².

Связь между ойкономией и историей устанавливается через посредство понятия провидения (пронойя). Согласно Агамбену радикальным сближением ойкономии и пронойи теолого-управленческая парадигма обязана Клименту Александрийскому. Именно Климент «кладет начало процессу, который приведет к прогрессивному утверждению дуализма экономики и теологии, Божественной природы и исторического действия»³.

Сегодня, когда споры об экономической теологии по накалу едва ли уступают имеющим давнюю традицию спорам о полити-

- 1 Статья является продолжением работ автора, опубликованных в предыдущих номерах «НЗ»: Кобылин И. *Подъем переворотом: история в чрезвычайном положении* // *Неприкосновенный запас*. 2022. № 4(144); Он же. *«Déjà» и конец истории»: возможности и действительность* // *Неприкосновенный запас*. 2022. № 5(145).
- 2 АГАМБЕН ДЖ. *Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления*. М.; СПб.: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. С. 84–85.
- 3 Там же. С. 87.

ческой теологии⁴, редкое обсуждение историко-богословских истоков нынешнего экономического триумфа обходится без упоминания «Царства и Славы». Однако еще за десять лет до выхода книги Агамбена о связи ойкономии, провидения и истории писала исследовательница искусства Мари-Жозе Мондзен⁵. В работе «Образ, икона, экономия» (1996), посвященной византийской теории образа эпохи иконоборческого кризиса, она рассматривает богословские представления об экономии в разных регистрах – будучи в целом теологическим аппаратом согласования единства и множественности (важность такого согласования трудно переоценить в контексте триадологических и христологических споров), экономия разворачивалась и в качестве педагогического управления аффектами паствы, и как способ наилучшего распределения материальных благ (раздача милостыни и управление церковным имуществом), ну, и, конечно, в качестве необходимого условия дискурсивного и визуального познания бога вообще. Однако это последнее возможно только тогда, когда бог являет свой замысел в истории. Ссылаясь на Тертуллиана, Мондзен пишет, что *oikonomia* (по-латыни *dispensatio*) – это и есть «историческая организация его [бога] спасительной деятельности. Божество выражает себя в соответствии с принципом экономии, овнешняя свой провиденциальный замысел через тройное действие лиц»⁶. Далее исследовательница довольно подробно разбирает провиденциально-исторический смысл экономии у более поздних отцов – в частности, у Иоанна Златоуста. При этом Мондзен тоже полагает, что мы продолжаем существовать в том экономическом режиме, основы которого были заложены святоотеческой мыслью. Она, правда, говорит преимущественно об иконической, визуально-образной экономии, но поскольку эта последняя немислима в отрыве от определенного понимания истории, то и это понимание сохраняет над нами свою власть.

Действительно, работа историко-теологической «провиденциальной машины», призванной согласовать свободу человеческого действия и божественный замысел, хорошо различима и в кантовских размышлениях об уловках природы, которая реализует свой план в истории, лишь на первый взгляд кажущейся «бессмысленным чередованием человеческих дел»⁷;

ИГОРЬ КОБЫЛИН
НЕОБХОДИМОСТЬ
СЛУЧАЙНОСТИ...

4 См., например: SCHWARZKOPF S. (Ed.). *The Routledge Handbook of Economic Theology*. London; New York: Routledge, 2021.

5 Агамбен вскользь упоминает ее работу в первой главе своего труда.

6 Мондзен М.-Ж. *Образ, икона, экономия. Византийские истоки современного воображаемого*. М.: V-A-C Press, 2022. С. 41.

7 Кант И. *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Он же. Сочинения: В 4 т.* М.: Ками, 1993. Т. 1 («Трактаты и статьи (1784–1796)»). С. 83. Парадоксальным образом в истории природа дарует человеку свободу от самой себя, используя в качестве средства такого освобождения *антагонизм*, то есть, по формулировке Канта, «необщительную общительность людей».

и в гегелевской концепции «хитрости разума»; и, конечно, в марксистских – особенно ярких и экспрессивных, правда, не столько у Маркса, сколько у Энгельса – гимнах фактически природной закономерности исторического процесса, закономерности, складывающейся из множества разнонаправленных индивидуальных волей, движимых физическими и экономическими обстоятельствами.

Эта, если воспользоваться словарем Хайдеггера, «улаживающе-слаживающая» экономия, принимающая облик то божественного плана, то невидимой руки рынка, то скрытой рациональности истории, обладает ко всему прочему двумя аспектами – гувернаментально-экономическим и суверенно-политическим. С одной стороны, она внутренне закономерна, хотя эта закономерность может оставаться тайной для самих участников провиденциально-исторического процесса. С другой, она сама способна приостанавливать действие законов и правил, причем на разных уровнях. Так Мондзен, например, пишет о всякого рода обманах, умолчаниях и хитростях, к которым прибегали пастыри и проповедники, приспособлявая христианскую истину к конкретной аудитории в конкретных и не всегда благоприятных обстоятельствах. Подобно тому, как врач может обманом дать лекарство сопротивляющемуся больному, имея в виду исключительно благо последнего, так и пастырь может ввести в заблуждение паству ради ее же спасения. «А значит, с благой целью дозволяется прибегать к обману и называть его нужно не обманом (*apate*), а прекрасной экономией»⁸, – писал Иоанн Златоуст в трактате «О священстве» после откровенного рассказа о том, как он обманул своего друга Василия.

Но речь, конечно, идет не только о частном нарушении моральных заповедей. В значении исключения (ограничения и/или приостановления действий законов) термин *ойкономия* закрепляется в системе канонического права византийской церкви и противопоставляется акривии, то есть принципу строгого соблюдения буквы закона, исключающего всякое исключение и послабление. Агамбен так определяет завязавшийся юридическо-ойкономический узел:

«Парадигма управления и парадигма чрезвычайного положения сходятся в идее *ойкономии* – деятельности руководства, которая управляет ходом вещей, всякий раз приспособляясь в своем искомительном умысле к конкретной ситуации, с которой ей приходится иметь дело»⁹.

Если Агамбен говорит о чрезвычайном положении, то один из крупнейших французских византинистов Жильбер Дагрон,

8 Цит. по: Мондзен М.-Ж. *Указ. соч.* С. 81.

9 АГАМБЕН Дж. *Царство и Слава...* С. 89–90.

разбирая правовые аспекты «ромейской» экономики, упоминает и главного в XX веке немецкого теоретика чрезвычайного положения:

ИГОРЬ КОБЫЛИН
НЕОБХОДИМОСТЬ
СЛУЧАЙНОСТИ...

«Мы сталкиваемся с такой системой мышления, которая противопоставляет в терминах, от которых не отказался бы и недоброй памяти Карл Шмитт, нормы и постановления, законные или институциональные ограничения и полномочия власти, правовое государство и “чрезвычайное положение”»¹⁰.

Схожую характеристику «императорской ойкономии» дает и современный историк Византии Энтони Калделлис:

«Идея, что правящая власть могла делать исключения из правила ради более высокой цели в отдельных случаях или чтобы предотвратить необычное судебное решение, извращающее дух права, в Византии называлась *oikonomia*. Последняя была средством, предусмотренным ради того, чтобы побеждали рассудительная забота, высший смысл справедливости и нравственный консенсус, равно как ввиду прагматизма и понимания, что не всех целей можно достичь одновременно. К *oikonomia* зывали главным образом при применении канонического права, но само по себе это понятие было широко распространено. Вмешательства Бога в историю рассматривались в этом смысле как “экономичные” и от провинциальных судей не ждали буквального и строго применения закона во всех случаях. [...] Когда в XII столетии канонист Феодор Вальсамон заметил, что “император не подчиняется законам или канонам”, он процитировал исключительную прерогативу “императорской *oikonomia*”»¹¹.

ОТ НЕНАСЫТНОСТИ ЭККЛЕЗИАСТИЧЕСКОЙ К НЕНАСЫТНОСТИ ВСЕОБЩЕЙ: ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ УСТОЙЧИВОГО РОСТА

Историк экономической и политической мысли Дотан Лешем в работе «Истоки неоллиберализма. Моделирование экономики от Иисуса до Фуко» (2016) предложил новую теологическую генеалогию экономики – генеалогию, полемически заостренную по отношению к тем авторам, которые определили нынешнюю конфигурацию генеалогических исследований в этой области¹².

В отличие от Ханны Арендт, он полагает, что историю взаимоотношений политики и экономики в Новое время нужно

10 Дагрон Ж. *Император и священник: этюд о византийском «цезарепапизме»*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2010. С. 34.

11 Калделлис Э. *Византийская республика: народ и власть в Новом Риме*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 126.

12 См.: LESHEM D. *The Origins of Neoliberalism. Modeling the Economy from Jesus to Foucault*. New York: Columbia University Press, 2016.

писать не только с точки зрения проигравшего (политики), но и с точки зрения победителя (экономики) – тем более, что сама Арендт связывала рождение греческой историографии с особым типом беспристрастности, когда «факт победы или поражения не влияет на суждение о том, что же достойно дарующей бессмертия похвалы»¹³. Как пишет Лешем, в западной культуре человеческая жизнь всегда понималась как развивающаяся в трех измерениях – политическом, экономическом и философском, – и по меньшей мере странно представлять «свободное развитие хозяйства» исключительно как апроприирующую силу, поглощающую и частное и публичное и, в конечном счете, лишаящую нас мира¹⁴. В любом случае, даже оплакивая забвение политики, необходимо рассмотреть возвышение экономики во всей ее позитивности.

Мишель Фуко был одним из первых, кто связал святоотеческое учение о пастырской власти (*ойкономия психон* – «управление душами»), по выражению Григория Назианзина) с модерными режимами экономического управления. Однако эта связь была едва намечена. Лешем ставит перед собой задачу восполнить пробелы анализа Фуко по четырем основным пунктам: 1) проследить реальный механизм трансформации раннехристианского пастырства на микроуровне «экономики спасения» в масштабные управленческие практики на макроуровне «политической экономики» модерна; 2) показать корреляцию между позднеантичной заботой о себе, исследованной Фуко в курсе «Герменевтика субъекта», и пастырским руководством коллективной жизнью, о котором он говорит в рамках курса «Безопасность, территория, население»; 3) описать динамику отношений между имперской политикой и церковной ойкономией; 4) наконец, продемонстрировать собственно богословский бэкграунд пастырских практик, то есть раскрыть влияние святоотеческого учения о домостроительстве нашего спасения на эти последние.

Эта программа составлена так, как будто никаких теолого-экономических штудий Агамбена, как раз и призванных дополнить разработки Фуко¹⁵, просто не было. Конечно, Лешем

13 Арендт Х. *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли*. М.: Издательство Института Гайдара, 2014. С. 78.

14 См.: Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни*. СПб.: Алетейя, 2000. С. 89–90.

15 «Тень, которую теоретическое осмысление настоящего отбрасывает на прошлое, значительно выходит здесь за хронологические рамки, коими Фуко ограничил свою генеалогию, простираясь до ранних веков христианского богословия, к которым относится первая, приближительная, разработка учения о триединстве в форме *ойкономии*. Поместить управление в его теологический *locus* в тринитарной *ойкономии* не означает попытку объяснить его через иерархию причин, словно теология, по определению, обладает более высоким генетическим статусом; это значит показать, каким образом диспозитив тринитарной *ойкономии* может образовывать привилегированное пространство наблюдения за тем, как функционирует и артикулируется – одновременно изнутри и снаружи – управленческая машина» (АГАМБЕН Дж. *Царство и Слава...* С. 9).

о них знает и даже называет работу Агамбена «тщательной» (*thorough*), однако именно агамбеновскую концепцию он жестко критикует по целому ряду ключевых пунктов¹⁶. Если отвлечься от нюансов и деталей, то, пожалуй, основная претензия Лешема к Агамбену состоит в том, что автор «Царства и Славы» почему-то исследует только раннее, доникейское богословие, практически полностью игнорируя классические тринитарные разработки великих каппадокийцев IV века. Этот странный перекос определяет и все дальнейшие построения и прежде всего – тот акцент, который Агамбен делает на «провиденциальную машину» ойкономического администрирования. Согласно Лешему, внимательное чтение более поздних (и более ортодоксальных) отцов убедительно показывает, что главным и наиболее долгоиграющим эффектом экономических разработок является не провиденциальное согласование первичных и вторичных причин, трансцендентного и имманентного, свободы и детерминизма, а то, что сам Лешем называет «принципом роста». Сближение Агамбеном экономики с провидением было бы квалифицировано православными богословами IV–V веков как арианское уклонение от ортодоксии, и, соответственно, «невидимая рука» рынка Адама Смита (или хитрости исторического разума) должны рассматриваться не как секуляризация ортодоксального святоотеческого учения (о чем Агамбен подробно пишет в приложении к «Царству и Славе» под названием «Экономика в Новое время»), а в качестве светского аналога то ли стоической, то ли арианской доктрины.

Чрезвычайно интересная и довольно сложная ойкономическая концепция самого Лешема требует отдельного обстоятельного разбора, который явно выходит за рамки этой статьи. Отметим лишь, что лешемовская «ойкономия роста» строится на взаимосвязи трех моделей: модели внутрибожественного онтологического общения ипостасей (перихорезис); модели домостроительства воплощения, когда человеческая и божественная природы соединяются «нераздельно и неслиянно», и, наконец, «христомиметической» модели, описывающей общение между богом и человеком, общение, из которого исключены непознаваемая сущность божия, с одной стороны, и человеческий грех, с другой. Эта коммуникация и строится как экономическая, предполагающая никогда не насыщаемое желание, направленное от человека к богу, и божественную любовь, направленную на человека и приспособленную к несовершенству его тварной природы. Экономический рост здесь понимается как прогрессирующее инклюзивное очищение:

16 «Хотя эта книга не была написана с целью опровержения тезиса Агамбена, [...] ее можно читать именно как таковую» (LESHEM D. *Op. cit.* P. 6).

ИГОРЬ КОБЫЛИН
НЕОБХОДИМОСТЬ
СЛУЧАЙНОСТИ...

«Экономия начинается с приведения в действие механизма транскрипции, когда личность сына являет себя в зеркале становления, ничего в этой транскрипции не теряя. В этом случае зеркало, в котором отражается и участвует сын божий, полностью очищается ипостасным союзом... Человек, принимающий участие в экономии воплощения, сохраняет свою особую природу, но эта природа уже очищена; хотя он продолжает оставаться человеком, он причастен божественной личности, а это означает, что бог отражается и участвует в нем, не теряя при этом ничего из своей природы, проявленной в личности домостроительства. Это очищение в свою очередь допускает явление Святого Духа в “экономическом теле” после того, как сын возвращается к отцу. Личность, в которой происходит ипостасное соединение божественного и человеческого, уже готова стать следующим звеном в цепи и явить себя в еще одном зеркале, очистив его, и так далее до устройства полноты времен»¹⁷.

Особое внимание Лешем уделяет как раз ненасыщаемому желанию, которое человек испытывает к богу. Он связывает это желание с платоновской эротической жадью «рождения и произведения на свет в прекрасном», как формулирует смысл эротического Диотима в «Пире». По Лешему, Григорий Нисский преобразует и христианизует этот платоновский мотив, замечая, что бесконечное стремление к богу – это человеческий способ зачать себя в духе.

«Согласно Григорию, стремление к богу питает само себя, порождая чрезмерное желание, которое экономизируется теоретическим и практическим благоразумием, тоже в свою очередь порождающим излишек. Произведенный излишек, остающийся имманентным экономии, [...] является продуктом ненасыщаемого желания, питающегося самим собой»¹⁸.

Эта странная экономия, где бесконечная, питающаяся сама собой нехватка очищает душу и порождает избыток, и становится моделью для роста капиталистической экономики в Новое время. Только теперь не бог рождает бесконечное желание, а все коммодифицированные объекты становятся предметами эротико-либидинальных инвестиций. В этом смысле модерн не столько секуляризация христианской экономики, сколько сакрализация и в прямом смысле обожествление земного мира в полном объеме.

Работа Лешема в целом существенно корректирует наши представления об ойкономической генеалогии модерна, и, конечно, любые современные исследования гувернаментальности должны учитывать ее – альтернативную агамбеновской – оптику. Но в том пункте, который нас здесь интересует, а

17 Ibid. P. 71.

18 Ibid. P. 74.

именно в вопросе теолого-экономических истоков диалектических «законов истории», Лешем, хотя и другим способом, приходит к выводам, близким Агамбену и Мондзен.

ИГОРЬ КОБЫЛИН
НЕОБХОДИМОСТЬ
СЛУЧАЙНОСТИ...

Для Лешема христианская история – это история домостроительства спасения. Она конституируется некоторыми исключительными (*exceptional*) моментами, которые прерывают линейное разворачивание времени. История: это череда чрезвычайных положений, в которых «век грядущий» становится настоящим. При этом Лешем подчеркивает, что эти моменты неравнозначны – здесь отчетливо прослеживается то, что несколько анахронично можно назвать «прогрессивным развитием»:

«Прочитанные вместе, решающие моменты способны поведать нам историю прогресса, движения к телосу, расположенному во времени. Здесь история как прогресс дебютирует в вестернизированной истории. Осмысление истории как истории человеческого прогресса сопровождается признанием, что моменты, играющие решающую роль в этой истории, не являются в равной степени решающими... Примером может послужить домостроительство воплощение, стоящее в эпицентре истории. [...] Именно в такие моменты заключается новый завет, начинается новый век, и экономия перераспределяется и приспосабливается к новым обстоятельствам»¹⁹.

Мы вновь имеем дело с уже знакомой структурой: прогрессивное развитие истории осуществляется через закономерную приостановку работающих в ней законов.

Экономия, где бесконечная, питающаяся сама собой нехватка очищает душу и порождает избыток, становится моделью для роста капиталистической экономики в Новое время. Только теперь не бог рождает бесконечное желание, а все коммодифицированные объекты становятся предметами эротико-либидинальных инвестиций.

ЗАКОНЫ ИСТОРИИ И УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ: ШКОЛЬНАЯ «ОЙКОНОМИЯ» СОВЕТСКОГО МАРКСИЗМА

Итак, христианская ойкономия оставляет в наследство современным диалектическим теориям истории – а нас будут инте-

¹⁹ Ibid. P. 49.

ресовать прежде всего марксистские теории – парадоксальную структуру. В современных политико-философских терминах ее можно сформулировать так: любое «суверенно»-революционное вмешательство в историю уже предусмотрено ее внутренней гвернаментальной закономерностью, так что исполнить законы истории можно, только нарушив исторически ограниченные законы того общества, к которому принадлежит суверен-преступник-революционер. Причем революционная акция и политический активизм – это не более чем триггер, заново запускающий работу «провиденциальной машины». Любопытно, что теологическим бэкграундом этой структуры может послужить не только ойкономия, но и литургические практики. В работе «Opus Dei» Агамбен пишет о литургическом парадоксе:

«Этическая связь между субъектом и его действием [...] разрывается: определяющим отныне является не намерение действующего, но одна лишь функция, которую действие исполняет в качестве *opus Dei*. Подобно тому, как действие черта в качестве *opus operatum* совершается на службе у Бога – даже если в качестве *opus operantis* оно остается злым, – так и литургическое действие священника действенно как *opus Dei*, даже если недостойный священник совершает грех. Таким образом, литургия определяет особую сферу действия, в которой парадигма таинства из Послания к Евреям (*opus operatum* Христа-первосвященника) и парадигма служения из послания Климента (*opus operantis Ecclesiae*) сразу и совпадают, и отличаются друг от друга. Однако это может произойти только ценой отделения и опустошения действия священника от его личной субстанции – будучи “одушевленным инструментом” превосходящей его тайны, священник в реальности не действует, и тем не менее как штатный исполнитель должности он некоторым образом совершает свое действие. [...] Вполне возможно увидеть в этом теологическую модель того расщепления – и в то же самое время сотрудничества – между деятельностью и инициативой, требующимися от политического активиста, с одной стороны, и диалектическими законами истории, которые гарантируют им действенность, с другой, чем была долгое время отмечена практика марксистской традиции»²⁰.

Определив теологические «источники и составные части», необходимо обратиться к самим марксистским текстам. Поскольку настоящая статья – это часть большого исследовательского проекта, посвященного интеллектуальной истории (поздне)советского управленчества / гвернаментальности, в качестве примеров будут взяты советские учебники по истмату и обществоведению. Именно здесь учение о законах истории обретает идеологическую плотность, именно в таком

20 АГАМБЕН Дж. *Opus Dei. Археология службы*. М.; СПб.: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2022. С. 52, 54.

виде отливался философско-исторический *common sense* советского человека. Вместе с тем в более-менее концентрированных формулировках учебников и пособий заметнее всего те парадоксы, которые нас здесь интересуют. Не претендуя на полноту охвата, мы рассмотрим лишь некоторые из них.

В одном из первых советских учебников по историческому материализму, рассчитанном прежде всего на «рабочих, ищущих марксистского знания», его автор – Николай Бухарин – писал, что изучение социологии, разработанной Марксом, необходимо для проведения подлинно «научной политики рабочего класса», поскольку только «научная политика» способна справиться с задачей практического преобразования общества²¹. Под социологией Бухарин понимает тут абстрактную «теорию исторического процесса», отвечающую на вопросы о сущности общества, о причинах его исторической динамики, о закономерностях смены одних исторических формаций другими и так далее. Занимаясь общими законами общественного *развития*, социология служит методом для конкретных исторических исследований:

«История дает *материал* для социологических выводов и обобщений, потому что эти выводы высасываются не из пальца, а из действительных исторических фактов. Социология в свою очередь указывает определенную точку зрения, способ исследования, или, как говорят, *метод*, для истории»²².

Согласно пролетарской науке, общественно-исторические закономерности носят исключительно причинный характер. Критикуя телеологический взгляд на «правильность» социальных явлений, Бухарин выводит его из классово определенных практик управления:

«С тех пор, как человеческое общество распалось на группы, одни из которых (меньшинство) управляют, приказывают, господствуют, а другие управляются, исполняют и подчиняются, люди стали рассматривать весь мир по этой мерке. Как на земле есть цари, судьи, короли, полководцы и проч., которые диктуют законы, судят, наказывают, так и во всем мире есть, дескать, царь небесный, небесный судья, его небесное воинство, его полководцы (архистратиги). Весь мир стал рассматриваться как продукт творящей воли, которая, как ей и полагается по чину, занимается предначертанием своих целей, своего “божественного плана”»²³.

21 Бухарин Н. *Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. Издание пятое (стереотипное)*. М.; Л.: Государственное издательство, 1928. С. 8. Это действительно популярный учебник, родившийся, по словам автора, из семинарских дискуссий с людьми, «которые занимаются философией и дежурят по ночам с винтовкой в руках, обсуждают наиболее абстрактные вопросы и через час пилят дрова, сидят в библиотеках и проводят долгие часы на фабриках» (Там же. С. 6). Видимо, стремлением Бухарина к максимальной доходчивости объясняются многочисленные «примерчики» и «подходы» «Теории исторического материализма».

22 Там же. С. 12.

23 Там же. С. 18.

ИГОРЬ КОБЫЛИН
НЕОБХОДИМОСТЬ
СЛУЧАЙНОСТИ...

И закономерный вывод: «Это есть *поповская* точка зрения, под каким бы ароматным соусом она себя ни подавала²⁴.

Конечно, люди, будучи сознательными существами, ставят себе цели, но попытки целенаправленного регулирования общественной жизни – правового или политического – без знания подлинных естественно-исторических закономерностей обречены на слепоту и итоговый провал. То, что служило скрытой моделью для репрезентации природы в качестве вечного, гармоничного и целесообразного устройства, обнаруживает собственную историческую преходящность. По отношению к таким «регуляциям» история выступает как стихия, как *фатум*, как неожиданно нагрянувшая непроницаемая внешняя сила, отмеряющая этим «регуляциям» срок их существования. И, напротив, рациональное постижение цепи исторической каузальности, прояснение ее стихийного хода – шаг к действительно разумно организованному обществу, по отношению к которому прежние формы контроля и управления не более чем внешние подпорки слепой анархической стихии. В неорганизованных (классовых, с неплановым производством) обществах субъективные цели большинства людей расходятся с объективным течением социальных процессов. Совершаясь через посредство множества разнонаправленных индивидуальных волей, эти процессы в результате предстают в качестве травматически отчужденной, «бессознательной» реальности для каждой из них:

«Общественные явления не выражают волю отдельных людей, обычно идут вразрез с этой волей, принудительно господствуют над ней, так что отдельный человек очень часто чувствует на себе давление общественной стихии (пример: разорившийся торговец, опрокинутый революцией капиталист, стоявший за войну и т.д.)»²⁵.

Только при коммунизме – то есть в «царстве свободы как познанной необходимости» – общественные явления и *определяют* каждую отдельную волю, и *выражают* ее: множество волей и желаний совпадают с объективной «сутью дела» так, что «люди господствуют над своими решениями и не чувствуют над собой никакого давления общественной стихии, место которой заняла разумная общественная организация»²⁶. *Поскольку субъективная воля теперь целиком и полностью сливается с объективностью явления, никакое внешнее управление действительно более не нужно: мы в прямом смысле сталкиваемся с разумным самоуправлением естественно-исторического процесса.*

24 Там же. С. 19.

25 Там же. С. 38.

26 Там же. С. 40.

Еще более радикально «правильность» общественно-исторических явлений и способность к предвидению и управлению связывались в другом раннесоветском популярном учебнике. Речь идет о «Русской истории в самом сжатом очерке» (1921) Михаила Покровского, переиздававшейся только при жизни автора десять раз. Во вводной главе «Общие понятия об истории» Покровский пишет:

«Человек меняется и будет меняться, как и все остальное. Одни общественные порядки возникают, другие общественные порядки рушатся, на месте их возникают новые порядки и т.д. Конца этих изменений мы предвидеть и представить себе не можем, но если мы будем наблюдать эти изменения на протяжении десятков и сотен лет, то мы поймем их правильность, узнаем законы этих изменений. И если мы не будем в состоянии наглядно представить себе, что будет с человеческим обществом через несколько тысяч, положим, лет, то мы можем знать, как, какими путями человечество будет изменяться в течение этих тысяч лет. А тот, кто предвидит будущее, господствует над этим будущим, потому что, предвидя будущее, мы можем подготовиться к нему – принять свои меры, чтобы избежать будущих несчастий и чтобы возможно лучше воспользоваться теми благами, которые это будущее нам принесет. Знать – значит предвидеть, а предвидеть – значит мочь или властвовать. Знание прошлого дает нам, таким образом, власть над будущим»²⁷.

«Мочь» и «властвовать» явно отсылают к латинскому концепту *potestas*. Если же вспомнить, что парное к нему понятие *auctoritas* (авторитет) можно определить как «социально признаваемое знание»²⁸, то в случае с цитатой из Покровского мы имеем дело с формулой пролетарской «полноты власти» – *plenitudo potestatis*: уникальное положение пролетариата дает ему ключ к объективному познанию прошлого, и на основании полученного знания он обретает материальную возможность «правильного» воздействия на будущее. Причем, в отличие от Бухарина, делавшего акцент на *совпадении* субъективной воли тех, кто познал закон истории, с самим этим объективным законом, Покровский в своей формулировке усиливает суверенный аспект власти над будущим: познание необходимой правильности исторических изменений позволяет встать

27 Покровский М.Н. *Русская история в самом сжатом очерке. Части I и II. От древнейших времен до конца XIX столетия.* М.: Учпедгиз, 1934. С. 6.

28 МАРЕЙ А. *Авторитет, или Подчинение без насилия.* СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 14. Марей опирается здесь на испанского юриста и философа Альваро д'Орса: «Суть власти, по мнению А. д'Орса, заключается в *возможности* одного человека что-либо сделать в отношении другого, в *мощи*, позволяющей осуществить это действие. Сущность же авторитета состоит в *знании* одного человека о том, как *правильно* совершить какое-либо действие, направленное на пользу другого, или о том, что *нужно сделать* другому человеку, чтобы его действие стало *правильным*, получило правовой эффект» (Там же).

над этой необходимостью и обрести свободу вмешательства («принять свои меры») в исторический процесс. Правда, Покровский благоразумно не уточняет объем этих вмешательств, чтобы, по всей видимости, избежать историцистского парадокса и суверенного коллапса – ведь «законное» знание будущего дает возможность его избежать и тем самым поставить под вопрос силу познанного закона.

Уникальное положение пролетариата дает ему ключ к объективному познанию прошлого, и на основании полученного знания он обретает материальную возможность «правильного» воздействия на будущее.

В сентябре 1938 года выходит «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», ставшая главным «гуманитарным» учебником эпохи сталинизма. В постановлении ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”», в частности, говорится:

«В исторической науке до последнего времени антимарксистские извращения и вульгаризаторство были связаны с так называемой “школой” Покровского, которая толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму освещала их с точки зрения сегодняшнего дня. А не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события, и тем самым искажала действительную историю. [...] “Краткий курс истории ВКП(б)” кладет конец этой и тому подобной вульгаризации и опошлению марксизма-ленинизма, восстанавливая установки марксизма-ленинизма»²⁹.

Бухарина же, расстрелянного за полгода до выхода «Краткого курса», и его сподвижников-«бухаринцев» характеризуют на страницах этого пособия как «подонков человеческого рода», «извергов», «белогвардейских пигмеев», «белогвардейских козьяков» и, конечно, как «ничтожных лакеев фашистов». В общем: «Советский народ одобрил разгром бухаринско-троцкистской банды и перешел к очередным делам»³⁰.

Однако что касается «законов истории», то все здесь мало изменилось по сравнению с антимарксистскими «козьявками». Вот обширная цитата из «философской главы» «Краткого курса»:

29 Цит. по: «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история: В 2 ч. / Сост. М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2014. С. 533.

30 История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Правда, 1938. С. 331–332.

«Если связь явлений природы и взаимная их обусловленность представляют закономерности развития природы, то из этого вытекает, что связь и взаимная обусловленность явлений общественной жизни представляют также не случайное дело, а закономерности развития общества.

Значит, общественная жизнь, история общества перестает быть скоплением “случайностей”, ибо история общества становится закономерным развитием общества, а изучение истории общества превращается в науку.

Значит, практическая деятельность партии пролетариата должна основываться не на добрых пожеланиях “выдающихся лиц”, не на требованиях “разума”, “всеобщей морали” и т.п., а на закономерностях развития общества, на изучении этих закономерностей.

Дальше. Если мир познаваем и наши знания о законах развития природы являются достоверными знаниями, имеющими значение объективной истины, то из этого следует, что общественная жизнь, развитие общества также познаваемо, а данные науки о законах развития общества являются достоверными данными, имеющими значение объективных истин.

Значит, наука об истории общества, несмотря на всю сложность явлений общественной жизни, может стать такой же точной наукой, как, скажем, биология, способной попользовать законы развития общества для практического применения.

Значит, в своей практической деятельности партия пролетариата должна руководствоваться не какими-либо случайными мотивами, а законами развития общества, практическими выводами из этих законов.

Значит, социализм из мечты о лучшем будущем человечества превращается в науку. Значит, связь науки и практической деятельности, связь теории и практики, их единство должно стать путеводной звездой партии пролетариата»³¹.

Ну, и, наконец, учебник уже раннезастойного времени – «Курс исторического материализма» Владислава Келле и Матвея Ковальзона. В главе, посвященной закону соответствия производительных сил и производственных отношений, авторы пишут:

«В истории не заложено с самого начала какой-то внутренней цели, как это утверждают идеалисты. Исторические материалисты рассматривают ход истории как закономерный, причинно обусловленный процесс. Цели имеются лишь в человеческой деятельности, причем материальные условия каждой эпохи определяют те цели, которые люди перед собой ставят, а также возможности их достижения.

Закономерное развитие и смену общественных формаций было бы также неправильно представлять как некую философско-исто-

31 Там же. С. 109.

рическую схему, которая навязывается каждому народу и всей истории. Теория общественных формаций раскрывает нам внутреннюю логику всемирной истории, определяемую ее законами. Конкретная история, конечно, значительно богаче и многообразнее. Но, подобно тому, как все реки, как бы извилист ни был их путь, текут в моря, так и все народы, как бы причудлив ни был путь их исторического развития, идут и в современную эпоху придут к коммунизму. Таков закон исторического развития»³².

Цель в истории не заложена, но все народы придут к коммунизму; путь каждого из них может быть причудлив и извилист, но у всемирной истории есть вполне постижимая, определяемая законами логика; конкретная история во всем ее богатстве не подчиняется схемам, но только эти схемы и составляют содержание учебника. Тайна экономики явно представлена здесь во всем своем «ослепительном мраке».

МЕСТО «ВСТРЕЧИ»: СЛУЧАЙ, ДОБЛЕСТЬ И ФОРТУНА

Можно ли – оставаясь в рамках марксистской традиции – не попасться в экономически-теологические ловушки, подстерегающие не только официальные советские учебники, но и актуальную радикальную мысль, и попробовать застопорить работу «провиденциальной машины»? В качестве обнадеживающего примера такого саботажа можно рассмотреть недавние попытки ряда теоретиков истории и исторического времени (преимущественно итальянских) перечитать Альтюссера и заново ввести в оборот его алеаторный материализм³³. Однако прежде, чем начать подрывную работу по деконструкции телеологического историзма, эти теоретики существенно усложнили наше понимание его генезиса и механизма работы.

Так Витторио Морфино ссылается на исследование Фабио Мерлини, показавшего, что историописание как новая дисциплина рождается в конце XVI века благодаря трем «процессуальным императивам»: 1) регистрация собственно исторических фактов должна отличаться от фиксации простой хронологической последовательности множества событий; 2) эта новая – уже теперь историческая – связность должна быть выведена из области догматической теологии; 3) историописание должно быть освобождено от стилистических правил риторики. Постепенно на основе этих трех методологических процедур формируется представление об истории как об автономном процессе, разворачивающемся во времени – из прошлого через настоящее в будущее – согласно логически необходимым причинно-

32 Келле В., Ковальзон М. *Курс исторического материализма*. М.: Высшая школа, 1969. С. 117.

33 Автор благодарен Андрею Олейникову и Анне Егоровой, обративших его внимание на эти попытки.

следственным связям³⁴. Понятие времени играет тут важнейшую роль. Хотя само рождение историзма свидетельствует о переносе акцента с незыблемых форм на сеть отношений, даже у таких великих «реляционистов», как Лейбниц и Гегель, «время упорядочивает отношения, а не конституирует их».

ИГОРЬ КОБЫЛИН
НЕОБХОДИМОСТЬ
СЛУЧАЙНОСТИ...

«Лейбниц сводит отношения к комбинаторной игре Бога – одновременно и архитектора, и суверена – игре, результат которой всегда предreshен стремлением божественной воли к благу. Точно так же гегелевская теория хитрости разума [...] ткет великий гобелен истории – гобелен, чьей основой и утком является Идея... И предустановленная гармония, и хитрость разума заставляют реляционность служить целям телеологии»³⁵.

Однако, как только возникает такого рода историзм, появляется и оппозиция ему – философская традиция, настаивающая на приоритете разрыва в ущерб непрерывности, единичного в ущерб общему, случайного в ущерб закономерному. Ключевой тезис Морфино заключается в том, что историзм, сложившийся в европейской культуре XVIII–XX веков усилиями разных мыслителей в диапазоне от Лейбница до Гадамера, можно «удержать вместе»³⁶ с европейским же «антиисторизмом» (Кьеркегор, Ницше, Беньямин, Шмитт) по модели кантовской третьей антиномии чистого разума. Третье противоречие трансцендентальных идей формулируется у Канта следующим образом:

«Тезис. Причинность, по законам природы, есть не единственная причинность, из которой можно вывести явления в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить свободную причинность (*Causalitat durch Freiheit*). [...] Антитезис. Нет никакой свободы, все совершается в мире только по законам природы»³⁷.

Действительно, если историзм не видит ничего, кроме необходимости железной цепи «законов истории», то «антиисторическая» линия мысли настаивает на том, что можно выхватить определенный момент и освободить его от сцепки с другими звеньями причинно-следственного ряда. Этот момент – кайрос, момент решения, События, революционного праксиса, «тигриного прыжка» – и становится кантовской «абсолютной спон-

34 См.: MORFINO V. *The Fracture of Kantian Antinomy: Machiavelli and Spinoza* // Parrhesia. 2015. № 23. P. 43–62. Ср. также: КОЗЕЛЛЕК Р. *Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени»)* (<https://strana-oz.ru/2004/5/mozhem-li-my-rasporyazhatsya-istoriei-iz-knigi-proshedshee-budushchee-k-voprosu-o-semantike-istoricheskogo-vremeni>).

35 MORFINO V. *History as “Permanent Revocation of the Accomplished Fact”: Machiavelli in the Last Althusser* // DIEFENBACH K., FARRIS S.R., KIRN G., THOMAS P.D. (Eds.). *Encountering Althusser. Politics and Materialism in Contemporary Radical Thought*. London; New York: Bloomsbury, 2012. P. 63.

36 Имеется в виду процедура «удержания вместе разделенного», конститутивная для коинсидентологического проекта Йозефа Регева.

37 КАНТ И. *Сочинения: В 6 т.* М.: Мысль, 1964. Т. 3. С. 418–419.

танностью», тем, что способно «само собой начинать тот или иной ряд явлений, продолжающийся далее по законам природы»³⁸. Именно в этом пункте шмиттовское суверенное решение почти неотлично от беньяминовского «стоп-крана», сколько бы теоретических усилий мы ни прикладывали, чтобы их развести. Ретроактивно общей моделью волюнтаристского «анти-историзма», мыслящего любую контингентность в терминах свободной причинности, становится дерридианская «эсхатология без телеологии»³⁹.

Сама форма антиномии не только способствует «сплочению рядов» по разные стороны линии «фронта», но и является способом объединения этих сторон – навязанное противопоставление не позволяет выйти за пределы линейной причинно-следственной цепи, не важно, непрерывной или периодически рвущейся, и продумать радикально другое понятие времени и, соответственно, другое понятие контингентности. Согласно Морфино, необходимо обратиться к одной забытой традиции исторической мысли, способной помочь нам в деле переосмысления исторической событийности по ту сторону кантовских моделей.

Впрочем, эта забытая традиция представлена хорошо известными именами. Речь идет о Макиавелли и Альтюссере, чьи новаторские размышления об истории и времени, однако, оказались невостребованными. Действительно, Макиавелли до сих пор воспринимается либо как циничный теоретик «государственного интереса» (исходя из влиятельной интерпретации Фридриха Майнеке), либо как радикальный республиканец (точка зрения Джона Г.А. Покока⁴⁰). А между тем еще в 1960–1970-е Луи Альтюссер прочитал его совершенно иначе – в качестве по-настоящему революционного мыслителя исторического разрыва и специфической недialeктической «пустоты» в истории. Именно такой – «альтюссерянский» – Макиавелли может разделить нас теоретическими инструментами, необходимыми, чтобы попробовать разобрать «ойкономическую машину».

Если коротко суммировать выводы современных неоальтюссерянцев, то радикальная концептуальная интервенция Макиавелли–Альтюссера выглядит следующим образом:

38 Там же. С. 420.

39 Морфино отсылает здесь к книге Деррида «Призраки Маркса». У Деррида, правда, речь идет о противопоставлении мессианского обещания телеоэсхатологическим программам: «Речь могла бы идти о том, чтобы помыслить иную историчность – не некую новую историю, а тем более не *new historicism*, но помыслить иначе саму событийность – как историчность, которая не отказывается от историчности, но, наоборот, позволяет постичь утверждающую мысль того мессианского и освобождающего обещания, которое дано как *обещание*, а не как онтологическая или телеоэсхатологическая программа или проект» (ДЕРРИДА Ж. *Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал*. М.: Logos-altera; Ecce homo, 2006. С. 109).

40 См.: MEINERKE F. *Machiavellism: The Doctrine of Raison d'État and its Place in Modern History*. London: Routledge; Kegan Paul, 1957; Покок Дж. Г. А. *Момент Макиавелли: политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция*. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

А) *Реляционизм*: перенос онтологического центра тяжести с элементов на отношения между ними. Так, для Альтюссера классы не предшествуют классовой борьбе в качестве уже готовых социально-экономических сущностей, но конституируются самой этой борьбой⁴¹. Однако мы видели, что даже радикальный реляционизм Лейбница и Гегеля оказался в подчинении у телеологически понятого времени – божественной вечности у Лейбница и континуального времени у Гегеля, – времени, возможному благодаря полному присутствию «понятия во всех детерминациях его существования»⁴². Именно поэтому в «Читать “Капитал”» Альтюссер пытается построить другую концепцию времени: время социальной тотальности должно пониматься и не как вечность, и не как гегельянский «сущностный срез», но скорее как сложная и подвижная конфигурация различных времен.

Б) «*Примат встречи над формой*» – так Витторио Морфино формулирует сущность алеаторного материализма. Всякое сущее случайно; оно является продуктом столкновения/встречи других сущих, так же в свою очередь являющихся результатами алеаторных столкновения/встреч других сущих и так до бесконечности. Встреча не предрешена: будучи окруженной своего рода «пустотой», она могла и не случиться. Причинность в таком материализме и не механистическая, и не органицистская, а «имманентная» или структурная, то есть существующая только в своих эффектах⁴³.

Это понятие «пустоты» как непредрешенной и негарантированной возможности нового начала является диагностически важным в прочтении Альтюссером макиавеллевского «Государя». Еще в курсе в Высшей нормальной школе (*École normale*) 1962 года он так говорил о своего рода историко-политическом обзоре итальянских княжеств, сделанном Макиавелли на предмет предпосылок создания единого итальянского государства:

«Зачем нужен этот *общий обзор* существующих княжеств (*principautés*)? Зачем это общее и исчерпывающее описание итальянской “материи”, ожидающей Новой Формы? Видимо, дело в том, что, заявляя о необходимости для этой “материи” новой формы, Макиавелли был не в состоянии предвидеть [...] ни места рождения, ни начала, ни конкретных условий начала Новой Формы. *Необходимость* тщательной инвентаризации негативных существующих форм есть

41 См.: Егорова А. *К переосмыслению понятия класса: tempora multa множественного субъекта* // Логос. 2021. № 4. С. 171–192.

42 Альтюссер Л. *Ошибки классической экономики: набросок понятия исторического времени* // Неприкосновенный запас. 2022. № 2(142). С. 18.

43 О структурной причинности см.: ALTHUSSER L., BALIBAR E. *Reading Capital. Part 1*. London; New York: Verso Books, 1979. P. 186–189; см. также: DIEFENBACH K. *Althusser with Deleuze: How to Think Spinoza’s Immanent Cause* // DIEFENBACH K., FARRIS S.R., KIRN G., THOMAS P.D. (Eds.). *Op. cit.* P. 165–184.

не что иное, как признание радикальной *контингентности* применения новой формы к существующей материи. Другими словами, необходимость новой формы имеет своим условием радикальную контингентность собственного начала⁴⁴.

Иначе говоря, нет никаких объективных причин, предпосылок, условий появления этой самой новой Формы. Вместо «ойкономического» разворачивания континуального исторического процесса, таинственно сопрягающего чрезвычайность События и «нормальность» Закона, мы сталкиваемся с разрывом, с чистым «ничто». Но это не разрыв линейной каузальной цепи и не «ничто» христианского креационизма – как поясняет Стефано Пиппа, «ничто» тут выполняет функцию указания на безусловный примат «абсолютной контингентности над необходимостью и достаточной причинностью»⁴⁵. Сам Макиавелли недвусмысленно пишет об этом в «Государе»:

«Но обратимся к Киру и прочим завоевателям и основателям царства: их величие нельзя не дивиться, и, как мы видим, дела их и установления не уступают тем, что были внушены Моисею свыше. Обдумывая жизнь и подвиги этих мужей, мы убеждаемся в том, что судьба послала им только случай, то есть снабдила материалом, которому можно было придать любую форму: не явись такой случай, доблесть их угасла бы, не найдя применения; не обладай они доблестью, тщетно явился бы случай»⁴⁶.

Как мы видим, основание царства – это контингентная «встреча» *случая (occasione)*, посланного *судьбой (fortuna)*, и *доблести (virtu)*. Важно, что «пустота» не должна пониматься как заботливо расчищенная диалектическим разумом истории стартовая площадка для появления нового именно как нового в линейной логике. Противоречия «старой» конъюнктуры требуют решения, но «новое» не появляется в качестве такового в соответствии с необходимостью закона истории.

«Построение конъюнктуры как соотношения сил или как “противоречия” не ведет к ликвидации разрыва, ибо это означало бы теоретическое – то есть идеалистическое – разрешение самого противоречия. “Разрыв” имеет решающее значение именно потому, что он выражает отказ от любых “законов истории”, или, если воспользоваться собственными формулировками Альтюссера, он говорит нам о “необходимости случайности”, которую никакая теория не может полностью предвидеть»⁴⁷.

44 ALTHUSSER L. *Politique et histoire, de Machiavel à Marx*. Paris: Seuil, 2006. P. 208–209.

45 PIPPA S. *Void for a Subject: Althusser's Machiavelli and the Concept of "Political Interpellation" // Rethinking Marxism*. 2019. Vol. 31. № 3. P. 365.

46 МАКИАВЕЛЛИ Н. *Государь. Рассуждение о первой декаде Тита Ливия*. М.: АСТ; Транзиткнига, 2006. С. 21.

47 PIPPA S. *Op. cit.* P. 369.

Альтюссер и его современные комментаторы подчеркивают, что только в модусе этой необходимой случайности Макиавелли и мыслит политической действие, «действие, которое должно быть совершено». И здесь радикальное различие между государем Макиавелли и сувереном Шмитта, хотя их часто смешивают. Так Ёшихико Ичида прочитывает альтюссер-рианско-макиавеллевскую «пустоту» как пустоту суверенного решения⁴⁸. Действительно, чрезвычайное положение «опустошает» Закон, но оно при этом утверждает его чистую форму. Но пустота, о которой говорит Альтюссер, – это не пустота формы, а пустота еще несвершившегося факта, который может никогда и не свершиться. Мыслить и действовать в модусе «встречи» означает порвать с теологическими ухищрениями экономии истории, превратить теорию из нейтрально-объективного описания противоречий конъюнктуры в инструмент решения, а агентов исторического процесса рассматривать не только в качестве «готовых», всегда-уже интерпеллированных субъектов-подданных, но в качестве «пустых мест» – мест «государей», которые еще только предстоит занять.

ИГОРЬ КОБЫЛИН
НЕОБХОДИМОСТЬ
СЛУЧАЙНОСТИ...

Нет никаких объективных причин, предпосылок, условий появления новой Формы. Вместо «ойкономического» разворачивания континуального исторического процесса, таинственно сопрягающего чрезвычайность События и «нормальность» Закона, мы сталкиваемся с чистым «ничто».

48 ICHIDA Y. *Subject to Subject: Are We All Schmittians in Politics?* // *Borderlands*. 2005. Vol. 4. № 2.

Энтони Барнетт
(р. 1942) – британский журналист, политический активист. В 2001 году стал одним из сооснователей медиаплатформы «openDemocracy».

Год назад, в начале 2022-го, среди центристов и левых во всем мире царилло чувство тревоги, если не откровенное уныние.

Трамп все еще бушевал, и перспективы грядущих промежуточных выборов в американский Конгресс внушали ужас. Массовая поддержка президента Бразилии Жаира Болсонару грозила привести к его переизбранию и уничтожению лесов Амазонии с необратимыми последствиями для планеты. Си Цзиньпин, на волне успеха своей авторитарной политики «нулевой терпимости к коронавирусу», был на пути к бессрочному правлению в Китае, в то время как уйгуры и Гонконг были раздавлены; а вышедшая из ЕС Великобритания буксовала под началом премьер-министра Бориса Джонсона, олицетворяющего вопиющую коррумпированность и ложь. Вдобавок ко всему Россия стягивала силы на границу с Украиной, что, по мнению мировой общественности, должно было – как бы шокирующе это ни звучало – привести к свержению правительства в Киеве.

Вместо этого результаты промежуточных выборов оказались исключительно позитивными для демократов; Лула выиграл президентскую гонку в Бразилии; Си Цзиньпин был вынужден

1 Перевод выполнен с любезного разрешения автора и редакции «Byline Supplement» по: BARNETT A. *The Year of the Definite Left: How Progressives Can Defeat the Right in 2023* // Byline Supplement. 2022. December 28 (www.bylinesupplement.com/p/the-year-of-the-definite-left-how). Мы сохранили подход издания – публиковать текст без академических библиографических сносок. – *Примеч. ред.*

КУЛЬТУРА
ПОЛИТИКИ

пойти на уступки из-за протестующих, вынесших уроки как из российских протестов с чистыми листами бумаги, так и из призывов «быть как вода», звучавших во время гонконгской «революции зонтиков»; Борис Джонсон сложил полномочия, хотя его влияние ощущается до сих пор. Путин, понеся чувствительный военный урон, силится не растерять свой «кредит доверия» в жестокой, но безнадежной борьбе. Не менее поразительно и то, что в Иране молодое поколение сменило ленинские лозунги про «Хлеб, землю и мир» на курдское «Женщина, жизнь, свобода».

Все это, однако, принесло лишь чувство облегчения. Среди прогрессистов на смену унынию не пришел оптимизм – что логично, поскольку левые по сей день ничуть не ближе к победе, чем центристы к восстановлению того *status quo*, что царил до финансового кризиса 2008 года.

Тем не менее глубинные перемены, обладающие энергией и потенциалом, уже начались.

Благодаря этим переменам текущая ситуация носит напряженный характер – в разных странах и в разных проявлениях. Хотя правых и ультраправых пока не удалось оттеснить, их натиск удалось сдержать – главным образом в Соединенных Штатах.

Я хотел бы рассмотреть происходящее там как некий шаблон для развития событий во всем мире.

Ни Байден – с его рекордно низкими рейтингами популярности, – ни некогда привлекательная идеология социализма не могли стать помехой для республиканцев на прошедших промежуточных выборах. А что же тогда? Из наиболее известных комментаторов только Майкл Мур – кинорежиссер из Мичигана – был уверен в положительном исходе для демократов. Кинокритики очень часто подмечают то, что скрыто от большинства из нас – рядовых наблюдателей. Составляя ежегодный список лучших фильмов, Ричард Броуди из журнала «The New Yorker» отметил, что выдающиеся режиссеры уже много лет затрагивают в своем творчестве проблемы «возрождения открыто антидемократических сил и откровенно ненавистнических идеологий, кризиса нелегитимного правления, угрозы авторитаризма и потенциального окончательного захирения даже нынешней чахлой американской демократии». Но лишь сейчас, в 2022 году, произошел «сдвиг кинематографической парадигмы» – такой сдвиг, который сигнализирует о появлении «неких новых и знаменательных веяний».

Где же искать эти новые и знаменательные веяния? В среде левых.

С момента становления трампизма и сопутствующей трансформации всей Республиканской партии потенциал ультрапра-

вых был неоспорим. Они стратегически последовательны, получают мощное финансирование, умеют создать себе выгодный имидж в глазах народа, располагают поддержкой церкви, привлекают сторонников с помощью ложных идей о расовом или религиозном превосходстве, прибегают к фальсификациям и имеют надежную опору в СМИ (прежде всего принадлежащих Руперту Мёрдоку).

Их влияние укрепили финансовый кризис и кризис легитимности, постигший финансовую элиту, слабость либерального центра, разгром профсоюзов, маргинализация идей социализма и десятилетия неолиберализма, эффективно внушившие населению, особенно менее обеспеченным его слоям, что его голос на выборах ничего не решает.

Наконец – и для ультраправых это по-прежнему решающий фактор, – Трамп перечеркнул тот фатализм, на котором держалось господство рынка, и заручился поддержкой избирателей. И сделал он это, предложив вернуть страну к величию путем своекорыстного, антиэлитарного национализма.

Учитывая все это, трампизм должен был восторжествовать. Как же тогда выходит, что оппозиция может тягаться с ним даже в рамках коррумпированной американской системы? Если политика в США – и не только там – балансирует на острие ножа, то чем объяснить равноценное сопротивление, способное нейтрализовать влияние оголтелых правых?

Ответ заключается в том, что появился новый тип прогрессивной силы, который развился в реальную политическую идеологию, ныне выражаемую настоящими политиками, которые на местных и национальной аренах сталкиваются лицом к лицу с кандидатами и членами Палаты представителей правых и центристских взглядов.

У этой идеологии есть три определяющих аспекта.

Во-первых, она направлена на то, чтобы уполномочить избирателей управлять собственной жизнью, насколько это возможно. Как и авторитарный популизм, она презирует поклонение политическим, религиозным и финансовым элитам послевоенного периода. Она истинно демократична и связана с новыми формами делиберативного представительства и конституционных изменений.

Во-вторых, она стремится взять под контроль капитализм – прежде всего, чтобы спасти планету от климатической и экологической катастрофы; стремится обратить вспять имущественное неравенство и положить конец коррупции, особенно коррупции в политике, а также утвердить человеческие ценности, которые не диктовались бы рынком. Благодаря этому ее отличает восприятие общества-в-целом как сущности, состоящей из взаимосвязанных элементов.

В-третьих, она ратует за культуру личного опыта, равно как и за культуру расширения прав и возможностей. Политика всегда связана с чувствами людей. Будь то либеральный патриотизм или ксенофобский национализм, политика всегда обращается к эмоциям людей по поводу того, кто они такие – а в своих авторитарных проявлениях этими эмоциями манипулирует. Эта новая идеология поистине инклюзивна: она научилась у феминизма необходимости противостоять дискриминации по признаку идентичности – в особенности расовой дискриминации, – и она категорически терпима к праву каждого на выражение собственной идентичности, рассматривая совместный опыт личной трансформации как часть реальных изменений.

ЭНТОНИ БАРНЕТТ
ГОД ДЕФИНИТИВНЫХ
ЛЕВЫХ

Новая идеология поистине инклюзивна: она научилась у феминизма необходимости противостоять дискриминации по признаку идентичности, и она категорически терпима к праву каждого на выражение собственной идентичности, рассматривая совместный опыт личной трансформации как часть реальных изменений.

Поскольку новой идеологии нужно название, я буду опираться на три ее наиболее важные особенности: она истинно демократична, она опирается на **феминизм**, но не как на женское движение, а как на кроссгендерную, антимачистскую форму политики, и она **имеет** место в действительности. Что ж, предлагаю, по крайней мере пока, называть ее «**дефинитивной**», а ее носителей – «дефинитивными левыми»².

Зародившись не так давно, феномен этот, неокрепший и уязвимый, находится на стадии протоплазмы. Он может не выжить. Я хочу зафиксировать и отметить его возникновение. С этой целью я для начала перечислю некоторых дефинитивных левых политиков, затем обрисую глубинные процессы нашего времени, которые создали условия для их существования, и предположу, как так случилось, что представители дефинитивных левых появились в коридорах власти. После этого я расскажу о противниках дефинитивных левых, которые сопротивляются укреплению их позиций.

2 В оригинале термин «дефинитивные левые» звучит как *definite Left*; в переводе с английского *definite* буквально означает «определенный». Такие варианты перевода, как «определенные» или «несомненные левые», лучше отражают значение термина, однако выбор пал на менее благозвучный для русского уха, зато максимально близкий к оригиналу вариант «дефинитивные», так как автор изначально составил его, сложив фрагменты нескольких слов. – *Примеч. перев.*

Политики

Одна из причин, по которой я выбрал термин «дефинитивные левые», по крайней мере в качестве рабочего названия, заключается в том, насколько неопределенным с точки зрения традиционной идеологической структуры кажется явление, которое он описывает. Оно не соответствует никаким общепринятым установкам и включает фигуры, которые конфликтуют и конкурируют между собой.

Особую природу этого феномена трудно было разглядеть в том числе из-за того, как определяет сам себя политик, наиболее ответственный за его становление в качестве влиятельной политической силы в США – баллотировавшийся на пост президента Берни Сандерс. Президент Байден – центрист, который понял, что к чему, и объединился с Сандерсом после выдвижения своей кандидатуры в 2020 году, – открыто поблагодарил *Берни* за агитацию избирателей в свою пользу.

Сандерс – социалист. На деле это не означает, что он против капитализма. Он говорил: «Я не считаю, что государство должно владеть средствами производства, но я верю, что средний класс и рабочие семьи, которые производят богатство Америки, заслуживают справедливого отношения». Он называет себя «демократическим социалистом» и объясняет, что это значит: он хочет возвращения к политике Нового курса президента Франклина Делано Рузвельта, известного тем, что «приветствовал ненависть» банкиров.

На фоне последствий коллапса 2008 года, когда Уолл-стрит была спасена, а более десяти миллионов семей лишились права выкупа своего залогового жилья, призывы Сандерса к справедливости нашли отклик у поколения людей, возмущенных перспективой продолжения этого курса. Сандерс привлек к своей кампании значительную часть огромного экологического движения США и движения «Black Lives Matter», помогая связать воедино растущее интерсекциональное сознание, чтобы бросить вызов коррумпированной природе американской политики.

Немалая доля СМИ, освещающих в США деятельность политиков левого толка, изображает их взгляды в карикатурном виде: как неадекватный, беспардонный экстремизм, которому не место в серьезных практических вопросах. На деле же феномен дефинитивных левых строится на реальном жизненном опыте и зависит от уровня доверия к продвигаемому ими курсу.

Летом 2022 года газета «Byline Times» опубликовала статьи Катрины ван ден Хювел, Ларри Коэна и Роберта Боросейджа о трех политиках из Палаты представителей США, которых я сегодня отнес бы к дефинитивным левым. Это Джейми Раскин,

возглавивший сторону обвинения в процессе второго импичмента Дональда Трампа; Ро Ханна, который был одним из руководителей предвыборного штаба Берни Сандерса; Прамила Джайпал, председатель Форума прогрессивных конгрессменов, состоящего из ста человек. Все они были избраны в Конгресс в 2016 году.

В традиционном понимании они не похожи. Ханна называет себя «прогрессивным капиталистом» и апеллирует к разработанному Амартией Сеном и Мартой Нуссбаум подходу, основанному на возможностях (*capability approach*). Раскин, описывая себя, говорит, что находится в «моральном центре». Джайпал видит необходимость в «новом определении политики индивидуума и сообщества».

Еще один пример – сенатор-демократ Элизабет Уоррен, которая не поддерживала Сандерса. Сразу же после успеха на промежуточных выборах она опубликовала в «The New York Times» язвительный выпад в сторону демократов–«пособников лоббизма», препятствующих изменениям, которых хотят избиратели.

«Американцы понимают, что экономическое благополучие семей неразрывно связано с демократией и правами личности, даже если многие телекомментаторы этого не понимают. Большинство американцев знают, что право на аборт – это насущный вопрос, который напрямую влияет на здравоохранение и экономическую безопасность, а не какой-то пустяк. Американцы понимают, что цены растут в числе прочего из-за жадности корпораций, и хотят, чтобы правительство было на стороне народа. Полученные во вторник результаты – тому подтверждение».

Здесь проступает определяющая характеристика дефинитивных левых: их приверженность той «неразрывной» двойной спирали, что связывает углубление демократических процессов с социальными и экономическими улучшениями.

Право женщины на выбор здесь символично. Это не стандартный вопрос социального обеспечения, где от государства требуется заботиться о нуждающихся. Но это и не либертарианский капиталистический призыв предоставить каждой женщине право купить аборт, если она того пожелает. На первый план здесь выходит необходимость дать женщине возможность выбирать, будет ли она создавать или расширять семью. Это социальный призыв к расширению прав и возможностей личности и вопрос личной ответственности для всех – и для бедных, и для богатых.

В то время как 73-летняя Уоррен, избранная в Сенат в 2013 году, старается избегать каких-либо ярлыков, 33-летняя Александра Окасио-Кортес, избранная в Палату представителей

в 2018-м, является социалисткой и сторонницей Сандерса, она мастерски орудует социальными сетями, имея более 13 миллионов подписчиков в *Twitter* (до покупки его Илоном Маском). До своего избрания на пост Уоррен преподавала право в университете, а Окасио-Кортес работала баристой. Вместе они демонстрируют качества и способности дефинитивных левых. Однако и те, кто занимает посты на уровне городов и штатов по всей стране, не менее важны, чем политики из Вашингтона, поскольку лишь с их помощью этот новый и знаменательный феномен сможет уверенно продолжать свое развитие.

Истоки

Набирающая силу с конца 1970-х волна неолиберализма сокрушила традиционных левых социал-демократов и обеспечила полное, на первый взгляд, господство рыночных ценностей. Но, копнув поглубже, можно обнаружить и иные течения – отчасти порожденные чрезвычайным повышением уровня жизни на фоне глобального экономического роста, – которые сопротивляются тотальной маркетизации.

Важнейшие из них – это феминизм с его огромным вкладом в борьбу за равенство в общем смысле и против женоненавистничества и патриархата, а также движение в защиту окружающей среды, проповедующее необходимость контролировать потребление и мыслить целостно. Антирасизм и движение за права человека занимают отдельную нишу, но их призывы к справедливости и расширению прав и возможностей подкрепляют общий посыл и являются важной частью единого процесса.

Все это можно расценивать как стремление к гуманизации общества, которое должно прийти на смену бесчеловечности рыночных императивов. Я попытался проанализировать этот процесс в своей книге «Taking Control! Humanity and America after Trump and the Pandemic» («Взять в свои руки! Человечество и Америка после Трампа и пандемии») (London: Repeater, 2022). Один из важных аргументов состоит в том, что нарастающее нежелание подчиняться диктату рынка подпитывается беспрецедентным экономическим ростом – который, в числе прочего, изменил наше отношение к собственному телу как с точки зрения физической формы, так и с точки зрения наших ожиданий от системы здравоохранения.

Кроме того, эти изменения можно увидеть и через призму классового деления. В США профсоюзы рабочих были уничтожены деиндустриализацией. В недавнем докладе корпорации «RAND» подсчитано, что, хотя с 1945-го по 1975 год доходы

граждан в США росли относительно равномерно, с тех пор ни много ни мало как 47 триллионов долларов перекачвали из карманов беднейших 90% населения к богатейшему 1% их соотечественников. Большую часть этого периода у власти находились демократы, поддерживающие интересы корпораций. Дефинитивные левые хотят вернуть награбленное народу – не из соображений классово-вражды, а во имя общей человечности и справедливости. В своих ключевых требованиях они стремятся к справедливости и такому устройству экономики, которое расширило бы права и возможности людей: у всех должен быть доступ к трудоустройству, а минимальная заработная плата должна покрывать прожиточный минимум; плюс, что ничуть не менее важно, у всех без исключения должен быть доступ к медицинскому обслуживанию, высшему образованию и соцобеспечению для детей.

Появление интернета и цифровых коммуникаций усилило двустороннее влияние современного капитализма: породило корпоративных гигантов, обеспечивающих наблюдение и контроль, и параллельно создало условия для невысказанной ранее самоорганизации общества и коллективного действия.

Как явствует из прокатившихся по планете выступлений под лозунгами *#MeToo*, «Black Lives Matter» и недавнего «Женщина, жизнь, свобода», которые разлетелись на мемы в социальных сетях, сопротивление финансовой глобализации требует от нас способности брать на себя ответственность за собственную жизнь.

Появление интернета и цифровых коммуникаций усилило двустороннее влияние современного капитализма: породило корпоративных гигантов, обеспечивающих наблюдение и контроль, и параллельно создало условия для невысказанной ранее самоорганизации общества и коллективного действия.

Со времен появления влиятельных неправительственных организаций в 1970-х мы повидали немало политических инициатив, которые прагматично подходят к системным изменениям, бросают вызов капитализму там, где он препятствует устойчивому развитию, соблюдению прав человека и достоинства личности, но при этом не призывают свергнуть капитализм.

Некоторые возникшие течения были поглощены традиционными политическими партиями – где пыл их плюралистического и бунтарского радикализма основательно поумерили.

ЭНТОНИ БАРНЕТТ
ГОД ДЕФИНИТИВНЫХ
ЛЕВЫХ

Партии зеленых десятилетиями стремились выработать подход, который не был бы традиционно левым или правым, но, за важным исключением Германии, так и остались не у дел.

В США толковые и влиятельные политики подобных взглядов избираются в значительном количестве лишь с 2016 года, и только с 2020-го они участвуют в законотворчестве в составе парламентского большинства. Именно это – успешное участие в процессах выработки политического курса и его реализации – отличает дефинитивных левых от их предшественников.

Промежуточные выборы 2022 года также показывают, что дефинитивные левые, хоть и имеют за плечами многолетний опыт политических кампаний, сейчас выступают свежим игроком, который внушает доверие и способен склонить чашу весов в демократической и законной борьбе за власть.

ВЫЗОВЫ НА ПУТИ ДЕФИНИТИВНЫХ ЛЕВЫХ

1. Традиционные социалисты

Покойный Реймонд Уильямс, определявший себя как «валлийского европейца», утверждал: чтобы писать о культуре общества в целом, необходимо различать четыре ее аспекта – культуру возникающую, доминирующую, остаточную и архаичную. Архаичная культура – это попросту безжизненные формы выражения, принадлежащие предшествующей эпохе. Но остальные три аспекта, подчеркивал Уильямс, активно формируют общество. Остаточные веяния, наряду со вновь возникающими, могут накладывать определенный отпечаток на художественное мышление в обществе, тогда как наибольший эффект производят доминирующие тенденции.

Этот подход позволяет пролить свет на устройство любого общества – особенно претерпевающего изменения. Сегодня мы наблюдаем, что во всем мире некогда доминировавшие институты утратили свое влияние – нередко из-за нападков со стороны правых. Но сохранение этих институтов лежало в основе консерватизма. Радикализм, если понимать оный как стремление к переменам, стал неизбежен. За то, чтобы двигаться в сторону справедливости, равенства и инклюзивности, выступают левые.

Среди левых есть также и более старая традиция, уходящая корнями в строго организованные движения социалистов и социал-демократов. Ее остаточное присутствие все еще не утратило влияния. Давление, возникающее на этой почве, можно увидеть в состоящем из двух частей интервью о промежуточных выборах, которое Александрия Окасио-Кортес дала но-

востному проекту «The Intercept». Озаглавлено оно так: «Совершить ошибку – не значит продаться». Со свойственной ей прямоотой Окасио-Кортес делает два заслуживающих внимания высказывания. Во-первых, она хвалит президента Байдена за его незамедлительный комментарий о том, что промежуточные выборы увенчались успехом благодаря молодежи и женщинам – тем самым приветствуя фактический союз Байдена с дефинитивными левыми. Во-вторых, она описывает, как в штате Нью-Йорк закосневший аппарат Демократической партии, отвергая любой подобный союз, не стал обращаться к ней и таким, как она. Это послужило причиной политической демобилизации молодых избирателей по всему штату и привело к тому, что республиканцы отбили три места в Палате представителей – колоссальный момент, учитывая их незначительный в итоге перевес в нижней палате Конгресса.

Однако главным образом это интервью, как можно понять из заголовка, ставит под сомнение радикализм самой Окасио-Кортес. Не продана ли она, раз вовремя не поддержала местную забастовку? Ее ответ бьет в самую точку: «Все дело во взаимоотношениях между левыми – не так ли?». Отчасти это отсылка к проблемам Демократических социалистов Америки – организации, к которой принадлежит сама Окасио-Кортес. В ее рядах есть те, кто надменно противопоставляет себя – демократических социалистов – рядовым прогрессивным либералам. По сути, они утверждают, что настоящими демократами являются только те социалисты, которые представляют наемных работников. Прогрессисты – полезные союзники против правых, но как простые либералы они тем не менее классовые враги.

Сама Окасио-Кортес стремится балансировать на обеих сторонах этого разлома. Веб-сайт ее кампании встречает нас агитацией за «Новый зеленый курс». В соседнем разделе, если пролистать его практически до самого конца, можно обнаружить заголовок «Что такое демократический социализм?» – без каких-либо иллюстраций. Вот ее ответ:

«В столь одержимой моралью богатой стране, как Америка, ни один человек не должен быть слишком бедным, чтобы просто жить. Демократический социализм стремится к тому, чтобы работники получали достаточную долю того богатства, которое они создают. Речь идет не о смене системы власти, а о том, какое влияние имеют работники на деятельность предприятий, чье функционирование они обеспечивают. Речь здесь идет о достоинстве».

Это призыв к гуманизации, а не к классовой войне – призыв, против которого Уоррен, Ханна, Джайпал и Раскин вряд ли стали бы возражать. Безусловно, они прогрессисты. Также они

демократы. Те, кто не провозгласил верность идеям социализма, могут быть при этом полностью на стороне народа.

Марксистская традиция, связанная с русской революцией 1917 года, стала остаточным явлением – что иллюстрирует эссе, опубликованное в феврале 2022-го в журнале «Якобинец» его учредителем Бхаскаром Сункарой. В 2014-м он говорил, что умрет счастливым, «если в США появится оппозиционное течение, хотя бы в 5–7% общей массы, которое будет относить себя к социалистам». Сегодня Форум прогрессивных конгрессменов насчитывает сто человек и включает в себя «Отряд», куда входят Александрия Окасио-Кортес, Аянна Прессли из Массачусетса, Ильхан Омар из Миннесоты и Рашида Тлаиб из Мичигана, избранные в Палату представителей в 2018 году; в 2020-м к ним присоединились Кори Буш из Миссури и Джамаал Боуман из Нью-Йорка. Тем временем «Новый зеленый курс» существует как серьезная политическая инициатива и пользуется широкой поддержкой. Мало кто мог представить такое восемь лет назад. Тем не менее Сункара, который мыслит исключительно ясно, отсылает читателя к поэме Данте, говоря о том, что социализм «застрял» в фантомной зоне бескрайнего «чистилища».

Как следствие мы имеем обиженных на весь свет и уверенных в своей правоте крайне левых, которые хотят контролировать всех вокруг и готовы обвинять в предательстве ближайших к себе представителей дефинитивных левых – таких, как Окасио-Кортес. Эти заявления восходят к периоду «холодной войны» и к логике, согласно которой Вашингтон – при любых обстоятельствах – враг «номер один». Будем надеяться, что такой подход окончательно превратится из остаточного в архаичный.

2. Корпоративные центристы

Наиболее влиятельные противники дефинитивных левых – это центристы, жаждущие возвращения патерналистского правления во имя идеалов прагматизма и умеренности. Они по-прежнему доминируют, но могут чувствовать усиливающееся давление со стороны дефинитивных левых.

Их первая линия обороны состоит в том, чтобы изображать всех «леваков» карикатурными фанатиками, призывающими «сократить финансирование полиции». Что примечательно, при этом им нечего ответить на аргументы о детском соцобеспечении, доступе к высшему образованию, оправданной враждебности по отношению к власти корпораций и о настоятельной необходимости положить конец предвыборным махинациям и вытеснить «грязные деньги» из политики.

Вдобавок они не хотят даже признать существования дефинитивных левых. Например, обозреватель «The New York Times» Росс Даутхат рассматривает результаты промежуточных выборов как возвращение к глубинной нормальности. Его коллега Дэвид Брукс тоже делает вывод, что политика возвращается к своей «дефолтной» инертности, заявляет, что на промежуточных выборах «победила скука», и пишет, что Байден «отверг показной популизм, но взял на вооружение некоторые прогрессивные идеи».

Байден взял на вооружение – пусть и частично – не «прогрессивные идеи», а призыв дефинитивных левых заниматься политикой по-другому: покончить с коррупцией, расширить права избирателей и создать более справедливую экономику.

Основной опорой некогда господствовавшей политики эпохи маркетизации была деполитизация избирателей. Индивидуальное потребление стимулировалось, а коллективные действия не поощрялись. Но теперь ультраправые мобилизовали своих сторонников, сделав их политически активными. Без равноценного ответа центристам конец. Чтобы привлечь избирателей, они вынуждены обращаться к дефинитивным левым, поскольку у них общий враг в лице авторитаризма. Именно об этом говорила Окасио-Кортес, упрекая нью-йоркских демократов. Именно об этом говорил Байден, когда благодарил *Берни*. Явка избирателей в 2020 году наглядно продемонстрировала, как необходимо действовать. Трамп получил на пять миллионов голосов больше, чем любой предыдущий кандидат в президенты. Но Байден получил еще на семь миллионов больше, чем Трамп. И даже при этом всем – из-за антидемократического характера коллегии выборщиков – Байден едва едва проскочил.

Любой союз либерального центра с дефинитивными левыми должен быть чем-то большим, чем просто «взятием на вооружение некоторых прогрессивных идей». Либо вы придерживаетесь политики дефинитивных левых, которая обеспечивает явку избирателей, либо трампизм возобладает. Появление таких кандидатов, как новоизбранный сенатор от штата Пенсильвания Джон Феттерман, говорит о том, что центр может быть способен на такую трансформацию.

В недавнем опросе на предмет разочарования избирателей в электоральной политике по всей Европе, проведенном с упором на Италию, специальный корреспондент «openDemocracy» Адам Рамзи демонстрирует, как это разочарование, порожденное рыночной политикой, играет на руку крайне правым. Если есть одна отличительная черта дефинитивных левых, которая отличает их от самоуспокоенных центристов, так это их стремление сделать политику осязаемой в попытках добиться по-

зитивных изменений и воплотить в жизнь демократию. Скука проигрывает.

3. Суверенитет и глобализм

Первые два вызова на пути возникающего течения дефинитивных левых не новы. В двух словах: первый более идеологичен. Его причина – взгляды некоторых социалистов, считающих себя – из-за своего классового сознания – «стражами тотальности изменений» и источником истинной демократии. Второй вызов – это центристы, представляющие интересы институтов и корпораций, в том числе медиакорпораций, считающие себя законопослушными «стражами разумного». Находясь соответственно снаружи и внутри устоявшегося порядка вещей, они одинаково опасаются народной воли.

Третий вызов – новый и масштабный. Текущая трансформация природы власти, вызванная современным производством, потреблением и процессами в сфере финансов, имеет глобальный охват и меняет суть суверенитета как явления.

Трансформация природы власти, вызванная современным производством, потреблением и процессами в сфере финансов, имеет глобальный охват и меняет суть суверенитета как явления.

Одним из аспектов данного процесса можно назвать то, что контроль товаров и услуг, которые мы потребляем, включая продукты питания, лекарства, химикаты, авиаперелеты, интернет и финансы, неизбежно является международным и нередко имеет дело, помимо собственно товаров и услуг, с токсичными выбросами и воздействием производств на окружающую среду. Регламентирование становится четвертой ветвью власти наряду с законодательной, исполнительной и судебной, и его необходимо сделать демократически подотчетным, чтобы оно стало приемлемым для населения.

В то же время для эгалитарной и устойчивой экономической политики необходим если не протекционизм, то как минимум предоставление преференций отечественному производству и бизнесу. Отсюда вытекает потребность в формировании нового типа прогрессивного национализма в разгар эпохи глобализации. В Европе до сих пор мало кто осознает, как США используют ресурсы, чтобы управлять рынком. В то время как, например, конференция прогрессивных экономис-

тов, прошедшая в Великобритании в июне 2022 года, называла себя «фестивалем будущего», форум на тему прогрессивной промышленной политики, организованный в Вашингтоне Институтом Рузвельта четыре месяца спустя, был посвящен широкой оценке настоящего. Тодд Такер из Института Рузвельта отметил, что при Байдене новый политический курс начал отходить от неолиберализма и «получил целый ряд имен – таких, как “либерализм, который строит” (Эзра Кляйн, “The New York Times”) и “современная американская промышленная стратегия” (Брайан Диз, Национальный экономический совет)». Диз, который приложил руку к этой инициативе, помог достичь впечатляющих результатов. Их Такер резюмирует следующим образом:

«Опыт, накопленный за десятилетия работы, охватившие движение за глобальную справедливость, акцию “Захвати Уолл-Стрит” и “Новый зеленый курс”, позволил в последние 20 месяцев добиться ряда крупных побед в области зеленой промышленной политики: в рамках Закона о снижении инфляции 369 миллиардов долларов заложены на экологически чистую энергию и 250 миллиардов долларов на займы. Полупроводниковая промышленность получит 50 миллиардов долларов субсидий, а 170 миллиардов долларов будет выделено на передовые исследования в рамках Закона о чипах и науке. Закон об инвестициях в инфраструктуру и рабочие места предполагает выделение 550 миллиардов долларов из бюджета. Нельзя не отметить и действия исполнительной власти – такие, как анализ состояния цепочек поставок и задействование Закона об оборонном производстве с целью максимизировать отечественную выработку экологически чистой энергии. Форум Института Рузвельта о прогрессивной промышленной политике дает нам возможность чуть отстраниться от этой головокружительной череды политических побед и поразмыслить над извлеченными уроками. Со своей позиции директора по промышленной политике и торговле я могу выделить пять основных моментов:

- Сегодня все вопросы сводятся к климату.
- Правила нужно переписывать – и внутри страны, и на международном уровне.
- Справедливость – это не вопрос второстепенной важности; она занимает центральное место во всей политике.
- Политические решения должны укреплять систему власти.
- Либерализм должен снова научиться строить».

Это отражает только одну часть программы дефинитивных левых. Когда экономисты хотят переписать правила, они порой могут переоценить, в какой мере эти правила являются вопросом экономики. Неолиберализм был также и политикой – политикой лишения народа политической воли. В 2007-м, когда неолиберализм был на самом пике, один из его ведущих архитекторов Алан Гринспен на вопрос, как он будет голосовать

АНТОНИ БАРНЕТТ
ГОД ДЕФИНИТИВНЫХ
ЛЕВЫХ

на выборах 2008 года, ответил, что, к счастью, «это практически не имеет значения», потому что «политические процессы в США в значительной степени были заменены глобальными рыночными силами». Он одобрял отчуждение избирателей от политики.

Когда после катастрофических последствий финансового кризиса Трамп вдохнул в политику новую жизнь, он предложил избирателям способ ощутить себя причастными к политическому процессу – способ, знакомый и испытанный: через осознание себя как особой, великой нации; через оптику господства и подчинения; апеллируя к враждебности, суля величие и призывая объединиться против Другого.

Демократия должна быть национальной. Нынешние попытки прогрессивных экономистов написать такие правила, которые расшатали бы текущую модель глобализации, обусловлены этим. Однако наша политика также должна быть глобальной, чтобы обеспечить устойчивость климата. Если мы хотим справиться с этим вызовом и выжить в XXI веке, то и либералы, и левые должны будут внести вклад в создание новых форм народной власти, при которых суверенитет перестанет быть чем-то исключительным, а станет общим и значимым для всех.

НАДЕЖДЫ НА БУДУЩЕЕ

Несмотря на то, что дефинитивные левые приобрели политическое влияние именно в Америках – Северной и Южной, – ключевое для них стремление к гуманизации ощущается повсюду: от Украины до Бразилии, от улиц Тегерана до кухонь Пекина. Но все же они остаются в значительной степени на обочинах режима. На моей собственной родине, в Великобритании, нельзя просто проголосовать за отмену Брекзита, как голосовали за импичмент Трампа; при этом лейбористская оппозиция отнюдь не стремится по примеру Байдена инициировать союз с интеллектуально раскрепощенными дефинитивными левыми, а делает все, чтобы зацементировать свое бессилие и вернуть страну к блэризму³.

Тем временем в США как дефинитивные левые, так и некоторые центристы учатся быть практичными, расово инклюзивными и экологичными, внедрять ценности феминизма, расширять права и возможности избирателей, выстраивая демократическую политику, которая стремится взять под контроль капитализм.

3 Блэризм – идеология и практика «нового лейборизма», курса, который проводил премьер-министр Великобритании Тони Блэр (1997–2007). Представляет собой «гуманизованную», «умеренную» версию неолиберализма, которая противоречит левым традициям Лейбористской партии. – *Примеч. перев.*

Я утверждаю это вовсе не из оптимизма. Прогресс – не товар, который можно просто взять с полки и «заиметь». Идет затяжная борьба, в которой ультраправые вполне могут победить и уж точно не сдадутся легко – что демонстрирует текущая ситуация в России.

Но есть веские причины не поддаваться пессимизму. Если бы нынешняя поляризация сводилась лишь к вопросам экономической несправедливости и демократических прав, прогрессивные силы уже были бы отброшены назад или вовсе уничтожены. Но серьезнейшая проблема чрезвычайной климатической ситуации требует новых политических императивов, которые не могут работать в условиях маркетизации. Сегодня действует новый императив, который опирается на науку и технику, он исходит из ситуации экономического и демократического кризиса. Чтобы отреагировать на него, представителям властных структур – административных, финансовых и экономических, которые хотят жить в законопослушном, относительно открытом мире, – придется изменить свой подход к управлению, ориентируясь на активную демократию.

В 2003 году огромное число людей во всем мире вышло на улицы, чтобы предотвратить решение, которое готовили правящие элиты в Вашингтоне и Лондоне при поддержке своих СМИ и спецслужб. Вторжение в Ирак остановить не удалось. Это было столь же твердолобое решение, как и политика президента Путина в отношении Украины. До того момента протестующие объединялись против уже творившегося в мире беспредела. Теперь же впервые в истории люди вышли на улицы, потому что они оказались менее жадными, чем правящая элита, более мудрыми и дальновидными в суждениях об инициативе, которую этой элите еще только предстояло одобрить. Абсолютный политический провал военной интервенции в Ираке лишь подтвердил их правоту. Либеральному центру с тех пор так и не удалось восстановить свою репутацию.

Сегодня мы столкнулись с гораздо более серьезным вызовом, потому что очередная война накладывается на экономический и климатический кризисы и пандемию коронавируса. Только разумные, коллективные действия помогут их преодолеть – что потребует как «мудрости улиц», так и толковых шагов от властей. Наш подход к государственному управлению должен измениться. Настало время дефинитивных левых.

Перевод с английского Марии Ермаковой

Прогрессизм и социализм сегодня

Беседа Энтони Барнетта и Кирилла Кобрин

Энтони Барнетт (р. 1942) – британский журналист, политический активист. В 2001 году стал одним из сооснователей медиаплатформы «корепДетосгасу». Автор и соавтор десяти книг и многочисленных публикаций в прессе.

Кирилл Рафаилович Кобрин (р. 1964) – историк, литератор, шеф-редактор журнала «Неприкосновенный запас», автор (и соавтор) более двадцати книг.

В самом начале 2023 года у нас с Энтони Барнеттом – в связи с его только что вышедшей книгой «Taking Control! Humanity and America after Trump and the Pandemic» (London: Repeater, 2022) – завязалась переписка по поводу левой политической повестки в англоязычном мире. В какой-то момент Энтони прислал мне свою статью об «окончательных», «несомненных», «дефинитивных» левых, которые, по его мнению, имеют шанс на успех в 2023-м, и спросил, что я об этом думаю. Я ответил, он ответил на мой ответ, а потом попросил меня написать еще и заключительную реплику. Вышла своего рода минидискуссия, которая – помимо самой по себе важной темы – может представлять интерес как диалог, ведущийся из двух перспектив. Из перспективы ветерана левого демократического движения в Великобритании и США – и из перспективы европейского социалиста с советским (и отчасти российским) бэкграундом. Ниже мы публикуем перевод этого эпистолярия – слегка отредактированный и сокращенный. [Кирилл Кобрин]

1

Дорогой Энтони,

Спасибо за приглашение обсудить вашу статью. Я ее прочел; она показалась мне очень важной – особенно в настоящий исторический момент. В наше время крайне редко можно услышать по-настоящему оптимистическое высказывание, сделанное из левой части политического спектра. Неважно, во всем ли я согласен с вами, само намерение определить своего рода прогрессивную перспективу современного движения к справедливому обществу бесценно. Вы же помните тезис Маркса: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его». Возможность серьезного разговора о прогрессивном будущем уже есть начало изменения мира в лучшую сторону. По крайней мере, в 2023 году.

Политическая мысль не является (и никогда не была) лишь анализом или интерпретацией существующей (или завершившейся) ситуации или некоего исторического периода; она всегда содержит в себе намерение изменить порядок вещей, пусть это намерение (или даже просто желание) скрыто и не отрефлектировано как таковое самим автором. В вашей статье обсуждается – в каком-то смысле уже реализуемый – консенсус по поводу возможности прогрессивных изменений, (внезапно) возникший в 2022 году. Это прекрасно.

И, да, я совершенно согласен с тем, что эти возможности добиться немалого действительно появились именно сейчас. Совсем уже дикое крыло республиканцев теряет позиции в Соединенных Штатах, пусть и медленно. Болсонару проиграл выборы в Бразилии. Как и два года назад в Вашингтоне, попытка мятежа перед инаугурацией левого кандидата Лулу – арьергардные бои отступающей армии. Более того, я разделяю вашу оценку президентства Байдена, о чем вы говорите в статье, а еще больше – в нашей предшествующей переписке. Политика Байдена – медленное, но верное движение в правильном направлении; к счастью, ее успехи заслонены медиашумом вокруг многочисленных политических скандалов в США, что дает возможность делать важнейшие улучшения в жизни страны малозаметным способом, спокойно, прагматически.

Политическая мысль не является лишь анализом или интерпретацией ситуации или некоего исторического периода; она всегда содержит в себе намерение изменить порядок вещей, пусть это намерение скрыто и не отрефлектировано самим автором.

Наконец, новая «прогрессивная повестка» (экология + феминизм + права человека в целом + более справедливое общество) действительно имеет шанс консолидировать общественную поддержку во многих странах и одержать верх над крайне правой повесткой (национализм + псевдотрадиционализм + анти-системный активизм). Но в то же время именно здесь таится главная проблема, даже, пожалуй, главная опасность, для «прогрессивной повестки».

Прошу прощения за мой старомодный марксизм, но «прогрессивная повестка» слишком неопределенна, отчасти бесформенна. Так мне представляется. В основном она имеет дело с довольно абстрактными политическими формами и идеями и адресована слишком многим социальным и национальным группам. Нередко она попросту противоречит интересам тех, кто,

как предполагается, должен поддерживать «прогрессивную повестку» по умолчанию. К примеру, угледобывающая индустрия безусловно вредна для окружающей среды. Это одна из причин закрытия угольных шахт повсюду в так называемой «цивилизованной» (то есть Западной, Северной и отчасти Центральной) Европе. В результате эта часть мира стала зависимой от российского газа — со всеми вытекающими последствиями экономического и политического характера. Эта зависимость развязала руки Владимиру Путину в отношении Украины, так как российский режим был уверен, что трусливые западные неженки предпочтут привычное экономическое *status quo*, пусть даже и упакованное в — как обычно пустое — риторическое либеральное негодование по поводу авторитаризма и милитаризма России.

Сейчас мы знаем, что Путин просчитался. Но обратите внимание, что далеко не самые политически прогрессивные страны возглавили антироссийскую коалицию. Нет, это как раз не очень либеральные Польша, Литва, Латвия, Эстония, Румыния плюс британские консерваторы-брекзитеры. Особняком стоит разве что Чехия. И одним из наиболее эффективных инструментов сопротивления путинской России стал (отчасти, конечно) упор на возвращение к «нечистым» источникам энергии — углю, атому и так далее. С точки зрения прогрессистов (соответственно, с точки зрения дефинитивных левых) это решение абсолютно оправданно, ибо ведет к победе над реакционным российским режимом. Но, с другой стороны, оно противоречит одному из наиболее важных элементов «прогрессивной повестки» — экологическому.

Можно обнаружить немало похожих актуальных политических и социальных парадоксов. Здесь же кроется причина того, почему крайне правый популизм столь привлекателен для людей: он стремится изобразить себя весьма *практическим* ответом на неопределенные фантазии оторванных от реальной жизни либералов и леваков. Это, конечно, ложь, но трюмы и фараджи гораздо более удачливы в подобной риторике, нежели прогрессисты.

Однако мои главные сомнения касаются стратегии. Дефинитивные левые — очень хорошая тактическая идея, она действительно может помочь в нынешних политических кампаниях и схватках. Но что дальше? Хорошо, предположим: демократические процедуры будут надежно защищены и даже усилены. Устойчивость демократических институтов подтверждена. Некоторые срочно необходимые законы, касающиеся экологии и защиты уязвимых социальных групп, приняты. Но именно в данной точке разные социальные группы и политические движения, которые сформировали «прогрессивную коалицию», начнут расходиться в разные стороны.

Политические представители прогрессивно мыслящей части среднего класса предпочтут остаться в этом новом-старом *status quo*, в улучшенной (и даже более справедливой) версии позднекапиталистической системы. Но те, кто недоволен самой этой системой, они вряд ли останутся на данном этапе – а их большинство. Назовите это большинство прекариатом или еще как – в данном случае неважно. Безработные, работники на временных контрактах или совсем без контрактов, не получающие зарплату интерны, работники из подавляющего большинства стран за пределами Западной и Центральной Европы, Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии... Для них эта система – даже в улучшенном виде – не дает никакой надежды.

Очень скоро они поймут, что никакие «прогрессивные коалиции», никакие дефинитивные левые не являются их подлинной политической репрезентацией. Все эти люди остро нуждаются в практическом улучшении их жизни. Но в то же время они нуждаются в ясной перспективе того мира, в котором они могли бы играть иную, лучшую, более важную роль, причем не только как индивидуумы, но и в качестве членов самых разных социальных (этнических, религиозных и так далее) групп. Только новая разновидность социалистической идеи с мощным привлекательным образом будущего может удовлетворить эти – пока еще не оформленные – ожидания.

Простите за монструозное письмо! Было очень интересно читать вашу статью, Энтони, думать о ней, формулировать собственные соображения.

Всего доброго
Кирилл Кобрин

2

Дорогой Кирилл,

Спасибо за ваше письмо – оно вовсе не «монструозное», а напротив, очень содержательное и щедрое! Для меня честь состоять с вами в переписке. Перечитывая ваше трехчастное эссе 2020 года для «openDemocracy»¹, излагающее возможные варианты будущего для России, я вижу, как точны были многие

1 KOBRIKIN K. *To Avoid Descent into Barbarism, Russia Needs Real Socialism* // openDemocracy. 2020. December 21 (www.opendemocracy.net/en/odr/democratic-socialism-russia-barbarism/); ИДЕМ. *Russia's Liberal Intelligentsia and the Post-Putin Consensus* // openDemocracy. 2020. December 22 (www.opendemocracy.net/en/odr/russia-liberal-intelligentsia-post-putin-consensus/); ИДЕМ. *Sliding into Isolation: Russia and the World* // openDemocracy. 2020. December 23 (www.opendemocracy.net/en/odr/russia-isolation-kobrin/).

ваши соображения – особенно горько звучащие сейчас. В числе прочего вы писали о том, как опрометчивая вера в несокрушимость выстроенной им системы роднит Владимира Путина с Николаем I, и о том, как важно не допустить превращения России в Северную Корею...

Вы так прозорливы, что не соглашаться с вами кажется неразумным.

Однако, приветствуя мое описание дефинитивных левых, которые борются за столь необходимые демократические и экологические изменения, вы при этом воспринимаете их как простой тактический реформизм. Как нечто, что неизбежно разочарует большинство людей на планете, которые нуждаются в практических улучшениях и одновременно желают видеть впереди убедительный образ лучшего мироустройства, способный заменить *существующую систему*, – на этом вы делаете акцент. В самом деле, вы говорите, что большинство хочет «социализма», а не облагороженной, более справедливой версии позднекапиталистической системы.

Подняв вопрос о «системе», вы указали на ключевой момент, которому мне следует уделить больше внимания. Но феномен дефинитивных левых, который я описываю и, да, поддерживаю, не является тактической программой.

Социализм как идеология потерпел крах. Тем не менее, несмотря на его полное поражение, после 1970-х сформировались определенные силы, которые сопротивляются рыночным ценностям сегодняшнего ультракапитализма – даже при том, что сами вышли из-под него (их органичность, напротив, делает их более живучими). И эти силы сопротивления по природе своей имеют системное сознание.

Экологическое мышление имеет здесь ключевое значение. Феминизм, права человека, борьба с дискриминацией, интерсекциональность, комплексное здравоохранение, включая меры реагирования на пандемии, – во всех этих вопросах важна не только личная выгода, но и взаимосвязь элементов.

И хотя плоды громадного технологического прогресса нашего времени могут быть использованы против нас, они, несомненно, расширяют наши социальные возможности. Очевидным примером служит создание киберпространства, в котором мы все обитаем.

Это означает, что молодое поколение, особенно сейчас, обладает таким типом мышления, что смотрит на общую картину, стремится понять и изменить общество как систему. Естественно, это касается и изменения экономической системы, порождающей столь ошеломляющее ультракапиталистическое неравенство. Но, поскольку их системное сознание возникло не на почве социализма, нет нужды определять его как стремление

к социализму. Понятие тотальности в XX веке впервые ввели марксисты; в XXI веке у них больше нет на него монополии.

В качестве примера того, как зарождающееся течение дефинитивных левых характеризуется страстью к взаимосвязи элементов, я процитирую Элизабет Уоррен: «Американцы понимают, что экономическое благополучие семей *неразрывно* связано с демократией и правами личности». И в своих взглядах она не одинока. В статье я называю это «двойной спиралью», которая соединяет усиление демократических процессов с экономическими и социальными улучшениями. Эта грубая метафора призвана показать, что только из *сочетания* элементов может сложиться «ДНК», способная обеспечить выживание и рост влияния дефинитивных левых идей. Так что я не воспринимаю их подход как чисто тактический, а вижу потенциал для весомых преобразований.

ЭТНОНИ БАРНЕТТ –
КИРИЛЛ КОБРИН

ПРОГРЕССИЗМ
И СОЦИАЛИЗМ СЕГОДНЯ

Молодое поколение стремится понять и изменить общество как систему. Но, поскольку их системное сознание возникло не на почве социализма, нет нужды определять его как стремление к социализму.

Кроме того, я считаю невозможным возврат к «облагороженной, более справедливой версии» патерналистского капитализма, к которому, по вашему мнению, стремятся дефинитивные левые. Именно поэтому текущая ситуация чрезвычайно опасна. В период после правления Рейгана и Тэтчер в жертву рынку были принесены старые авторитеты – такие, как церковь, государство и образование. Капитализм перестал быть консервативным. Он разрушил традиционные механизмы лояльности и почтения, заменив их индивидуальным потребительством и политическим фатализмом, до боли нам знакомыми.

Затем масштабный финансовый кризис 2008 года подорвал рыночную идеологию. Пока левоцентристы продолжали цепляться за нее, считая ее неприкасаемой, сверхбогатые американцы почуяли опасность и в попытках сохранить собственные привилегии зажгли костер популизма с Трампом в качестве своего лидера. Вы метко определили это как национализм + псевдотрадиционализм + антисистемный активизм.

В таких обстоятельствах вы совершенно правы, говоря, что большинство не удовлетворится пустыми «улучшизмами» от политической элиты и потребует стратегию построения лучшего мира. Если людям ее не предложат – и в этом-то заключается опасность, – они найдут опору в авторитаризме и милитаризме, которые снабдят их идеологией и позволят дать выход гневу.

Видит ли большинство ответ в социализме? Или в «социализмах» во множественном числе, как предполагал Реймонд Уильямс до того, как перешел к более многомерной концепции «жизнедеятельности» (*livelihood*)? Джон Александер, автор книги «Граждане»², отвечая на мою статью, согласился с тем, что революционное гражданское движение существует, но отметил, что его вовсе не нужно записывать в левые! Зеленые понимают, что капитализм необходимо сдерживать, чтобы планета не погрузилась в острейший экологический кризис, но они отказываются от классовой политики.

Совместим ли капитализм с подлинной демократией? Китай доказывает, что современным капитализмом действительно можно управлять. Но возможно ли это исключительно в рамках авторитарного режима? В книге «Taking Control!» я прихожу к выводу, что мы не знаем ответа, и единственный способ узнать его – разработать и изобрести настоящую демократию и подвергнуть ее испытанию. Если движение дефинитивных левых продолжит расти, если они расширят свои полномочия и если преуспеют в установлении иного подхода к власти, они смогут задавать критерии перемен, выходящие за рамки только лишь «реформизма» или «социализма».

Любой подобный процесс также неизбежно будет внутригосударственным. И вот мы с вами вынуждены беспомощно наблюдать со стороны, как обе наши страны впадают в регресс! И России, и Англии нужна демократическая революция. Не только для того, чтобы избавить их соседей и весь мир от воинственной тяги, лежащей в самой основе их государственности – тяги вернуть то имперское величие, которым они некогда обладали. Но также и для того, чтобы все жители этих стран получили возможность быть дефинитивными левыми.

Еще раз благодарю за письмо. Обнимаю вас,
Энтони

3

Дорогой Энтони,

На самом деле я благодарен вам еще и за возможность обсудить тему, которая представляется мне самой интересной и важной в наше время. Это тема (даже проблема) «перемен». «Перемены» – как идея, как концепт и особенно как образ (если

2 ALEXANDER J. *Citizens: Why the Key to Fixing Everything is All of Us*. London: Canbury Press, 2022.

не сказать «миф») – уже довольно давно были апропрированы посредственными спичрайтерами и коммерческой рекламой, которые совместными усилиями сделали их, безусловно, положительным феноменом и – конечно – весьма желаемым. «Наше общество нуждается в переменах», «Мы ждем перемен!» и так далее. «Мне необходимо поменять свою жизнь, поэтому я решил купить новую кофемашину».

На самом же деле «изменение», или «перемены», есть лишь пустая форма; в социальном поле это – индивидуально или коллективно, неважно, бывает и так и так – истерическое, конвульсивное проявление насущного желания избавиться от смертельно надоевшей, раздражающей рутины. Русские формалисты сказали бы, что «перемены» есть попытка «сломать автоматизм» восприятия повседневности и обычного ритуализированного поведения. Содержание, направленность перемен возникают только в результате слома автоматизма, то есть самих перемен. Иными словами, смысл любых перемен запрятан глубоко внутри их самих, в самом их процессе, будучи неизвестен, неизнаваем до того момента, когда этот процесс достигнет точки невозврата.

Содержание, направленность перемен возникают только в результате слома автоматизма. Смысл любых перемен запрятан в самом их процессе, будучи неизвестен до того момента, когда этот процесс достигнет точки невозврата.

Сказанное выше не просто любительское рассуждение о терминологии и политической философии языка. Именно здесь, как мне кажется, следует искать источник сложности восприятия (а попросту – непонимания) современными левыми крайне правого популизма. Левые, в основном, считают это движение результатом сознательного жульничества, грязных трюков воротил крупного бизнеса, неолиберальных политиков и их подручных – политических консультантов, политтехнологов и тому подобных. Безграмотная толпа, которой манипулирует злой богатый обманщик. Отчасти – но только отчасти – это правда. Но, прежде всего, толпа эта не столь уж безграмотна; многие в ней знают многое – только вот область их познаний и интересов находится вне контекста привычного мейнстримного западного образования, мейнстримной культуры и образа мысли. Я назвал бы ее не «маргинальной», а «нерегулярной», от английского *regular* – обычный, привычный. Нерегулярная область, но все равно «западная», конечно. Она образовалась

ЭНТОНИ БАРНЕТТ –
КИРИЛЛ КОБРИН
ПРОГРЕССИЗМ
И СОЦИАЛИЗМ СЕГОДНЯ

в результате своего рода взрыва, восстания иррационального способа мышления, казалось бы, погребенного под Храмом Западного Радио. Любопытно, что на самом деле это не так. Нерегулярная область не *погребена под*, а *есть часть этого Храма*, один из краеугольных камней его основания. Крайне правая популистская толпа иррациональна, это правда, но она настаивает на своей подлинной рациональности, противопоставляя ее ложной, неподлинной рациональности либерального порядка вещей, который, по мнению данной толпы, глуп и иррационален по своей натуре.

Так что здесь мы наблюдаем следующее. Изначальные усталость и раздражение большого количества людей, ежедневно сталкивающихся с несправедливостью, неравенством, некомпетентностью как бы либерального государства и прочих институций, имеющих дело с агрессивным идиотизмом попкультуры, с разрушением системы образования, – все это подталкивает большинство к острому ощущению необходимости перемен. Причем *любых перемен*, лишь бы остановить рутину того, что есть сейчас. И только когда эти люди начинают требовать политических и социальных перемен, участвовать в их осуществлении – только тогда они начинают догадываться и формулировать для себя их направление. В этой точке содержание, смысл чаемых перемен начинает возникать и оформляться как таковой. Участники популистских движений поначалу часто не имеют устоявшихся политических взглядов; и тем более у них нет идеологии. Они создают все это для себя в процессе политической деятельности, в частности, в ходе налаживания контактов и общения с другими участниками того же движения, с другими людьми из той же толпы. Неолиберальные «обманщики» могут организовать эту толпу, руководить ею, направить против своих политических оппонентов и так далее. Но, собственно, сам позыв к переменам, первые политические жесты, начало индивидуального и коллективного процесса надления перемен неким политическим смыслом – все это происходит на первой, неотрефлексированной, почти бессознательной стадии любого популистского движения, правого или левого, неважно.

Иными словами, этот позыв к переменам меняет свою природу, трансформируясь из психологического в политический в самом процессе своей реализации в общественном поле. В данной точке – точнее, на данном этапе – политический дискурс, его ключевые слова начинают играть ключевую роль. Именно поэтому реабилитация понятия «социализм» и возвращение его положительной коннотации столь важны, особенно в США. Ведь в этой стране достаточно назвать кого-то «социалистом» – значит почти наверняка погубить его/ее политическую кампа-

нию, амбиции, в конце концов, карьеру. Хуже разве что обозвать кого-то «коммунистом».

Нынешние негативные коннотации понятий «социализм» и «социалист» обычно объясняют наследием «холодной войны». Позволю себе высказать сомнение по этому поводу. «Холодная война» закончилась больше тридцати лет назад. Новые поколения на Западе выросли в условиях скорее недостатка социализма (социального государства), нежели его избытка. Конечно, сейчас есть несколько примеров «плохого социализма» – возможно, это Венесуэла, Куба, Беларусь. Северная Корея, конечно же, не имеет ничего общего с социализмом. Китай невозможно считать ни социалистическим, ни тем более коммунистическим.

Я очень обрадовался, что вы вспомнили термин Реймонда Уильямса «социализмы», во множественном числе. Социализмов было много – да и сейчас их несколько. Все они ведут свое происхождение из одного источника, но позже пути их разошлись. То, что их объединяет, – это идея справедливого (не *более справедливого*, а просто *справедливого*) общества, основанного на балансе между индивидуальным и коллективным. В отличие от коммунизма, ни один из этих социализмов не основан на концепции классового общества в чистом виде, ни один из них не обещает в будущем бесклассового рая. Социализмы не содержат в себе предсказание Классового Страшного Суда. В самых лучших своих проявлениях социализмы скорее ближе к древнегреческой (отчасти древнеримской) идее культивации личной и социальной жизни, в каком-то смысле – к античной *epimeleia heautou*, «заботе о себе», но только в современной форме. С этой точки зрения Элизабет Уоррен, конечно же, социалистка – в гораздо большей степени, чем все нынешние кубинские лидеры вместе взятые. (Я случайно оказался на одном из предвыборных митингов Уоррен в Айове осенью 2019 года и был поражен ее гражданским темпераментом, даже страстью). Впрочем, Уоррен можно назвать и «другой социалисткой».

Я нагромоздил здесь все эти псевдотеоретические конструкции, пытаюсь непрямо намекнуть на возможность слияния дефинитивных левых с социализмом, первой стадии борьбы за справедливое общество с последующей. Повестка дефинитивных левых является – если смотреть из этой перспективы – социалистической по своей природе. Проблема заключается в том, как перейти от идеи поддержания и защиты неидеального, но, в целом, хорошего порядка вещей к модусу перемен. Демократия, зеленая политика, идея гендерного равенства – все это уже *существует в нашем мире*, они его часть, но скорее пока больше как проекции, как возможность, как пустые

ЭНТОНИ БАРНЕТТ –
КИРИЛЛ КОБРИН

ПРОГРЕССИЗМ
И СОЦИАЛИЗМ СЕГОДНЯ

политические и идеологические формы, требующие наполнения конкретным политическим, социальным, экономическим содержанием. И политически этот процесс может развиваться только в модусе перемен, иначе его никогда не одобрит большинство, так как оно не почувствует, что все это имеет прямое отношение к его жизни. Именно здесь социализмы (множественное число) встречаются с прогрессизмом (единственное число). Они порождения модерности, но если последний – об улучшении реальности, то первые – о решительной трансформации самой природы реальности. Прогрессизм пытается сделать капитализм как систему лучше, социализмы из материала капитализма пытаются создать нечто новое, нечто лучшее.

Увы, опять, вместо реплики, я написал небольшой трактат... Боюсь, это единственное, что по-прежнему роднит меня с русской культурой – патентованная мегаломания причудливых политических фантазий.

Всего наилучшего!
Ваш
Кирилл Кобрин

Перевод с английского Марии Ермаковой

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

Есть ли у нас то, чего нет?

В постсоветский период активно дебатировались вопросы о наличии/отсутствии в России гражданского общества – такого, как на Западе.

Одни говорили, что оно есть, другие настаивали на его отсутствии. Грустная ирония истории заключается в том, что теперь спорящим приходится констатировать: тогда гражданское общество в каком-то виде, но было, а вот теперь ему места нет.

Чтобы проследить его историю, стоит начать издалека – в том числе, чтобы разобраться в определениях. Есть точка зрения, что, если жители страны ведут себя достойно, если они «настоящие граждане» – значит, здесь есть гражданское общество. Встречалось мнение, что гражданское общество – это все добровольные организации; или же, что только независимые НКО, которых

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА**

становится все меньше, – это и есть гражданское общество, хоть и маленькое, но настоящее.

Если говорить о социологическом определении гражданского общества, то оно предполагает существование в социальной структуре общества особого слоя, который располагается над горизонтом первичных, личных, отношений и под горизонтом отношений формальных, в которых состоят между собой организации, институции.

Личные отношения существуют в семье, в соседстве, в дружеских компаниях, в первичных трудовых, учебных и подобных им коллективах. Там люди знакомы лично, там их отношениями управляют нормы, выученные с детства и потому представляющиеся само собой разумеющимися, естественными. За их соблюдением следят все, за их нарушение люди возлагают друг на друга санкции: родители ругают детей, супруги ссорятся, в компаниях дерутся, в коллективах сообща травят кого-то – но они же мирятся, прощают друг друга, восстанавливают социальный порядок.

В формальных же отношениях люди не личности, а исполнители неких предписанных ролей. Это функционеры – начальники и подчиненные, или носители узкоспециальной роли (покупатели, просители, подозреваемые или обвиняемые). Отношения институций и людей в них регулируются законами, инструкциями, правилами. Это же относится к бизнес-организациям. Там также жестко расписаны роли и функции исполнителей.

Конечно, определенные формальные правила и законы существуют для людей на уровне личных отношений. А некие личные, «человеческие», то есть неформальные, отношения присутствуют между людьми, помещенными

в формальные структуры институтов. Но главными все же являются личные отношения на одном горизонте – и формальные на другом.

Между ними начал формироваться еще один горизонт отношений: стали появляться сообщества, построенные на желании людей делать нечто совместно, сообща. Их отношения могут быть личными, похожими на отношения дружеские или коллегиальные, на солидарные отношения в трудовых/учебных коллективах. Там могут быть и достаточно строго организованные группы. Но особенность этого горизонта в том, что структуры и организации в нем не даны заранее ни как естественные (вроде семьи), ни как формальные, определяемые штатным расписанием (вроде учреждения). Они такие, какими их пожелают создать и поддерживать сами граждане.

Так создаются любительские кружки, клубы цветоводов или краеведов, но также организации по взаимопомощи и оказанию поддержки нуждающимся. Участие в них всегда добровольное. Часть таких организаций берется помогать формальным (государственным) институциям, делать то, до чего у госструктур не доходят руки или что не попадает в сферу их интересов. Как-то из подобных инициатив оказываются в конфликтных отношениях с государством или бизнесом, когда, например, собирают и распространяют информацию, которую те предпочитают скрывать от граждан.

Особенность исторического развития России – бурный расцвет самых разных добровольных объединений и организаций в кризисные годы начала XX века. Можно сказать, что тогда в стране складывалось гражданское общество. Среди множества гражданских организаций и большого количества партий

выделились несколько, которые формализовали свою структуру, сделав ее унитарно-авторитарной, и обзавелись собственными вооруженными отрядами. Одна из них, социал-демократы, поставила себе задачу перейти с гражданского уровня на властный – и выполнила ее.

Произошел захват власти. Лидеры партии, ставшей по стечению исторических обстоятельств структурой, управляющей огромной страной, где продолжалось гражданское кипение, не забыли о том, как РСДРП была лишь одной из множества организаций гражданского общества. Следуя властным инстинктам своих руководителей, с помощью созданного на скорую руку карательного аппарата партия стала методично уничтожать организации и объединения того типа, к которому принадлежала она сама до того, как захватила власть. Поводом была не столько деятельность, сколько социальная форма – объединение людей, организация. Сработал социальный инстинкт на уничтожение себе подобных – потенциальных конкурентов.

Новая власть уничтожила гражданское общество в России. Учреждение любой организации стало считаться одним из наиболее тяжких преступлений. В годы Большого террора именно создание («антисоветских») организаций – в подавляющем большинстве случаев выдуманных – вменялось в вину тысячам и тысячам. Принадлежа миру, где организация могла быть только одна – партия (с ее производными в виде комсомола, профсоюзов и подобных им), – власть предержавшие коллективно выдумывали свой антимир, свою антиутопию, или инферну, в которой было неисчислимое множество других («антисоветских») организаций.

Наши исследования 1990–2000-х показывали, что вбитый в коллективную память страх быть заподозренными в создании организаций продолжал существовать. Его прямым проявлением было то, что люди, которые в 1990-е на волне очередного подъема были готовы проявлять гражданскую активность – участвовать в выборах, волонтерствовать, агитировать, помогать друг другу и нуждающимся, – крайне неохотно шли на формализацию такой деятельности. Основной довод: а зачем? Иногда добавляли: потом будут приставать, что за организация.

С точки зрения внутреннего устройства некоторые инициативы были прекрасно организованы. Например, спонтанно сложившиеся пожарные дружины приезжали на тушение пожара раньше, чем туда собрались расчеты пожарной охраны. У этих дружин была четкая организация, но они не были «организацией». Они возникали в моменты нужды, а потом распадались. Мы предложили называть такое гражданское общество «мерцающим» – оно то возникает, то пропадает.

На том этапе власть еще желала, чтобы управляемая ею страна имела атрибуты «нормального» общества – то есть такого, как в странах Запада. Но и терять ту меру контроля, которую она привыкла иметь, власть не собиралась, а потому решила помогать описанным росткам гражданской социальной формы на собственный, российский, лад. Повсюду гражданское общество возникало как зона, свободная от государства (от властей, но не от закона!), – у нас же его созданием занялась администрация президента. Ее представитель, Владислав Сурков, желая дать мощный старт гражданскому обществу в стране, собрал аж два съезда общественных организаций, оба в Кремлевском дворце

съездов. Туда позвали всех – садовые товарищества, спортивные общества, советы ветеранов, и прочая, и прочая. Общественные организации другого разбора, например, Московская Хельсинкская группа, мучительно решали, участвовать или нет. Из этой инициативы ничего не вышло, поскольку гражданское общество по самой своей сути – это все же проявление независимости общества от государства. А в России 2000-х с самого начала доминировала идея контроля властей над общественными организациями.

В этой связи характерна аббревиатура, которой стали называть эти объединения. Их принятое международное обозначение – *non-governmental organizations* (NGO), то есть неправительственные организации. На русском же их стали называть НКО – некоммерческие организации, – то есть подчеркивается непринадлежность бизнесу, отсутствие целей по получению прибыли, тогда как в NGO почеркнута непринадлежность власти. В идее НКО – пассивная позиция, в идее NGO – активная. В России не принадлежать сфере бизнеса скорее хорошо: «чистота», отсутствие низменного материального интереса. А быть свободным от подчинения правительству (то есть исполнительной власти) в глазах таковой – плохо. Что довольно быстро было ею выражено.

Но пока возникающие общественные инициативы постепенно преодолевали страх перед объявлением себя «организацией» с регистрацией в соответствующих инстанциях. Тем более, что начала действовать противоположная установка. Хотя российский закон позволял объединениям людей не регистрироваться и работать без официального оформления, такая деятельность начинала вызывать подозрение и вопросы у контролирующих органов.

Способствовало формализации и то, что некоторые благотворительные организации и фонды на Западе, увидев инициативы, родственные им по духу, выразили готовность их поддерживать – как они это делали во многих других странах. Для этих благотворителей было естественно иметь дело с формально зарегистрированными организациями, в том числе потому, что, по их правилам, требовался контроль над расходованием предоставленных средств, а для этого желательно, чтобы была бухгалтерия.

Большая часть НКО прошла процедуры регистрации, и в целом их было довольно много. Они существовали преимущественно в крупных городах. Поначалу имели довольно узкую и специализированную направленность. В значительной своей части были созданы энтузиастами, чтобы оказывать помощь тем категориям граждан, которые в ней остро нуждались, но получить ее ниоткуда не могли. Эти объединения родились из кружков матерей, дети которых болны тяжелыми трудноизлечимыми или неизлечимыми болезнями. Были организации помощи сиротам, инвалидам. Важнейшим элементом являлись «Солдатские матери». То, что первые объединения основывались на солидарности матерей, связанных бедой, позволяло им быть смелее, а власти чувствовали некий авторитет/иммунитет женщин из-за их драматического положения.

Все эти организации стали зародышем гражданского общества – уже не «мерцающего», а обычного, – но еще не успевшего собраться в такую конструкцию, к которой можно было применить метафору «горизонта», то есть чего-то сравнимого по мощности социальных связей с личными и формальными структурами. Но и за этим

рассветом почти сразу начало смеркаться: государство все сильнее стремилось контролировать и ставить в зависимое положение гражданские инициативы, а тон стали задавать структуры российской власти, считающие себя защитниками государственной безопасности и во многом выросшие из тех органов, которые в советское время занимались выискиванием и уничтожением всех независимых организаций.

Идеологию этого блока можно считать квинтэссенцией российского понимания власти. В нем сочетается одно-временное представление о том, что для нее опасно любое влияние извне, из-за границы, и что любое проявление нелояльности имеет своим источником влияние из-за рубежа. Дополнялось это мнением, что, «кто платит, тот и заказывает музыку», которое распространяется на все общественные отношения. То есть у людей и общественных структур как будто бы нет реальной субъектности, все продажно, любое мнение можно купить или заказать.

Не удивительно, что независимые общественные объединения и организации – особенно те из них, которые получают финансовую и методическую помощь из-за границы, – вызывали у носителей данной государственной идеологии тревогу. Деятельность таких организаций стали определять в качестве «политической», понимая под этим «попытки влиять на решения госорганов путем формирования общественного мнения». Здесь легко увидеть суть идеи «суверенной демократии», которая сводится к тому, что никто не смеет мешать российской власти управлять так, как она считает нужным – ни российское общество, ни, в особенности, кто-либо за рубежом.

Радетели такого понимания государственной безопасности пролоббировали

законы, которые ужесточили контроль над общественными организациями, расширили возможности их закрытия и ввели ярлык «иностранный агент». Использование в федеральном законе, регулирующем деятельность «третьего сектора», жаргона структур госбезопасности, показывает, кого именно они считают своим противником.

Для НКО, признанных «исполняющими функции иностранного агента», были созданы особо обременительные условия отчетности – в частности, финансовой. Уже эта – на вид не политическая – мера привела к закрытию небольших организаций, которые не могли себе позволить бухгалтера, необходимого для подготовки новых форм отчетности. Далее в число иноагентов стали заносить СМИ и физических лиц; причем решения, влияющие на судьбу гражданских активистов и организаций в России, принимает исполнительная власть, а не судебная. Возможности закона производить точечные, но вполне многочисленные репрессии (с помощью штрафов за неуведомление аудитории о своем статусе, судебного преследования, ликвидации организации после нескольких таких нарушений) стала очевидной, и к сегодняшнему дню они уничтожили значительную часть гражданского общества.

Меж тем отклик в общественном мнении на эту кампанию хотя и растет, но остается небольшим. В конце 2022 года «хорошо знали» о соответствующем законе 14%, «ничего не знали» втрое больше – 45%. Остальные «что-то слышали» или затруднились ответить.

Требуемое законом обязательное публичное уведомление о том, что человек, организация или СМИ «выполняют функции иностранного агента», должно отпугивать потенциальных читателей, участников или партнеров.

В какой-то мере это работает. Так, 34% заявили, что их отношение ухудшится, если они узнают, что субъект попал в соответствующий реестр. Но 47% остались равнодушны, заявив, что их отношение не изменится. Но есть и такие, для кого она стигма – знак качества.

Внутри тех, кто не одобряет деятельность Владимира Путина на посту президента России – а таких на конец марта 2023 года в стране 15% и в столице более 20%, – чуть ли не каждый десятый заявил, что его отношение к носителю такого звания улучшится.

Мобилизация как провокация?

КОНСТАНТИН
ТАРАСОВ

Мемуары генерала Добrorольского
в историографии

Публикуемые мемуары генерала Сергея Добrorольского были написаны в Королевстве сербов хорватов и словенцев, куда он эмигрировал после поражения белых в гражданской войне¹. Позже офицер отметил, что его свидетельства были «подхвачены немедленно немецкой, французской и английской печатью для полемических целей» в связи с обсуждением вопроса о «виновности в войне»². Действительно, уже в 1922 году воспоминания вышли отдельной брошюрой на немецком, а еще через год переведены на французский³. Вскоре Добrorольский среди других генштабистов выступил против продолжения борьбы с большевиками⁴. Генерал сотрудничал с берлинским просоветским журналом «Война и мир» и подозревался в связях с большевиками. Все это привело к его изоляции в эмигрантской среде. В 1925 году Добrorольский уехал в СССР, где через четыре года

Константин Андреевич
Тарасов (р. 1988) –
научный сотрудник
Санкт-Петербургского
института истории РАН.

- 1 Добrorольский С. *О мобилизации русской армии в 1914 году* // *Военный сборник: Общества ревнителей военных знаний*. Белград, 1921. Кн. 1. С. 91–116.
- 2 Он же. *Мобилизация русской армии в 1914 году. Подготовка и выполнение*. М., 1929. С. 93.
- 3 DOBROROLSKII S. *Die Mobilmachung der russischen Armee 1914*. Berlin, 1922; DOBROROLSKY S. *La mobilisation de l'armée russe en 1914* // *Revue d'Histoire de la Guerre Mondiale*. 1923. Vol. 1. P. 53–69.
- 4 ГАНИН А. В. *Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком*. М., 2016. С. 342–343.

АРХИВ «НЗ»

вышла его работа «Мобилизация русской армии в 1914 году». Книга включала и новую версию его личных воспоминаний об этих событиях. В 1933-м генерал покончил жизнь самоубийством⁵.

Публикуемые воспоминания Сергея Добророльского – как и в межвоенный период – продолжают использоваться для полемики вокруг того, какая сторона виновата в развязывании Первой мировой войны. В преддверии столетнего юбилея ее начала дискуссия возродилась, – с гораздо большим вниманием ситуации в России. Американский историк Шон Макмикин выдвинул тезис о главной роли царского правительства в том, что Июльский кризис привел к войне. Ссылаясь на мнение Добророльского, исследователь утверждал, что план мобилизации российской армии только против Австро-Венгрии без использования Варшавского военного округа являлся заведомо нереалистичным и ввел в заблуждение руководство страны. Приготовления к частичной мобилизации спровоцировали Германию объявить войну России. «Ошибка Янушкевича, если она была таковой, привела в движение цепь катастрофических событий, приведших к мировой войне», – писал Макмикин⁶. В рассуждениях историка важное место отводится утверждению Добророльского, что решение о частичной мобилизации 24–25 (11–12) июля делало «войну уже решенным делом», а дипломатические переговоры не имели никакого значения⁷. В следующей книге Макмикина авторитетное мнение Добророльского играет еще большую роль для аргументации автора:

«Как указывал Коковцов в ноябре 1912 года, а Добророльский – в июле 1914 года, частичная мобилизация, нацеленная только на Австрию, без использования варшавского железнодорожного узла и охвата Польши была технически невозможна. Она так и не была полностью реализована. “Частичная мобилизация” была дипломатическим фокусом, призванным показать Франции – и в особенности Великобритании, – что Россия не давала Германии предложения для войны. Решение о европейской войне было принято Россией в ночь на 29 [(16)] июля 1914 года, когда царь Николай II по единодушной рекомендации своих советников подписал приказ о всеобщей мобилизации. Всеобщая мобилизация – как знал он, как знал Сазонов, как знал Шиллинг; как знали Кривошеин, Родзянко и думские лидеры; как знали Сухомлинов, Янушкевич и Добророльский, – означала войну»⁸.

5 Он же. «Теперьшняя наша жизнь – не жизнь, а только существование...» *Русские офицеры в Королевстве сербов, хорватов и словенцев по материалам архива генерал-лейтенанта П.И. Аверьянова // Столетие двух эмиграций. 1919–2019.* М.; Белград, 2019. С. 188–189.

6 McMEIKIN S. *The Russian Origins of the First World War.* Cambridge; London, 2011. P. 55.

7 Ibid. P. 66.

8 ИДЕМ. *July 1914: Countdown to War.* New York, 2013. P. 397–398.

Британский историк Кристофер Кларк в своей книге «Сомнамбулы. Как Европа пришла к войне в 1914 году» также много места уделил влиянию решений российского руководства в том, как раскручивался конфликт. Он, как и Макмикин, сослался на мнение Добророльского о том, что после решений Петербурга 24–25 (11–12) июля война была решенным делом. Впрочем, исследователь интерпретировал это замечание мемуариста не так прямолинейно. Историк считал, что решение о частичной мобилизации сужало горизонт возможностей, а альтернативу началу военных действий представить себе было сложно, хотя и не невозможно. Дипломатия еще могла сыграть свою роль, но основные действующие лица во Франции и России придерживались политики «охранения мира путем демонстрации силы»⁹. В целом Кларк стремится показать всю сложность событий, которые привели к войне, демонстрируя, что ответственность за решения так широко распределена между всеми великими державами, что понятие вины превращается в бесполезную категорию.

Другой британский историк, Доминик Ливен, использовал воспоминания генерала Добророльского для демонстрации того, как сложно далось российскому руководству решение об общей мобилизации. В частности, он подробно привел свидетельства о посещении министра внутренних дел Маклакова и морского министра Григоровича. Первый усердно молился в кабинете, а второй, не веря своим глазам, заявил, что флот не в состоянии воевать против Германии. В целом Ливен сделал вывод, что, несмотря на принятые военные приготовления, судьба Европы еще несколько дней находилась в руках дипломатов¹⁰. Те же выводы о колебаниях российских властей делают и российские исследователи на основании мемуаров Добророльского¹¹. Нужно также отметить, что существуют исследования с критикой того, что мероприятия периода подготовки к войне можно рассматривать как скрытую мобилизацию, спровоцировавшую Германию на ответные действия. Энтони Хейвуд и Брюс Меннинг продемонстрировали, что 24–25 (11–12) июля были инициированы меры по обеспечению готовности армии, за исключением фактической мобилизации и объявления войны. Они показали, что ни приказов о перемещении воинских подразделений в сторону границы, ни собственно перемещений по железной дороге в эти дни не было¹².

9 CLARK C. *The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914*. New York, 2013. P. 486.

10 LIEVEN D. *Towards the Flame: Empire, War and the End of Tsarist Russia*. London, 2015.

11 См.: АЙРАПЕТОВ О.Р. *Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917): 1914. Начало*. М., 2014. С. 73, 76; *Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917)*. М., 2014. С. 429, 433.

12 ХЕЙВУД Э. *Июль 1914-го: «Секретная мобилизация» в России // Родина*. 2014. № 8. С. 24–25; MENNING B. *Russian Military Intelligence, July 1914: What St. Petersburg Perceived and Why It Mattered // Historian*. 2015. Vol. 77. P. 242–243.

Да и сам Сергей Добророльский в более поздних воспоминаниях прояснил свое свидетельство о невозможности проведения частичной мобилизации. Он писал, что технически можно было без задержки отмобилизовать четыре военных округа. Однако такая мобилизация могла привести к логистической катастрофе, если бы вслед за ней потребовалось объявить общую мобилизацию. При этом война одновременно с Австро-Венгрией и Германией представлялась наиболее вероятным сценарием развития событий, зная тесные союзнические отношения двух стран¹³. Тезис же Добророльского о неизбежности войны после приказа о приведении в боевую готовность четырех военных округов следует отнести к характерной для мемуаристов «прозорливости» по сравнению с другими их современниками. Генерал стремился представить дело так, что среди всех военных, включая его начальников Сухомлинова и Янушкевича, он единственный с самого начала понимал, что избежать войны с Германией не удастся, и дальнейшие события якобы подтвердили его правоту.

Парадоксальным образом в зарубежной историографии при цитировании воспоминаний Сергея Добророльского в основном пользуются французским и немецким переводами. Иными словами, в случае англоязычных исследователей мы сталкиваемся с двойным переводом: с русского на французский или немецкий, а затем – на английский. Неудивительно, что здесь происходят определенные смысловые искажения, принципиально важные для освещения событий. Так, например, часто цитируемый пассаж Сергея Добророльского о том, что после решения о частичной мобилизации «война была уже предрешена», во французском переводе дано как «la guerre était déjà chose décidée», а в немецком – «der Krieg war bereits beschlossene Sache»¹⁴. Шон Макмикин перевел это как «already a settled matter», а Кристофер Кларк как «already a decided thing»¹⁵. В переводах значение приближается к тому, что правящие круги приняли решение о войне («улаженное дело», «решенная вещь»). В оригинале же автор использует безличную форму с оттенком фатализма. По контексту это может значить даже то, что это Германия «предрешила» вопрос о войне, а Россия опаздывала с реакцией на брошенный вызов. Подобные разночтения встречаются по всему тексту. В этом смысле републикация воспоминаний Сергея Добророльского сделает их более доступными для исследователей и поможет устранить возможные искажения формулировок мемуариста.

13 ДОБРОРОЛЬСКИЙ С.К. *Мобилизация русской армии в 1914 году...* С. 95.

14 DOBROROLSKY S. *La mobilisation de l'armée russe en 1914*. P. 68; DOBROROLSKII S. *Die Mobilmachung der russischen Armee 1914*. S. 21.

15 MCMEEKIN S. *The Russian Origins of the First World War*. P. 66; CLARK C. *The Sleepwalkers...* P. 486.

Июльский кризис 1914 года и мобилизация русской армии:

к историографии Первой мировой войны

АЛЕКСАНДР
КУСТАРЕВ

У мемуара начальника мобилизационного отдела русской армии генерала Сергея Константиновича Добророльского странная судьба. Западные историки почти неизменно ссылаются на немецкое издание 1922 года¹, даже не всегда включая русский оригинал в библиографию. В российской же литературе о войне он практически почти не упоминается: в необозримом массиве исследований о Первой мировой мне удалось обнаружить ссылки на два его издания.

Одно из них: «Мобилизация русской армии в 1914 году. Подготовка и выполнение» (М., 1929). Но в главных российских библиотеках его не оказалось. Трудно себе представить, что профессионалы просто выдумали это издание. Поэтому приходится допустить, что оно «спрятано» в каких-то очень специализированных коллекциях (может быть, даже частных). Любопытно, что его упоминают специалисты по военной, а не политической истории Первой мировой². Оно еще может обнаружиться, но пока отсылка к этому изданию выглядит таинственно. Другая публикация мемуара Добророльского – библиографическая редкость, но она реально существует, будучи опубликованной в «Военный сборник: Общества ревнителей военных знаний. Книга 1» (Белград, 1921). Сейчас три его экземпляра хранятся в Исторической библиотеке в Москве, Славянской библиотеке в Праге и в Государственной публичной библиотеке в Минске³.

Просматривая русскоязычную литературу о Первой мировой войне⁴, я обнаружил только четырех авторов, цитирующих ме-

Александр Кустарев (р. 1938) – независимый исследователь, публицист. Сфера научных интересов – типология и эволюция политической сферы. Публиковался в журналах «Pro et Contra» (Фонд Карнеги, 1999–2014), «Космополис» (МГИМО, 2002–2008). Колумнист «НЗ» с 2006 года.

- 1 С него начиналась длительная публикация серии «Kriegsschuldfrage» («Вопрос о виновности в войне»), известная также как периодическое издание «Berliner Monatshaeft». С 1923 года существует и французский перевод: DOBROROLSKY S. *La mobilisation de l'armée russe en 1914* // Revue d'Histoire de la Guerre Mondiale. 1923. Vol. 1. Там он, кстати, сопровождается интервью генерала Юрия Данилова на ту же тему (р. 259–266). А совсем недавно оно издано и на английском: www.vlib.us/wwi/resources/archives/texts/t040831b.html.
- 2 MENNING B.W. *War Planning and Initial Operations in the Russian Context* // HAMILTON R.F., HERWIG H.H. (Eds.). *War Planning 1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010; БЕЗУГОЛЬНЫЙ А., КОВАЛЕВСКИЙ Н., КОВАЛЕВ В. *История военно-окружной системы России 1862–1918 год*. М., 2012; ГАВРИЛОВ Л., КУТУЗОВ В. *Истощение людских резервов русской армии в 1917 г.* // *Первая мировая война 1914–1918* / Ред. А. Сидоров. М., 1968.
- 3 См.: www.emigrantica.ru/item/voennyi-sbornik-obshchestva-revnitelei-voennykh-znaniy-belgrad-1921-1930.
- 4 Я назвал бы десятка три работ, где можно ожидать ссылки на Добророльского в связи с Июльским кризисом и где он не упоминается. Но здесь нет для этого места, да и вообще такого рода референция как будто никогда не практикуется.

муар Добrorольского. Все четыре случая курьезны – каждый по-своему.

На Добrorольского много ссылается Николай Полетика⁵. В его случае курьезно то, что русскоязычный советский автор дает ссылки на немецкое издание. Полетика не мог не знать о русском издании, хотя бы потому, что в немецком издании оно упоминается. Надо полагать, оно было просто недоступно, или ему не позволила этого сделать цензура.

Более курьезна книга Александра Тарсаидзе⁶. Он несколько раз использует мемуар Добrorольского – при этом всякий раз воспроизводит отсылки к нему Луиджи Альбертини и Полетики, добросовестно указывая соответствующие страницы в их книгах. То есть сам сообщает читателю, что его цитирование вторично. Но неожиданно в библиографию к своему сочинению Тарсаидзе включает издание мемуара Добrorольского в белградском «Военном сборнике». Непонятно, почему Тарсаидзе не сослался прямо на него, если знал о его существовании. Впрочем, это вполне соответствует чисто компилятивному характеру той главы его книги, где речь идет об Июльском кризисе.

Еще более курьезно выглядят цитаты из мемуара Добrorольского в статье Сергея Цветкова⁷. Она не оснащена ссылками, и поэтому происхождение этих цитат остается неизвестно. А мемуар Добrorольского упоминается в списке литературы, но странным образом: «Добrorольский С.К. Мобилизация русской армии в 1914 г. // Царская Россия накануне революции. М., 1991». Но под таким названием существует только дневник французского посла в Петербурге Мориса Палеолога, и, каким образом в нее оказывается включен мемуар Добrorольского, совершенно не понятно.

Поскольку ни до ни после Полетики Добrorольского не цитировал больше никто, а ссылка Цветкова на оригинал должна быть забракована, приходится предположить, что Цветков (как и Тарсаидзе) заимствовал эти цитаты у Полетики. В пользу этого варианта говорит то, что несколько приводимых Цветковым фрагментов мемуара Добrorольского содержательно совпадают с фрагментами, которые использует Полетика, и никаких других цитат из оригинала в тексте Цветкова нет.

Но тут обнаруживается еще одна неожиданная деталь. Текстуально цитаты не вполне совпадают. У Полетики они отличаются от оригинала как будто бы по очевидной причине: это

5 Полетика Н.П. *Возникновение мировой войны*. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935.

6 Тарсаидзе А. *Четыре мифа о первой мировой*. М.: Кучково поле, 2007.

7 Цветков С.Э. *Как начался настоящий XX век // Гуманитарные науки*. Вестник финансового университета. 2014. № 4. С. 33–48.

обратный перевод с немецкого; постраничные ссылки Полетики – все на немецкое издание. Разночтения у Цветкова необъяснимы – тем более, что они хаотичны. В одном случае версия Цветкова совпадает с текстом у Полетики. В двух других в его версиях содержатся слова, совпадающие только с текстом Полетики или только с текстом самого Добророльского. Это совсем сбивает с толку. Если Цветков все-таки держал в руках «Военный сборник», что нетрудно допустить, поскольку он есть в Исторической библиотеке в Москве, то почему он не упоминается сам по себе и вместо этого смешивается с другой книгой?

И, наконец, последний пример. Валерий Авдеев цитирует Добророльского, дважды ссылаясь на фантомное издание 1929 года (ссылки 1 и 2) и дважды на белградское 1921 года (ссылки 13 и 23)⁸. Спрашивается: если он держал в руках одно из этих изданий, то зачем ссылаться отдельно на тот же текст в другом издании? Опять-таки следует предположить, что эти цитаты вторичны.

Итак, обратный перевод Полетики с немецкого и три случая вторичного цитирования – вот и все следы мемуара Добророльского в магистральной академической российской историографии и популярной истории Первой мировой войны до самого недавнего времени⁹.

Совсем иначе обстоит дело в западной историографии. Мемуар Добророльского сразу получил высокий статус у немецких¹⁰ и американских¹¹ критиков Версальского мира («ревизионисты»), а затем и у авторов, которые теперь считаются классиками магистральной историографии Первой мировой войны – Сидни Фэй¹² и Луиджи Альбертини¹³. После Второй мировой войны популярность свидетельств Добророльского у историков-генералистов падает, но в более специализированных работах об

8 Авдеев В. *Мобилизация в России и начало Первой мировой войны // Россия в международных конфликтах начала XX века. Вып. 3.* М., 2009. С. 115–122.

9 Интернет, как и следует ожидать, более оперативен, чем академия. Так, например, автор статьи «Тайны русской мобилизации 1914 года» на сайте «Военное обозрение», опубликованной в октябре 2019 года, включает Добророльского в число действующих лиц, имевших отношение к решениям по поводу мобилизации – и в нескольких ключевых местах явно пересказывает его мемуар, – но ссылок на него не дает, хотя (спасибо ему) публикует фотографию генерала, видимо, очень редкую (<https://topwar.ru/163243-tajny-russkoj-mobilizacii-1914-goda.html>). Время летит быстро, и нельзя исключить, что к моменту выхода моей заметки в свет кто-то снова запустит в оборот мемуар Добророльского.

10 FRANTZ G. *Russlands Eintritt in den Weltkrieg: Ausbau der russischen Wehrmacht und ihr Einsatz bei Kriegsausbruch.* Berlin, 1924. В приложении автор приводит около двадцати документов, верифицирующих мемуар Добророльского.

11 BARNES H. E. *The Genesis of the World War.* New York, 1928.

12 FAY S. *The Origins of the World War: 2 vols.* New York: The Macmillan Company, 1926. Есть русский перевод, сделанный через несколько лет: Фэй С. *Происхождение мировой войны.* М.: 1934. Кстати, Фэй сообщает, что имел долгий разговор с Добророльским в 1923 году в Белграде и что, по словам последнего, тот давал интервью редакции «Kriegsschuldfrage».

13 ALBERTINI L. *The Origins of the War of 1914.* Oxford, 1952–1953.

Июльском кризисе этот автор остается одним из ключевых свидетелей – как в контексте военной, так и политической истории, особенно, конечно, в работах об участии России в Первой мировой¹⁴. А к 100-летию начала войны на него снова стали ссылаться и в работах о Первой мировой в целом¹⁵.

Контраст в отношении к мемуару Добrorольского западных и российских историков очевиден и вызывает к объяснениям. Они есть, но на этот раз я ограничиваюсь чисто библиографическим комментарием. Внимательный читатель мемуарной статьи генерала Добrorольского быстро увидит ее документальную ценность. Как бы ни относиться к его сообщениям и соображениям по поводу русской мобилизации 1914 года, серьезная интерпретация Июльского кризиса без него вряд ли возможна.

14 MCMEEKIN S. *The Russian Origins of the First World War*. Cambridge; London, 2011; IDEM. *July 1914: Countdown to War*. New York, 2013.

15 CLARK C. *The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914*. New York, 2013.

О мобилизации Русской Армии в 1914 году¹

СЕРГЕЙ
ДОБРОРОЛЬСКИЙ

I. ВВЕДЕНИЕ

Мобилизация Русской Императорской Армии в 1914 году была прологом величайшей исторической драмы, последнее действие которой еще не разыграно. Уже на фоне его можно заметить туманные точки, которым суждено было стать предвестниками руководящего мрачного тона всей эпохи. Исследование процесса мобилизации во всем ее объеме поэтому крайне интересно и может появиться лишь в будущем из-под пера специалиста во всеоружии документов... В данном очерке нет претензий на такой труд: вдали от источников, без записок, документов, следовательно, без цифр и даже без обычного дневника нельзя дать серьезную историческую работу. Здесь задача гораздо скромнее: поделиться своими личными переживаниями в качестве руководителя того органа, который призван был технически подложить огонь под мировой костер...

Мобилизация вооруженных сил государства занимает совсем особое место в сложном творчестве войны: ход ее менее всего зависит от единоличной воли вождя. Весь план мобилизации до конца разработан заблаговременно, во всех подробностях. Выбран момент, остается нажать кнопку, и все государство работает автоматически, с точностью часового механизма, для превращения в несколько дней своей кадровой армии в вооруженный народ. Здесь творчество Верховного Вождя сводится к выбору начального срока. Оно коротко по времени, на выбор этого срока влияет многообразный комплекс политических причин; этот срок дан – кончено, возврата нет: он уже механически предопределяет начало войны.

К области высшего творчества придется до некоторой степени отнести и выбор способа мобилизации – в том случае, если для армии предусматриваются различные виды мобилизации.

1 При чтении моей статьи может возникнуть сомнение, следовало ли оглашать некоторые данные «секретного» характера. Но не следует забывать, что все секреты русского дореволюционного правительства находятся в руках власти, поставленной из Берлина при содействии германского Генерального штаба, а во главе военного ведомства стоит Троцкий-Бронштейн. В их руках все архивы, все документы, все планы, хранившиеся когда-то за десятью замками. Для кого эти секреты нужны, тот давно сумел их купить, как куплена вся несчастная Россия. – *Примеч. автора.*

Сергей Константинович Добrorольский (1867–1930) – генерал-лейтенант, участник русско-японской, Первой мировой и гражданской войн, в 1913–1914 годах начальник мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба.

Оба названные основные вопросы разрешены были в июле 1914 года для Русской Армии после больших колебаний, подробности которых малоизвестны, хотя о некоторых фазисах этих колебаний уже писалось в повременных изданиях.

Постараюсь подробнее на них остановиться в виду несомненного их исторического интереса.

Для ясности дальнейшего изложения нужно сказать несколько слов основных положений нашей мобилизации перед великой войною.

Есть три вида мобилизации армии:

Мобилизация общая – когда единовременно на всей территории государства производится призыв всего запаса обученных людей, прошедших кадры, для пополнения всей армии и флота до штатов военного времени. Призывается и нужная часть необученного или слабо обученного запаса – то есть некоторые сроки ополчения².

Мобилизация последовательная – когда та же цель достигается не единовременным призывом на всей территории государства, а последовательно, порайонно, по частям территории. Этот способ соответствует случаю войны с отдаленным сильным соседом, на границу с которым можно сосредоточивать мобилизованную армию, вследствие недостатка железных дорог, постепенно и медленно.

Мобилизация частная – когда война предстоит со слабым соседом и для достижения цели борьбы нет надобности доводить до штатов военного времени всю армию и флот, кадрового состава.

Общая мобилизация подразумевает напряжение средств борьбы до крайнего предела, когда призывается все физически способное мужское население государства. В результате такого всеобщего ополчения народа, наиболее отождествляющего вооруженный народ, создаются армии второй и, может быть, третьей линий. Такая мобилизация вмещает и всеобщность, и последовательность. Это будет крайняя степень общей мобилизации – назовем ее мобилизацией всеобщей или поголовной. Это и будет настоящий «Volk im Waffен»³. La levee en masse⁴.

Наш основной военный закон – устав воинской повинности издания 1912 года – предоставлял в случае войны возможность использовать все способное носить оружие мужское население государства, в возрасте от 20 и до 43 лет включительно, то

2 Согласно уставу 1874 года общий срок службы устанавливался в 15 лет. Из них действительная служба составляла 6 лет, в запасе – 9 лет. После окончания установленного законом срока пребывания в запасе лица, в нем состоявшие, перечислялись в государственное ополчение. – *Примеч. публикатора.*

3 Вооруженный народ (нем.). – *Примеч. публикатора.*

4 Общая воинская повинность, массовый призыв (фр.). – *Примеч. публикатора.*

есть 24 возраста, что составляло в грубых цифрах двенадцать миллионов мужчин, если принять в расчет те льготы по нашему закону, которые освобождали от военной службы. Если же брать всех физически способных, то эта цифра должна быть увеличена до пятнадцати миллионов людей⁵.

Не представлялось, однако, возможным, по техническим причинам, и не было надобности всю эту человеческую массу призывать к оружию сразу. Наоборот – это был общий резерв людей в России, который надо было умело использовать в известной постепенности в течение всего периода войны.

На этом основании наш общий мобилизационный план предусматривал:

- мобилизацию нашей постоянной армии призывом в войска запасных и поставкой лошадей, повозок и автомобилей;
- развертывание из скрытых кадров мирного времени второочередных войсковых частей и запасных войск;
- формирование ополченских частей, которые в совокупности имели значение второлинейной армии; но часть ополчения – из людей, прошедших ряды войск или отбывших учебные сборы, – должна была быть использована в качестве составной части перволинейной или полевой армии.

Что же это давало в цифрах?

Наша армия мирного времени определялась в 1 300 000 человек.

Запас обученных людей, составлявших 15 возрастов (в 1914 году это были нижние чины призывов от 1911-го и по 1897 год включительно), давал 3 500 000 человек.

Вся остальная масса военнообязанных состояла из ратников ополчения 1-го и 2-го разрядов; 1-й разряд – проходившие через ряды армии или получившие кратковременное воинское обучение в учебных сборах; 2-й разряд – необученные. В общем, государственное ополчение определялось колоссальной цифрой от семи до десяти миллионов людей.

Мобилизационный план не обнимал всего ополчения в той же подробности, как и запаса армии. Предполагалось возможным ограничиться ополчением 1-го разряда. На точном учете были четыре младших возраста. Это те военнообязанные, которые по разным причинам не были взяты на военную службу в мирное время, а затем – старые сроки, окончившие пребывание в запасе и оставшиеся в 1-м разряда до 43-летнего возраста включительно. Из этого ополчения формировались 900 дружин, сотен и батарей. Это составляло около одного миллиона людей. Означенные ополченские части предназначались для

5 Общая годовая цифра молодых людей призывного возраста во всей России – кроме народностей и групп населения, освобожденных от воинской повинности, – определялась в 1912 году цифрой приблизительно около 700 000 человек. – *Примеч. автора.*

тыловой и, главным образом, для гарнизонной службы внутри Империи на замену ушедшей полевой армии.

Из этого же ополчения должны были формироваться запасные батальоны второй очереди, около 500, на что предназначался также один миллион людей.

Всего мобилизационный план охватывал семь миллионов военнообязанных.

Но и эти семь миллионов призывались не одновременно.

Запас армии призывался Высочайшим указом Правительствующему Сенату, в котором перечислялись губернии и области, где должен быть произведен призыв и – каких сроков службы. Особою телеграммою, за подписью трех министров – военного, морского и внутренних дел – Высочайшее повеление о мобилизации объявлялось на местах. В тот же указ и телеграмму включалось о призыве только тех ратников ополчения 1-го разряда, которые, в виде исключения, шли в наряд в войска. Это относилось преимущественно до некоторых пограничных уездов, оставление в коих обученного ополчения грозило опасностью, что они попадут к врагу.

Вся же масса ополчения поднималась позже Высочайшим манифестом.

Наш закон предусматривал различные сроки явки для запасных и для ратников: одни сутки, трое суток и все дальнейшие мобилизационные сроки для ополчения были значительно растянуты. Мобилизация естественно выходила последовательно. Поэтому заблаговременная подготовка мобилизации постоянной армии и ополчения была весьма различна.

Для мобилизации армии существовало мобилизационное расписание, которое точно устанавливало, не по дням, а по часам, по уездам и по всем войсковым частям и учреждениям, наряд нижних чинов запаса и лошадей.

Мобилизация армии в 1914 году была произведена по мобилизационному расписанию № 18 измененному. Расписания вводились на определенный срок, охватывавший несколько лет. Одно заменялось другим – следующим по номеру – в связи с изменением по стратегическим соображениям всего мобилизационного плана.

Начало нумерации расписания ведется со времени после Русско-Турецкой войны 1877–1878 годов, когда под влиянием впервые заключенного в 1879 году Бисмарком Тройственного союза⁶ против России у нас приступлено было к выработке общего плана обороны наших западных пределов.

Мобилизационное расписание № 18 основное было введено в 1910 году, когда последовала реформа нашей полевой пехо-

6 Тройственный союз – военно-политический блок Германии, Австро-Венгрии и Италии, сложившийся в 1882 году. – *Примеч. публикатора.*

ты и артиллерии, были уничтожены резервная и крепостная пехота.

Переход от одного расписания к следующему был всегда сопряжен с техническими трудностями, так как приходилось заново пересоставлять все мобилизационные расчеты. В этой работе огромное значение имели железные дороги, волостные правления, полицейские учреждения и все части и управления военного ведомства. Введению каждого нового расписания предшествовала сложная работа в течение нескольких месяцев. С другой стороны, конечно, каждое новое расписание, усовершенствуя механизм мобилизации, укорачивало срок ее и поднимало боевую готовность армии. Однако стыки смежных мобилизационных расписаний⁷ были периодами некоторого ослабления этой готовности: легче допустимы были все шероховатости и недоразумения.

Для ввода нового расписания нужно было выбирать более спокойное в политическом смысле время. Мы хорошо помним, что время с 1910 года почти не давало таких периодов. Европа переживала последние годы вооруженного мира. В 1909 году последовала неожиданная аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, и «рыцарь в военных доспехах»⁸ напомнил своему другу о полной готовности его поддержать⁹. В 1912 году разыгралась уже прелюдия великой войны – Сербско- и Болгаро-Турецкая война, повлекшая за собою в следующем году разгром Болгарии¹⁰... Неизбежность великой борьбы назревала...

У нас предвиделась неизбежность существенного усиления наших вооруженных сил, но разные обстоятельства, среди которых не последнее место занимала постоянная смена начальников Генерального штаба (в течение пяти лет – пять лиц), отсрочили проект такого усиления до 1913 года, когда возникла наконец пятилетняя «Большая программа усиления сухопутных сил России».

Все перечисленные причины оттягивали ввод нового расписания. Оно должно было быть введено 1 января 1915 года. И потому война застигла нашу армию с расписанием № 18, частично изменявшимся и дополненным и потому носившим с 1912 года наименование № 18 измененного.

По этому расписанию производилась всеобщая мобилизация. Наряду с такою у нас существовал ряд предположений для про-

7 Во времени их действий для населения и для армии. – *Примеч. автора.*

8 Имеется в виду Германия. – *Примеч. публикатора.*

9 Имеется в виду позиция Германии, занятая в дни боснийского кризиса. Тогда она известила правительство Австро-Венгрии, что в случае разрастания конфликта оно может полностью рассчитывать на поддержку Германской империи. – *Примеч. публикатора.*

10 Имеются в виду Балканские войны, которые привели к обострению австро-русских отношений из-за требований Сербии порта на Адриатическом море; эти требования были блокированы Австро-Венгрией. – *Примеч. публикатора.*

изводства мобилизации вооруженных сил по частям. Они влекли за собою частные мобилизации.

При огромных размерах нашего отечества, соприкасавшегося по сухопутью с десятью соседями, из коих с семью мы воевали в одном XIX веке, нам приходилось предвидеть возможность вооруженного столкновения с любым из десяти соседей или в одиночку, или в той или иной комбинации.

Наряду с общим подъемом наших сил предвиделись, в зависимости от политического положения, несколько частных мобилизаций.

Наиболее ярким примером у нас частных мобилизаций были наши мобилизации в Японскую войну. Тогда, с объявлением войны 27 января 1904 года, после минной атаки японцами нашей эскадры была объявлена мобилизация сибирских военных округов, и в Европейской России был намечен ряд последовательных мобилизаций тех районов, из которых призывались запасные и брались лошади для пополнения отправляемых на восток корпусов. [...] Предполагалось производить их так, чтобы оставшиеся наши европейские войска сохранили полную свою боеспособность и, будучи отмобилизованы, представляли бы цельные самостоятельные стратегические единицы. В действительности это не вышло: каждая частная мобилизация являлась не выделенной из общей, а выдерганной из разных районов общей. Вспомним, что пехотные дивизии шли с чужими артиллерийскими бригадами, взятыми часто даже из другого округа; это было в зависимости от перевооружения нашей полевой артиллерии. Что касается технических войск, то они брались со всей территории России.

Наиболее характерный пример того, какое расстройство частные мобилизации влекли в боевой готовности остающихся войск, представляет так называемая десантная экспедиция, которая годами, начиная с 1880-х, тщательно подготавливалась в Одесском округе на случай овладения Босфором. Вся материальная часть этой экспедиции в 1904–1905 годах была взята в Манчжурию и уже более не была восстановлена. А быть может, эта экспедиция могла быть выполнена в 1914 году и дала бы нам возможность обеспечить левый фланг нашего стратегического фронта.

Словом, частные мобилизации в Японскую войну вовсе расстроили нашу общую мобилизацию.

Этот опыт был учтен к 1914 году, но не в полной мере. Почему? Причина кроется в органических недостатках нашей военной системы, которая требовала радикальных решительных реформ, а некоторые недостатки были неустранимы. Большой недостаток запаса офицеров, очень неравномерное распределение по территории государства некоторых категорий запасных

нижних чинов, особенно техников, хроническая неисправимая отсталость всякого рода снабжения не способного удовлетворить насущные нужды наших войск, крайне различная степень густоты железнодорожной сети для разных районов Империи, недостаточность подвижного состава и неповоротливость его в смысле наибыстрейшего использования...

В задачу очерка не входит рассмотрение всех перечисленных свойств, но достаточно сказать, что в результате их у нас неизбежно каждая частная мобилизация нарушала возможность общей. Чтобы эта мысль была яснее, остановимся на конечных целях всякой мобилизации. Отнюдь нельзя производить таковую лишь для устрашения непокорного соседа.

Какая борьба предстояла России в первой четверти XX века? Главная – это в Европе – с Тройственным союзом центральных держав. Очевидно было, что это будет война не на жизнь, а на смерть – до полного изнурения одной из сторон. И этому случаю – тягчайшему – должна была отвечать общая мобилизация всех наших вооруженных средств.

Помимо этого случая, России могло быть суждено воевать в Азии, на Дальнем Востоке, с Японией. На этом фронте мы не были в состоянии, даже если бы попытались, сосредоточить все наши вооруженные средства. Далее, возможен был конфликт с Турцией. Ведь история нас учила, что в последние два столетия каждые 25 лет у нас была война с Турцией. Наконец могли быть войны характера экспедиций: с Афганистаном, Персией, Китаем.

Для всех перечисленных возможностей нужны были соответствующие варианты частной мобилизации. Каждая из них должна была производиться так, чтобы не препятствовать вслед за сим, если интересы Родины потребуют, произвести общую мобилизацию.

К этому мобилизационное расписание № 18 измененное и стремилось в отношении людей и лошадей. Но упомянутые раньше общие свойства нашей военной системы оставались налицо, и, следовательно, в конечном практическом результате любая наша частная мобилизация расшатывала общую. Этот вывод нужно помнить, знакомясь с мобилизацией 1914 года.

Наступил 1914 год.

Центральное управление военного ведомства связывало значительные мероприятия с этим годом.

Упомянутая выше «Большая программа» усиления наших вооруженных сил, принятая в конце 1913 года и рассчитанная на пять лет, должна была в 1914 году дать уже заметное приращение сил. Особенно усиливалась полевая артиллерия; в артиллерии вводилась полковая организация: каждой пехотной дивизии придавалась артиллерийская бригада из 11 бата-

рей, сведенных в три полка, из которых восемь батарей легких, две – гаубичных и одна – кадровая для второочередной дивизии. Корпусная артиллерия должна была состоять из дивизиона полевых гаубиц, дивизиона тяжелых пушек и дивизиона тяжелых гаубиц. Достижение такой артиллерии в нашей тактической организации делало пехоту значительно более устойчивой и решительной в достижении боевого успеха. Увеличивался размер скрытого кадра для пехотного полка второй очереди. К 36 корпусам добавлялись еще два.

В конце этого года предполагалось ввести новое мобилизационное расписание № 19, в котором впервые была бы достигнута возможность мобилизации всех воинских частей и учреждений каждого военного округа своими запасными, кроме Приамурского.

Наше артиллерийское снабжение – материальная часть и снаряды, сильно отставшие от штатной потребности, – за этот год должно было подвинуться вперед.

Большая часть упомянутой программы уже была бы выполнена в 1914 году, и, следовательно, провести 1914 год в мире было действительно важно для России.

В 1915 году наша армия выступила бы в поход с солидной тяжелой артиллерией, которая была действительной царицей полей сражений великой войны. И не могло бы случиться такого факта, свидетелем которого мне пришлось быть в апреле 1915 года, когда Макэнзэн¹¹ наносил удар нашей 3-й армии и прорывал фронт¹², выставив не менее 200 тяжелых орудий против фронта X армейского корпуса, а у нас в три армии в составе семи корпусов на фронте 200 верст было всего четыре тяжелых пушки: две – 42-х л[инейных] и две – 6-ти дюйм[овых], причем в самом начале операции одна из двух 42-х лин[ейных] лопнула от крайней изношенности тела орудия.

В течение 1914 года должен был полным ходом заработать Царицынский артиллерийский завод.

В числе многих других причин едва ли могло входить в намерение наших врагов откладывать войну до 1915 года, когда осуществление упомянутой программы значительно подымало тактические шансы Русской Армии. В нашей минувшей жизни нас часто заставляли воевать в тот момент, когда наши войска перевооружались: накануне Крымской войны мы собирались нашу пехоту перевооружить штуцерным ружьем с продолговатой пулею; накануне войны 1877 года мы заготавливали бер-

11 Август фон Макензен (1849–1945) – германский военачальник, в апреле–сентябре 1915 года командующий 11-й армией. – *Примеч. публикатора.*

12 Имеется в виду Горлицкий прорыв, наступательная операция германо-австрийских войск в мае–июне 1915 года. Прорыв фронта на этом направлении привел к так называемому «великому отступлению» российской армии, которая вынуждена была оставить территорию Польши. – *Примеч. публикатора.*

данку; перед японской войной мы приступили к перевооружению нашей артиллерии...

СЕРГЕЙ ДОБРОРОЛЬСКИЙ
О МОБИЛИЗАЦИИ РУССКОЙ
АРМИИ В 1914 ГОДУ

II. Из личных воспоминаний

Еще накануне было тихо в Петербурге.

Торжественно проводили Президента Французской республики Раймонда Пуанкаре¹³.

11 июля, в Ольгин день, между 11 и 12 часами дня начальник Генерального штаба, генерал Янушкевич¹⁴, вызвал меня к служебному телефону и предложил немедленно прибыть к нему в кабинет.

«Положение весьма серьезное, – сказал он по моему входе к нему. – Австрия предъявила Сербскому Правительству совершенно неприемлемый ультиматум, и мы не можем оставаться равнодушными. Решение открыто и твердо заявит об этом. Завтра в “Русском Инвалиде” будет напечатано краткое официальное предостережение о том, что вся Россия с напряженным вниманием следит за ходом переговоров между австро-венгерским и сербским правительствами и не останется спокойной, если достоинству и целостности единокровного сербского народа будет грозить опасность. Все ли у вас готово для объявления мобилизации нашей армии?»

После утвердительного ответа начальник Генерального штаба мне сказал: «Через час вы принесете мне все расчеты о боевой готовности войск, причем имеется в виду, в случае надобности, объявление о частной мобилизации только против Австро-Венгрии. Поэтому при такой мобилизации ничто не должно дать повод Германии видеть какую-либо враждебность против нее».

Я тут же доложил о недопустимости частной мобилизации.

Генерал Янушкевич приказал мне вновь доложить ему подробно, как он назначил – через час.

Во время этого доклада был приглашен также начальник военных сообщений, генерал Ронжин¹⁵. Генерал-квартирмейстер, генерал Данилов¹⁶, был в командировке на Кавказе.

Очевидна была вся несостоятельность частной мобилизации армии. Что повелевает стратегией? Политика. Какая же политическая конъюнктура была на материке Европы в этот момент?

13 Раймон Пуанкаре (1860–1934) – президент Франции в годы Первой мировой войны. – *Примеч. публикатора.*

14 Николай Николаевич Янушкевич (1868–1918) – российский генерал, в 1914 году начальник российского Генерального штаба. – *Примеч. публикатора.*

15 Сергей Александрович Ронжин (1869–1929) – российский генерал, в 1914 году начальник отдела военных сообщений Главного управления Генерального штаба. – *Примеч. публикатора.*

16 Юрий Никифорович Данилов (1866–1937) – российский генерал, руководил разработкой плана войны с Австро-Венгрией и Германией, в 1914 году генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба. – *Примеч. публикатора.*

Два противоборствующих союза. Если возможно еще было гадать о монолитности Франко-Русского союза ввиду слишком большой разницы правительственных форм обоих государств, то в целостности, спаянности Германии и Австро-Венгрии сомнений быть не могло. Союзный договор между ними периодически возобновлялся и официально каждый раз опубликовывался; еще два года тому назад, по поводу аннексии Боснии и Герцеговины, глава Тройственного союза торжественно заявил о том, что Австрия может быть спокойной, ее верный рыцарь в блестящих латах исполнит свой долг.

Какую же цель могла преследовать частная мобилизация только против Австро-Венгрии? Угроза, не поддержанная убедительной доказательностью своей силы, вызывала соблазн пренебречь ею. Частная мобилизация наших сил приводила как раз к противоположным последствиям сравнительно с теми, на которые была рассчитана.

В стратегическом отношении она была просто нелепостью. Предполагалось отмобилизовать четыре военных округа: Киевский, Одесский, Московский и Казанский. На территории этих округов было расположено тринадцать армейских корпусов. Будучи отмобилизованы, они должны немедленно были быть переброшенными в район сосредоточения. Допустим, что все это было бы выполнено. Но как же быть с Варшавским военным округом? По мысли этой частной мобилизации, дабы не давать повода Германии сомневаться в наших намерениях, Варшавский округ оставался нетронутым. Таким образом вся южная граница Варшавского военного округа, соприкасающаяся с Австро-Венгрией, оставалась неприкрытой, необеспеченной. Какие губительные последствия должны были бы последовать, если оказалось бы затем необходимым объявить общую мобилизацию?

По действовавшему расписанию не была достигнута полная мобилизационная самостоятельность каждого военного округа: некоторые войсковые части получали запасных из соседнего округа. Это было последствием несоответствия дислокации войск и населенности различных районов России. Правда, с 1910 года часть полевых наших войск была отодвинута от западной границы вглубь Империи, но все же населенная губерния центра России и Поволжья входили в состав Московского и Казанского округов, где было меньше войск. Из этого основного резервуара запаса армии подавались запасные в Туркестан, Сибирь, Кавказ. Раз эти последние округа по частной мобилизации не мобилизуются, то подавать туда запасных можно было лишь с объявлением общей мобилизации. Значит, железные дороги должны были быть готовы, невзирая на объявленную частную мобилизацию, перейти на работу по военному графику только с объявлением общей мобилизации.

Возникла надобность для железных дорог предвидеть совсем особую комбинацию: частную мобилизацию некоторых европейских округов, за которую должна была следовать общая.

Эта комбинация не была разработана, как уже раньше говорилось, на том основании, что не предвиделась возможность частной мобилизации против одной Австро-Венгрии¹⁷.

Но еще опаснее было бы со стратегическим сосредоточением мобилизационных войск на границе.

Был разработан лишь один план сосредоточения. По этому плану корпуса Московского и Казанского военных округов входили в состав армий, разворачивавшихся на территории Варшавского военного округа. Следовательно, при задуманной частной мобилизации эти корпуса должны были бы быть направленными в иные районы сосредоточения, выбранные на границе Киевского округа.

Но ввиду полной вероятности объявления вслед за частной общей мобилизации надо думать, что стратегическое сосредоточение армии началось бы по окончании общей мобилизации, и, следовательно, переход армии на военное положение, произведенный двумя темпами, привел бы в лучшем случае к опозданию в боевой готовности Русской Армии на столько дней, на сколько частная мобилизация предшествовала общей.

А это обстоятельство могло иметь весьма важные последствия, настолько благоприятные для врага, что если бы военное руководство силами Тройственного союза предвидело возможность с нашей стороны такой последовательной мобилизации, то оно все сделало бы, чтобы втянуть нас в осуществление такой комбинации.

Генералу Янушкевичу было подробно доложено о всех указанных невыгодах частной мобилизации. Одновременно была подана записка о некоторых необходимых мероприятиях в связи с возможностью мобилизации, а именно:

– Войска были в лагерных сборах, иногда – в местах, удаленных от постоянных квартир, где находились их неприкосновенные мобилизационные запасы всякого рода. Нужно было вернуть войска из лагерей в свои постоянные стоянки.

– В войсках ощущался большой некомплект по мирному штату младших офицеров – около трех тысяч человек. Необходимо было немедленно произвести в офицеры юнкеров старших курсов военных училищ и перевести юнкеров младшего курса на старший. Вместе с тем – произвести немедленные выпуски офицеров старших курсов военных академий, а офицеров, со-

17 Железнодорожное движение по военному графику не могло вводиться по районам – по частям территории, по военным округам. Неизбежно получилась бы закупорка движения. Требовалась предварительная долгая подготовка. – *Примеч. автора.*

стоящих на младших курсах академий, откомандировать в свои части. Распустить офицерские практические школы.

– Объявить крепости и некоторые пограничные районы на военном положении, дабы дать старшим военным начальникам необходимую полноту власти для обеспечения успеха мобилизации и безопасности против шпионов и разных злонамеренных лиц.

– Ввести во всей Империи положение о предмобилизационном периоде¹⁸, что имело в виду известную децентрализацию подготовительных военных распоряжений на местах.

В 5 часов вечера в этот день, 11 июля, было назначено заседание Совета Министров в Красном Селе, на котором должен был участвовать генерал Янушкевич, а на 8 часов вечера им было собрано заседание комитета Генерального штаба с участием начальников всех главных управлений военного министерства.

Вернулся генерал Янушкевич из Красного Села и подтвердил о непреклонности принятого Правительством решения ответить на австрийский ультиматум достойным России – покровительницы славян – образом. Все проектированные меры утверждены. На другой день уже назначено возвращение полков гвардии на свои зимние стоянки и производство юнкеров в офицеры.

Заседание комитета Генерального штаба было посвящено окончательной редакции проекта положения о Полевом Управлении войск.

Это было одним из крупных пробелов нашей подготовки, что составление назначенного положения заканчивалось под громом надвигавшейся военной грозы.

Последующие ближайшие дни всем хорошо известны по обнародованным европейскими правительствами цветным книгам¹⁹ с документами.

Война была уже предрешена, и весь поток телеграмм между правительствами России и Германии представлял только *mise en scène* исторической драмы.

Оттяжка решительного момента была, пожалуй, полезна для подготовительных работ, но она усиливала напряжение по обе стороны границы.

Установление предмобилизационного периода не давало права принимать меры мобилизационного характера, но очевидно, что в пограничной полосе, где население и власти нервничали, возможны были увлечения в смысле некоторого забегания впе-

18 В феврале 1913 года было установлено Положение о предмобилизационном периоде, разработанное совещанием представителей заинтересованных ведомств под председательством генерала Лукомского, рассмотренное Советом Министров и высочайше утвержденное. – *Примеч. автора.*

19 «Цветные книги» – общее название публикаций дипломатических документов периода Июльского кризиса. – *Примеч. публикатора.*

ред по обеспечению мобилизации. Это особенно было естественно на германской границе, где поставка лошадей, да и сам призыв запасных были под угрозой, что ими может воспользоваться более предприимчивый сосед.

В Сувалкской губернии, действительно, были случаи преждевременного привода лошадей на сдаточные пункты, что подало повод Германскому послу в Петербурге, графу Пурталесу²⁰, обратиться с упреком к нашему Правительству и, в частности, через военного агента, к военному министру. Сухомлинов²¹ самым категорическим образом отвергал наличие с нашей стороны мобилизационных мер, но нельзя было ручаться, что ни один пограничный воинский начальник или начальник уезда не проявлял собственной инициативы, раз объявлен предмобилизационный период. Пограничные инциденты всегда возможны, а в такое время – тем более.

Злополучная мысль о частной мобилизации не была еще оставлена. Она имела своих приверженцев, но не в среде Военного Ведомства. Генерал Янушкевич усвоил, конечно, всю опасность ее объявления, но, как увидим дальше, не мог внушить того же при своих всеподданнейших докладах.

12-го, 13-го и 14 июля были днями томления для оптимистов. К ним сначала принадлежал и Серг[ей] Дм[итриевич] Сазонов²². министр иностранных дел. Только этим оптимизмом можно объяснить, что он продолжал стоять за частную мобилизацию и поддерживал веру в спасительность ее – в Петергофе.

Настроение там было вполне понятно. Сознание великой ответственности и предчувствия вызывали внутреннюю борьбу и понятные колебания. И вот, как прямой результат такого настроения, спасения ищут в частной мобилизации против Австрии. Но для министра иностранных дел должно было быть ясно, как и для военного, что такая военная мера могла послужить только лишним поводом нашим врагам стать еще дерзостнее: это решение ставило исходную операцию нашей Армии в самые неблагоприятные условия.

Примером яркого желания резко подчеркнуть дружелюбное отношение к Германии может служить эпизод с одним коммерческим немецким пароходом в Кронштадте 14 июля. Пароход навлек подозрение коменданта крепости, и установленное наблюдение подтвердило, что на нем находится станция беспроволочного телеграфа, которым шкипер пользуется для передачи радиogramм.

20 Граф Фридрих фон Пурталес (1853–1928) – германский дипломат, в 1914 году посол Германии в России. – *Примеч. публикатора.*

21 Владимир Александрович Сухомлинов (1848–1926) – российский генерал, в 1914 году военный министр Российской империи. – *Примеч. публикатора.*

22 Сергей Дмитриевич Сазонов (1860–1927) – российский дипломат, в 1914 году министр иностранных дел. – *Примеч. публикатора.*

Так как район крепости с 12 июля был объявлен на военном положении и присутствие в районе крепости частных, а тем более – чужестранных станций телеграфа противоречило всем правилам крепостного района и могло иметь шпионский характер, то, по докладу коменданта августейшему Главнокомандующему войсками округа, последним было приказано шкипера арестовать, пароход задержать и не выпускать из порта, станцию же снять. Германский посол обратился с категорическим протестом, в результате коего в тот же день последовало Высочайшее повеление Главнокомандующему немедленно освободить шкипера парохода и судно не задерживать, причем в собственноручном письме на имя великого князя выражалось осуждение принятой меры против судна, принадлежащего дружественному государству.

15 июля – день объявления Австро-Венгрией войны Сербии – Сазонова сразу покидает его оптимизм, он проникается мыслью о неизбежности общей войны и указывает Янушкевичу о необходимости долее не медлить с мобилизацией нашей армии. Причем в представлении министра иностранных дел о мобилизации, по словам Янушкевича, сквозило теперь удивление, почему она не была начата ранее.

Вечером 15-го изготавливаются к подписи два Высочайших указа – один для общей, другой для частной мобилизации.

Первый проект – для общей мобилизации – заключал в себе призыв запасных всех сроков службы, всех губерний и областей Европейской России, кроме территории Приамурского военного округа и десяти уездов Вятской и Пермской губерний.

Мобилизацию войск в Приамурском округе и назначенных десяти уездов решено было объявить две недели позже, так как 1-й и 11-й Сибирские корпуса уже в мирное время содержались в усиленном составе и их окончательную мобилизацию²³ предполагалось произвести запасными указанными десяти уездов²⁴. Запасные должны были быть поданы на пути, во время следования означенных корпусов в район сосредоточения на Западную границу, во избежание двойного пробега означенных запасных через всю Сибирь.

Указ для частной мобилизации предусматривал производство мобилизации войск и призыв запасных в четырех округах – Киевском, Одесском, Московском и Казанском.

Для подъема ополчения был изготовлен проект манифеста, но ополчение должно быть призвано позже, по окончании призыва запасных.

Утром 16 июля генерал Янушкевич вручил мне для исполнения подписанный Государем Императором указ об общей моби-

23 Ввиду крайнего недостатка местных запасных чинов в Приамурье. – *Примеч. автора.*

24 Заблаговременно в указанные уезды были высланы офицеры обоих корпусов. – *Примеч. автора.*

лизации, где первым днем мобилизации назначалось 17 июля. Указ должен быть отправлен для обнародования в Правительствующий Сенат, но раньше надлежало с ним вместе быть у министров военного, морского и внутренних дел для подписи ими телеграммы, которую по закону, за их подписями, объявлялось командующим войсками, генерал-губернаторам и губернаторам о мобилизации.

Хорошо помнятся эти посещения министров. Сухомлинов все эти роковые дни вообще был очень сдержан, будто намеренно с его стороны первая роль в Военном Ведомстве перешла к Янушкевичу. Янушкевич в эти дни с несвойственным, казалось, ему темпераментом изображал главу важнейшего в данный момент ведомства. При постоянных посещениях его служебного кабинета обыкновенно приходилось его заставить с трубкой одного из трех телефонов или придворного, связывавшего его с царской резиденцией Александрией²⁵, или особого министерского, коим он соединялся с министрами, или, наконец, – городского. Его сдержанное обычно выражение лица в эти дни выдавало тревожное настроение, а бледность и большие мешки под глазами свидетельствовали о бессонных ночах, проводимых им за работою.

Еще четыре месяца тому назад в скромной роли начальника академии, мог ли он предположить, что на его плечи взвалится тяжкая ответственность по всеобщей мобилизации Русской Армии.

Сухомлинов отчетливо понимал, что Россия втягивается в непосильную борьбу, и теперь будто хотел, чтобы забыли всего несколько месяцев тому назад по его инициативе написанную крикливую статью в «Биржевых Ведомостях» о нашей готовности: «Россия не хочет войны, но и не боится ее». В эти серьезные дни он, казалось, умышленно предоставил дирижерскую палочку начальнику Генерального штаба, который через несколько дней должен был стать начальником штаба Верховного главнокомандующего. Будь в этот момент на высших постах военного ведомства несколько иные люди: один с большим чувством любви к Родине и более государственно мыслящий человек, вроде Д.А. Милютина²⁶, а другой – с большим знанием тайн военного успеха и с большим пониманием армии и ее нужд, вроде Н.Н. Обручева²⁷, – война могла быть отсрочена до более благоприятного для нас момента...

25 Вероятно, имеется в виду Александровский дворец в Царском селе – основная резиденция царской семьи. – *Примеч. публикатора.*

26 Дмитрий Алексеевич Милютин (1816–1912) – российский генерал, в 1861–1881 годах военный министр Российской империи, основной разработчик военной реформы 1860-х годов. – *Примеч. публикатора.*

27 Николай Николаевич Обручев (1830–1904) – российский генерал, в 1881–1897 годах начальник Главного штаба. – *Примеч. публикатора.*

Когда я явился к морскому министру, адмиралу Григоровичу²⁸, он не хотел верить, что я привез ему для подписи телеграмму об общей мобилизации. «Как война с Германией? Флот наш не в состоянии состязаться с немецким, – говорил министр. – Кронштадт не предохранит столицу от бомбардирования». Он позвонил Сухомлинову по министерскому телефону и просил подтвердить надобность в его подписи. И, получив утвердительный ответ, он с тяжелым чувством приложил свою подпись.

На Елагином острове, у министра внутренних дел Маклакова²⁹, в кабинете царил молитвенная обстановка. Как раз против письменного стола, за которым сидел министр, у противоположного простенка, на узком столе, покрытом белой пеленою, находилось несколько больших образов, перед которыми теплилась лампада и горело несколько восковых церковных свечей. Он сейчас же заговорил о революционерах, которые, по его компетентным сведениям, ждут с нетерпением войны, чтобы докончить дело, начатое в минувшую, японскую войну. «Война у нас, в народных глубинах, не может быть популярною, и идеи революции народу понятнее, нежели победа над немцем. Но от рока не уйти...» – и, осенив себя крестным знаменем, министр подписал телеграмму.

Теперь надо было направляться на главный телеграф и пускать историческую телеграмму в обороты. Было около 9 часов вечера 16 июля. Главный начальник почты и телеграфов был предупрежден об отправке телеграммы чрезвычайной важности. Прибыв в кабинет управляющего петербургским телеграфом, я вручил ему телеграмму и остался, чтобы лично присутствовать при передаче телеграммы во все концы земли Русской. При мне в кабинете было приступлено к печатанию ее на нескольких пишущих машинках, чтобы сразу можно было наложить на все аппараты, связывающие Петроград с главными центрами Империи, откуда депеша должна была быть передана во все губернские и областные города. Существовала особая инструкция для рассылки мобилизационной телеграммы. Во время ее передачи никакие иные телеграммы не посылались.

Огромный зал Петербургского центрального телеграфа с несколькими десятками аппаратов готовился принять мобилизационную телеграмму.

Но в этот момент – 9½ вечера – меня приглашает к телефону генерал Янушкевич и приказывает задержать телеграмму до прибытия ко мне капитана Генерального штаба Туган-Бара-

28 Иван Константинович Григорович (1853–1930) – российский адмирал, в 1914 году морской министр Российской империи. – *Примеч. публикатора.*

29 Николай Алексеевич Маклаков (1871–1918) – российский чиновник, в 1914 году министр внутренних дел. – *Примеч. публикатора.*

новского... Входит он и докладывает, что гонялся за мною по городу, дабы передать мне Высочайшее повеление не отправлять телеграммы об общей мобилизации. Последняя отменена, и Высочайше повелено взамен произвести частную по заготовленным ранее соображениям.

Врученная мною на телеграфе телеграмма об общей мобилизации и все ее оттиски немедленно были взяты мною назад. Я сообщил управляющему телеграфом о последовавшей отмене и уехал. Эта перемена произошла вследствие телеграммы Вильгельма на имя Государя, в которой говорилось: «Если Россия будет мобилизовать войска против Австро-Венгрии, посредническая роль, которую Я принял на себя по твоей настоятельной просьбе, будет скомпрометирована, если не станет вообще невозможной. Вся тяжесть решения лежит на твоих плечах, и ты несешь ответственность за войну или мир»...

Телеграмма о частной мобилизации на имя командующих войсками в Киев, Одессу, Москву и Казань была послана мною позже, около полуночи с 16-го на 17 июля, с капитаном Туган-Барановским³⁰.

Я вернулся в кабинет начальника Генерального штаба и не мог не скрыть всей горечи от происшедшей перемены. Было очевидно, что вся тяжесть последующих недоразумений и сумбура – ибо несомненность общей мобилизации через несколько дней была ясна – ляжет на нас – на Генеральный штаб.

Янушкевич передал слова его Величества, что Государь Император принимает на себя всю ответственность объявления частной мобилизации: представители Военного Ведомства сделали все от них зависящее, чтобы была общая мобилизация, но Он решил таковой не производить.

После вышеизложенного совершенно ошибочными должны считаться указания в печати (статьи Влад[имира] Набокова³¹ в «Руле»), основанные на данных процесса Сухомлинова (то же говорится и в дневнике Сухомлинова, опубликованном на днях в Гельсингфорсе и в выдержках отпечатанном в «Последних Известиях»³²), будто общая мобилизация Сухомлиновым и Янушкевичем самовольно не была отменена, и они, оба, будто обманули Государя. Эта мысль могла явиться лишь в 1917 году, после крушения монархии, но ни тот ни другой в действительности в 1914 году не ослушались бы своего Государя³³...

30 Лев Степанович Туган-Барановский (1880–?) – российский офицер, в 1914 году сотрудник Мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба. – *Примеч. публикатора.*

31 Владимир Дмитриевич Набоков (1869–1922) – российский политик, один из лидеров Конституционно-демократической партии. – *Примеч. публикатора.*

32 Мне кажется, что этот дневник, если не апокрифический, то написан, во всяком случае задним числом – уже после увольнения в отставку и после или перед самим процессом. – *Примеч. автора.*

33 Ослушание стало бы известно Государю утром на другой день, так как общую мобилизацию, в которой принимают участие миллионы людей, утаить нельзя. – *Примеч. автора.*

Итак, 17 июля был первый день частной мобилизации для Киевского, Одесского, Московского и Казанского округов, то есть для южной, центральной и восточной частей Европейской России. Войска Петербургского, Виленского, Варшавского, Кавказского, Туркестанского и трех Сибирских округов не получили повеления о мобилизации; север, северо-запад и запад Европейской России, Дон, Кавказ, Туркестан, вся Сибирь и все казачьи области не были еще тронуты мобилизацией. Не был мобилизован и флот.

Утром 17 июля, около 11 часов, генерал Янушкевич позвонил мне по телефону и сказал: «Есть надежда на исправление положения, будьте готовы прибыть ко мне со всеми документами тотчас по моему вызову, после полудня».

Янушкевич убедил Сазонова представить Государю всю опасность в политическом отношении, в смысле нарушения союзных обязательств к Франции, производства частной мобилизации, которая позволит Вильгельму вырвать у французского правительства согласие на нейтралитет, и, когда мы завязнем со своею частною мобилизацией, он объявит нам войну и использует нашу неготовность в крайне выгодном для себя отношении.

Около 1 часу дня Янушкевича вызывает по телефону Сазонов и говорит, что Государь признал правильным, в связи с последними сведениями из Берлина, объявить общую мобилизацию всей армии и флота. «Alors, faites vos ordres, mon général, et ensuite... disparaissez pour toute la journée...»³⁴ – добавил министр.

Янушкевич немедленно после сего вызвал меня к себе и посвятил меня в этот разговор.

Нужно, следовательно, было тотчас посылать новую телеграмму об общей мобилизации, считая первым днем ее следующий день – 18 июля – во всех округах и на всей территории России. Тогда в четырех округах, где объявлена была частная мобилизация, замешательства не произойдет: в первый день, по общему правилу, передвижений и перегрузок запасных и лошадей еще не происходит. Всем запасным даются первые сутки на устройство своих дел. Передвижение начинается со второго дня мобилизации. Значит, если в Киеве, Одессе, Москве, Казани в течение первого дня частной мобилизации будет получено повеление, что следующий день считается первым днем общей мобилизации, то общая мобилизация поглотит частную, фактически отменит ее, и в этих округах мобилизация, как и всюду, начнется 18-го, только у них выйдет два первых дня мобилизации подряд. Словом, такое решение парализует весь вред, происшедший от объявления частной мо-

34 Итак, выполняйте приказ, генерал, а потом... исчезните на целый день... (фр.). – Примеч. публикатора.

биллизации, сведя его к замедлению вообще мобилизации на один день.

Нужно было вновь объехать трех министров для подписи телеграммы, устанавливающей начало общей мобилизации на 18 июля. Вчерашняя телеграмма была, конечно, недействительна.

В это время в Мариинском Дворце происходило экстренное заседание Совета Министров под председательством Горемыкина³⁵. Туда направлялся и Янушкевич. Он предложил мне ехать с ним и так как там налицо были все министры, то во время перерыва заседания можно было сразу получить нужные подписи. Так и было сделано. Телеграмма была готова. Около 5 часов дня я повез ее на телеграф. Опять та же вчерашняя предварительная процедура. Невольно закрадывалось сомнение, удастся ли и на этот раз послать телеграмму. Вспоминались слова Сазонова: «*et disparaissez pour toute la journee*».

В 6 часов вечера все аппараты были готовы к принятию мобилизационной телеграммы. Я вошел в зал. Какой-то торжественной молчаливостью повеяло от телеграфистов и телеграфисток; каждый сидел у своего аппарата и ожидал принять отпечаток телеграммы, чтобы послать во все концы Русской земли знаменательную весть о подъеме Русского народа на великую борьбу.

В 6 часов с несколькими минутами вечера среди полной тишины аппаратного зала сразу застучали телеграфные аппараты... Это был начальный момент великой эпохи...

Телеграмма посылалась с обратной проверкой, которую я выжидал в аппаратной.

Около 7 часов вечера из всех пунктов, которые связаны с Петербургским телеграфом прямыми проводами – а это были важнейшие центры России, Европейской и Азиатской, – были получены ответы о правильном приеме мобилизационной телеграммы.

Дело было начато бесповоротно. Оно уже стало известным во всех крупных городах нашего необъятного отечества. Отмены быть не могло. Пролог великой исторической драмы начался...

В этот день поздно вечером от штаба Киевского военного округа был получен телеграфный запрос о неясности создавшегося вследствие полученных мобилизационных телеграмм положения – нет ли какого-либо недоразумения? Тотчас же была послана разъясняющая телеграмма. Далее запросов получено не было; это свидетельствовало, что мобилизация на местах началась без осложнений.

С раннего утра в Петербурге на улицах обильно были расклеены красные объявления о призыве запасных для общей

35 Иван Логгинович Горемыкин (1839–1917) – российский государственный деятель, в 1914 году председатель Совета Министров Российской империи. – *Примеч. публикатора.*

мобилизации. Белые объявления оповещали об установлении в Петербурге и окрестностях военного положения.

По полученным в тот же день агентурным сведениям, 18 июля была также объявлена мобилизация в Германии и Австро-Венгрии. Но в Австро-Венгрии раньше была объявлена частная мобилизация некоторых корпусов, одновременно с предъявляемым ультиматумом Сербии.

19 июля Германский император объявил войну России.

20 июля, в воскресенье, всем памятна обстановка, среди которой Государем в Зимнем Дворце был принят немецкий вызов.

Со второго дня мобилизации, то есть с 19 июля, началось вливание в кадровый состав армии запасных. Стали прибывать лошади и кому положено было по штатам военного времени – повозки, автомобили и грузовики, поставленные от населения.

Сроки мобилизационной и боевой готовности войсковых частей и учреждений были различны, начиная от нескольких часов, как для пограничных кавалерских полков, и кончая несколькими неделями – для второочередных частей и обозных учреждений. Для ополчения – опять совсем особые сроки.

После мобилизации армии начался призыв государственного ополчения. Манифест о призыве ополчения 1-го разряда был подписан через неделю после начала призыва запасных – 25 июля, – но самый призыв предоставлено было делать военному министру постепенно – по возрастным классам и по-районно – в зависимости от потребности. Запасных нижних чинов было около трех миллионов. Ратников ополчения было в общем до десяти миллионов. Призыв их должен был соответствовать практическим возможностям их снаряжения, вооружения и содержания. Военное министерство столкнулось здесь с разрешением грандиознейшей задачи, впервые встретившейся в государственной жизни, История не давала надлежащего примера. Вооруженному народу современности посвящено было много специальных книг, но на практике этот поголовный подъем был беспримерен и представлял огромные трудности. По существу, этот вопрос должен был бы быть разрешен так: на основании стратегических соображений был определен размер той армии, какую государству надлежало выставить для обеспечения успеха в кратчайший срок, считая все войска вспомогательного назначения. Затем весь остальной контингент способного мужского населения должен предназначаться для пополнения в перволинейной армии убыли. Этот контингент надлежало готовить, обучать и по мере надобности высылать на фронт команды пополнения. Для успеха обучения и, не причиняя напрасного вреда населению, следовало точно установить, во-первых, минимальный необходимый срок обучения таких пополнений и, во-вторых,

размер потребной численности их в определенную единицу времени, допустим, в месяц.

Эти данные могли получиться только путем опыта, которого до войны не было. Естественно было стремление скорее иметь под рукою готовый излишек, нежели – чтобы была нехватка. Следовательно практически система вооруженного народа сводилась к наличию во время войны на обширном пространстве нашего государства густой сети людских депо, где подготовлялись бы пополнения. Эта сеть должна была быть заблаговременно, еще в мирное время, разработана и установлена для своей сугубо важной задачи – пропускать через себя в должный срок людской материал, вливающийся в перволинейную армию для поддержания последней всегда на желательном численном и качественном уровне. Это есть всеми хорошо известная система запасных войск. К сожалению, у нас эта система не была в мирное время разработана, не была подготовлена. У нас по действующему мобилизационному расписанию было предположено сформировать всего 188 запасных частей, не считая запасных полков конницы. Для этих 188 частей только были скрытые кадры при полевых войсках. Эта цифра ничтожна. Даже если допустить состав каждой части в 10 000 человек (что практически невыполнимо было осуществить), то и то получалось в общем менее двух миллионов людей, между тем запасные части были разной емкости – да и можно ли вообще войсковую часть иметь в 10 000? Первые «Большая программа», о которой уже упоминалось, предусматривала формирование 500 запасных батальонов второй очереди, но эти формирования, к сожалению, не были разработаны к началу войны. Только сделан был наряд людей в расписание.

Поэтому, как это ни странно, с первых же дней войны полевые войска оказались в хроническом некомплекте, а в глубоком тылу укрывались, под разными предлогами, десятки тысяч здоровых мужчин. Эту язву всенародной войны можно было устранить только тщательно подготовленной системой запасных войск. В густой сети запасных частей должны были выдерживаться все излишки призванных ополченцев, все выздоровевшие после ранений и болезни солдаты и молодые солдаты очередного призыва новобранцев. Не дружины ополчения, а именно запасные войска должны были бы составить второлинейную армию, главная обязанность которой непрерывно высылать пополнения на фронт, дабы держать в постоянном комплекте действующую армию.

По многим причинам, о которых стоит для поучительности побеседовать особо, указанной густой сети запасных войск нашим центральным Генеральным штабом разработано не было,

и поэтому такую сеть пришлось импровизировать уже во время войны, когда совершенно отсутствовали условия спокойной методичной работы. А потому все помнят хорошо, какую уродливую форму приняли наши запасные батальоны, в которых накапливалось по десятку рот тысячного состава.

Но об этом в другой раз... Как же протекала мобилизация нашей постоянной армии?

Первые донесения с мест, сосредотачивавшихся в мобилизационном отделе Генерального штаба, были весьма отрадные. За войсковые части, за кадровую армию, можно, конечно, было быть совершенно спокойными. Кроме присущего нашей армии глубоко национального чувства и сознания, что настал час, когда кончились, наконец, долгие годы обучения и настали суровые экзамены, наши войска имели достаточную мобилизационную практику мирного времени.

Последние годы перед войною этому отделу боевой подготовки войск удалялось, как известно, достаточно внимания. Исключая лагерное время и период обучения молодых солдат, в прочее время года во всех военных округах широко практиковались так называемые поверочные мобилизации. Всякий раз назначались войсковые комиссии, которые весьма обстоятельно следили за ходом подобных мобилизаций, составлялись отчеты с отметкой всех недочетов, которые внимательно затем устранялись.

Существовала, кроме того, иная форма мобилизационной практики – опытные мобилизации с призывом запасных нижних чинов и с поставкой от населения лошадей. На это дело ассигновывались достаточные денежные средства, и эта практика была двусторонняя, то есть и для войск, и для самих запасных, и тех местных учреждений, которые ведали учетом и призывом запасных и поставкою лошадей.

Как раз за два месяца до начала действительной мобилизации была произведена подобная опытная мобилизация в Одесском округе 34-й артиллерийской бригады в Екатеринославе и нескольких уездах Екатеринославской губернии. Этот опыт подтвердил, что за мобилизации полевых войск можно не опасаться.

Но вскоре, в дни настоящей мобилизации, стали получаться тревожные донесения о беспорядках, производимых запасными на сборных пунктах у уездных воинских начальников.

В Барнаульском уезде Томской губернии, в Пермской, в Орловской, в Могилевской губерниях возникли крупные волнения среди десятков тысяч запасных исключительно на почве опьянения водкою.

Вероятность этого явления предвиделась. Нашим законом – уставом воинской повинности, издания 1912 года – предусмат-

ривалось полное закрытие всей винной торговли в период мобилизации, до ее окончания. Статья устава об этом закрытии виноторговли (государственной монополии) была включена только в новое издание назначенного закона, после долгого сопротивления министерства финансов, причем последнему удалось ограничить это запрещение в целях фискальных пределах времени, пока запасные не влиты в войска и – не на всей территории государства сплошь, а в районах сбора запасных и в полосе железнодорожного отчуждения. По закону выходило, что пройдут запасные, и винная монополия могла вновь действовать. Этого было недостаточно. Поэтому накануне уже мобилизации, 13 июля 1914 года, военный министр обратился с письмом к министру финансов, в котором настаивал о повсеместном закрытии всякой винной торговли – и не только на срок мобилизации, но до полного окончания стратегического сосредоточения войск на границе.

Министр финансов уже накануне мобилизации согласился, и тогда последовало Высочайшее повеление о прекращении винной торговли в течение всей мобилизации во всей Империи.

Пьяные бунты запасных нижних чинов побудили правительство запретить продажу водки и вина на время всей войны. Это было начало эпохи трезвости в России, крайне благотельной для народа. Помнится, как под влиянием означенной меры некоторые городские и сельские общества выносили приговоры о вечном запрете винной торговли.

Революционная свобода вытравила эту благотельную меру, и революционно-большевистский период русской жизни отмечается, между прочим, вновь возникшей винопийной вакханалией.

«Пьяные» беспорядки запасных в дни мобилизации вопреки установленной запрещенной торговле вином объясняются тем, что партии запасных громили закрытые винные лавки и склады казенного вина и грабили оттуда запасы вина.

Из Петрограда было предписано принять самые крутые меры к прекращению пьянства запасных, и в двух случаях губернаторы были смещены за нераспорядительность по восстановлению порядка.

Это был вообще существенный изъян в общем ходе мобилизации, но без последствий для окончательных ее результатов.

Вторым пробелом являлись случаи уклонения от мобилизации, по-видимому, довольно многочисленные, так как самый закон о воинской повинности давал широкое право отсрочек и освобождений от призыва по разнообразными причинам. Столь прославившийся во время войны своеобразный институт «земгусаров» имел свои корни в законе и начал зарождаться в дни мобилизации.

Вспоминаются, между прочим, эти дни по тому обилию всевозможных просьб и ходатайств, письменных и личных, которые поступали к военному министру через мобилизационный отдел об освобождении или, в крайности, об отсрочке призыва в войска.

Подобные просьбы поступали не из толщи народа, а от лиц нашего культурного общества и из среды «буржуазии».

И какие только кнопки ни нажимались для удовлетворения ходатайства. Конечно, на первом месте шла протекция в виде рекомендательно-просительных писем от лиц самого высшего положения в мире бюрократии и по происхождению.

Борьба с этим злом велась, но необходимо признать, преимущественно безуспешно. Протекция – одна из коренных язв уклада нашей русской жизни, бороться с которой можно только дружными усилиями самого общества... И в горячие дни мобилизации было не до этого.

В дни мобилизации при существовании известного патриотического подъема в населении эта теневая сторона еще не обнаружилась в полной мере, как случилось позже, когда настали мрачные будни долгой войны. Густота тени была прямо пропорциональна нашему военному конечному неукладу.

При нашем огромном богатстве людского материала означенные изъяны не могли оказать осязательного вреда на итоги мобилизации нашей полевой армии. Штатный состав военного времени легко был достигнут, и все войсковые части и воинские учреждения в комплекте прибывали в назначенный срок в район стратегического сосредоточения³⁶.

Сроки мобилизационной готовности войск, как уже упоминалось, были весьма различны и для второочередных войсковых частей, и для третьеоочередных казачьих полков достигали более месяца.

Наши полевые армии были окончательно готовы в районах своего сосредоточения на двадцатые дни мобилизации. Наши армии – 3-я под начальством генерала Рузского и 8-я под начальством генерала Брусилова – начали свою наступательную операцию в пределы Восточной Галиции 7 августа, то есть на 21-й день, считая от первого дня мобилизации; 10 августа вошли в боевое соприкосновение с врагом, а 13 августа по всему фронту 3-й армии были серьезные бои с австро-венгерскими войсками, увенчавшиеся для нас существенным успехом.

36 Качественный состав войск, в смысле наличия всей нашей интеллигенции в рядах войск, был бы, конечно, выше, если бы не было уклонений от призыва в войска и стремлений некоторых представителей этой интеллигенции на тыловые должности. Вопрос низшего командного состава в великую войну был разрешен неудовлетворительно. Но об этом нужно писать особо. – *Примеч. автора.*

Эпоха войн далеко не закончилась в мире... больше того, не будет парадоксом признать, что мировая борьба, начатая в 1914 году, продолжается...

Последнее действие великой исторической драмы, как упомянуто в первых строках этого очерка, еще не разыграно...

Участие в нем 150-миллионного русского народа неизбежно, как было неотвратимо то же его участие во всех предыдущих фазисах борьбы.

Будущая национальная власть воссозданной великой нашей Родины в один из первых углов своего творчества должна поставить заботу о восстановлении и национальной армии. Без армии не может быть государства. И тогда должен быть учтен во всех подробностях великий опыт нашей мобилизации 1914 года.

Эта мобилизация прошла успешно, прошла блестяще, по признанию всего русского общества и лучших его представителей³⁷, потому, что эта военно-государственная операция была тщательно, во всех подробностях, заблаговременно разработана.

Необходимо, не теряя времени, накапливать все данные опыта этой мобилизации, чтобы, когда «придет час», можно было, не откладывая, устранить недостатки полного использования живых сил России, недостатки, обнаруженные нашей мобилизацией 1914 года.

20 июня 1921 года

Подготовка к публикации Александра Кустарева и Константина Тарасова, примечания Константина Тарасова

37 На торжественном заседании Государственной Думы в августе 1914 года был встречен единодушными аплодисментами столь непопулярный в думских кругах военный министр, генерал В.А. Сухомлинов, – под впечатлением исключительно удачно прошедшей мобилизации. Помню слова очень известного члена Г[осударственной] Д[умы], который, придя в кабинет начальника мобилизационного отдела тогда, заявил, что успешной мобилизацией армии военный министр загладил все свои ошибки перед народным представительством и русским обществом. – *Примеч. автора.*

ДМИТРИЙ
КОЛЧИГИН

История духа как техника выживания

Вот видишь, твой гуманизм – это чистейшее Средне-
вековье.

ТОМАС МАНН. «Доктор Фаустус»

В январе 1932 года в штуттгартском издательстве «Deutsche Verlags-Anstalt» вышла новая книга боннского профессора Эрнста Роберта Курциуса. Называлась она «Немецкий дух в опасности»¹ и на первый взгляд могла бы составить пару более ранней его книге из того же Веймарского периода «Французский дух в новой Европе» (1925)² – тем более, что два «духа», французский и немецкий, действительно, как два полюса, приводили жизнь молодого Курциуса в движение. На деле, впрочем, по 1931 году проходила невидимая, но почти осязаемая черта, разделившая мир, историю – и мировоззрение самого Курциуса. В 1950-м и сам он – вслед за Сент-Бёвом, и отчасти под маской его цитат – подразделяет свои работы «сообразно различным эпохам и обстоятельствам, через которые я проходил»³. Весь период 1919–1931 годов Курциус характеризует – опять же словами Сент-Бёва – как «analytique, descriptive et curieuse», в то время как с 1932-го начинается этап «подведения итогов».

1 CURTIUS E.R. *Deutscher Geist in Gefahr*. Stuttgart; Berlin: Deutsche Verlags-Anstalt, 1932.

2 IDEM. *Französischer Geist im neuen Europa*. Stuttgart; Berlin: Deutsche Verlags-Anstalt, 1925.

3 IDEM. *Kritische Essays zur europäischen Literatur*. Bern; München: Francke Verlag, 1963. S. 8.

ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ

В год написания «Французского духа» (1925) Курциус в переписке с Максом Рихнером высказывал достаточно критические суждения о филологии как таковой, говорил, что чужается духовно-исторических взглядов, и вместо филологической литературы призывал читать «гуманистическую»⁴. В 1931–1933 годах Курциус и сам на время отходит от чистой филологии и даже от литературоведения, погрузившись в поиски гуманистического ключа к новому времени. Подведение социальных и политических итогов в предчувствии времен, суровых и немилосердных, подтолкнуло Курциуса к переосмыслению целого ряда культурно-исторических явлений, неизменно сопровождавших его проект глобальной Европы. Здесь мы сконцентрируемся на концепции нового гуманизма, призванного, по Курциусу, сохранить целостность народного духа в условиях надвигающейся катастрофы. Томас Элиот, с которым у Курциуса были приятельские отношения, в своей рецензии на «Немецкий дух в опасности» называет представленную здесь главу «лучшим и наиболее разумным изложением “гуманистического” подхода, какой мне только доводилось читать»⁵. Ценная сама по себе глава «Гуманизм как инициатива» приобретает дополнительную глубину в идейно-историческом контексте и в рамках курциусианского корпуса. Здесь мы постараемся этот контекст восстановить. Книга «Немецкий дух в опасности» не переиздавалась с 1932 года и стала с тех пор библиографической редкостью; целиком она до сих пор переводилась только на итальянский⁶ и японский языки. В новой реальности представляется необходимым поближе ознакомиться с этой книгой и русскоязычного читателя.

Дмитрий Колчигин (р. 1988) – переводчик, филолог, работал над переводом на русский язык сочинений Якоба Гримма, Эрнста Роберта Курциуса, Эриха Ауэрбаха и других. Живет и работает в Алматы (Казахстан).

* * *

«Немецкий дух в опасности» составлен из пяти глав, у каждой из которых есть своя история. Так, основой для первой главы – она озаглавлена «Упадок образования и ненависть к культуре» – послужила статья «Abbau der Bildung», вышедшая в сентябре 1931 года в «Die Neue Rundschau». Статья эта немедленно привлекла внимание даже за пределами Германии и уже в декабре того же года была опубликована во французском переводе как «Abandon de la culture». Центральное понятие этого очерка – *die Bildung*, которое здесь, как и во многих случаях у Курциуса, нуждается в отдельном рассмотрении. Чаще все-

4 MERTZ-RYCHNER C. (Hrsg.). *Aus dem Briefwechsel Max Rychner – E.R. Curtius*. Marbach: Deutsche Schillergesellschaft, 1987. S. 8.

5 ELIOT T.S. *A Commentary [on E.R. Curtius' "Deutscher Geist in Gefahr"]* // Criterion. 1932. № 12. P. 74.

6 CURTIUS E.R. *Lo spirito tedesco in pericolo*. Bologna: I Libri di Emil, 2018.

го оно у него означает просто «культура» (как во французском переводе⁷), но кое-где, и особенно в первых главах «Немецкого духа», оно явно связывается с образовательной и воспитательной культурой. Упрощенно говоря, *Bildung* у раннего Курциуса – это скорее культура личная, «культурность» отдельного человека, достигнутая за счет воспитания, образования, духовного наставничества. Иногда в этом смысле речь может идти не об индивидах, а об отдельных народах: скажем, о немецкой *Bildung* как части всевропейской⁸. И даже в более поздних работах, когда, например, поднимается тема средневекового *Bildungswesen*, имеется в виду та культурная система, которая заложена в образовании (тривиум и квадривиум)⁹. Весьма примечательно, как Курциус, говоря о распаде немецкого духа в воспитательной культурной системе, проходит иронически по концепции «физической культуры»: в 1932 году, говорит он, Немецкая федерация гимнастики выступила под лозунгом «*Gymnastik ist Bildung*», и в этом видится «крайний случай бездумного злоупотребления» столь высоким понятием¹⁰.

Понять подлинный смысл воспитательной культуры, говорит Курциус, можно в современной ему Германии только через труды Макса Шелера (этого философа он чтит исключительно высоко и называл наиболее выдающимся со времен Ницше). Суммируя шелеровские рассуждения, сам Курциус дает следующее определение:

«Воспитательная культура – это причастие отдельного человека ко всему, что есть значимого в природе и в истории, это самоконцентрация мира в человеке или воздвижение человека к миру»¹¹.

Распад этой самоконцентрации может происходить в разных формах, и в том числе – под видом интеллектуального

- 7** Здесь можно вспомнить книгу Курциуса «*Die französische Kultur*», в которой противопоставлены понятия о культуре и цивилизации (Рене Веллек впоследствии критиковал Курциуса за столь общее понятийное основание, а Людвиг Штейнке, наоборот, находил, что Курциусу удалось изящно избежать этого традиционного столкновения). Книгу молниеносно, еще в начале 1930-х перевели на множество европейских языков, и во многих случаях заметны терминологические колебания между *Kultur* и *civilisation*, *Bildung* и *culture*. Французский перевод компромиссно озаглавлен как «*Essai sur la France*».
- 8** И наоборот, культурно-исторические субъекты сами по себе называются культурами: так Курциус, например, обозначает все то, что у Тойнби называется «обществами».
- 9** См.: ИДЕМ. *Das mittelalterliche Bildungswesen und die Grammatik* // *Romanische Forschungen*. 1947. Vol. 60. № 1. S. 1–26.
- 10** ИДЕМ. *Deutscher Geist in Gefahr*. S. 14. О спорте Курциус всегда без исключений писал в каком-то гневном, осуждающем, уничижительном тоне; удивительно, но «восторг перед “упражнениями”» он рассматривал даже как своего рода угрозу для истинных ценностей. Нет ли в этом некоего пренебрежения к подлинному гуманистическому идеалу калокагатии? Специально этот вопрос нигде у Курциуса не рассмотрен, но, вероятно, он подразумевал здесь неравновесное возвышение гилико-соматического начала в эпоху духовного кризиса. Как нам уже приходилось упоминать, в поздние годы на подобные курциусовские суждения свой отпечаток явно накладывает берлинская Олимпиада 1936 года и спортивно-гимнастическая пропаганда «*Kraft durch Freude*». Впрочем, как видно по «Немецкому духу», корни этого – довольно, стоит сказать, специфического! – противопоставления спорта и гуманизма уходят у Курциуса в еще более ранние времена.
- 11** Ibid.

прогресса; впрочем, перед лицом варваризации и тоталитаризма, как добавляет Курциус, излишняя интеллектуализация молодежи – это последнее, что может представлять угрозу. «В одном националистическом романе, – говорится в первой главе, – буквально так и сказано: “Интеллект – вот опасность при воспитании характера”. В этом наивном признании действительно можно усмотреть грубую квинтэссенцию нынешних настроений»¹². Цитируется здесь не что иное, как роман Йозефа Геббельса «Михазель» (1929) с говорящим подзаголовком «Немецкая судьба»¹³. Здесь впервые проступает напрямую тот антифашистский контур, в который вписана книга Курциуса: на политические темы он редко высказывался открытым текстом и обычно пользовался для этого иносказаниями, цитатами, аллюзиями; иногда это вызывало критику и недовольство – например, у Томаса Манна, с которым Курциус вел в свое время полузаочный спор об эмиграции, – но были у этого метода и свои апологеты.

В любом случае в 1932 году Курциус в первый и последний раз напрямую – насколько это вообще возможно в рамках его литературной техники – выступил с политическим манифестом, культурно-политической программой. Позднее он обозначил «Немецкий дух в опасности» обобщенным понятием «полемическое сочинение», и эта характеристика в целом закрепились в сопутствующей литературе. Одновременно с «Немецким духом» в развитие темы, поднятой в первой главе, Курциус подготовил, как теперь известно¹⁴, целую книгу о «воспитательной культуре» и народном образовании, полностью ее завершил и... бросил в марте 1933 года на стадии типографской предподготовки. К тому времени было уже очевидно, что проект нового гуманизма в публичном виде не выживет и для сохранения островков культурного сопротивления курциусовский реставрационизм должен был уйти в катакомбы. Собственно, такой вариант был предусмотрен и в «Немецком духе», где сказано под конец:

«Если времена настанут совсем беспросветные, высшие сословия отрешатся, низшие озвереют и новая жизнь не сумеет пробиться к сумраку наших дней, то гуманисты, разобщенные и безымянные, все равно друг друга разыщут и будут работать втайне»¹⁵.

12 Ibid. S. 20.

13 Есть там и другие высказывания на ту же тему: «Наш народ отравлен интеллектом» или «Все во мне противится интеллекту». Марксизм у молодого Геббельса также отвергнут на том основании, что «все в нем рационально». См. об этом в: HILLESHEIM J., MICHAEL E. *Lexikon nationalsozialistischer Dichter. Biographien, Analysen, Bibliographien*. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1993. S. 194.

14 Во втором тираже «Немецкого духа», как иногда сообщают, была издательская пометка о скором выходе этой книги.

15 CURTIUS E.R. *Deutscher Geist in Gefahr*. S. 130.

Но, как показала практика, допущение катастрофы и реальное ее свершение критически между собой разнятся: говоря о новом варварстве, темных веках и озверении, Курциус все же готовил возрожденческую программу и, видя ее несопоставимость с реальностью, погружался в тяжелую, клиническую депрессию. Дважды за год ему пришлось проходить курсы лечения (сюда относится и личная встреча с Карлом Юнгом, о теориях которого Курциус неоднократно упоминал в очерках из «Немецкого духа»¹⁶), и уничтожение готовой книги «Elemente der Bildung»¹⁷ тоже представляется отголоском этого нервного срыва. Сам Курциус вспоминал об этом времени так:

«От мирного хода исследований меня оторвали пылающие беды нашего времени. Мой очерк “Немецкий дух в опасности” (1932) был направлен против предательства немецкого образования, против ненависти к культуре, против ее политико-социологических предпосылок. На этот возглас-предупреждение меня подвигло предчувствие позорной катастрофы, которая вскоре действительно обрушилась на Германию. С 1933-го по 1945 год немецкий дух жил в постоянной опасности, от года к году лишь возрастающей, и понес несказанные потери»¹⁸.

Последней каплей для Курциуса стала реформа высшего образования, начатая нацистами в апреле 1933 года, и все, что этой реформе сопутствовало: увольнение еврейской профессуры, введение личной клятвы верности Гитлеру, создание эксклюзивных студенческих сообществ для чистокровных немцев, чистка библиотек от нежелательной литературы и тому подобное¹⁹. В позднем (1952) очерке «Угасающий свет Эллады» есть такие слова:

- 16** Речь там заходит о сращивании натуралистического фрейдизма с идеями социализма: в этом Курциус также видит угрозу и один из симптомов культурного распада; в учении Юнга, добавляет Курциус, подобные перекосы давно преодолены. Впоследствии Курциус связывал топологическую теорию с юнгианской концепцией архетипов коллективного бессознательного. Впрочем, это делалось мимоходом и было похоже скорее на дань личным воспоминаниям, чем на системную конструкцию. Рассказывая в письме Жану де Меназу (1945) о своем срыве, о лечении в Цюрихе и о начале работы над устройением среднелатинского гуманизма, Курциус прямо говорит, что вышел из кризиса благодаря «поляризации на вечном Риме, сработавшем как архетип».
- 17** В 2017 году книга эта была чудесным образом восстановлена по разрозненным типографским оттискам: CURTIUS E. R. *Elemente der Bildung* / WIESKENBERG E. -P., RICHT B. (Hrsg.). München: C.H. Beck, 2017. В «Немецком духе» Курциус тоже несколько раз подчеркивает, что образование и даже сам гуманизм («встреча с собой») как синтетические явления могут быть пробуждены к новой жизни только и исключительно после анализа элементов культуры, ее наималейших составных частей. В этом уже прослеживаются теоретические основания, на которых будет воздвигнута топологическая медиовистика.
- 18** CURTIUS E. R. *Kritische Essays zur europäischen Literatur*. S. 440.
- 19** Вполне вероятно, кстати, что многие экземпляры «Немецкого духа в опасности» пострадали во время этих чисток. Во всяком случае нынешнюю редкость книги, отпечатанной в свое время трижды, сложно объяснить как-то иначе.

«Позорное предательство, самоотречение немецких университетов весной 1933 года открыло мне глаза: те позиции, на которых я пытался стоять, сданы всецело»²⁰.

ДМИТРИЙ КОЛЧИГИН
ИСТОРИЯ ДУХА КАК
ТЕХНИКА ВЫЖИВАНИЯ

Примечательно, что в 1932-м и даже в 1945-м Курциус, говоря о предательстве высшего образования, все еще имел в виду, что это оно оказывается предано: это его отторгают, им пренебрегают, оно нуждается в поддержке и даже спасении²¹. В 1952-м Курциус находит в себе не то силу, не то злобу и теперь уже обвиняет в предательстве сами университеты, саму образовательную систему. Впрочем, это не резкий поворот и даже не переосмысление пройденного, а вполне закономерный ход одной и той же последовательно разворачивающейся мысли. Ведь еще в 1918-м Курциус в небывалом кризисе гуманизма обвинял... гуманитарные гимназии: живую и светлую Античность они подменяют сухим и бездушным школярством; стыдясь телесного, они выхолащивают и духовное. Удивительным образом, как справедливо отметил Олег Воскобойников, Курциус – ветеран Первой мировой – в 1918 году даже не упоминает о роли войны в немецком культурном кризисе; в природе события он усматривает множество сторонних факторов (от экспрессионистской живописи до влияния с Востока) и практически всю ответственность за бедствия, нынешние и грядущие, возлагает на образовательную систему, и даже конкретнее – на гуманитарную школьную программу. В 1920-м Курциус все-таки признал, что новое поколение в значительной степени деформировано войной; в его тогдашней статье о Максе Вебере он говорит, что молодежь «вернулась с войны в каком-то особом, беспрецедентном состоянии духа, [...] ее преследуют туманные мечтания, ее одолевает ненависть к познанию, к доказуемым фактам»²². Курциус практически всю жизнь (от «Немецкого духа в опасности» до самых поздних заметок 1950-х) сокрушенно – тоже, по словам Карла Тённиссена²³, с каким-то мечтательным прекраснодушием – вспоминал молодежь предвоенной эпохи 1910–1914 годов. Например, третья глава «Немецкого духа в опасности» начинается так:

«Дискуссии об университетах, их сущности и их призвании [...] восходят ко временам расцвета немецких молодежных движений,

20 ИДЕМ. *Büchertagebuch*. Bern; München: Francke Verlag, 1960. S. 64, 65.

21 Кризису немецких университетов межвоенного периода целиком посвящена третья глава «Немецкого духа в опасности», которая открывается вопросом «А есть ли у нас вообще университеты?». На страницах 54–55 см. важнейшую выписку из Шелера. Один из подразделов этой главы – «Университет как идея и опыт» – незадолго до выхода самой книги публиковался как эссе в ежеквартальном журнале «Die Neue Rundschau».

22 ИДЕМ. *Max Weber über Wissenschaft als Beruf* // Die Arbeitsgemeinschaft. 1920. № 17. S. 200.

23 ТНÖNNISSEN K. *Ethos und Methode. Zur Bestimmung der Metaliteratur nach Ernst Robert Curtius*. Aachen: Aquamarine, 2001. S. 28.

то есть приблизительно к 1910 году. Именно тогда наша гуманистическая молодежь [...] взбунтовалась против закосневших академических идеалов. Молодежь искала осмысления вместо буквализма, полноты опыта вместо убогой рабочей этики; исполненная мусического одухотворения, она боролась против невежества и мещанства. Она была аполитичной и не враждовала ни с духовностью, ни с науками. [...] Эта молодежь не хотела ничего ломать, а хотела строить нечто прекрасное. [...] Это молодежь, которая истекла кровью при Лангемарке. Образ ее сегодня всячески искажен²⁴.

В 1932-м и даже в 1945-м Курциус, говоря о предательстве высшего образования, все еще имел в виду, что это оно оказывается предано: это его отторгают, им пренебрегают, оно нуждается в поддержке и даже спасении. В 1952-м Курциус обвиняет в предательстве сами университеты, саму образовательную систему.

Впоследствии Курциуса неоднократно критиковали за романтизацию немецкого солдата на фронтах Первой мировой. Гораздо важнее, впрочем, что в «Немецком духе» Курциус впервые пользуется термином «обрыв преемственности» (*Kontinuitätsbruch*), в полной мере прилагая его к Первой мировой войне. Да, несколькими страницами дальше он уже сглаживает формулировку и говорит, что Германию политизировала (то есть дегуманизировала) «не война, а скорее революция, иностранное вмешательство и кабальная долговая зависимость», но все это по существу есть не что иное, как длительные последствия войны. Собственно, в таком контексте длительным последствием оказывается, по Курциусу, и тот кризис, который в 1930-е воплотился под видом «ненависти к культуре». Само это понятие – *Kulturhaß* – встречается еще, например, у Гёльдерлина²⁵, но после «Немецкого духа в опасности» оно теснейшим образом связалось с критическими воззрениями Курциуса и сегодня в контексте истории идей встречается почти исключительно в окказиональном курциусианском смысле.

Распад гуманизма и воспитательной традиции, говорит Курциус, имеет две стороны: это, во-первых, безразличие к культуре со стороны буржуазного среднего класса (отчасти обусловленное общим филистерством, отчасти – экономическим злополучием), а во-вторых, – ненависть к культуре, то есть политически оформленный изоляционизм. Сам Курциус не дает

²⁴ CURTIUS E.R. *Deutscher Geist in Gefahr*. S. 51, 52.

²⁵ Эпиграфом ко всей книге «Немецкий дух в опасности» взяты между прочим строки из гёльдерлиновского гимна «Патмос»: «Но где есть Опасность, там и Спасительное зреет».

четкого определения этой ненависти, и, насколько мы можем судить, его исследователей вопрос дефиниций тоже не слишком заинтересовал. Но, если собрать все сказанное в «Немецком духе», можно описать явление следующим образом: если частное культурное явление устанавливает примат своей исключительности, начинает поглощать и подстраивать под себя все то общее, что на самом деле его превосходит, то это и есть культуроненавистничество, деструкция, варваризация. Ненависть к культуре воплощается «справа» как национализм, а «слева» – как социализм. (В Германии 1930-х две тенденции удивительным образом сливаются, образуя явление национал-социализма, очевидно воплощающее собой – экстраполируем мысль Курциуса, – квинтэссенцию ненависти к культуре.) Осмыслению этих альтернатив посвящены вторая и четвертая главы, озаглавленные соответственно «Нация или революция?»²⁶ и «Социология или революция?»²⁷.

Так, Курциус отмечает, что политический национализм в Германии 1930-х в диковинном слиянии правого и левого теряет даже свою охранительную функцию и превращается в чистый инструмент разрушения – впервые рождается нигилистический национальный миф с апелляцией к иррациональному:

«Любой национализм по природе своей оспаривает автономию духовной культуры. Национализм есть не что иное, как извращение миропорядка; суть в следующем: нация просто надстраивается превыше всего небесного и земного. Таков французский национализм, таков и итальянский. Но там не отрицается хотя бы *сама сфера* духовного. Она скорее встраивается внутрь системы. Интегрируется вся национальная традиция. [...] Наши же националисты [...] упрекают “Action française” в том, что те “слишком погрязли в духовном”. Новый немецкий национализм в чем-то подобном действительно не заподозришь. Он делает решительный шаг – и это шаг назад. “Духовное” уже не просто подчиняется национальному мифу – оно лишается самого права на существование. Вот действительно нечто новое: Германия – первая страна, в которой международный национализм объединенным фронтом выступил против духа (включая дух собственного народа) и против культуры (включая культуру собственной земли)»²⁸.

Немецкий дух, говорит Курциус, не может жить только и исключительно собой; новая антикультура, дегуманизирующая

26 В конце 1931 года первый вариант этой главы был опубликован в «Die Neue Rundschau» под названием «Национализм и культура». Тематически статья – и глава – отчасти построена на полемике с праворадикальным младоконсерватизмом, воплощенным в круге сторонников Ганса Церера и их печатном органе – журнале «Die Tat» (не путать с одноименной цюрихской либеральной газетой, где с начала 1950-х публиковался по просьбе Макса Рихнера и сам Курциус).

27 Эта глава восходит к спору Курциуса с Карлом Мангеймом и воспроизводит несколько более раннюю статью «Социология – и ее границы» (1929).

28 Идем. *Deutscher Geist in Gefahr*. S. 43.

по своей сути, отсекает его от животворящих источников с Запада и Юга, отделяет немецкое от всеевропейского и тем самым лишает вообще всего, в том числе и собственно немецкого, которое не мыслится без общих корней – античных, средневековых, возрожденческих, романтических. Более того: самоизоляция подталкивает Германию на Восток, то есть, по Курциусу, «к тому варварству, которое есть первая ступень большевизма»²⁹. Как только национализм порвал с европейской преемственностью, то и замкнувшийся немецкий дух, не имея выхода к тем культурным потокам, которые на протяжении истории наполняли его жизненной силой, вынужденно делает шаг в сторону от самого себя. Если гуманизм – Курциус следует здесь за формулировкой Эрнста Трельча – это «встреча современного духа с его собственной жизнью, спящей где-то в глубинах памяти и таящей культурные первоначала»³⁰, то националистическое самоотречение в «бездне» социализма неизбежно становится антигуманистическим и порождает деструктивную псевдокультуру, живущую – в поздних терминах – «злокачественной агрессией»³¹. Эпиграфом ко второй главе Курциус берет слова Вергилия «En quo discordia cives produxit miseros» – «Вот до чего довели раздоры наших несчастных сограждан»³².

Последнюю главу «Немецкого духа в опасности» – «Гуманизм как инициатива» – Курциус посвящает своей позитивной программе, от анализа, обличения и диагностики переходя к тому «Спасительному», на которое намекал еще эпиграф из Гёльдерлина. Впервые она была опубликована в газете «Berliner Tageblatt» за несколько недель до выхода книги³³; очень

29 Ibid. S. 50.

30 Ibid. S. 107.

31 Здесь нужно добавить, что в разделе о социализме Курциус выделяет две формы так называемой оппозиционной науки, которая, сражаясь с левым движением, пытается вытеснить и подменить собой собственно гуманистическую культуру: первая – это социологизм, представленный у Мангейма, вторая – психоанализ в его фрейдомарксистском изводе. В 1960-е социологию знания и психоанализ – как псевдорелигиозные явления – весьма схожим образом, хоть и на других предпосылках, раскритиковал Карл Поппер. Оба течения, мангеймовское и фрейдовское, подразумевают возвышение частных методов познания, инкорпорирующих гораздо более широкие явления культурной жизни. По Курциусу: «извращение миропорядка».

32 Строка из первой вергилиевской эклоги интересным образом разделяется на два эпиграфа: слова о варваре, завладевшем посевами, отнесены к левой угрозе (глава IV), а слова о внутренних раздорах, приносящих горе народу – к главе о национализме.

33 Еще чуть раньше в «Kölnische Zeitung» выходила ныне – возможно, навсегда – утерянная статья под названием «Bekentnis zum Humanismus». Предположительно она являла собой первый вариант того же «Гуманизма как инициативы»: во всяком случае сам оборот «исповедание гуманизма» Курциус в последующие годы несколько раз употребит как раз в связи с финальной частью «Немецкого духа в опасности»: «Ровно двадцать лет назад вышла моя небольшая книжка под заголовком “Немецкий дух в опасности”. [...] Она завершалась *исповеданием гуманизма*» (ИДЕМ. *Büchertagebuch*. S. 64) и так далее. Вообще многие ранние статьи Курциуса остро нуждаются в переиздании и на данный момент в значительной части остаются недоступны широкому читателю; такова, например, и упоминаемая далее статья «Кризис гуманизма» (1918), найти которую в оригинале можно лишь в архиве газеты «Norddeutsche allgemeine Zeitung» (ИДЕМ. *Die Krisis des Humanismus // Norddeutsche allgemeine Zeitung*. 1918. № 39). В 1988-м заметки Курциуса из газеты «Luxemburger Zeitung» 1922–1925 годов были изданы отдельной книгой под названием «Goethe, Thomas Mann und Italien». Существует, кроме того, обзорный труд Стефани Мюллер «Ernst Robert

быстро, в течение месяцев ее перевели на французский (переводчиком выступил Анри Журдан, в том же году издавший французскую версию курциусовского «Бальзака») и испанский (для своего журнала «Revista de Occidente» статью перевел Хосе Ортега-и-Гассет³⁴) языки. Статья эта по праву заслужила особое внимание и часто рассматривается отдельно, как самостоятельное произведение. Здесь – для общего ознакомления с «Немецким духом» – мы также приводим именно ее.

Вообще в год своего выхода книга Курциуса пользовалась широкой популярностью и оказалась даже своего рода бестселлером: во всяком случае «Deutsche Verlags-Anstalt» подряд выпустило три ее тиража, которые теперь иногда называют тремя изданиями. Последний, третий, вышел в 1933-м, уже после победы гитлеризма. Книга, по словам Макса Рихнера, «ударилась, словно камень по муравейнику»³⁵. И действительно: резонанс был столь заметным, что выходил даже за пределы Германии (большой интерес, в частности, проявили французы, давно следившие за творчеством Курциуса), а в нацистской «Völkischer Beobachter» книгу разносили уже 24 марта 1933 года, то есть буквально в первые недели новой власти. С чем же связан столь широкий и столь разнообразный отклик? Тема гуманизма в последние годы Веймарской республики поднималась сравнительно часто: можно вспомнить, например, новый гуманизм Гертруды Боймер, еще более новый гуманизм Вернера Марголь-

Curtius als journalistischer Autor» (2008), посвященный публицистике Курциуса с 1918-го по 1932 год. В остальном раннее наследие Курциуса по части малых форм ждет новой жизни. Что касается статей из «Luxemburger Zeitung», то среди них нам в данном случае особенно интересна «К психологии немецкого духа» (1922) (ИДЕМ. *Goethe, Thomas Mann und Italien: Beiträge in der «Luxemburger Zeitung», 1922–1925*. Bonn: Bouvier, 1988. S. 20–27). В послевоенный период, говорит Курциус, вся Европа склонилась перед идолом психологии и каждый народ старался познать и понять себя самого. Для Германии это обернулось плачевными последствиями: попытки привести немецкий дух к системе и единообразию пошли вразрез с исторической разнородностью немецких земель; искусственно надстроенная «национальная психология» ударила по народному характеру как таковому. Германии извне привит психологический идеал целовека («в немецком языке даже нет аналогов таким понятиям, как *gentlemen, honnête homme* или *citoyen*» (Ibid. S. 23)), в то время как вся культурная традиция подсказывает иное: народный дух высказывался устами выдающихся гуманистов и идеалистов. Все то, что на первый взгляд кажется в немецком духе непостижимым, объясняется в действительности его космополитическим, универсальным характером. «Немецкий дух нельзя ограничивать нацией и национальностью» (Ibid. S. 24), его уникальный синтетизм как раз и заключается в способности гармонизировать высшие достижения всех европейских народов. В статье-диалоге с Андре Жидом «Français et Allemands peuvent-ils se comprendre?» (1922) Курциус опять же возвращается к теме «непостижимости» немецкого духа самого по себе и призывает рассматривать романо-германскую взаимосвязь в ее целостности. В 1924 году, на первых подступах к новому рационализму, Курциус формулирует схожую мысль, но теперь уже фокусирует ее на том, что *Nicht-Fassbarkeit* становится для немецкого духа пагубой: «Говорят, что немецкий дух так глубок, что мы сами не можем выразить его суть. На это можно ответить: чему нет выражения, того и не существует. [...] Свое чувство германского нам следует как можно скорее перевести на язык разума; только так досознательный потенциал станет кинетической энергией будущего развития» (ИДЕМ. *Kritische Essays zur europäischen Literatur*. S. 258).

34 Курциус посвятил взглядам Ортега-и-Гассета два крупных эссе (1924; 1949), причем во втором особо отмечал его исторически перспективные идеи о послевоенной реставрации. Журнал «Revista de Occidente» Курциус ценил исключительно высоко и считал одним из лучших интеллектуальных изданий панъевропейского направления.

35 RYCHNER M. *Deutscher Geist in Gefahr* // Kölnische Zeitung. 1932. № 129.

ца и Ганса Рёзелера³⁶, «Третий гуманизм» Вернера Йегера³⁷. Понимание надвигающейся катастрофы в 1930-е тоже становилось едва ли не повсеместным: тот же Рихнер говорит, что эту мысль повторяли так часто – слишком часто, – что она сделалась общим местом и угасание духовных сил стало восприниматься как неизбежное и даже необходимое зло. Курциус также отмечает в диагностическом духе, что нация без меры «увлеклась темными пророчествами». Впрочем, в отличие от своих предшественников, со временем он выработал собственную, достаточно оригинальную гуманистическую программу: возрожденческий гуманизм из времен культурного расцвета неприменим, методически бесполезен для времен культурного упадка; «новое Средневековье» может найти спасение только и исключительно в Средневековье как таковом. В своей первой послевоенной публикации Курциус писал:

«Лекарством в 1932 году мне представлялся новый гуманизм, в котором было бы мало общего с гуманизмом XIX века. Если, – писал я, – перед нами и вправду лежат темные века, а затем – светлое Возрождение, то сегодняшний гуманизм должен полагаться не на Античность и не на Ренессанс, а только на Средневековье. Новый гуманизм – это не классицизм, а медиэвализм с идеями реставрации. Я ссылаясь на просвещенных основателей сегодняшнего Запада, от Августина до Данте. В 1932-м и 1933 годах я сделал из этого практический вывод и принялся читать лекции о среднелатинской литературе»³⁸.

Таким образом, «Немецкий дух в опасности» оказывается в теоретическом плане едва ли не ключевым сочинением Курциуса: именно в этой книге наш автор обосновывает свою медиэвалистическую концепцию, которую будет верно и после-

36 В 1922 году Курциус рецензировал их книгу (CURTIUS E. R. *Neuer Humanismus? // Arbeitsgemeinschaft*. 1922. S. 193–199). Новый гуманизм ни в коем случае, говорит он, не должен складываться как «воспитание на политике, педагогике, физических упражнениях и обломках научного знания», вместо этого Германии срочно требуется «строгая интеллектуальная дисциплина и повсеместное приложение разума». Здесь можно зафиксировать один из важнейших фактов: реставрационный гуманизм Курциуса при всем своем тяготении к духовному (см. о его связях с религиозностью в «Гуманизме как инициативе») отличается выраженным рационализмом (ср. в «Кризисе гуманизма» с рассуждением о том, как «тяга ко всякого рода религиозности» препятствует интеллектуальному и эстетическому началам), что вообще следует считать определяющей чертой «нового медиэвализма». В этом плане он противостоит всему культуроненавистничеству как царству иррационального, антиинтеллектуального начала. В первом предисловии к «Европейской литературе и латинскому Средневековью» Курциус манифестирует этот рационализм как главное средство исторического очищения: «После Первой мировой войны к “новой науке” многократно пытались подступить от “чутья”, “интуиции” и прочих форм внутреннего озарения; традиционному “позитивизму” дали бой. [...] По большей части эти попытки были просто искажением истории, а их последствия открываются нам только теперь, ибо они открыли дорогу для уже откровенных фальсификаций в глобальном масштабе – зловещих фальсификаций, запущенных с 1933 года. Тогда учили: “Не бывает объективной науки”. Науку связали с расой, с нацией, с политикой. Эту ложь пора остановить» (ИДЕМ. *Kritische Essays zur europäischen Literatur*. S. 442).

37 Об отношении Курциуса к Йегеру см.: ИДЕМ. *Büchertagebuch*. S. 36–40. Статья «Угасающий свет Эллады» построена как реакция на программную речь Бруно Снелля, известного критика «Пайдейи».

38 ИДЕМ. *Kritische Essays zur europäischen Literatur*. S. 440.

довательно разрабатывать несколько десятилетий, фактически приняв на себя новую профессиональную функцию (о том, как в филологии важно умение перестраиваться на новые области, см. в XVIII экскурсе из «Европейской литературы»). Предисловие к «Немецкому духу» (датированное 18 января 1932 года) открывается таким утверждением:

«Зима 1931–1932 годов – важнейший период со времен мировой войны. В Германии каждый чувствует, что новый 1932 год, в который мы заступаем в эти дни, будет во многом решающим. Тринадцать послевоенных лет, оставшихся позади, сегодня представляются уже каким-то промежуточным, подготовительным этапом»³⁹.

И действительно, 1932 год стал поворотным как в истории Европы, так и в жизни самого Курциуса. Все главнейшие его идеи, разработанные впоследствии, так или иначе предвосхищены в «Немецком духе» и именно там впервые проявлены в системном виде. Так, тема гуманизма связалась с именем Курциуса практически неотделимо: Артур Эванс, допустим, включает Курциуса в каноническую четверку гуманистов конца XIX – начала XX века вместе с Гюффманнсталем, Гундольфом и Канторовичем⁴⁰; Дирк Хёгес подчеркивает «эмфатический гуманизм» Курциуса⁴¹; даже библиографический справочник о критических публикациях вокруг работ Курциуса озаглавлен как «Модернизм, медиэвализм и гуманизм»⁴². Существуют, кроме того, несколько развернутых работ о реставрационном проекте, предложенном Курциусом в качестве нового гуманизма⁴³.

Если частное культурное явление устанавливает
примат своей исключительности, начинает поглощать
и подстраивать под себя все то общее, что на самом
деле его превосходит, то это и есть культуро-
ненавистничество, деструкция, варваризация.

Мы, впрочем, предлагаем взглянуть здесь на эту идею в становлении – от ее начал 1918 года, со взлетом в 1932-м и па-

39 IDEM. *Deutscher Geist in Gefahr*. S. 9.

40 EVANS A.R. JR. (Ed.). *On Four Modern Humanists: Hofmannsthal, Gundolph, Curtius, Kantorowicz*. Princeton: Princeton University Press, 1970.

41 HÖGES D. *Emphatischer Humanismus. Ernst Robert Curtius, Ernst Troeltsch und Karl Mannheim: von "Deutscher Geist in Gefahr" zu "Europäischen Literatur und lateinisches Mittelalter" // "In Ihnen begegnet sich das Abendland"*. Bonner Vorträge zur Erinnerung an Ernst Robert Curtius. Bonn: Bouvier, 1990. S. 31–52.

42 RICHARDS E.J. *Modernism, Medievalism and Humanism. A Research Bibliography on the Reception of the Works of Ernst Robert Curtius*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1983.

43 См.: TÖPFER F. *Selbstbegegnung in der Geschichte: Zum Begriff des Humanismus bei Ernst Robert Curtius // Archiv für Begriffsgeschichte*. 2010. № 54. S. 91–117.

дением в 1954-м. Статьи «Кризис гуманизма»⁴⁴ (1918) и «Уга-сающий свет Эллады»⁴⁵ (1952) редко попадают в поле зрения исследователей, но в подобном контексте, как представляется, гораздо рельефнее проступают и все программные заявления из «Гуманизма как инициативы». Так, например, в самом начале «Кризиса гуманизма» Курциус говорит о падении гуманистической традиции в Германии – в своем «предметном» стиле, очень наглядно, путем сравнения узкоспециальных немецких изданий с широко доступными британскими:

«Кто берет у нас в руки книгу Вергилия или Феокрита, просто чтобы отдохнуть и порадоваться? Таких немного, и это явное исключение: люди, для которых нечто подобное и вправду делается живой потребностью. [...] Нам нечего, просто нечего сопоставить с малоформатным Вергилием на тонкой бумаге, в синем кожаном переплете от оксфордского “Clarendon Press”, или с “Oxford Book of Latin Verse” из той же серии, или с переплетенной в зеленую кожу подборкой из греческой антологии, которую Дж.У. Маккейл подготовил к изданию в “Longmans, Green & Co.”. И это всего лишь тройка случайных примеров»⁴⁶.

В октябре 1951 года Курциус выступал на британском радио со своего рода популярной лекцией о Рудольфе Борхардте и Вергилии⁴⁷; свой рассказ он начинает с воспоминаний, которые неожиданно напрямую связываются с приведенным выше фрагментом и показывают, что примеры Курциус приводил совсем не случайные, а очень личные:

«Любовь к Вергилию привил мне мой оксфордский друг, а было это уже почти полвека назад. Этот мой друг приехал в Германию, чтобы изучать критическую библеистику по первоисточникам. В трамвае он обычно читал Вергилия по изданию “Clarendon Press” на тонкой бумаге. [...] Однажды мы ехали вместе, и я попросил эту книгу. По школе я, конечно, знал “Энеиду”, но особого значения ей не придавал. Теперь же я открыл “Буколики” и наткнулся в них на строку, которая наполнила меня каким-то ранее неизведанным счастьем. [...] Еще один [...] мой английский знакомец, с тех пор

44 Ср. с более поздней (1922) статьей Вячеслава Иванова «Кручи – о кризисе гуманизма». Иванов цитирует эту свою работу в переписке с Курциусом (письмо от 27/28 февраля 1932 года).

45 Под таким названием статья выходила при первой публикации во франкфуртской газете «Neue Zeitung» от 27 февраля 1952 года. 1 марта того же года статья вышла повторно в цюрихской газете «Die Tat» под заголовком «Античность и гуманизм». В 1960 году, уже после смерти Курциуса, весь цикл статей и заметок из «Die Tat» вышел под редакцией Макса Рихнера в виде отдельной книги «Büchertagebuch» (сам газетный цикл назывался схожим образом: «Из моего книжного дневника»), в который искомая статья вошла как глава 14, без названия. Здесь мы сохраняем первый вариант заголовка: именно он, как представляется, лучше всего отражает упадочное настроение статьи.

46 CURTIUS E. R. *Die Krisis des Humanismus*.

47 В 1952 году этот текст был опубликован в «Neue Schweizer Rundschau» как «Virgil und die deutsche Tradition», а в 1954-м вошел в составе сборника «Kritische Essays zur europäischen Literatur» под названием «Rudolf Borchardt über Virgil».

сделавшийся епископом, ознакомил меня с Феоокритом. В последующие годы “Oxford Book of Latin Verse” сопровождала меня повсюду»⁴⁸.

ДМИТРИЙ КОЛЧИГИН
ИСТОРИЯ ДУХА КАК
ТЕХНИКА ВЫЖИВАНИЯ

В «Гуманизме как инициативе» внимание на таких примерах еще заостряется: античная поэзия, и вергилиевская в первую очередь – Курциус приводит фрагменты из воспоминаний Эдмунда Госса и Филипа Робертсона⁴⁹, – содержит в себе особую силу, способную пробуждать в читателе чувство всеобщей сопричастности, даровать ему «пресуществляющий опыт» прекрасного (есть фрагменты об этом и в «Европейской литературе»). Отсюда следует важнейшее заключение: гуманизм может жить и развиваться только через энтузиазм тех немногих, кто причастился к «античному чуду»: те, кому классическую традицию просто «преподали» – и даже профессиональные классические филологи, занятые дисциплинарными вопросами, – все они из этого круга выпадают.

«Небольшое событие, о котором я поведал, – это образцовый пример того, как традиция передается. Из рук старшего друга я принял книгу. Я прочитал ее, потому что хотел приобщиться к его миру. Традиция живет только посредничеством – через людей, на которых мы хотим быть похожи»⁵⁰.

В «Гуманизме как инициативе» Курциус говорит: «Идея... пробуждается к новой жизни лишь в том случае, если ее рассматривают в полном и чистом виде, если ее в этом виде любят». Это едва ли не ключевая мысль, которая для Курциуса сохраняла свое значение во все его дни – от первых глав книги о Барресе до «Книжного дневника». В поздние годы, оставив уже все идеологические обобщения, Курциус связывал ее даже не с гуманизмом как таковым, а с наследованием письменной традиции в ее конкретных проявлениях. Особенно в этом смысле характерен очерк «Дантолюбые и дантоведы», входящий в цикл «Новых исследований о Данте» (1947). Критическое отношение Курциуса к тогдашнему дантоведению достаточно широко известно: едва ли о ком-то на этом поприще, кроме Микеле Барби, он писал без раздражения и сардонических замечаний. Можно взглянуть для примера на такой пассаж, где еще и обыгрывается название американского шлягера 1920-х:

48 ИДЕМ. *Kritische Essays zur europäischen Literatur*. S. 23.

49 Последнего Курциус называет англичанином; на самом деле он был новозеландцем. С юных лет Курциус восхищался Англией и тем конкретно, как там сохраняются главнейшие черты гуманистической традиции. Сам он говорит, что воспринимал Англию как новую Аркадию, как особый уголок современного мира, «где гуманизм – это не филологическая специализация, а живая реальность» (Ibid.).

50 Ibid. S. 23, 24.

«Юбилей 1921 года был ознаменован потоком откровений на тему “Данте и...”. К примеру: “Данте и война”, “...и демократия”, “...и женщины”, “...и священники”, “...и мы, простые трудяги”. В Гамбурге написали о “Данте и рыбе” (см. «Hamburger Nachrichten» от 12 сентября 1921 года). *We have no bananas – but we have fish!* Исследован и другой важнейший вопрос: “Стоит ли жителям Восточной Марки праздновать юбилей Данте?”. Куда же без политики! Ответы с юга от 1923 года: “Данте и Муссолини”, “Interpretazione fascista della Divina Commedia” [“Фашистское истолкование «Божественной комедии»”], “Армия и флот у Данте”. Действительно, “Dante the central man of all the world” [“Данте в центре всего мира”], как в 1920 году озаглавил свою диссертацию один американец. Ну просто Колумб в обратную сторону! В море уже вышел, но каравеллы его пока в родную гавань не возвращаются⁵¹.

Весьма интересно, что именно Курциус противопоставлял официальной филологической науке с ее, как сказано в «Немецком духе», «университетской пылью». Необычно и в то же время последовательно – в полном соответствии с общим концептуальным замыслом – Курциус провозглашает, что традиция, уничтожаемая профессионалами, живет только любовью отдельных людей, отмеченных, так сказать, высокой блажью и даже некоторым чудачеством:

«Читатели Данте бывают разные. Выше я ставлю тех, для кого постоянное чтение “Божественной комедии” становится неотъемлемой частью самой жизни. Узнаешь о таких людях по воле случая. Статья Макса Рихнера “Данте в наше время” (см. “Neue Zürcher Zeitung” от 27 мая 1934 года) получила отклик в виде нескольких писем, с которыми мне довелось ознакомиться. Одно – от высокоуважаемого немецкого математика. На Рождество 1914 года он принялся учить “Божественную комедию” наизусть, “чтобы отвлечься от тягостной современности”. На “Ад” ушло три года, на “Чистилище” – двенадцать лет. В 1934 году до конца был доведен и “Рай”. Еще в 1943 году этот человек писал мне, что он ежедневно декламирует по три песни. В жизни ему довелось повстречать только двух человек, которые по достоинству оценили это предприятие и не усмотрели здесь “чудачество” от специалиста, “в остальном вполне достойного”. Второе письмо – от 29-летнего швейцарца. Он пишет: “С двадцати лет я перечитываю “Божественную комедию” каждый год или два и ищу в этом исцеления от наших больных времен. Я занимаюсь торговым предпринимательством, жил в Париже, Лондоне, Берлине и Милане; годами я был связан с железнодорожной промышленностью; мне приходилось иметь дело с ценами на шерсть, с текстильным кризисом, с распределением инвестиций. Я катаюсь на байдарках, на лыжах и автомобилях и постоянно нахожусь в предпринимательской среде. Но время от

51 ИДЕМ. *Gesammelte Aufsätze zur romanischen Philologie*. Bern; München: Francke, 1960. S. 307.

времени мне просто необходимо на мгновение вырваться из этого перевернутого мира и найти отдохновение вместе с Данте, с Гёте; иногда и с Вергилием". Таких читателей, конечно, немного, но они есть и всегда будут. У них есть жизненная связь с творением Данте – связь, неподвластная никаким "течениям времени". Отрадно знать, что дантолюбцы живут среди нас. Этим людям коснулась поэзия с ее *gratia illuminans* (в старинных комментариях утверждали, что Данте воплотил эту идею в образе Лючии). Они читают Данте не по требованию, не для науки: для них его поэма – это духовная пища (*or ciba per te stesso*); стоит только ее вкусить, как она делается уже незаменимой. [...] Есть (или был?) и еще один род дантолюбцев. В одной газете мне встречался рассказ Джино Казерты о земледельце по имени Джакомо Феррари из провинции Реджо Эмилия. С юных лет тот совмещал свой труд с усердным изучением Данте; 7000 строк из "Божественной комедии" Феррари знал наизусть. С годами его одолевали болезни, так что сельское хозяйство пришлось оставить; тогда он купил деревянную панель и вырезал на ней 54 мотива, 150 фигур и бесчисленное количество стихов из "Божественной комедии". С этой панелью он ездил по всей Италии и на открытых площадках давал свои комментарии о путешествиях Данте в загробном мире. Это еще одна форма дантовского культа, которая тоже заслуживает признания и уважения»⁵².

Сохранилось такое устное высказывание Курциуса – из послевоенной лекции, – которое наилучшим образом суммирует сказанное:

«Гуманизм живет там, где греческих и латинских авторов читают в оригинале ради чистого удовольствия. Все остальное – глупость! болтовня! педагогика!»⁵³

Ядром гуманизма, другими словами, является искренняя любовь к *humanitas* как к «литературе» – в первую очередь, конечно, имеется в виду литература античная, но в целом явление можно понимать и шире, включая в него всех авторов классического канона (ср. с тем, как в «Кризисе гуманизма» Курциус призывает заметно расширить понятие о Возрождении). За неделю до смерти Курциуса, 12 апреля 1956 года, в газете «Die Zeit» выходила по студенческим конспектам «Curtiusiana» – подборка его афористических высказываний и разного рода определяющих формул, прозвучавших в 1945–1948 годах на лекциях в Боннском университете. Есть там весьма характерное высказывание: понятие «гуманизм», говорит Курциус, страдает от «рокового созвучия» со словом «гуманность»; на самом деле ничего общего у этих концепций нет, и одно отличается от другого решительно всем, кроме случайного сходства в названии.

52 Ibid. S. 305, 306.

53 *Curtiusiana* // *Die Zeit*. 1956. № 15.

ях («wie Gustav von Gasthof»)⁵⁴. Примечательна в этом смысле сравнительно ранняя (1925) статья Курциуса о творческом характере Мигеля де Унамуно; следующий пассаж хорошо показывает, что гуманизм и так называемое человеколюбие нельзя соединять в одно понятие:

«[По Унамуно] предметом мышления должен быть не мир идей, а только и исключительно человек, причем человек “из плоти и крови”: конкретный индивид. Не человек как идея и идеал, не человек как его – пусть даже со своими ограничениями – понимали гуманисты, а только “ближний” во всей его действительности, во всей случайности, с его величием и ничтожеством. В этом подходе можно найти точки соприкосновения с натурализмом из испанской живописи. Это, если можно так сказать, гоминизм, а не гуманизм»⁵⁵.

Унамуно, добавляет Курциус, отказывается, понимая эту разницу, от термина *humanismo* и пользуется вместо него португальским словом *hombridad*. В другом месте Курциус утверждает, что путаница восходит к Вульгате, где латинским *humanitas* переведено греческое *φιλανθρωπία*, в то время как у классических римских авторов *humanitas* – это просто «литература». Все это вписывается в концепцию избранного меньшинства, которой Курциус неизменно придерживался всю свою жизнь (см. у Сергея Козлова о Курциусе как об «атипичном мандарине»⁵⁶): гуманизм не всечеловеческая идеология, не протохристианское учение о единстве человечества – это чисто европейское явление аристократии духа. Последним понастоящему выдающимся носителем гуманистической традиции Курциус во все годы называл Гёте, и его строчку – «*Geselle dich zur kleinsten Schar*»⁵⁷ – можно считать девизом всего

54 О самом слове «гуманист» см. в рецензионной статье «Новые работы об итальянском гуманизме» (ИДЕМ. *Gesammelte Aufsätze zur romanischen Philologie*. S. 465, 466): изначально это термин «из области трудовых отношений» – наемный учитель литературы; понятие расширяется с середины XVI века. Историческую сущность в гуманизме усмотрели только в XIX веке; «а изучение “сущностей” всегда ведет в туман и погибель», – добавлено в «Курциусиане». Одним из главных врагов подлинного гуманизма – наравне с политической варваризацией и падением культурного уровня – Курциус считал философию с ее агрессивным противостоянием всему поэтическому.

55 ИДЕМ. *Kritische Essays zur europäischen Literatur*. S. 214.

56 Козлов С.Л. *Эрнст Роберт Курциус и его opus magnum* / Курциус Э.Р. *Европейская литература и латинское Средневековье*. М.: Яск, 2020. Т. 1. С. 43–48.

57 Можно проследить даже параллель этих строк с фрагментом из «*Der Teppich des Lebens*» Стефана Георге: «*Eine kleine schar zieht stille bahnen [...] / und als losung steht auf ihren fahnen: / Hellas ewig unsre liebe*». Курциус очень любил это стихотворение и цитировал его многократно, причем именно в связи с гуманистическим учением: так, в «Кризисе гуманизма» цитируется последняя строка о вечной любви к Элладе, а вся строфа в: CURTIUS E.R. *Gesammelte Aufsätze zur romanischen Philologie*. S. 456. Георге вообще незримо присутствует во всех статьях, приведенных в настоящей публикации: даже если Курциус не цитирует его прямо, то так или иначе отсылает к идеям георгианского круга. Георге, говорит Курциус в «Угасающем свете Эллады» – последний немецкий поэт, «искавший в Греции человеческое совершенство». В «Европейской литературе и латинском Средневековье» Курциус специально подчеркивает общее (рейно-франконское) происхождение Гёте и Георге. В «Разговорах со Стефаном Георге» (1950) он сознательно примеряет на себя роль Эккермана.

этого движения. Между прочим для понимания гуманизма в курциусовском смысле – как «аристократического индивидуализма» – важной представляется статья «Гёте – основы его мировоззрения» (1949). Курциус заостряет внимание на постоянном возвращении таких понятий, как «прекраснейшие сердца эпохи», «лучшие люди времени», «сопряжение жизни с выдающимися единомышленниками», на противостоянии индивидов, или «аристов», «толпе».

«[У Гёте] речь не идет о том гуманизме, которому не чуждо “ничто человеческое”. Гёте очерчивает гораздо более узкий круг. Он ищет союза только с “лучшими”; единомыслие с “благородными душами” – вот единственное достойное призвание»⁵⁸.

Иногда Курциус как будто колебался и пытался как-то завуалировать свою веру в избранное меньшинство: в первой главе «Немецкого духа в опасности» он допускает, что «культурный мир Гёте что-то может дать и немецкому рабочему», сразу, правда, к этому добавляя: «сама, однако же, форма, в какой этот мир выражен, для рабочего не годится». В 1945 году Курциус завершил свою первую публикацию в гейдельбергской послевоенной газете «Die Wandlung» такими словами:

«Сегодня я вынужден согласиться со словами Вальтера Ратенау⁵⁹: “Преподаватели так ничего и не смогли придумать для воспитания и облагораживания низших классов, кроме все тех же дедовских инструментов – картины, театр, музыка, литература, гуманитарные науки. Увы, для интеллигентного пролетария все эти вещи значения не имеют. Автомобиль ему важнее, чем Парфенон, а лодочная прогулка интереснее, чем «Орлеанская дева»”⁶⁰.

В очередной раз подчеркивается непригодность «воспитательного» гуманизма, отвергнутого Курциусом еще в 1918 году. Стоит добавить, что в 1950-м Курциус воспроизвел свою статью из «Die Wandlung» в качестве приложения к сборнику «Критических эссе»; текст повторяется без изменений, за одним – очень примечательным! – исключением: фрагмент с цитатой из Ратенау оказывается опущен. Говоря о сомнениях и колебаниях Курциуса, нельзя не упомянуть и одной из последних его статей – «Угасающий свет Эллады».

Статья эта во многом удивительна, и исследователя она в какой-то степени ставит в тупик; в современных публика-

58 ИДЕМ. *Kritische Essays zur europäischen Literatur*. S. 75.

59 Характерно, что свои общественно-политические взгляды Курциус здесь опять же выражает через цитату: очевидно, это наследие подцензурных времен и многолетнего эзопова языка. Вальтер Ратенау – министр иностранных дел Веймарской республики, в 1922 году убитый праворадикальными террористами. Стоит полагать, что источник для подходящей цитаты выбран Курциусом не случайно.

60 ИДЕМ. *Vorwort zu einem Buche über das lateinische Mittelalter und die europäischen Literaturen // Die Wandlung*. 1945. № 10/11.

циях о гуманизме Курциуса эту его работу упоминают довольно редко и в целом стараются вниманием обходить. Дело в том, что в 1952 году Курциус написал по существу отречение от былых идеалов: он ставит на гуманизме крест и призывает искать какие-то другие формы духовного выхода. Современный гуманизм – говорит Курциус – это изуродованная символическая форма, которая ни в чем уже не сходится с гуманизмом в классическом понимании; гуманизм второй половины XX века сравнивается в статье с «народной демократией», которая точно так же извратила демократию как таковую: речь, разумеется, идет о режимах в Северной Корее (с 1948 года) и в социалистической Германии (с 1949-го). Будучи идейным европоцентристом, Курциус довольно остро воспринял разделение Кореи – очевидно, прозревая здесь контуры будущего для Германии, – и в целом после Второй мировой войны продолжал жить с ощущением нескончаемой политической катастрофы, вечной угрозы для все истончающегося духа. Советский Союз он всегда воспринимал как Азию, как чистый Восток, а большевизм находил, как уже говорилось, подвидом культурного упадка. В «Немецком духе» он ужасается: «В современной России политика ненависти к культуре приобрела монументальные формы»⁶¹. Но даже в подобных условиях из Москвы возвышаются голоса таких людей, как Вячеслав Иванов – выдающихся знатоков западной традиции и защитников современного гуманизма. «В современной Германии довольно широкие круги принимают позицию Гершензона и не соглашаются с Ивановым. Но если апология гуманизма еще возможна в большевистской России, то и в Германии она должна быть мыслима»⁶², – с таким оптимистическим посылом Курциус выступал в 1932 году, однако в 1952-м все это было уже не слишком актуально.

Переменялось со временем и отношение Курциуса к Соединенным Штатам. В «Немецком духе» он с некоторым высокомерием отмечает, что американская культура относится к европейской «как приложение», но при этом высоко оценивает начинания США в области гуманистической медиевистики. В «Европейской литературе и латинском Средневековье» он опять же приводит США в пример (с их возвратом к преподаванию свободных искусств), называя при этом сам подход «несколько наивным». В 1949–1950 годах Курциус принимал участие в международной конференции по случаю двухсотлетия Гёте; проводилась она в американском Аспене, штат Колорадо. Там на английском языке он произнес программную речь под названием «Средневековые основания западного мышле-

61 ИДЕМ. *Deutscher Geist in Gefahr*. S. 21.

62 Ibid. S. 119.

ния»⁶³, в которой прослеживает специфическую традицию американской медиевистики:

«Когда Америка осознала себя, она потянулась к культурному наследию Европы. [...] Американский дух мог возвести свои первоначала к пуританству или к Уильяму Пенну, но не было у него чего-то, что предшествовало: не было Средневековья. Положение человека, никогда не знавшего своей матери. Американское завоевание Средних веков таит в себе какое-то романтическое очарование, какое-то глубокое переживание: так, собственно, чувствовал бы себя человек, отправляясь на поиски своей потерянной матери»⁶⁴.

Гёте, говорит Курциус, отдавал дань уважения Калидасе и Хафизу и в целом завещал будущим поколениям расширять границы европейской традиции: «Я убежден, что важнейшую роль здесь сыграет Америка». Схожую мысль Курциус высказывает и в «Угасающем свете Эллады», но только теперь тональность меняется – и меняется очень резко:

«Мы живем в эпоху обмена, взаимозамены культур, европейской и американской; в ближайшем будущем евроамериканскому конгломерату вообще предстоит встреча с великими культурами Азии. [...] Соединенным Штатам предстоит сыграть здесь очень важную роль. [...] Нам тоже пора выходить за пределы узкого европеизма, что ощутили уже и сторонники гуманистических идеалов»⁶⁵.

Курциус всегда, во все годы интересовался американской культурой и старался ознакомить с ней немецкого читателя: он писал об Эмерсоне и Уитмене, переводил на немецкий язык совсем молодого тогда Уильяма Гойена; после европейской трагедии XX века он возлагал на Соединенные Штаты большие надежды и полагал, что их миссия – пронести европейские ценности через это сложное время. Но с начала 1950-х к этому примешивается и некоторое опасение: ослабленная Европа, разделенная Германия, зажата между молотом и наковальней, а не отступают ли они перед Америкой окончательно?⁶⁶ Что делать, когда европейская культура неизбежно

ДМИТРИЙ КОЛЧИГИН

ИСТОРИЯ ДУХА КАК
ТЕХНИКА ВЫЖИВАНИЯ

63 Текст, по итогам конференции был опубликован в сборнике «Goethe and the Modern Age» (1950). В 1953 году появился английский перевод «Европейской литературы и латинского Средневековья», и аспенская лекция, в виду ее особого значения, была добавлена к книге в качестве приложения. В 1960 году та же статья была воспроизведена в «Gesammelte Aufsätze zur Romanischen Philologie».

64 ИДЕМ. *Gesammelte Aufsätze zur romanischen Philologie*. S. 28.

65 ИДЕМ. *Büchertagebuch*. S. 66.

66 В своей рецензии на книгу американского филолога Гилберта Хайета, написанной в 1951 году, Курциус специально останавливается на нескольких примерах, демонстрирующих, как он полагал, пренебрежение ко всему немецкому: «Такие книги, как у Батлера [The Tyranny of Greece over Germany, 1935] и Хайета [The Classical Tradition, 1949], суть симптомы: с 1933 года в определенных англосаксонских кругах пошла тенденция на дискредитацию немецкой культуры» (Ibid. S. 460).

будет перетолкована в атлантическом духе? «Приложение» становится вдруг господствующей культурой. Первое издание «Критических эссе по европейской литературе» (1950) Курциус открывает радостной вестью: в Страсбурге начались переговоры о создании Европейского союза; процесс этот, как мы теперь знаем, занял десятки лет, и Курциус, тяжело болевший с 1952 года⁶⁷, уже скорее всего понимал, что ему не доведется увидеть единой Европы своей мечты.

Ядром гуманизма является искренняя любовь к *humanitas* как к «литературе». Понятие «гуманизм» страдает от «рокового созвучия» со словом «гуманность»; на самом деле ничего общего у этих концепций нет, и одно отличается от другого решительно всем, кроме случайного сходства в названиях.

Как же рассматривать «Угасающий свет Эллады» – со словами «все, гуманизму конец» – в общем составе курциусианских сочинений? Франк-Рутгер Хаусман предполагал в 2013 году, что Курциус хоронит здесь только классический гуманизм, и в этом смысле его вера в европейскую культуру как таковую остается незыблемой: «Гуманизм не тождествен западноевропейской традиции и представляет собой искусственную конструкцию эпохи Кватроченто, оформленную классической филологией XVII и начала XIX века»⁶⁸. Впрочем, это предположение кажется маловероятным, поскольку Курциус, как можно убедиться и по представленной здесь работе, многократно подчеркивал постоянное обновление гуманистической традиции и даже сам основывал новую ее ветвь. Более того, в одной рецензии 1948 года он прямо говорит:

«Гуманизм XIX и XX веков – как он воплотился у Якоба Буркхардта, Уолтера Патера, Пьера де Нольяка, Ирвинга Бэббита, Вячеслава Иванова⁶⁹ – это комплексное явление, которое требует отдельного разбора. С итальянским гуманизмом эпохи Кватроченто он не имеет практически ничего общего. Это скорее форма протеста против современного мира»⁷⁰.

67 Тотальный пессимизм «Угасающего света Эллады» можно, наверное, увязать с ухудшающимся здоровьем самого Курциуса: через несколько месяцев ему диагностируют печеночную недостаточность, с которой он проживет еще три с половиной года.

68 HAUSMANN F.-R. *Ernst Robert Curtius und die Roma aeterna* // Italienisch. 2013. № 70. S. 33.

69 Кстати, Иванов в своей немецкой статье «Гуманизм и религия» (1933) одним из первых оценил предложенную Курциусом программу нового гуманизма: IWANOW W. *Humanismus und Religion. Zum religionsgeschichtlichen Nachlaß von Wilamowitz* / Hochland. 1933. Vol. 31. № 10. S. 312, 330.

70 CURTIUS E.R. *Gesammelte Aufsätze zur romanischen Philologie*. S. 473.

В самом «Угасающем свете Эллады» есть такие слова: «Есть, может быть, горстка разобщенных ценителей, которые сохраняют гуманизму верность, но на элиты он уже никак не влияет»⁷¹. Очевидно, что речь здесь идет о современном гуманизме, и вряд ли в 1952 году кто-то сохранял верность возрожденческим теориям XV века. Несостоятельным явно провозглашается *новый* гуманизм. Есть в этом одно удивительное противоречие: гуманизм, по позднему Курциусу, отмирает вместе со «светом Эллады», то есть с угасанием интереса ко всему греческому – от незнания греческого языка и культуры⁷². Проблема, однако, в том, что еще в 1932-м в соответствующей главе «Немецкого духа в опасности» Курциус как будто уже обозначил эту проблему, а следом – успел даже ее разрешить:

«Все греческое – до поры и со всеми оговорками – мертво. *Graeca non leguntur*: что сегодня, что тысячу лет назад. У нового эллинизма с его вялыми намерениями шансов нет никаких. [...] Пиндар и Софокл нам уже не помогут»⁷³.

«Если нам и вправду предстоят темные века со светлым возрождением в перспективе, то и гуманизм наш не сможет опереться на Античность или на Ренессанс; опорой ему послужить может лишь Средневековье. Говоря яснее и конкретнее, новый гуманизм – это не классицизм и не возрожденческие мечтания – это скорее медиэвализм и реставрационная мысль»⁷⁴.

Весь реставрационный гуманизм Курциуса с опорой на медиэвистику выстроен таким образом, чтобы подчеркнуть значение латинской культуры, которая уже в раннем Средневековье вполне отделилась от греческой. В «Европейской литературе и латинском Средневековье» Курциус специально обозначает, что греческого языка на всем протяжении Средних веков не знали. Так, Данте называет Гомера «верховным поэтом», просто отдавая дань традиции, поскольку на деле он мог читать только «убогую» (по словам Курциуса) «*Лияс латина*». Как же в этом контексте понимать откат 1952 года? Что это – сознательный разрыв с собственной латинской программой нового гуманизма? Пересмотр взглядов на гимназическое образование? Пожалуй, речь все-таки идет о чем-то менее доктринальном и более личном, человеческом.

В своей лекции 1950 года о средневековых основаниях западного мышления Курциус говорит: главное, чем для нас ва-

71 ИДЕМ. *Büchertagebuch*. S. 65.

72 Ср.: Ibid. S. 456. Здесь Курциус приводит «катастрофическую» американскую статистику от 1949 года: из 884 000 учащихся 9000 изучают латинский, и только 14 человек – греческий. В 1918 году отказ от преподавания древних языков в гимназиях, наоборот, казался Курциусу почти желанным.

73 ИДЕМ. *Deutscher Geist in Gefahr*. S. 126.

74 Ibid.

жен средневековый период европейской истории, – это особый дух того времени, позволивший переутвердить угасшую было традицию. «Дух этот – Вера и Радость». Средневековая гуманистическая мысль решительно противостоит отчаянию, даже в самые отчаянные времена; Данте встречает в аду особый тип томящихся: тех, кто предался унынию. «Сегодня их лечили бы от депрессии, но для Данте то были грешники»⁷⁵. По многим причинам – внутренним и внешним, веским и сомнительным – Эрнст Роберт Курциус в поздние годы несколько отклонился от идеалов «Веры и Радости», а в работах о гуманизме разных лет в полной мере отразилось его собственное переживание эпохи. «Уныние и одухотворение» – так в переводе Стефана Георге называется бодлеровский «Spleen et Idéal»: в публицистике Курциуса, пожалуй, хватает и того и другого. И это живое узнавание, эта причастность тексту и времени, эта встреча с историей и самим собой тоже в немалой степени овеяны гуманистическим духом.

75 ИДЕМ. *Gesammelte Aufsätze zur romanischen Philologie*. S. 39.

Гуманизм как инициатива¹

ЭРНСТ РОБЕРТ
КУРЦИУС

Si nunc se nobis ille aureus arbore ramus
Ostendat nemore in tanto...

[Если бы только с дерева золотая ветвь
нам явилась в этом лесу...]

На слове «гуманизм» лежит школьная пыль четырех столетий. Но в эпоху своего расцвета, в славное Кватроченто, это было головокружительное движение: страстное, подчас неистовое, но при том благородное и гражданственное. Свежая весна духа в осень Средневековья.

Ныне же гуманизм, – не только в Германии, но в Германии сильнее всего – находится под угрозой. Под угрозой, настолько серьезной, что это уже, как многие говорят, его последнее издыхание. Я, впрочем, в смерть гуманизма не верю. По-моему, мы вообще очень уж увлеклись темными пророчествами. Сколько раз европейцы уже приветствовали конец света! Сколько раз и с каким глубоким отчаяньем лучшие наши умы оплакивали досточтимый былой порядок! Сколько раз заходила речь о гибели христианства! Историческая мысль, однако же, фиксирует совсем другое: жизненные силы нашей культуры, унаследованные от древности, видоизменились тысячекратно, но через все перемены они сохранялись и сохранились до наших дней. «Все продолжает двигаться вперед, – как говорил Гофмансталь, – пусть даже в болезненном и неясном виде».

В болезненном и неясном виде пребывает сегодняшний гуманизм. Но эта беда, стоит в ней разобраться, способна еще обернуться возрождением.

А что вообще такое гуманизм? Из истории мы знаем столько его видов, что самое существо как будто на глазах расплывается. Существовал – о чем, кстати, очень редко вспоминают – средневековый гуманизм. В Германии он воплотился как Каролингское и Оттоновское возрождение и, по сути, ограничился внешним восприятием античных форм. Затем, в XII веке, на всем романо-германском Западе забрезжил новый гуманизм, вдохновленный подлинно античной радостью бытия: с восхитительной свежестью он заговорил в латинской поэзии вагантов. Решающий поворот совершился в Италии XIII века, когда там осознали взаимосвязь между свободой индивида и жизнен-

Эрнст Роберт Курциус (1886–1956) – немецкий филолог-романист, литературовед, медиовист, переводчик. Известен как основоположник топологического метода в исследовании западноевропейской литературной традиции, автор книги «Европейская литература и латинское Средневековье».

¹ Перевод выполнен по: CURTIUS E. R. *Deutscher Geist in Gefahr*. Stuttgart; Berlin: Deutsche Verlags-Anstalt, 1932. – Примеч. ред.

ными идеалами античных авторов. В XIV столетии этот гуманизм воедино слился с мечтой о возрождении великой Италии (у Петрарки и Кола ди Риенцо). Наконец, в XV веке итальянский гуманизм впервые осознанно противостоял духу и форме Средневековья, устремив свои чаянья в сторону Древней Греции. Потому-то XV век и называют гуманистическим в самом высоком смысле. Об истории гуманизма после 1500 года я здесь распространяться не буду, иначе придется пересказать всю историю европейского духа от Эразма до Гёте.

Возможно, переосмысление тысячелетней истории западного гуманизма – от 800-го до 1800 года – поможет нам лучше познать его суть и современное состояние.

Культурный принцип гуманизма понять можно только в широкой перспективе. И перспектива эта – пожалуй, впервые – открывается перед нами только сегодня. Прежде всего выясняется следующее: гуманизм существовал во всех частях западного мира, на всех отрезках нашей истории. Его, соответственно, можно считать за определяющий принцип европеизма как такового. Он сопрягается с духом Средневековья и Возрождения в равной степени; Реформация, Просвещение, классицизм – все это без гуманизма не мыслится. При том он совершенно самостоятелен. Во все эти пласты истории он вмещается, но ими при том не исчерпывается. В «новом Средневековье», которое подступает к нам со всех сторон, тоже найдется место и гуманизму.

Гуманизм существовал во всех частях западного мира, на всех отрезках нашей истории. Его можно считать за определяющий принцип европеизма как такового.

Здесь следует одно правило, на мой взгляд, основополагающее: гуманизм, чтобы его по-настоящему отстоять, ни в коем случае нельзя ограничивать каким-то *одним* из его исторических преломлений. Неправильно, скажем, борьбу гуманитарных гимназий за свое существование отождествлять с судьбой всего гуманизма в целом. Гуманизм высших школ – это всего лишь вторичная, если не третичная подформа вечного гуманизма. Я, разумеется, тоже хотел бы возрождения гуманистической школы. Но это затея безнадежная: прививать любовь к гуманизму со школьной скамьи в современном мире. Все должно быть наоборот: когда гуманистическое вдохновение опять войдет в жизнь и сознание правящих элит, то школа за ними сама последует. Когда образцы для подражания все больше бледнеют, когда все устаревшие образовательные идеалы выдыхаются, как старая закваска, настоянная на Меланхтоне, Иоганне Штурме или Вильгельме фон Гумбольдте, ничего хорошего ждать не стоит.

Школьный предмет или одна ветвь науки не сохраняют гуманистические сокровища. Классической филологии это тоже касается. Как только она растворяется в ученой схоластике, в историзме или в беспристрастном академизме, то все: можно забыть, что она высвобождала когда-то гуманистические силы – теперь классическая филология скромно корпит над фактами, не вспоминая идей. Классическая филология XIX века не выносила ни, скажем, Фридриха Шлегеля с его честным и смелым гуманизмом, ни того же Ницше.

Вообще сочетание гуманизма с наукой – условие не обязательное. Гуманизм то живет в союзе с университетами, то с ними борется; он работает под флагом то риторики, то лирики, то критики; он подчиняется то императиву нравственному, то эстетическому (как у Шлегеля); он настроен то классически, то романтически². Все это исторические случайности. Каждое из обстоятельств обусловлено временем и может меняться, как менялись стилистические идеалы латинской культуры. Были такие формы гуманизма, которые целиком состояли из цитирования или других теорий об *imitatio*. Эразм, один из величайших гуманистов, вполне справедливо их бичевал. Были такие педанты от гуманизма, которые искусственную ученую латынь возвышали над цветущей, пестрой латынью бродячих школяров. История, как всегда, решила все в пользу жизни. Стоит лишь просиять паре строф из «*Carmina Burana*» – и все невежды вместе с пуристами уходят во тьму, где им и место. В Германии гуманизм очень часто связывали с назиданием и сухим морализаторством. Из горячей полноты южной античной жизни сделали галерею гипсовых слепков. На деле, впрочем, перворазрядная непристойность Аристофана, обнаженная страсть Катутла, острая насмешливость Лукиана и даже любовная чувственность Лонга (заслужившего восхищение Гёте, что уже должно говорить о многом) – все это суть такая же часть гуманистического богатства, как и стоическая добродетель Катона или иномировая мистика Плотина. Прообраз чистого, полноценного гуманизма явлен в платоновском «Пире», где воедино сливаются вино и красота, эрос и звуки флейты, глубокие размышления и жреческая торжественность. Наш гуманизм в его официальной школьной версии об оргиях и мистериях не знает решительно ничего. Фридрих Шлегель поставил когда-то вопрос, до сих пор остающийся без ответа: «Жить в классическом духе, – говорит он, – и реализовать в себе античные идеалы – вот вершина и цель филологии. Но разве это возможно без капли цинизма?» Имморализм – это всегда ответ ложному морализму. В этом смысле он стоит в одном ряду с религией.

2 Потому спор между классикой и романтикой уладить может только гуманизм.

Гуманизм – ничто, если в нем нет любви и вдохновения. Эпохи, народы, личности он может сформировать в том лишь случае, если сам исполнен и преисполнен радости. Гуманизм – это опьяняющее открытие обожаемых идеалов. Это встреча современного духа с его собственной жизнью, спящей где-то в глубинах памяти и таящей наши культурные первоначала. Так Гёльдерлин открыл заново образы олимпийских божеств. Так в целом воспринималась Античность в искусстве Средневековья и Возрождения. Так в пластике готических соборов явились греческие прообразы, так в итальянской живописи укоренились античные выразительные формулы, душевные энграммы (как их обычно называл Аби Варбург).

Всякому ценителю гуманизма стоит поразмыслить над историческими свидетельствами: как в этом таинственном соприкосновении с волшебными силами Античности пробуждалась индивидуальность, как выдающиеся творцы узнавали себя в зеркале традиции. Свидетельств таких не очень много, и вместе их, насколько я знаю, пока еще не собирали. В автобиографии сэра Эдмунда Госса «Father and Son» (1907), умершего в 1928 году, можно, например, прочесть, как в детстве его потряс первый вергилианский стих. А вот что рассказывает еще один англичанин, наш современник:

«На третьем году обучения мне выпало переводить Горация и Вергилия, и однажды утром, совершенно внезапно, некая фраза у одного из этих древних язычников привела вдруг душу мою в какое-то незнаемое замешательство. Живые и звучные слова раздались вдруг, как колокол в сумрачной атмосфере замысловатого мира, сущность которого я уже начал медленно прозревать. В этих прекрасных словах была непривычная, волнующая свежесть, и тем они решительно отличались от наших слов, повседневных, беспечно расточаемых... Я решил на будущий год прочитать всего Вергилия – втайне, не сообщая ни учителям, ни школьным товарищам»³.

Историю европейского духа, нашего духа, целиком обеспечивают именно такие люди – в любое время их есть с дюжину или с несколько сотен, – познавшие пробуждающий, преосуществляющий опыт.

Дурную службу сослужит для гуманизма тот, кто на любых основаниях примется в нем разыскивать *пользу* и продуктивность. Да, латинская грамматика может, конечно, подкрепить мыслительные силы, а античная история благоприятно скажется на способности политического суждения. Но все же куда ценнее будет другой подход, согласно которому сама по себе традиция составляет творение нашей культуры, необходимое

3 ROBERTSON P.M. *Life and Beauty*. 1931.

и благородное. Впрочем, и это соображение можно оспорить со встречными доводами. На столь шатком основании ничего толком не выстроишь. Неоспорима, неодолима только любовь к Античности – такая, что возвышается над всякой выгодой и осознается именно как любовь. Жить она может только в свободе и красоте, просто пренебрегая теми, кто ей сопротивляется, и даже не пытаясь кого-то переубедить. Эрос бежит от споров и покоряет страстью. Никаким другим способом это чувство не передается.

При том за гуманизмом всегда сохраняется право, и даже обязанность, осмыслять свой *ordo amoris*. Эрос и познание взаимосвязаны и притягивают друг друга – этому нас научают Платон и Августин, Данте и Гёте. Чтобы прорваться к самой сути гуманистической идеи, проведем один мысленный эксперимент. Предположим, что общественно-научный прогресс достиг своей сверхзадачи. Представим социум, в котором нет больше войны, нет классовой борьбы, нет борьбы за существование. Общественные вопросы, половые вопросы уже решены. Нет больше болезней, нет больше тюрем, нет ни государственных, ни экономических границ. Процесс производства налажен так, что сбоев в нем не бывает. Страх смерти отступил перед государственной эвтаназией. В таком обществе не нужен больше социализм, нет никакой потребности в пацифизме, национализме, империализме. И все-таки в этом обществе люди рождаются людьми, живут и умирают как люди. Преодолены все технические проблемы социума. Но кое-что по-прежнему в силе: поиск смысла в человеческом существовании. Как мне жить? Как мне любить? Как мне умирать? Эти вопросы будут задаваться по-прежнему – наверное, даже чаще прежнего. Утопическое человечество, дорвавшееся до лучшего из миров, будет все так же, со страхом и болью, вопрошать: что такое человек, что такое человечность, как человеческой жизни прийти к высшему содержанию и прекраснейшей форме?

Человечеству придется тогда осознать, что такие вопросы, сущностные, останутся без ответа даже при полном удовлетворении всех личных потребностей. И новые люди опять потянутся к прообразам и первообразам чистой, высокой человечности; им потребуется учитель, который преподаст нечто такое, что Данте воспринял от Брунетто Латини: умение запечатлеть вечное содержание в человеческой жизни (*m'insegnavate come l'uom s'eterna* [наставил меня, как человеку быть вечным]). И тогда придется заново открывать гуманизм, если даже предыдущая эпоха вообще не сохранила этой традиции.

Нам же не стоит ждать этого вымышленного человечества фантастической эпохи. Все те же вопросы звучат сегодня, как и в любое другое время – они неизменно и неотделимо прила-

гаются к бытию, к существованию человека. Гипотетическая конструкция нужна лишь затем, чтобы выявить все сущностное в чистом виде, чтобы освободиться от наносного, временного.

Но, скажут мне, у греков и римлян ведь не было еще никакого гуманизма: как и у турок, как и у евреев, как и у китайцев. Выходит, жить можно и без него, даже вполне недурно.

Это очень полезное возражение, которое в целом поможет нам прояснить суть проблемы. Гуманизм, как мы уже поняли, это определяющая черта европейской общности, исторической и экзистенциальной: другими словами, это вовсе не какое-то общечеловеческое изобретение. Философской антропологии, которая имеет дело только с «человеком» как таковым, не стоит вообще тревожиться о гуманизме. Когда гуманизм – в своем просвещенческом изводе – пытается охватить общее у Конфуция с Сократом, то с гуманизмом западного мира, уникальным в своем роде, это уже никак не соотносится. Этот последний, говоря языком социологии, «привязан к месторасположению». В нем свое надлежащее выражение нашла та неповторимая всемирно-историческая ситуация, в которой укоренилась вся западная культура. Эрнст Трёльч говорит:

«Наш европейский мир не основан на восприятии Античности или на отрыве от нее: скорее он зависит от непрерывного и при том осознанного с нею *срастания*. Европейский мир состоит из Античности и современности, из Древнего мира, прошедшего все стадии – от первобытности до сверхкультуры и самоликвидации, – и мира нового, выстраиваемого романо-германскими народами со времен Карла Великого и тоже проходящего через все положенные ступени. Эти два мира, глубоко различные по своим смыслам и по истории своего развития, так сплетаются в преемственных связях, так срастаются в исторической памяти, что современный мир, несмотря на свой совершенно новый, только ему присущий дух, повсюду оказывается исполнен и обусловлен культурой Античности, ее традицией, правовой и государственной системой, языком, философией и искусством. Это и придает европейскому миру его глубину, полноту, сложность и подвижность, а также черты – уже упомянутые – исторического мышления, исторической самопроработки. Потому, наверное, и сама идея о развитии существует только в рамках этого мира, средиземноморско-европейско-атлантического».

Сегодня мы четко видим это обстоятельство и можем его ясно выразить: это огромная заслуга исторических исследований, достижение подлинного, правильно понятного историзма. Теперь мы знаем, что единой человеческой культуры не существует, а есть череда культур, где-то друг с другом сосуществующих, где-то друг друга и замещающих: есть лишь некая *вероятность*, что когда-нибудь в отдаленном будущем все культуры сравняются и соединятся; знаем мы и другое: что

наша культура – одна из многих и претендовать на воплощение всей культуры как таковой она никак не может. Мы преодолели европейскую *тенденциозность*. Теперь мы уже не навязываем свои нормы культурам Индии и Китая. Но в этом ограничении есть и новая свобода: свобода для себя. Чем больше возрастают неевропейские культуры⁴, тем непосредственнее, свободнее и радостнее мы можем *сами* пользоваться нашим собственным правом: заново подкреплять родные нам формы культуры и *распоряжаться* тем, что мы унаследовали от предков. Возможно, ближайшие наши евразийские или восточные соседи – русские, например, или турки – захотят когда-нибудь *влииться* в западную культуру (как этого однажды захотели арабы), и потому мы вдвойне обязаны заново сформулировать чистую, внятную идею Запада – только тогда Восток сможет с ней сообразоваться.

Израиль – и в этом отношении, и во всех других – занимает особое положение. Иудаизм – досточтимый столп христианской культуры, христианского вероучения. Еврейский дух в Библии сливается с христианско-античным и находит свое филологическое выражение в Септуагинте и Вульгате. Все еврейское – по воле, наверное, высших сил – принципиально важно в рамках идеи Запада, на что явно указывает само это слияние, эта сплавка. Литературным покровителем и всемирно-историческим утвердителем христианско-иудейского сопряжения сделался, конечно же, святой Иероним, чью полуторатысячелетнюю годовщину церковь поминала в 1920 году.

Наша культура – одна из многих и претендовать на воплощение всей культуры как таковой она никак не может. Но в этом ограничении есть и новая свобода: свобода для себя.

Но правда ли, что у греков и римлян не было, собственно, никакого гуманизма? Что касается греков, ответ будет кратким: у них гуманизма и быть не могло; главная их задача и главное достижение – это как раз *зачатие* будущей гуманистической традиции. Греки – творцы нашей духовной вселенной. Сами они, естественно, тоже выросли меж народов, еще более древних. Египетские жрецы взирали на греков, как на детей. Саисские мистерии были еще грандиознее Элевсинских. Дряхлеющий Древний мир опять повернулся к богам и обрядам Нильской долины. Религия вообще никогда не была сильной

⁴ К Европе, как приложение, относится, конечно же, и Америка.

стороной греков. Зато все человеческое они сформулировали для потомков и упорядочили. От Гомера идет вся наша поэзия, от Платона – наша премудрость, от Аристотеля – наша наука, от Плотина – наша мистика. Мы уже не возводим пилоны и пирамиды; но вот колонны и перекрытия греческих храмов до сих пор царят в нашей архитектуре. Птицеголовые боги Египта смотрят куда-то, как посторонние, мимо нас. Боги же Греции начиная от Аполлона – самого странного из них, архаичного – до сих пор у нас воплощают собой канон человеческой красоты. Мы обязаны грекам установлением нормы и меры во всем духовном: в области чувств и в области разума.

Разумеется, наше соотношение с греками тысячекратно опосредовано. Чистый гуманизм, рожденный от прямого соприкосновения с Элладой, был только у римлян⁵. Еще один повод у них учиться! Некоторые наши филэллы пренебрегают всем римским – невероятное безрассудство, которое нужно просто искоренять. Здесь бы прославить Рим на разные голоса! Но, увы, это тема столь беспредельная, что в немногих словах к ней даже и подступать не стоит. Прервемся лишь на мгновение, сойдем с дороги и, обратившись к образу вечного города, отдохнем в молчании взглядом и духом. Тот гуманизм, что не вполне приемлет Рим, быстро испаряется в бледных отражениях. Гробница Сципионов и катакомбы, императорские дворцы и базилики, культовые сооружения пифагорейцев и *cathedra Petri*, Вергилий и Август, Микеланджело и Бернини – наша идея Рима насыщается всей полнотой двух тысячелетий и по праву входит в наше представление о гуманизме.

Если согласиться с Трёлльчем и признать, что срастание современного мира с Античностью есть отличительная черта европеизма, что с этим связана тенденция к историческому мышлению, к «исторической самопроработке», то вслед нужно сказать и другое: вечное и вечно новое соприкосновение нашей истории с античным миром необходимо изо всех сил отставать и оберегать. Ведь это, как мы уже видели, дарует нашему миру «встречу с самим собой». Когда современный европеец соотносится по любому поводу с античным миром, то в этом всегда есть нечто живое, далеко за пределами исторических штудий (в отличие, скажем, от культуры древних майя, которую мы рассматриваем вполне отвлеченно): возвращение к истокам, исцеляющее, просветляющее омовение в тех родниках, от которых когда-то взяла начало вся наша жизнь. Историческое самоосуществление, самонахождение такого рода для западно-

5 Исторически обстоятельства складывались немного сложнее. С середины III дохристианского века духовное превосходство Эллады сталкивалось с политическим превосходством Рима, и от этого столкновения рождалось множество взаимосвязей и разногласий. Гуманизм явился при этом как форма греко-римской культуры; ее последним великим представителем был Цицерон.

го человека буквально составляет духовный ритуал. Когда это будет понято во всей полноте и во всей глубине, тогда и только тогда гуманизм сможет сделаться подлинным идеалом культуры и воспитания.

С этой точки зрения улаживаются псевдоконфликты современной (и конкретно – немецкой) культуры, духовной и образовательной: вроде спора между классическим и историческим восприятием греческого мира, вроде противоречий между культом Возрождения и готической идеей, вроде разрыва, наконец, между «уроками немецкого» и задачей гимназического образования. Сторонники всех этих культурных типов, как будто противоборствующих, суть на деле братья и товарищи, а друг друга они недопонимают лишь оттого, что каждый из них видит лишь часть единого целого, великого общего, объединяющего их всех. Борьба и споры в этой среде свидетельствуют лишь об одном: мы очень отделились от объединяющего первоначала и с трудом его вдали различаем.

И здесь затрагивается еще один сущностный аспект гуманизма. Если тут можно воспользоваться столь краткой формулой, я сказал бы, что гуманизм представляет собой *биологию традиции*. Что я имею в виду: наша гуманистическая традиция – да и любая традиция в целом – со временем неизбежно ветшает. Ценитель ее превращается в универсального исследователя, затем – в узкого специалиста, а дальше – бессмысленная рутина и столь же бессмысленная видовая борьба, если не сказать фанатичная воля к опустошению. Но в этой точке истории цикл начинается заново. На руинах традиции вдруг ценитель находит свои любимые формы. Исследователь определяет их место в когда-то рассыпавшейся системе. Новое знание (оно же – древнее) набирает популярность и, в конечном счете, опять задыхается насмерть в школах, опять разрывается в клочья академическими течениями. И этот цикл может повторяться безостановочно. Сегодня, в сумерках традиции, мы узнаем, что между Возрождением и Реставрацией, между Реставрацией и полным нигилизмом всегда пролегает одна и та же кривая линия. В нынешних обстоятельствах, погрузившись в низшую точку нигилистического отрицания, мы, как можно теперь заключить, одновременно стоим на первой ступени будущей реставрации. Исходя из этой морфологии самая непопулярная идея своего времени будет главной для будущего возрождения: выходит в таком случае, что свободная и восторженная приверженность гуманизму – вот безотлагательное требование сегодняшнего дня.

Здесь мне могут опять же возразить, тем более возражение это теперь постоянно всплывает при обсуждении подобных вопросов. Суть, как ныне утверждают, в том, что гуманистичес-

кая идея просто не совместима с социальными и духовными запросами современности. Нередко о чем-то подобном говорят даже сторонники гуманизма: они заключают, что гуманистическая идея, чтобы приложиться к нынешней ситуации, непременно должна искать новую форму.

Я же полагаю, что такая постановка вопроса лишь вводит в заблуждение. Гуманизм XX века, очевидно и само собой разумеется, будет во всем отличаться от гуманизма XIX века. Как мы уже видели, каждое столетие за последнюю тысячу лет порождало свою форму гуманистической идеи. Но форма эта складывалась спонтанно, не опираясь на костыли каких-то готовых программ. Идея, нужно добавить, пробуждается к новой жизни лишь в том случае, если ее рассматривают в полном и чистом виде, если ее в этом виде любят. Кто полагает, что при помощи разного рода уступок можно приспособить идею к так называемому духу времени, тот скорее компрометирует эту идею, а вовсе ей не содействует. Гуманизм не обновится в академических дискуссиях или педагогических программах. Даровать обновление может лишь только предельный накал *самой жизни*, творческое напряжение живого духа. Новый гуманизм не должен быть чистой духовностью – в нем должно быть и чувственное начало. Живопись и поэзия, зрелища и развлечения, чарующая красота – вот на чем он восстанет, сухая академическая добросовестность ничем здесь помочь не может. Очень надеюсь, что гуманизм на каком-то этапе *прорвется* из этих сфер в университетские кабинеты, но *зародиться* там, среди пыли, он просто никак не может.

{ Идея пробуждается к новой жизни лишь в том случае, если ее рассматривают в полном и чистом виде, если ее в этом виде любят.

Здесь я хотел бы проиллюстрировать размышления одним конкретным примером: как гуманизму переродиться в послевоенной Европе. Пример я выбираю особый, весьма поучительный: он родился, во-первых, в уникальной и весьма определенной ситуации, а во-вторых, – в чуждой для нас среде.

Летом 1920 года Михаил Гершензон и Вячеслав Иванов, два философа, жили в московской здравнице для работников науки и литературы. Разместили их по углам одной комнаты. Из двух углов они обменялись дюжиной писем об историко-философских проблемах. Переписка эта, как мне представляется, стала важнейшим со времен Ницше высказыванием о гуманизме. Гершензон занял в ней позицию анархического отторжения культуры:

«В последнее время мне тягостны, как досадное бремя, как слишком тяжелая, слишком душная одежда, все умственные достояния человечества, все накопленное веками и закрепленное богатство постижений, знаний и ценностей. Это чувство давно мутило мне душу подчас, но не надолго, а теперь оно стало во мне постоянным. Мне кажется: какое бы счастье кинуться в Лету, чтобы бесследно смылась с души память о всех религиях и философских системах, обо всех знаниях, искусствах, поэзии, и выйти на берег нагим, как первый человек, нагим, легким и радостным, и вольно выпрямить и поднять к небу обнаженные руки, помня из прошлого только одно – как было тяжело и душно в тех одеждах, и как легко без них. Почему это чувство окрепло во мне, я не знаю»⁶.

В ответе Иванова есть вот такой фрагмент, весьма примечательный:

«То умонастроение, какое вами в настоящее время так мучительно владеет, – обостренное чувство непомерной тяготы влекомого нами культурного наследия, – существенно проистекает из переживания культуры не как живой сокровищницы даров, но как системы тончайших принуждений. Не удивительно: ведь культура именно и стремилась к тому, чтобы стать системой принуждений. Для меня же она – лестница Эроса и иерархия благоговений».

Гершензон же как истинный руссоист больше склоняется к примитивизму:

«Я отдал бы все знания и мысли, вычитанные мною из книг, и в придачу еще те, что я сам сумел надстроить на них, за радость самому лично познать из опыта хоть одно первоначальное, простейшее знание, свежее, как летнее утро».

Дискуссия еще углубляется, когда Иванов, переступая культурный идеал как таковой, вводит тему трансцендентности Абсолюта.

«Человек, верующий в Бога, ни за что не согласится признать свое верование частью культуры; человек же, закрепощенный в культуре, неизбежно сочтет последнее за культурный феномен, как бы ни определял он ближе его природу – как унаследованное ли представление и исторически обусловленный психологизм, или как метафизику и поэзию, или как социоморфический двигатель и нравственную ценность... Итак, от факта веры нашей в абсолютное, что не есть уже культура, зависит свобода внутренняя – она же сама жизнь – или наше внутреннее рабствование перед культурой, давно безбожною в принципе, ибо замкнувшею человека (как это окончательно провозгласил Кант) в нем самом. Верю одной –

6 Немецкий перевод опубликован в журнале «Die Kreatur» (1926. Vol. 2. № 1). Здесь и далее цит. по рус. оригиналу: Иванов В., Гершензон М. *Переписка из двух углов*. М.: Водолей Publishers; Прогресс-Плеяда, 2006. – *Примеч. перев.*

то есть принципиальным отречением от грехопадения культуры, – преодолевается столь живо ощущаемый вами ее “соблазн”. Но не искоренится первородный грех поверхностным разрушением его внешних следов и оказательств. Разучиться грамоте и изгнать Муз (говоря словами Платона) было бы только паллиативом: опять выступят письмена, и их свитки отобразят снова то же неизменное умоначертание прикованных к скале узников Платоновой пещеры. Мечта Руссо проистекала из его безверия. Напротив, жить в Боге значит уже не жить всецело в относительной человеческой культуре, но некоею частью существа вырастать из нее наружу, на волю».

Два философа так и не смогли понять друг друга. Но для нас разработка гуманистической идеи у Иванова имеет прямо-таки решающее значение. Поэтому позвольте мне привести еще одну, последнюю, его цитату:

«Но сама культура, в ее истинном смысле, для меня вовсе не плоскость, не равнина развалин или поле, усеянное костями. Есть в ней и нечто воистину священное: она есть память не только о земном и внешнем лике отцов, но и о достигнутых ими посвящениях. Живая, вечная память, не умирающая в тех, кто приобщается этим посвящениям! Ибо последние были даны через отцов для их отдаленнейших потомков, и ни одна йота новых когда-то письмен, врезанных на скрижалях *единого* человеческого духа, не прейдет. В этом смысле не только монументальна культура, но и инициативна в духе. Ибо память, ее верховная владычица, приобщает истинных служителей своих “инициациям” отцов и, возобновляя в них таковые, сообщает им силу новых зачатий, новых починов. Память – начало динамическое; забвение – усталость и перерыв движения, упадок и возврат в состояние относительной косности. Будем, подобно Ницше, настороженно следить за собой, нет ли в нас ядов упадка, заразы “декадентства”. Что такое “*décadence*”? Чувство тончайшей органической связи с монументальным преданием былой высокой культуры вместе с тягостно-горделивым сознанием, что мы последние в ее ряду. Другими словами, омертвевшая память, утратившая свою инициативность, не приобщающая нас более к инициациям (посвящениям) отцов и не дающая импульсов существенной инициативы, знание о том, что умолкли пророчествования, как и озаглавил декадент Плутарх одно из своих сочинений (“О изнеможении оракулов”»).

В современной Германии довольно широкие круги принимают позицию Гершензона и не соглашаются с Ивановым. Но если апология гуманизма еще возможна в большевистской России, то и в Германии она должна быть мыслима. Происходит она из тех же предпосылок: от безысходности. «Всякая идея, – говорит Гофмансталь, – высвобождается через свое контрарное: королевская власть, например (будь то Фридрих II или Людовик XVI),

или, как сегодня, духовная сила, разрешается только через нарастание военной, технической, экономической материи».

Такое самоосмысление духа непременно должно – как нас учит Иванов – доходить до самых потаенных глубин. В своем социальном отражении дух является как интеллект, а в своем совершенном сердце он существует как пневма. Опасность, которой дух подвергается в современном мире, можно, с социологической точки зрения, описывать как экзистенциальную угрозу интеллектуалам как классу. На самом же деле суть трагедии в том, что из наших институций окончательно изгнан пневматический человек.

Защитные механизмы духа в современной Германии остаются крайне беспомощными, ведь, как правило, они выстроены на пустопорожном понятии обобщенной культуры. Платоновские идеи у Канта превратились в задачи, а у посткантианцев – в ценности. Расплывчатая схема «мира ценностей» – пригодная сама по себе, но реализуемая только в бесконечном историческом процессе, – в конце концов, идентифицировалась как «культура» и тем самым лишилась последних сил. За идею можно жить, за бога можно умирать, а вот за культуру ни жить, ни умирать никак не получится. Современная философия – по крайней мере немецкая – хочет в первую очередь быть философией культуры, но этот «культурализм» (сам термин я заимствую у Хосе Ортег[а-и-Гассета]) делу духа не служит и лишь преграждает нам свет. Культура – это наивысшее проявление исторических обстоятельств, она же – идеал эстетически устроенных форм жизни. Но если гипостазировать ее до высшей ценности, то тем самым порождается лишь морок, в котором уже не распознать ни человеческого, ни божественного. Культурализм есть лжеучение об имманентности культуры.

Потому гуманизм нельзя уместить в рамках одной культурной идеологии. Побудительной силы она ему не придаст. Русский апологет гуманизма, как мы видели, возводит свою мысль к мистериям и божественному откровению: в этом есть особый, глубокий смысл. Подразумевается, что без богов или без бога человек не может быть в полной мере человеком; что между небесным и земным есть какая-то неразрывная связь. Говоря о гуманизме, обязательно нужно *сообразовываться* с этой идеей, ее всегда нужно помнить. Это вера вполне религиозная, но при том вовсе не христианская. О таком религиозном гуманизме высказывался и Гёте:

«Сам я, при многообразных устремлениях моего существа, не в силах довольствоваться одним каким-то образом мысли; как поэт и художник я политеист, но я пантеист как естествоиспытатель, причем совершенно убежденный – и в одном и в другом. Если мне – просто как человеку нравственному – понадобится единый бог, то

и с этим проблем не будет. Небесное царство и царство земное пространны в такой исключительной мере, что органы всех существ воспринять их могут лишь совокупно».

Взаимосвязь гуманизма с религиозными верованиями подтверждается исторически и принимает сотню разнообразных форм. Мы видим примеры у Иеронима и у Августина⁷, у Абельяра и у Эразма, у Монтеня и у Франциска Сальского, у Фенелона и у Гёте; последнее, очень нежное воплощение религиозного гуманизма – у Уолтера Патера. Конечно, в эпоху Возрождения существовал уже гуманизм свободомыслия, гуманизм на скептический манер, но при этом связи с церковью и силами веры ни в коем случае не разрывались. Лишь кое-где в XIX веке стал зарождаться сознательно агностический или материалистический гуманизм. Но это уже продукт распада. Это уже декадентствующий гуманизм. Но возрожденческий паганизм и даже неоязычество Гёте все еще обретались на тех полюсах – антично-христианских, германо-романских, – которыми со времен Августина и Иеронима определяется европеизм как таковой. Полюса эти намечены в Новом завете, в павлианской философии истории: христианство – «для Еллинов безумие», и при том оно воспринимает греческое понятие о человечности, вознося его к сферам божественным⁸. Подчас напряжение разрешается и полюса пребывают в нераздельном единстве; иной раз оно, наоборот, возрастает до каких-то болезненных форм взаимного отторжения. Где полярность вообще не прослеживается, там явно что-то не в порядке.

Здесь мы можем – и постараемся – указать лишь на общие черты этого культурного напряжения. Гуманизм как таковой не разрешает этих вопросов. Богословские темы остаются открытыми в горних высях, а на дольных землях всегда актуальна антропология. Что делает гуманизм: прозревает границы человеческого – и их не переступает. Говоря феноменологически:

«Даже “гуманистическая” идея культурного знания – на немецкой земле ее в самом возвышенном виде воплотил сам Гёте – должна подчиниться идее искупительного знания и, в конечном счете, должна ей служить. Ибо в корне всякое знание – о божестве и для божества» (Шелер).

- 7** «Даже богословие великих монахов-теологов – Иеронима и Августина, Василия и Григория – было на самом деле гуманистическим богословием: в нем античное красноречие соединялось с христианской духовностью, античный кругозор – с христианским взглядом на жизнь. Позднее, в XV и XVI столетиях, религиозно мыслящие гуманисты искали во всем этом образцы для подражания и авторитет для самозащиты» (Трельч).
- 8** «Benignitas et humanitas Salvatoris nostrī» [«милость и человечность Спасителя нашего»] (Послание к Титу 3, 4). В греческом оригинале – не просто *humanitas*, а *φιλανθρωπία* [человеколюбие]. Эти слова, впрочем, вполне друг другу соответствуют и в целом считаются взаимозаменяемыми при переводе. Ср.: PFEIFFER R. *Humanitas Erasmiāna*. 1931. S. 2. Fn. 3.

Нужно, наверное, быть русским христианином, наследником Византии, чтобы, как Иванов, связать гуманизм с идеей античных мистериальных посвящений. Но все здесь сказанное призвано возратить гуманизму его полноту значений и утвердить за ним то, на что он способен: а раз так, то и на идее об инициации стоит немного задержаться. Предвечное основание всех мистериальных культов заключается в том, что естественные законы человеческой жизни в разных ее формах и на разных уровнях заключают в себе некий особый смысл, который раскрывается только через образы и через посвящение, – другие методы вроде систематики и научного исследования здесь бесполезны. Это касается, например, рождения, в котором Один возникает из Двух; касается это и метафизического разделения полов, равно как и их эротического слияния; сюда же: взросление и старение, то есть возвышение души при упадке тела; сюда же: смерть как врата в мир иной. У всех этих явлений и состояний есть нечто общее: они обозначают своего рода границу, по пересечении которой одно состояние трансцендирует в другое. Все это формы трансформаций, но таких, которые происходят, большей по крайней мере частью своей в рамках человеческого бытия. Понять такие трансформации в их символическом выражении, озарить законы природы духовным сиянием – вот чего требуют глубины нашего сознания, вот к чему рвутся высоты нашей человечности. Если гуманизм и инициация действительно нуждаются друг в друге, то не где-нибудь, а именно в этой сфере; здесь-то и выясняется, *come l'uom s'eterna* [как человеку быть вечным]. Здесь жизнь сочетается с духом. Растолковать эту область дальше никак не получится – такова уж ее природа; можно, пожалуй, добавить одно: именно здесь Новалис встречается с Джорджоне – сюда же оба они возносят своих учеников.

Новалис тоже помышлял о гуманистической инициации; так, Фридриху Шлегелю он писал: «Ты для меня – как верховный элевсинский жрец». Изображение священства жизни, воспринятое через таинственную взаимосвязь с мистикой и эстетикой Ренессанса, – вот ключ к секретам Джорджоне⁹. Потому он так любил изображать типические образы трех возрастов (соответствующих, помимо прочего, трем стадиям нравственного просветления) и природно-утопические мотивы с подчеркнуто эротико-идиллической окраской. Джорджоне явил неповторимое стечение высочайшего искусства с гуманистически возвышенным чувством жизни, углубленным через символику мистериального благочестия, исполненного к тому же вселенской радости. Не исключая, что гуманизму судьбой предначертано

9 Ср.: HARTLAUB G. *Giorgiones Geheimnis*. 1925.

вновь вспылать в каких-то эзотерических кругах. Там скрываются истины, которые в исторической своей форме давно уже распались на отдельные части. В цельном виде по крайней мере их не вспоминали со времен так называемого Просвещения. В этих истинах потаенного между прочим открывается один из главных аспектов творчества Гёте. Стоит задуматься: ведь его «Тайны» – этот розенкрейцерский эпос – вращаются вокруг фигуры святого, мудрого Гумана.

Инициация и инициатива: два слова – мистериально-культурное и государственно-правовое¹⁰, – восходящие к одному и тому же латинскому корню, означающему и начало, и подступ, и вход. Русский гуманист Иванов, за мыслью которого мы неизменно следовали, тоже вполне справедливо указывал на это общее происхождение, выводя из этого следующее заключение: гуманистическая традиция, на которой мы держимся, не просто памятник, не монумент в честь Памяти как таковой, а скорее это должен быть принцип нового начала, нового подступа.

Запечатленная память – это единственное полноценное основание для культурного самоосмысления, одновременно консервативного и либерального.

Вот, пожалуй, последнее, что я хотел бы донести до своего читателя. Запечатленная память, при том струящаяся новоначалием, – это единственное, как мне кажется, полноценное основание для культурного самоосмысления, одновременно консервативного и либерального. Сегодня консервативному принципу принято противопоставлять революционный. Как по мне, это просто понятийная путаница. Охранительство без созидания нового столь же бесплодно, как и случайный переворот. Смерть и обновление – законы живого организма, а сохранение и обновление суть принципы государства, равно как и любого духовного ордена, институции, системы взглядов. В консервативном принципе должен содержаться момент инициативы.

Читателю может здесь показаться, что в наших исторических наблюдениях, в наших поисках духовной перспективы мы попали в *circulus vitiosus* [порочный круг] и вернулись к тому, от чего исходили, а образ гуманизма рискует опять на глазах превратиться во что-то расплывчатое и неясное. Есть ли, можно спросить, смысл в том, чтобы те бесконечно разнообразные исторические формы, с которыми мы имели дело, целиком подчинять абстрактной идее? Поможет ли это предвидеть и приуготовить будущее? Я ответил бы так.

¹⁰ «Инициатива» – это главным образом и в основе своей законодательный термин.

Западный мир – а значит, и Германия в том числе – на всем протяжении своей истории, как теперь это видно в широкой перспективе, вникал в духовное наследие Античности. Были, конечно, времена, когда эта высокая ценность омрачалась и отступала. Но без исключения всякий раз она прорывалась сквозь ночь в своем лучезарном свете.

Сейчас мы живем в ночи, во тьме. Это не риторическая банальность и не поэтический образ, ни к чему не обязывающий – это совершенно конкретная ситуация, у которой есть свои рубежи, довольно определенные, внутри которой есть и свои возможности, и свои требования, так же вполне однозначные. Если и получится каким-то научным образом доказать – Шпенглер уже пытался, – что западный мир стоит на краю неизбежной гибели, то даже в рамках такой декадентской гипотезы нам будет нужна – необходима! – политика. Однажды Европа пережила уже темные века: от переселения народов до кануна Крестовых походов¹¹. В английской традиции эту эпоху обозначают как «the dark ages» и отграничивают от Высокого Средневековья. Жуткие семейные распри Меровингов, выход латыни из повседневного обихода, резкое снижение общего интеллектуального уровня, чувство безнадежного устаревания – вот характерные черты того времени, напрямую выраженные и оплаканные у именитых тогдашних авторов. Как позже выяснилось, этот дурной период в себе вынашивал уже и новое рождение, и новый расцвет. Кассиодор (480–570), сенатор и патриций, своими глазами видел, как накатываются волны готов с вандалами. Сложив свои полномочия государственного сановника, он в какой-то момент ушел в монастырь: с высот политики – в чистое созерцание. Своим монахам он поручил во множестве переписывать сочинения древних авторов, ведь светская мудрость тоже способствует глубокому пониманию сакральных знаний. Так что какими-то образцами античной литературы мы явно обязаны Кассиодору – иначе, вполне возможно, они бы до нас не дошли. Его подход, без преувеличений, стал целой школой: едва ли иначе вообще появились бы средневековые монахи-переписчики. «Vivarium» – так называл он свой монастырь. В Виварии этом – на всю долгую зиму вскоре наставших темных веков – затаилась античная мудрость, готовая вновь сказать свое слово в лучшие времена. Было, пожалуй, в Кассиодоре что-то от самаритянина Иустина, в 165 году нашей эры принявшего мученическую смерть в Риме: из философа-язычника он превратился в богослова и апологета христианского откровения. Известно такое Иустиново признание, подлинно христианское, вселенско-церковное и в то

11 По существу действительно «темными» можно считать только VII и VIII столетие. Со времен Карла Великого пошла уже чередой возрождений.

же время гуманистическое: *ὅσα παρὰ πᾶσι καλῶς εἴρηται ἡμῶν χριστιανῶν ἐστὶν* [все верное, когда-либо сказанное людьми, – наше христианское достояние].

Над туманами темных веков возвышаются образы нескольких мужей, внесших первостепенный, неопенимый вклад как в христианскую традицию, так и в гуманистическую. Это Амвросий и Августин, Боэций и Григорий, испанец Пруденций и Авсоний, певец Мозеля, а также и многие другие. Все они истинные охранители и одновременно – первопроходцы высокой культуры в новую эру: гуманизм античного толка и народная традиция, зарождавшаяся в те времена, сопрягаются здесь с духом христианства и с христианской любовью.

Поймите меня правильно: времена не повторяются; поиски собственного пути нельзя подменить имитацией прошлого. На прошлое можно только *ориентироваться*. Можно таким образом *подсвечивать* нынешнюю ситуацию огнем аналогии. Если нам и вправду предстоят темные века со светлым возрождением в перспективе, то и гуманизм наш не сможет опереться на Античность или на Ренессанс; опорой ему послужить может лишь Средневековье. Говоря яснее и конкретнее, новый гуманизм – это не классицизм и не возрожденческие мечтания, это скорее медиэвализм и реставрационная мысль. Не *reformatio*, но *informatio*. Все греческое – до поры и со всеми оговорками – мертво. *Graeca non leguntur* [греческий не понятен]: что сегодня, что тысячу лет назад. У нового эллинизма с его вялыми намерениями шансов нет никаких. Латынь мертва наполовину или на три четверти – все-таки еще не до конца. Потому гуманистическую волю и новую веру направить нужно именно в эту сторону. Гуманизм сегодня в такой беде, что обновиться он сможет только при условии внутренней концентрации. Пиндар и Софокл нам уже не помогут: придать нам сил на пути и в деле могут лишь те славные мужи, что стоят у истоков нашего мира, нашего Запада – от Августина до Данте. Лишь в этой форме может сегодня свершиться гуманистическое самоосознание, встреча гуманизма с самим собой¹².

12 В Америке это признали вскоре по окончании мировой войны. В 1920 году начались приготовления, а в 1925-м была основана «The Mediaeval Academy of America». С 1926 года Академия издает прекрасный журнал «Speculum». В нем читаем: «Speculum, this mirror to which we find it appropriate to give a Latin name, suggests the multitudinous mirrors in which the people of the Middle Ages liked to gaze at themselves and other folk – mirrors of history and doctrine and morals, mirrors of princes and lovers and fools. We intend no conscious follies, but we recognize satire, humor, and the joy of life as part of our aim. Art and beauty and poetry are a portion of our mediaeval heritage» [Нам показалось уместным дать журналу латинское название: под *Speculum* мыслится то великое множество зеркал, в которые люди Средневековья с интересом глядели на себя и других, – это зеркала истории, и верования, и морали, княжеские зеркала, любовные, шутовские. Дурачиться мы не планируем, но сатиру, юмор и радость жизни считаем частью своего замысла. Искусство, и красота, и поэзия – все это тоже входит в наше средневековое наследие] (Э.К. Ранд). Подлинно гуманистический подход. Если он жив в Гарварде, то и в центре Европы он тоже может воспрять.

В такой перспективе могут и высвободиться творческие силы. У молодых людей пробудится, может быть, гуманистический *восторг*. Все вместе они подступили бы к *общему делу*, и даже при неблагоприятном исходе им бы сопутствовала гуманистическая невозмутимость, о которой так хорошо сказано в строках Грильпарцера:

Will meine Zeit mich bestreiten,
Ich lass es ruhig geschehn.
Ich komme aus anderen Zeiten
Und hoffe, in andre zu gehn.

[Коль мое время меня отвергнет,
я не стану переживать.
Я пришел из другой эпохи
и в другую надеюсь уйти.]

Сила гуманизма в таком спокойствии. Это щит гуманистической веры, и ни один враг его не отберет.

А враги *всегда* были. Особой враждебностью отличалось религиозно-профетическое исступление, что ярко воплотилось в личности Савонаролы. Вражда примечательная, но на сегодняшний день бояться ее нечего. Куда коварнее другой враг, очень к тому же близко подобранный, – невежда и филистер. Да, наш старый знакомый! Немецкому духу он, похоже, сопутствовал на протяжении всех столетий. У Гофмансталя читаем:

«С легкостью с первых слов можем мы разглядеть все неловкие глупости прошлой эпохи по старым ее документам, служившим когда-то своему “времени”, в нем купавшимся; и с отвращением мы поскорее отводим взгляд. Но как удивляемся мы, всматриваясь в суету настоящего, когда глаза наши, медленно привыкая к мельканию, различают все ту же непостижимую пошлость, то же убожество, то же ничтожество, то же никчемное ротозейство в полном цвету; наши интеллектуалы-филистеры абсолютно равны домартовским¹³, во всем подобны ученым и неученым охальникам XVIII столетия; все это видится как стоячие, поганые воды, какое-то неизбывное болото, которого никому никогда не осушить!»

Обывательское, невежественное филистерство переступает любые границы – эпохи, сословия, классы. Это не просто стариковская манера сытого бюргера. Все то же самое подпитывается на почве молодежных социалистических движений. Филистеры могут быть и немецкими националистами, и гражданами мира; обывательство может быть и пасторальным, и агитаторским. Особенно тесно такое невежество переплетает-

13 Домартовского периода, то есть до революции 1848 года (die Märzrevolution). – *Примеч. перев.*

ся со всякого рода ресентиментом. Идеология угнетения, сознательная или несознательная, с ее опять же ресентиментом – вот самый новый, а значит, и самый могущественный враг гуманизма. Чутье подсказывает, что гуманизм скоро и вовсе будет под силу только самым свободным и самым смелым.

В общем, мы, гуманисты, окружены врагами: и явными, и тайными. Число их, стоит добавить, безмерно возрастает из-за инертности масс, равнодушных и безучастных. Прямо сейчас, перелистывая страницу, нам уже нужно думать о тяжелой своей ситуации. Это ситуация *политическая*. Оставим в стороне грубость и ресентимент, невежество с ханжеством, направленные против гуманистической мысли. Забудем об этом и обратимся к иному порядку враждебных поветрий: ко всему тому, что направляется идейными мотивами – религиозными, филантропическими, этическими. Вот с этим нам действительно нужно бороться, вот с этим мы вступим в рыцарский поединок. С этим и только с этим! Вот самая полная и самая строгая проверка наших гуманистических намерений, нашей гуманистической веры. Лишь на такой высоте все сможет окончательно проясниться.

Времена не повторяются; поиски собственного пути нельзя подменить имитацией прошлого. На прошлое можно только *ориентироваться*. Можно таким образом *подсвечивать* нынешнюю ситуацию огнем аналогии.

Наблюдение за врагами обретает свой смысл в этой взаимосвязи: это уже не какая-то дерзость, а достойная необходимость. Человек полностью предан лишь той идее, за которую он готов сражаться. Мы восприняли и взяли на вооружение мудрую, невозмутимую уверенность Грильпарцера. Но от времени мы все-таки никуда не денемся, есть дела у нас и в миру – «а если мир исполнен бесов!». Разве можем мы отречься от рыцаря-гуманиста Ульриха фон Гуттена с его воинственным кличем «Я посмел!» – только если бесповоротно впадем в отчаянье.

В нынешней ситуации боевой дух не единственная, конечно, но очень значимая форма инициативы, принадлежащей, как мы уже видели, самому существу гуманизма и его эффективных принципов. Практика и техника новейших политических революций актуализируют аристократический принцип отбора. Большевики и фашисты испытывают своих неофитов, желающих доступа к внутреннему кругу, точно так же как ордена или объединения вольных каменщиков. Гуманизму тоже

не стоит добиваться своих сторонников: пусть они сами его добиваются. Необходимо сплочение, а не распространение. От попутчиков и оппортунистов следует избавляться, от пропаганды и проповеди – воздерживаться. Пусть каждый ищет спасения там, где считает нужным. Гуманизм может – и должен – искать опоры лишь в тех немногих, кто преисполнен к нему любовью.

Любить гуманизм можно только *всецело*. Вместе с этим я указал бы еще на один аспект, открывшийся, как мне кажется, в обозрении. Если гуманизм и будет жить в наше время, во второй трети XX века, то это будет *тотальный гуманизм* – и никак иначе: он объединит в себе чувственное и духовное, филологическое и мусическое, философское и художественное, вероисповедальное и политическое. Но даже если времена настанут совсем беспросветные, высшие сословия отрешатся, низшие озвереют и новая жизнь не сумеет пробиться к сумраку наших дней, то гуманисты, разобщенные и безымянные, все равно друг друга разыщут и будут работать втайне.

Ведь они хотят быть не декадентствующими эстетам, а первопроходцами новой культуры, вестниками ее нового дня. Они хотят уберечь посвящения отцов, сохранить память о мументах и вместе с тем – передать все это сынам и внукам как источник силы для нового начала. *Vitai lampada tradunt* [Они передают светильник жизни].

1932

Перевод с немецкого Дмитрия Колчигина

ТАТЬЯНА
ВОРОЖЕЙКИНА

Тревожное настоящее страны «вечного будущего»

1 января 2023 года состоялась инаугурация нового президента Бразилии Луиса Инасиу Лулы да Силва, уже возглавлявшего страну в 2003–2010 годах. Площадь Трех ветвей власти (Praça dos Três Poderes) и Эспланада министерств (Esplanada dos ministérios) в столице страны Бразилиа были заполнены огромным количеством людей, одетых по преимуществу в красное – цвет «Партии трудящихся» (Partido dos Trabalhadores), основателем и безусловным лидером которой больше 40 лет остается Лула. Поскольку его предшественник на посту президента страны Жаир Болсонару не признал публично свое поражение и не присутствовал на торжественной церемонии передачи власти, президентскую ленту Луле вручали восемь человек, которые должны были символизировать народ

ПРЕВРАТНОСТИ
МЕТОДА

Бразилии¹. В инаугурационной речи, произнесенной сначала в здании Национального конгресса, а затем в более эмоциональном варианте на площади перед президентским дворцом Планалту (Planalto), Лула, как и ожидалось, призвал страну к единству и преодолению политического и социального раскола, нараставшего в последнее десятилетие². «Не существует двух Бразилий, мы единая страна, единый народ, одна великая нация», – заявил он и пообещал править во имя 215 миллионов бразильцев, а не только тех, кто проголосовал за него³. Вместе с тем речь Лулы оказалась достаточно жесткой в отношении предшествующего правления, которое он назвал одним из худших и самых темных периодов в истории страны, закончившегося в результате суверенного голосования народа в пользу демократии. Лула пообещал «реструктурировать» страну, покончить с бедностью и неравенством, восстановить демократические институты, разрушенные предыдущим президентом. «Мы говорим: диктатура – никогда больше. Сегодня, после того как мы преодолели этот чудовищный вызов, мы должны сказать: демократия навсегда»⁴.

Ровно через неделю выяснилось, что вызов отнюдь не преодолен. В воскресенье, 8 января 2023 года произошло то, чего многие ждали и опасались – хотя никто не мог и представить чудовищных масштабов погрома, который многотысячная толпа сторонников Болсонару учинила в зданиях Национального конгресса, президентского дворца и

федерального Верховного суда. Разбитые стекла, разломанные мебель и компьютеры, поврежденные картины и скульптуры, залитые водой кабинеты и залы заседаний являют физическое измерение произошедшего. Не менее важно измерение символическое: город Бразилиа был построен в 1956–1960 годах в малонаселенном районе центрального нагорья и должен был, по замыслам его создателей – архитектора Оскара Нимейера и урбаниста Лусио Косты, – стать символом новой, устремленной в будущее демократической страны, порывающей с колониальным, постколониальным и авторитарным прошлым. Огромные пандусы, ведущие к главным входам в Национальный конгресс и президентский дворец, олицетворяли единство общества и демократических институтов, а стеклянные стены этих зданий и здания Верховного суда – прозрачность государственной власти. По этим пандусам и поднялась толпа погромщиков, методично сокрушавшая с помощью подручных средств стеклянные стены. Особенно досталось Верховному суду: громившая его толпа скандировала «Supremo é o rovo!» («Верховным является народ!»). Участники этой акции шли под бразильскими флагами, были одеты в национальные, желтый и зеленый, цвета (или форму бразильской футбольной сборной). Надо сказать, что национальные цвета вообще были монополизированы Болсонару и его сторонниками во время избирательной кампании в противоположность красному цвету сторонников Лулы.

- 1 Непосредственно надела ленту Алина Соуза, 33-летняя чернокожая женщина, мать семерых детей, потомственная сортировщица мусора и глава движения неформальных сортировщиков мусора в федеральном округе.
- 2 Подробнее см.: Ворожейкина Т. *Закат бразильской «Новой республики»* // Неприкосновенный запас. 2022. № 5(145). С. 204–221.
- 3 *Discurso de Lula completo* // UOL. 2023. 1 de janeiro (<https://noticias.uol.com.br/politica/ultimas-noticias/2023/01/01/posse-lula-discursos-congresso-planalto-integra.htm>).
- 4 Ibid.

Непосредственной причиной этих событий стали очень близкие результаты, которые соперники показали во втором туре президентских выборов 30 октября 2022 года. Перевес Лулы оказался минимальным: 60 345 999 голосов (50,9%) против 58 206 354 (49,1%). Разрыв между кандидатами, сократившийся с 6,19 миллиона голосов в первом туре до 2,15 миллиона во втором, был очевидно ничтожен для огромной страны, где участие в выборах приняли 124,25 миллиона избирателей из 156,45 миллиона, обладающих правом голоса⁵. Проиграв выборы, Болсонару надолго замолчал, а накануне инаугурации Лулы уехал в США, где оставался три месяца. Его радикальные сторонники сразу после объявления официальных результатов сочли их недостоверными и блокировали основные магистрали, парализовав – при сочувствии и попустительстве дорожной полиции – страну на несколько дней. После того, как блокировка дорог была снята, болсонаристы переместились к местам расположения региональных командований вооруженных сил и главного штаба сухопутных войск в столице, требуя, чтобы армия вмешалась и, отменив результаты выборов, не допустила прихода Лулы к власти. Иначе говоря, сторонники Болсонару открыто призывали военных к государственному перевороту. Весьма благоустроенные палаточные лагеря в течение двух месяцев окружали военные штабы в столицах штатов и крупнейших городах; только в штате Сан-Пауло их было 34.

Все это происходило на фоне очень трудного процесса передачи власти, политического торга вокруг создания новых министерств и распределения государственных постов между представителями партий, из которых Лула

стремился сформировать широкую коалицию в парламенте, где после выборов у него было меньшинство. Понятно, что в этих условиях и Лула, и новые министры, отвечающие за безопасность, меньше всего хотели обострять конфликт и, по-видимому, рассчитывали на то, что нежелание Болсонару открыто возглавить протесты приведет к постепенному рассасыванию лагерей протестующих, а проблема решится сама собой. Тем более, что назначенное Лулой новое руководство вооруженных сил объявило о своей безусловной поддержке демократической Конституции. Новый министр обороны, правый политик Жозе Мусио, заявил, что право на протест – важная составляющая демократии, даже если эти протесты проходят в непосредственной близости от мест дислокации армейских подразделений.

Проблема, однако, никуда не делась. После инаугурации, когда, казалось бы, все затихло, а вновь избранные парламентарии находились на каникулах до 31 января, палаточный лагерь сторонников Болсонару перед главным штабом сухопутных войск в столице, едва насчитывавший двести человек, вдруг вырос к концу первой недели января до четырех тысяч. Чаты сторонников Болсонару в социальных сетях наполнились сообщениями, предлагавшими бесплатную поездку на автобусе в Бразилию с оплаченным трехразовым питанием и возвращением домой, назначенным на 15 января. (Учитывая огромные бразильские расстояния, это было весьма щедрое предложение.) Всего таких автобусов, как потом выяснилось, было порядка 150. Оказавшись в городе, погромщики построились в многотысячную колонну и прошли девять километров, отделявшие военный штаб

5 Среди 20,6% не пришедших на выборы (при том, что участие в них является в Бразилии обязательным) значительную часть, по-видимому, составляли те, кого не устраивал выбор между двумя крайностями.

от площади Трех ветвей власти, где они на протяжении двух с половиной часов безнаказанно громили и грабили государственные учреждения. При этом участники погромов сняли многие тысячи видео и селфи, которые размещали в социальных сетях, рассчитывая, вероятно, на полную безнаказанность.

Очевидно, что акция такого размаха не могла быть спонтанной: она была организована и щедро профинансирована. Поскольку армия не откликнулась на призывы протестующих и допустила приход Лулы к власти, расчет организаторов был, по-видимому, на то, чтобы, создав хаос, все-таки вынудить вооруженные силы вмешаться и взять на себя руководство страной. Специальное подразделение полиции, которое должно было охранять правительственные здания, не могло оказать многотысячной толпе никакого сопротивления. Более того, колонну демонстрантов на протяжении ее девятикилометрового марша конвоировала военная полиция, назначение которой бороться с беспорядками. Как выяснилось позднее, бразильское агентство национальной разведки предупреждало органы безопасности федерального округа о том, что в ближайшие часы ожидается нападения на правительственные здания. А в субботу, 7 января, накануне погрома, новый министр юстиции Флавио Дино поставил губернатора федерального округа Ибанейса Рошу, давнего союзника Болсонару, в известность о том, что в столицу на автобусах направляется новая партия болсонаристов из других городов.

Иначе говоря, это был мятеж, о подготовке которого очень многим было известно заранее. В отличие от атаки на

вашингтонский Капитолий 6 января 2021 года, фактор неожиданности в Бразилии полностью отсутствовал. Несомненно, что захват Капитолия вдохновлял бразильских погромщиков. Это тот случай, когда, по выражению комментатора испанской газеты «El País», «банановая республика пришла с севера»⁶. Более чем очевидна и близость двух мятежей по характеру политических лидеров, которые их вдохновляли, составу участников и стилю их поведения. Это сходство далеко не случайно и, как пишет журнал «Foreign Policy», выходит за рамки простого совпадения. Болсонару называл Трампа своим учителем, открыто подражал ему в своей внутренней и внешней политике и неоднократно встречался с ним и его советниками на протяжении последних лет. Одна из последних встреч команды Болсонару с Трампом состоялась в октябре 2022 года, сразу после первого тура выборов, а в начале 2023-го один из трех сыновей Болсонару, депутат бразильского Конгресса, встречался с Трампом и его помощниками во Флориде и обсуждал «следующие шаги» в телефонном разговоре со Стивом Бэнноном – печально знаменитым бывшим стратегом команды Трампа⁷.

Вместе с тем гораздо более важным, чем непосредственная связь Трампа и Болсонару, представляется глубинное сходство социальных и политических процессов, которые идут в двух крупнейших странах Америки. Феномен праворадикального популизма, возникший в середине прошлого десятилетия в США, попал в Бразилию на подготовленную почву. Четыре раза подряд с 2002-го по 2014 год на здешних пре-

6 MALAMUD A. *La república bananera que bajó del norte* // El País. 2023. 10 de enero (<https://elpais.com/internacional/2023-01-10/la-republica-bananera-que-bajo-del-norte.html>).

7 OSBORN C. *Brazil's Capitol Riot Shows the Strength of Bolsonaroism after Bolsonaro* // Foreign Policy. 2023. January 9 (<https://foreignpolicy.com/2023/01/09/brazil-riot-insurrection-lula-bolsonaro-election-far-right/>).

зидентских выборах побеждали левые силы, опиравшиеся, с одной стороны, на низкодородные слои и население более отсталых штатов бразильского Северо-Востока, а с другой, – на современные высокообразованные и демократически настроенные страты крупных городов. Традиционные правящие и господствующие группы, сторонники консервативных взглядов, постепенно осознали, что демократические институты перестали выполнять главную с их точки зрения функцию – обеспечивать их порядок и стабильность. Демократические правопроцентристские силы, которые в течение полутора десятилетий противостояли левым на выборах, не смогли отстранить их от власти и, в конечном счете, утратили влияние. Этот политический вакуум заполнил Болсонару, который впервые за почти четыре десятилетия демократии смог консолидировать вокруг себя правые, консервативные силы.

На выборах 2022 года политическое размежевание бразильского общества, обозначившееся уже в середине предыдущего десятилетия, превратилось в глубочайший культурный, социальный, географический и расовый раскол. Из пяти географических регионов Бразилии Лула выиграл только на Северо-Востоке, где живут главные бенефициары той успешной социальной политики 2000-х, которая составила основной электоральный багаж Лулы в кампании 2022 года. В северо-восточных штатах его перевес над противником составил 12,6 миллиона голосов. Именно отсюда взяли те 2,15 миллиона голосов, с помощью которых Лула смог одержать победу на федеральном уровне. Он победил в тринадцати штатах страны, включая второй по численности населения штат Минас-Жераис. Лула выиграл в 97% самых

бедных городов Бразилии, из которых 80% находятся на Северо-Востоке. Вместе с тем он победил в городе Сан-Паулу, где за него проголосовала часть избирателей, имеющих низкий, но стабильный доход в формальном секторе экономики. Основная же часть проголосовавших за Лулу принадлежит к беднейшим слоям населения, занятым по преимуществу в неформальном секторе: это сезонные сельскохозяйственные рабочие, уличные торговцы, охранники, не имеющие письменных трудовых договоров работники мелких предприятий, домашняя прислуга и так далее. Это 46% населения, чьи месячные доходы ниже двух минимальных заработных плат на семью. Из них, по данным социологической фирмы «Datafolha», 57% намеревались поддержать во втором туре Лулу, а 36% – Болсонару⁸.

Напротив, из тех 37% населения, которые получают от двух до пяти минимальных заработных плат, половина (52%) собиралась голосовать за Болсонару (за Лулу – 43%). Это, по мнению бразильского исследователя Андре Зингера, та часть трудящихся формального сектора, которые обеспечили конкурентоспособность ультраправых на выборах 2022 года, поскольку именно они стали бенефициарами финансовых мер правительства Болсонару – снижения топливного налога, раздачи ваучеров на топливо для водителей такси и грузовиков, дополнительных выплат пенсионерам в конце года, снижения ипотечных платежей. Тем не менее вовсе не эти люди с низкими и средними доходами составили ядро электората Болсонару. В первую очередь его поддержал агробизнес и связанные с ним отрасли, бурно развивающиеся на Юге, Юго-Востоке и в Центре Бразилии, на огромной

⁸ SINGER A. *Lula's Return* // *New Left Review*. 2023. № 139 (<https://newleftreview.org/issues/ii139/articles/andre-singer-lula-s-return>).

территории, простирающейся вплоть до границ Северо-Востока. Именно здесь сосредоточены высокооплачиваемые рабочие места и процветающие города, в которых живут сторонники свободного владения оружием, снижения налогов на бизнес, либерализации трудовых отношений, отмены экологических ограничений и вовлечения в хозяйственный оборот индейских территорий Амазонии.

В крупных городах Болсонару поддерживают строительный бизнес и сектор обслуживания: хозяева ресторанов, школ по изучению иностранных языков, фитнес-клубов, спортивных магазинов и автосалонов – все те, кто составляет вспомогательное звено агроэкспортной модели. Кроме того, за Болсонару проголосовали те, кто занимается нелегальной вырубкой леса и разработкой полезных ископаемых в Амазонии, а также большая часть (77%) из 20 миллионов владельцев мелкого бизнеса. Многие из этих людей объединяют неприкрытый расизм и ксенофобия в отношении бедных жителей Северо-Востока и городских фавел, где сосредоточена основная часть чернокожего населения. Твердые болсонаристы отвергают риторику традиционного популизма, направленную на включение исключенных, их лозунг прямо противоположный: общество нуждается не в интеграции, а в наведении порядка. Иначе говоря, по их мнению, необходимо просто восстановить социальную и расовую иерархию⁹. Объединяет сторонников Болсонару и поддержка влиятельных евангелических церквей, прихожанам которых близки его манихейские, гомофобные и

антилиберальные лозунги типа «Бразилия превыше всех» или «Бог превыше всего». На стороне Болсонару наиболее развитые штаты Юга и Юго-Востока, включая самые населенные Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро. В штате Сан-Паулу, «колыбели» бразильской демократии, откуда вышли ее главные протагонисты – «Партия бразильской социал-демократии» (Partido da Social Democracia Brasileira) Фернанду Энрике Кардозу и «Партия трудящихся» Лулы, – последняя потерпела наиболее болезненное поражение. Поддержанный Болсонару и «Республиканцами» (Republicanos) – партией, основанной одной из главных евангелических церквей, – кандидат на пост губернатора, бывший военный Тарсисио де Фрейтас, с отрывом в десять процентных пунктов победил второго после Лулы лидера «Партии трудящихся» Фернандо Адада.

Конечно, не все, кто голосовал за Болсонару, разделяют настроения январских погромщиков. Собственно «ультрас» среди последователей бывшего президента составляют меньшинство – 15% электората, которые открыто поддерживают авторитарный проект. Однако социальный профиль наиболее радикальных сторонников бывшего президента практически невозможно определить, поскольку эта группа изменчива и фрагментарна. Ее участники существуют внутри «экосистемы» тотальной дезинформации, которая формирует их мировоззрение¹⁰. Многочисленные видео, снятые 8 января, запечатлели этих людей в лицо. Это по преимуществу белые мужчины (хотя среди них встре-

⁹ Ibid.

¹⁰ По наблюдениям бразильских документалистов и исследователей, которые почти два года внедрялись в среду самых радикальных болсонаристов, а потом непосредственно наблюдали и снимали события 8 января, в них участвовали самые разные люди: полицейский комиссар, отстаивающий в социальных сетях право на свободное ношение оружия; молодой муниципальный советник с Северо-Востока, который одновременно является евангелическим пастором и недоучившимся зубным врачом; журналист одной из ведущих газет; женщина-предприниматель из штата Рио-де-Жанейро. См.: GALLARAGA GORTÁZAR N.

чались и женщины, а также немногочисленные чернокожие), представители бразильского среднего класса, которые, как это ни дико звучит, пришли, по их мнению, отстаивать демократию от наступающего коммунизма. Под лозунгами закона и порядка, защиты национальных традиций и христианских ценностей они громили институты, которые эту защиту, как им кажется, перестали обеспечивать. Опрос общественного мнения, проведенный по следам событий и опубликованный 10 января 2023 года агентством «Atlasintel», отражает весьма причудливую, но, к сожалению, устойчивую картину социального и политического раскола в бразильском обществе. В целом три четверти опрошенных полностью осуждают «варварство», учиненное радикальными болсонаристами. Но среди голосовавших за Болсонару большинство считает, что это «варварство» можно оправдать. 39,7% опрошенных согласны с тем, что Лула не выиграл выборы; среди голосовавших за Болсонару 90% полагают, что их кандидат набрал больше голосов, чем Лула. 36,8% опрошенных выступают за то, чтобы военные вмешались и отменили результаты президентских выборов; опцию «против» в данном случае предпочитают 54,1%, а 9,1% выбирают ответ «не знаю». Только половина опрошенных (50,2%) возлагает на Болсонару ответственность за вторжение в правительственные здания, в то время как 42,7% с этим не согласны¹¹.

Такова ситуация, в которой началось и без того непростое президентство Лулы. И в ходе избирательной кампании, и в особенности после погромов центром тяжести его политической

стратегии оставалась защита демократических институтов, вокруг которой он стремился создать широкую политическую коалицию в стране вообще и в Национальном конгрессе в частности. События 8 января дали ему несомненное политическое преимущество перед Болсонару: никто из действующих политиков не осмелился защищать методы, продемонстрированные сторонниками последнего. Лула получил поддержку со стороны руководителей Палаты депутатов, Сената и Верховного суда, а также провел публичную встречу с губернаторами, на которую приехали все 27 глав бразильских штатов, включая самых близких сторонников Болсонару. Очевидное и громкое политическое поражение последнего открыло перед Лулой определенное, хотя, по-видимому, непродолжительное окно возможностей.

Основная проблема – наказание участников, организаторов и подстрекателей «похода на три ветви власти», а также тех, кто его финансировал. По данным Верховного суда, на площади и при разгоне палаточного лагеря полиция задержала 2151 человека. 745 человек, в основном женщины с детьми и пожилые люди, были отпущены сразу после установления их личности. На начало марта 2023 года Генеральная прокуратура выдвинула обвинения в подстрекательстве к совершению преступления и создании преступного сообщества в отношении 919 человек, из них 219 обвиняются также в совершении тяжких преступлений – в насильственном разрушении правового государства, государственном перевороте и причинении ущерба государ-

«*Extremistas.br*», una docuserie sobre cómo Brasil engendró la radicalización bolsonarista // El País. 2023. 9 de marzo (<https://elpais.com/television/2023-03-10/extremistasbr-una-docuserie-sobre-como-brasil-engendro-la-radicalizacion-bolsonarista.html>).

11 Pesquisa Atlas. *Invãso do Congresso, do STF e do Planalto* // AtlasIntel. 2023. 10 de janeiro (https://static.poder360.com.br/2023/01/Pesquisa_Atlas_Invasao_do_Congresso_do_STF_e_do_Planalto_08_09.pdf).

ственному имуществу. В заключении остаются 392 человека, в отношении остальных применены различные виды ограничения свободы, их паспорта аннулированы, им запрещено общение в социальных сетях¹². 41 человек находится в тюрьме по обвинениям в финансировании погромщиков и идейном руководстве ими. Верховный суд арестовал бывшего командующего военной полицией в федеральном округе Фабио Виейру и отстраненного от должности секретаря по безопасности правительства федерального округа Андерсона Торреса, который ранее был министром юстиции в правительстве Болсонару¹³. 9 января 2023 года Лула ввел федеральное управление в сфере безопасности федерального округа и временно отстранил его губернатора Ибанейса Рошу от исполнения обязанностей¹⁴.

Судья Верховного суда Алешандре де Мораеш, который возглавляет расследование событий 8 января, по предложению Генеральной прокуратуры включил Болсонару в число тех, кому предъявлено обвинение в идейном руководстве попыткой государственного переворота. Верховный суд расследует шестнадцать исков против Болсонару (включая обвинения в оскорблении суда и судей, а также в распространении ложной информации о системе электронного голосования); положительные решения по ним могут привес-

ти к запрету на участие бывшего президента в выборах в течение восьми лет¹⁵. Кроме того, делами Болсонару занимается Верховный избирательный трибунал и федеральная полиция, расследующая предпринятую им попытку скрыть драгоценности, подаренные его жене властями Саудовской Аравии¹⁶. 30 марта 2023 года Болсонару, наконец, выполнил свое неоднократное обещание вернуться в страну. Полиция федерального округа подготовилась к его возвращению, но вопреки опасениям оно не вызвало никаких эксцессов. Несколько сотен сторонников в желтых майках встречали бывшего президента в аэропорту, а позже в штаб-квартире «Либеральной партии» в Бразилиа, где он выступил на закрытом заседании. Руководство этой партии, которая имеет больше всего мандатов в нижней палате (99), надеется, что Болсонару возглавит оппозицию правительству Лулы или по крайней мере будет ее неофициальным руководителем. Похоже, однако, что Болсонару немного опоздал: в его отсутствие правые и правопоцентристские силы начали поддерживать в качестве лидера нового губернатора штата Сан-Пауло Тарсисио де Фрейтаса, который занимает более умеренную и цивилизованную позицию, чем бывший президент. Возвращение Болсонару угрожает дальнейшим углублением политического раскола в бразильском обществе.

12 XAVIER G. *Atos golpistas: mais 130 bolsonaristas presos pelo 8 de janeiro são liberados* // CartaCapital. 2023. 13 de março (www.cartacapital.com.br/justica/atos-golpistas-mais-130-bolsonaristas-presos-pelo-8-de-janeiro-sao-liberados/).

13 LUCENA A. *A quantidade de golpistas ainda presos pelos atos do 8 de janeiro, segundo o STF* // CartaCapital. 2023. 10 de março (www.cartacapital.com.br/justica/a-quantidade-de-golpistas-ainda-presos-pelos-atos-do-8-de-janeiro-segundo-o-stf/).

14 15 марта 2023 года по решению Верховного суда Ибанейс Роша вернулся к исполнению своих обязанностей.

15 СНАИВ J., RESENDE T. *Impedir candidatura de Bolsonaro seria atrocidade e interferência na democracia, diz Flávio* // Folha de São Paulo. 2023. 19 de março (www1.folha.uol.com.br/poder/2023/03/impedir-candidatura-debolsonaro-seria-atrocidade-e-interferencia-na-democracia-diz-flavio.shtml).

16 Стоимость этих драгоценностей составляет три миллиона евро. По закону президент обязан передать полученные им дорогостоящие подарки в специальный государственный фонд.

Несомненно, многое будет зависеть от той линии, которую изберет Лула в отношении своего главного противника. Если он позволит втянуть себя в бесконечную перепалку с Болсонару, то это станет настоящим подарком последнему и позволит ему вернуться на политическую сцену. Наилучшей тактикой стало бы полное игнорирование заявлений Болсонару: оно позволило бы утвердить его в новом статусе подследственного, а не политического деятеля. Однако полной уверенности, что Лула сумеет следовать такой линии, нет – придя к власти, он начал весьма жестко и мстительно высказываться по адресу своих врагов, в том числе бывшего президента Мишеля Темера (2016–2018), и особенно – бывшего судьи, а ныне сенатора Сержио Моро, который отправил его на полтора года в тюрьму. Если у Лулы не хватит сил сдержаться, то объявленная им стратегия объединения страны провалится, а противостояние его сторонников и болсонаристов окажется доминантой, определяющей политическую повестку всего президентства.

В этом контексте полное расследование событий 8 января и безусловное наказание всех виновных – важнейший вопрос дальнейшего демократического развития Бразилии. Без этого президентство Лулы будет серьезно ослаблено, а доверие к нему подорвано прежде всего среди его собственных сторонников. Здесь очень многое будет зависеть от последовательности действий Верховного суда, который в тяжелых условиях передачи власти обеспечивал до сих пор полное соблюдение закона и который болсонаристы считают своим главным

врагом. Вместе с тем, если принять во внимание многочисленность соратников Болсонару и их настроения, то нельзя не признать, что чрезмерно суровое наказание может усугубить раскол общества и спровоцировать новый всплеск насилия. Но если накажут только тех, кто непосредственно участвовал в погромах, да и то не всех, а дело Болсонару спустят на тормозах и сведут к объяснениям по поводу саудовского подарка, то это, несомненно, поможет ему возродиться в качестве политического лидера¹⁷.

Особую проблему в этом отношении представляет позиция полицейских и военных, среди которых влияние бывшего президента особенно велико. По мнению Андре Зингера, «военная партия» была важнейшей опорой режима Болсонару. Более пяти тысяч должностей в органах исполнительной власти в 2018–2022 годах занимали офицеры вооруженных сил и военной полиции, из которых 60% оставались при этом на действительной службе. Четырнадцать из семнадцати генералов, которые входили в Высшее командование вооруженных сил в 2016 году, были назначены Болсонару на ведущие посты в правительстве, включая пост вице-президента¹⁸. Таким образом, бразильские военные, отстраненные от власти в 1985 году, вновь получили доступ к принятию важнейших решений, для чего им и не потребовалось совершать государственный переворот, как в 1964-м. При этом стоит напомнить, что преступления и нарушения прав человека в период диктатуры в Бразилии, в отличие от Аргентины и Чили, остались безнаказанными¹⁹. Выиграв выбо-

17 MAGNOLI D. *As duas voltas de Bolsonaro* // Folha de São Paulo. 2023. 31 de março (www1.folha.uol.com.br/colunas/demetriomagnoli/2023/03/as-duas-voltas-de-bolsonaro.shtml).

18 SINGER A. *Op. cit.*

19 Дилма Русеф создала в 2011 году Национальную комиссию правды для расследования нарушений прав человека в Бразилии. В конце 2014 года комиссия предоставила доклад, который вызвал жесточайшую критику и политические демарши со стороны военных, после чего была распущена.

ры, Лула, будучи жестко ограниченным военной табелью о рангах, старался расставить на высших постах в вооруженных силах сторонников соблюдения законности и невмешательства армии в политику. Тем не менее генерал Томас Пайва, назначенный новым командующим сухопутными войсками после событий 8 января, незадолго до этого сказал на закрытой встрече со своими подчиненными: «К несчастью, был получен результат [победа Лулы на выборах], которого большинство из нас не хотело. Да, армия предпочла бы переизбрание Болсонару, и огромное большинство людей не хотели возвращения Лулы, которое для них означает возвращение коммунизма»²⁰. Скрепя сердце, армия смирилась с итогами выборов и даже по решению нового командования отказалась впредь от празднования годовщин военного переворота 31 марта 1964 года – дня, который при Болсонару превратился в одну из главных государственных дат. Вполне очевидно, что интересы и политический вес военной и полицейской корпорации выступают важнейшими ограничителями действий Лулы на посту президента. Все предложения по военной реформе – в частности, введение запрета на занятие должностей в исполнительной власти для военных, состоящих на действительной службе, – встречают резкое неприятие со стороны вооруженных сил. Они опираются при этом на статью 142 Консти-

туции Бразилии 1988 года, которая наделяет их полномочиями «гаранта конституционных властей и по инициативе любой из них, закона и порядка», представляя, таким образом, основания для вмешательства военных в политику²¹.

Не менее важным ограничителем для Лулы является состав той коалиции, которая поддерживает его в Национальном конгрессе. В нее вошли 287 депутатов из 513 и 47 сенаторов из 81. (Поскольку бразильские парламентарии могут свободно переходить из одной фракции в другую, это число постоянно меняется²².) Это, с одной стороны, меньше двух третей голосов, необходимых, чтобы проводить конституционные поправки, которые, согласно Конституции, требуются для запуска любых экономических реформ. С другой стороны, это гораздо больше числа парламентских мандатов (144), полученных на выборах левыми и левоцентристскими партиями, поддержавшими Лулу. Кроме них в широкую коалицию входят депутаты от партий, представляющих «Большой центр» («Centrão»), которые в предыдущей легислатуре содействовали Болсонару и которые всегда поддерживают действующую власть²³. Ценой этого стала раздача правительственных и административных постов представителям этих партий, что является обычной практикой при формировании нового кабинета. Необычно в этой истории лишь то, что число министерств, кото-

20 ARIAS J. *Desvelado el enigma de la relación de Bolsonaro con el Ejército* // El País. 2023. 3 de marzo (<https://elpais.com/opinion/2023-03-03/desvelado-el-enigma-de-la-relacion-de-bolsonaro-con-el-ejercito.html>).

21 BÄCHTOLD F. *Entenda artigo 142 da Constituição usado por bolsonaristas para pedir um golpe militar* // Folha de São Paulo. 2020. 9 de junho (www1.folha.uol.com.br/poder/2020/06/entenda-a-discussao-sobre-o-artigo-142-da-constituicao-que-trata-das-forcas-armadas.shtml).

22 В конце марта 2023 года в Палате депутатов Национального конгресса был образован крупнейший партийный блок (142 депутата), который, с одной стороны, включает партии, поддерживающие правительство и получившие в нем министерские посты, а с другой стороны, партию «Республиканцы», которая прежде входила в оппозиционную коалицию. Перегруппировка сил в парламенте направлена против его председателя Артура Лиры, который в 2021–2022 годах был верным сторонником Болсонару, а в 2023-м встал на сторону Лулы в обмен на сохранение своего поста.

23 См.: ВОРОЖЕЙКИНА Т. *Указ. соч.* С. 214.

рое при Болсонару (в соответствии с либеральным принципом «небольшого государства») было сокращено до 22, при Луле выросло до 37. Очевидно, что все это вынужденные шаги, без которых правительство Лулы было бы недееспособно. Но в сочетании с укорененной в Бразилии бюрократической традицией²⁴ и в особенности с присущим левым убеждением, что все проблемы можно решить, приняв новый закон и создав новую административную структуру (министерство), такой подход грозит вытолкнуть новое правительство на накатанную колею «коалиционного президентства» – с присущей ему задачей синекур и теплых местечек тем, кто взамен готов поддерживать любые шаги любой власти. Дважды – в 2005-м и в 2013 годах – это порождало коррупционные скандалы, главной жертвой которых стала политическая репутация «Партии трудящихся».

Между тем социальная и политическая повестка, с которой Лула выиграл выборы – борьба с неравенством, бедностью и голодом, а также спасение Амазонии, – требует проведения экономических реформ и в первую очередь реформы налоговой системы. Ее проект еще не опубликован, но глава экономического блока правительства, министр финансов Фернандо Аддад, уже начал обсуждать ее отдельные аспекты. По его убеждению, налоговая реформа должна положить конец огромному неравенству в распределении доходов и в то же время стимулировать инвестиции и эко-

номический рост²⁵. Наряду с изменением введенного в 2016 году бюджетного правила, устанавливающего потолок для 80% расходных статей, налоговая реформа должна предоставить средства для осуществления неотложных мер, которые повысили бы уровень жизни беднейших слоев населения. В первые два срока Лулы (2003–2010) эти средства поступали за счет устойчивого роста цен на продукты бразильского экспорта. В 2023-м ситуация в мировой экономике принципиально иная, и правительство может рассчитывать только на внутренние ресурсы. Вместе с тем крупный бизнес и банки, поддержавшие Лулу перед вторым туром голосования, как и предпринимательский сектор в целом, усиливают давление на экономическую команду правительства, требуя восстановить макроэкономическое равновесие. Противоположные требования выдвигают силы, составляющие ядро политической поддержки Лулы – «Партия трудящихся» и ее председатель Глейси Хоффманн. Она жестко критикует Центральный банк за поддержание высокой (13,75%) учетной ставки, блокирующей инвестиции и экономический рост. По ее мнению, председатель ЦБ, назначенный при Болсонару, продолжает осуществлять политический проект, который потерпел поражение на выборах²⁶.

Необходимость поддержания стабильности и контроля над инфляцией, с одной стороны, и перераспределения доходов и повышения уровня жизни

24 По неподтвержденным данным, Бразилия – страна с самым большим в мире количеством принятых законов: их насчитывается свыше 4 миллионов (ARIAS J. *No es una broma* // El País. 2023. 28 de febrero (<https://elpais.com/opinion/2023-02-28/no-es-una-broma.html>)).

25 XAVIER G. *O prazo para aprovar a reforma tributária no Congresso, segundo Haddad* // CartaCapital. 2023. 13 de março (www.cartacapital.com.br/economia/o-prazo-para-aprovar-a-reforma-tributaria-no-congresso-segundo-haddad/).

26 *Presidenta do PT retoma críticas ao Banco Central e diz que juro do rotativo são «o maior escândalo»* // CartaCapital. 2023. 28 de fevereiro (www.cartacapital.com.br/economia/presidenta-do-pt-retoma-criticas-ao-banco-central-e-diz-que-juros-do-rotativo-sao-o-maior-escandalo/).

беднейшей половины населения, с другой, ставит Лулу перед трудно разрешимой дилеммой. Он ясно осознает угрозу повторения той ошибки, которую в начале своего второго мандата в 2014 году совершила Дилма Русеф, когда попыталась стабилизировать бюджет и в результате потеряла политическую поддержку своих сторонников²⁷. Если экономическая политика Лулы приведет к серьезному обострению экономической ситуации и разгону инфляции, ему может грозить импичмент, а в худшем случае – даже государственный переворот. Если же Лула будет вести осторожную экономическую политику, ориентируясь на требования рынка и бизнеса, то он рискует потерять доверие тех, с чьей помощью пришел к власти. Лула – опытный политик, способный уговаривать как союзников, так и противников, и многие надеются, что его феноменальное политическое чутье позволит ему найти единственно верный путь, учитывающий и требования рынка, и ожидания соратников.

Глубочайший социально-политический раскол страны делает стоящую перед Лулой дилемму еще более драматичной. Он может управлять, стараясь в первую очередь объединить страну, как он обещал в ночь объявления результатов второго тура. Или же он может проводить обещанные народу преобразования, игнорируя этот раскол, абстрагируясь от него. Обе стратегии имеют свои преимущества и изъяны. Главный же вопрос заключается в том,

преодолим ли раскол бразильского общества в принципе. Не следует ли смириться с тем, что в сложившейся ситуации объединить страну невозможно, что поляризация неизбежна, и стараться удержать ее в мирных рамках, избегая повторения событий, подобных произошедшим 8 января 2023 года?²⁸ Бразильский философ Пауло Аррантес считает, что президентство Лулы можно будет считать успешным, если ему удастся отодвинуть возвращение к власти ультраправых, для которых эти события стали генеральной репетицией. По его мнению, нет никаких гарантий, что Лула сможет остаться у власти до завершения своего мандата в 2026 году²⁹.

Было бы неправильно заканчивать такой тревожной констатацией. Не совершенные институты бразильской демократии устояли, столкнувшись с самым тяжелым кризисом с крушения диктатуры, произошедшего 38 лет назад. Болсонару – первый президент в истории «Новой республики», который не был переизбран на второй срок. Попытка государственного переворота, совершенная через неделю после вступления избранного президента в должность, была купирована институциональными средствами, причем решающую роль в этом сыграла и продолжает играть судебная власть. Иначе говоря, попытки разрушить бразильскую демократию оказались несостоятельными – пока по крайней мере. Демократическая система выжила, хотя ее хрупкость никогда еще не была столь очевидной.

27 SEABRA C., TOMAZELLI I. *Lula teme acusação de estelionato eleitoral em debate sobre nova regra fiscal* // Folha de São Paulo. 2023. 16 de março (www1.folha.uol.com.br/mercado/2023/03/lula-teme-acusacao-deestelionato-eleitoral-em-debate-sobre-nova-regra-fiscal.shtml).

28 GOMÁRIZ MORAGA E. *O dilema de Lula da Silva* // Folha de São Paulo. 2023. 26 de janeiro (www1.folha.uol.com.br/colunas/latinoamerica21/2023/01/o-dilema-delula-da-silva.shtml).

29 SOMBINI E. *Mesmo sem projeto, Lula terá sucesso se frear extrema direita, diz Paulo Arantes* // Folha de São Paulo. 2023. 11 de março (www1.folha.uol.com.br/ilustrissima/2023/03/mesmo-sem-projeto-lulatera-sucesso-frear-extrema-direita-diz-paulo-arantes.shtml).

АНДРЕЙ
КОРОТАЕВ,
АЛИНА
ХОХЛОВА

Мали: революционное десятилетие после «арабской весны»¹

ВТОРОЕ ЭХО «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

События в арабском мире, имевшие место в 2011 году, выступили в качестве триггера глобальной волны нестабильности, значительно превысившей масштабы самой «арабской весны» и затронувшей все регионы мира². Однако в разных мир-системных зонах эта глобальная дестабилизация проявилась по-разному и не вполне синхронно. В самом 2011-м особенно заметный подъем демонстраций, беспорядков и забастовок наблюдался в арабском мире и странах Запада. Многократный рост аналогичных явлений фиксировался и в Африке южнее Сахары, на Среднем Востоке, в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе, а также в Восточной

- 1 Статья подготовлена в рамках гранта РФФ 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия». Упоминаемые в тексте «Аль-Каида» и «Исламское государство» признаны в Российской Федерации экстремистскими, их деятельность запрещена.
- 2 КОРОТАЕВ А.В., ИСАЕВ Л.М., ШИШКИНА А.Р. *Арабская весна как квазисуперкритическое явление? // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Волгоград: Учитель, 2016. Т. 7. С. 127–156; ОНИ ЖЕ. *Арабская весна как триггер глобального фазового перехода? // Полис*. 2016. № 3. С. 108–122; КОРОТАЕВ А.В. и ДР. *Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы*. Волгоград: Учитель, 2017. С. 237–262.

**МИР,
В КОТОРЫЙ
МЫ ИДЕМ:
АФРИКА КАК
ЦИВИЛИЗАЦИОН-
НАЯ МОДЕЛЬ**

Азии, – но там он был не таким мощным, как в арабских или западных государствах³. После всплеска 2012–2014 годов последовало снижение, однако в арабском мире (и в смежных с ним областях Тропической Африки и Среднего Востока) по-прежнему наблюдался количественный прирост крупных терактов и партизанских действий, отголоски которого постепенно проникли и в другие мир-системные зоны.

Действительно, «арабская весна» имела и второе эхо, заметно более кровавое, чем первое, проявившее себя преимущественно в виде антиправительственных демонстраций. Так, одним из ее последствий оказался коллапс или резкое ослабление нескольких достаточно эффективных авторитарных режимов. Между тем еще до потрясений 2011 года специалисты убедительно показывали, что подобного рода резкое ослабление государственной организации (*state failures*) и связанные с ним затяжные внутренние конфликты создают идеальные условия для развертывания террористической активности⁴. «Арабская весна» здесь не стала исключением.

Как отмечали Майкл Шумахер и Питер Шредер, руководители исламистских террористических организаций уже в 2011 году поняли, что революционное брожение способствует еще большему распространению хаоса на Ближнем Востоке⁵. Наиболее действенными факторами, способствовавшими этому, стали трансформации политических режимов в Ливии, Йемене и Сирии. В Ливии относительно крепкая авторитарная диктатура была заменена неустойчивой факциональной демократией. Падение режима в Йемене привело к устранению одной из главных опор, сдерживавших терроризм на арабийском юге. Резкое ослабление режима Асада в Сирии привело к исчезновению государственной власти на неподконтрольных ему территориях. На границе Сирии и Ирака (главного рассадника терроризма до начала «арабской весны») сложились идеальные условия для возникновения и укрепления «Исламского государства» (ИГ). В итоге в арабских государствах сформировалась благоприятная ситуация, содействовавшая глобальной диффузии террорис-

**АНДРЕЙ КОРОТАЕВ,
АЛИНА ХОХЛОВА**

МАЛИ: РЕВОЛЮЦИОННОЕ
ДЕСЯТИЛИТИЕ ПОСЛЕ
«АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Андрей Витальевич Коротаев (р. 1961) – профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Российского университета дружбы народов, главный научный сотрудник Института Африки РАН.

Алина Александровна Хохлова (р. 1995) – приглашенный преподаватель и научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

- 3 КОРСТАЕВ А.В. и др. *Арабская весна как триггер глобальной социально-политической дестабилизации: опыт систематического анализа* // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 7. С. 22–126; КОРСТАЕВ А.В., МЕЩЕРИНА К.В., ХОХЛОВА А.А., ЕВДОКИМОВА К.С. *Волна социально-политической дестабилизации 2010-х гг. в странах Тропической и Южной Африки: предварительные результаты количественного анализа* // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Волгоград: Учитель, 2018. Т. 9. С. 296–319.
- 4 TESTAS A. *Determinants of Terrorism in the Muslim World: An Empirical Cross-Sectional Analysis* // Terrorism and Political Violence. 2004. Vol. 16. № 2. P. 253–273; PIAZZA J.A. *Draining the Swamp: Democracy Promotion, State Failure, and Terrorism in 19 Middle Eastern Countries* // Studies in Conflict and Terrorism. 2007. Vol. 30. № 6. P. 521–539.
- 5 SCHUMACHER M.J., SCHRAEDER P.J. *Does Domestic Political Instability Foster Terrorism? Global Evidence from the Arab Spring Era (2011–2014)* // Studies in Conflict and Terrorism. 2021. Vol. 44. № 3. P. 198–222.

тической активности⁶. Ее распространение заняло определенное время, поэтому этот аспект влияния «арабской весны» на мир-систему проявил себя с некоторым запаздыванием.

Республика Мали оказалась одной из первых стран, испытавших на себе воздействие второго эха «арабской весны». Главную роль в этом сыграло падение режима Муаммара Каддафи; после него в Мали из Ливии стали возвращаться туарегские бойцы, служившие в боевых формированиях свергнутого режима, а вместе с ними потекли вооружения и боеприпасы⁷. Все это привело к заметному укреплению военного потенциала туарегских сепаратистов малийского Севера – на фоне крайне неустойчивой ситуации, наблюдавшейся здесь после подавления третьего туарегского восстания⁸. В 2011 году на базе нескольких вооруженных формирований малийского Севера было создано «Национальное движение за освобождение Азавада» (НДОА, *Mouvement national de libération de l'Azawad*), объявившее своими целями национальное освобождение, статус автономии и даже создание независимого государства для туарегов, арабов, фула и сонгаев⁹.

Широкомасштабное наступление союза северных сил на дезорганизованные и страдающие от нехватки ресурсов формирования центрального правительства Мали началось 16 января 2012 года¹⁰, когда боевики НДОА совершили нападение на военные казармы в городах Менака и Тессалит¹¹. 24 января повстанцы взяли Агельхок; это произошло после того, как у малийской армии закончились боеприпасы¹². Из-за постоянных жалоб малийских солдат на неадекватное снабжение и плохое стратегическое планирование президент страны попытался реорганизовать высшее командование, однако на военной ситуации это не отразилось. 1 февраля 2012 года НДОА взяло под свой

- 6 См., например: ВАЙС М., ХАСАН Х. *Исламское государство: армия террора*. М.: Альпина нон-фикшн, 2016; ИБРАХИМ Н., ИОНОВ А.В., ИСАЕВ Л.М. *Ливийский кризис как особый компонент Арабской весны // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. М.: ЛЕНАНД, 2013. Т. 4. С. 40–63; ИСАЕВ Л.М. *Племенная революция по-йеменски // Неприкосновенный запас*. 2012. № 4(84). С. 178–187.
- 7 CLINE L.E. *Nomads, Islamists, and Soldiers: The Struggles for Northern Mali // Studies in Conflict and Terrorism*. 2013. Vol. 36. № 8. P. 617–634; KEENAN J. *The Dying Sahara: US Imperialism and Terror in Africa*. London: Pluto Press, 2013; SHAW S. *Fallout in the Sahel: The Geographic Spread of Conflict from Libya to Mali // Canadian Foreign Policy Journal*. 2013. Vol. 19. № 2. P. 199–210.
- 8 Подробнее об этом см., например: КОРОТАЕВ А.В., ЛЮКОМОВИЧ Я.Б., ХОХЛОВА А.А. *Революционные события в Мали (1960–2021 гг.) // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Волгоград: Учитель, 2021. Т. 12. С. 329–370.
- 9 DOWNIE R. *Collective Insecurity in the Sahel: Fighting Terror with Good Governance // Georgetown Journal of International Affairs*. 2015. Vol. 16. № 1. P. 70–78.
- 10 LECOCQ B., KLUTE G. *Tuareg Separatism in Mali // International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis*. 2013. Vol. 68. № 3. P. 424–434.
- 11 LUENGO-CABRERA J. *Symptoms of an Enduring Crisis: Prospects for Addressing Mali's Conflict Catalysts // African Policy Journal*. 2012. Vol. 8. P. 9–19.
- 12 KEENAN J. *Mali's Tuareg Rebellion: What Next? // Al Jazeera*. 2012. March 20 (www.aljazeera.com/opinions/2012/3/20/malis-tuareg-rebellion-what-next/).

контроль Менаку, а 6 февраля повстанческие силы атаковали северную столицу Кидаль¹³. В марте радикальная группировка «Ансар ад-Дин», ранее заявившая о своем союзе с «Аль-Каидой в Магрибе», продемонстрировала в социальных сетях видео захвата военной базы в Агельхоке; в трансляции среди прочего говорилось, что целью исламистов является установление шариата в Мали. В начале марта того же года с помощью исламистов туарегские ополченцы захватили военную базу в Тессалите¹⁴. К 4 марта подразделения малийской армии отказались от попыток вернуть этот военный объект и отступили в Алжир. В ходе перечисленных боестолкновений правительственная армия понесла значительные потери убитыми, ранеными и пленными; многие военнослужащие дезертировали.

АНДРЕЙ КОРОТАЕВ,
АЛИНА ХОХЛОВА

МАЛИ: РЕВОЛЮЦИОННОЕ
ДЕСЯТИЛИТИЕ ПОСЛЕ
«АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Резкое ослабление государственной организации и связанные с ним затяжные внутренние конфликты создают идеальные условия для развертывания террористической активности. «Арабская весна» здесь не стала исключением.

Неудачи в борьбе с северными повстанцами, подкрепляемые расширяющейся экспансией радикальных исламистов, привели к государственному перевороту в Бамако, о котором речь пойдет ниже. За десять недель наступления сепаратисты взяли под контроль весь север и часть центра Мали, включая города Кидаль, Тимбукту и Гао. В апреле 2012 года они объявили о создании государства Азавад¹⁵. Следует подчеркнуть, что этот успех был обусловлен общим подъемом исламизма в Северной Африке, который в свою очередь подстегнули события 1990-х в Алжире и «арабской весны» 2011 года¹⁶. Стоит также отметить, что в начале 2012-го на малийском севере радикальные исламисты выступили единым фронтом с туарегскими националистами – это в немалой степени обусловило успех их совместного натиска.

13 *Tuareg Rebels Attack Mali Town of Kidal* // Al Jazeera. 2012. February 6 (www.aljazeera.com/news/2012/2/6/tuareg-rebels-attack-mali-town-of-kidal).

14 THURSTON A., LEBOVICH A. *A Handbook on Mali's 2012–2013 Crisis*. Evanston: Institute for the Study of Islamic Thought in Africa, 2012. P. 12.

15 BRUGUIÈRE P. *Backed by Popular Support, Mali's Islamists Drive Tuareg from Gao* // France24. 2012. June 29; GIRAUD G. *Cinquante ans de tensions dans la sahélo-saharienne* // GALY M. (Ed.). *La guerre au Mali. Comprendre la crise au Sahel et au Sahara. Enjeux et zones d'ombre*. Paris: La Découverte, 2013. P. 27–57; HUCKABEY J.M. *Al-Qaeda in Mali: The Defection Connections* // Orbis. Vol. 57. № 3. P. 467–484.

16 BENJAMINSEN T., BA B. *Why Do Pastoralists in Mali Join Jihadist Groups? A Political Ecological Explanation* // The Journal of Peasant Studies. 2019. Vol. 46. № 1. P. 6.

ИСЛАМИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В АЗАВАДЕ И ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В БАМАКО

Однако вскоре интересы ополченцев-националистов и радикалов-исламистов разошлись: если первые ограничивались желанием провозгласить в северных районах Мали независимое государство, то вторые хотели утвердить исламское правление не только на всей территории этой страны, но и в соседних государствах. Несовпадение взглядов и целей обернулось исламистской революцией в Азаваде, состоявшейся в июне 2012 года. Бои между северными ополченцами и исламистскими формированиями быстро выявили превосходство джихадистов: именно они, а не малийская армия, сыграли решающую роль в последующем разгроме сепаратистов малийского севера. Важно отметить, что изначальный союз НДОА с исламистами делегитимировал туарегское движение в глазах как западных государств, так и международного сообщества. В результате 20 февраля 2014 года правительство Мали и северные националисты подписали очередное мирное соглашение; в этом документе НДОА отказывалось от намерения добиваться независимости региона.

Между тем, разгромив туарегских ополченцев, исламисты в начале января 2013 года развернули стремительное наступление на юг Мали, что вынудило временного президента Дионкунду Траоре обратиться за помощью к Франции. В ответ французское руководство санкционировало операцию «Серваль», перебросив в Мали 4000 военнослужащих и значительное количество военной техники, что помогло малийской армии остановить исламистскую атаку на город Кона и перейти в контрнаступление¹⁷. В том же месяце военную помощь Бамако начали оказывать Нигерия, Буркина-Фасо и Экономическое сообщество западноафриканских стран – ЭКОВАС¹⁸. 25 апреля 2013 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию 2100 об учреждении Многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации в Мали, призванной содействовать борьбе правительства с исламистскими и националистическими ополчениями¹⁹. Но, хотя до конца того же года у исламистов были отбиты почти все города малийского севера, сопротивление радикалов постепенно переросло в масштабную партизанскую войну, которая продолжается и по сей день.

Если северный сепаратизм был взят малийским правительством под контроль, то радикальный исламизм до сих пор оста-

17 HANNE O. (Ed.). *Mali, une paix à gagner. Analyses et témoignages sur l'opération Serval*. Lavauzelle: Panazol, 2014.

18 АКРАСОМ Y., ЛОТЦЕ W. *The Shift to Stabilization Operations: Considerations for African Peace Support Operations* // Conflict Trends. 2014. № 2. P. 18–25.

19 GAUTHIER VELA V. *MINUSMA and the Militarization of UN Peacekeeping* // International Peacekeeping. 2021. Vol. 28. № 5. P. 838–863.

ется для страны главным фактором дестабилизации. По состоянию на 2022 год в Мали действовали десятки исламистских группировок, связанных с «Аль-Каидой», среди которых стоит выделить «Аль-Каиду в странах исламского Магриба» и ее ответвление «Джамаат Нусрат аль-Ислам ва-л-Муслимин», образовавшееся в 2017-м в результате слияния радикальных исламистских группировок «Аль-Мурабитун», «Катибат Масина» и «Ансар ад-Дин»²⁰. С 2012 года исламисты осуществили десятки партизанских и террористических актов против малийских военных и гражданских лиц, из-за чего погибли тысячи людей²¹.

«Исламское государство» начало действовать в Мали, как и в Сахеле в целом, через свое отделение «Исламское государство в Большой Сахаре» (ИГБС), появившееся после того, как в 2015 году часть членов «Аль-Мурабитун» присягнула на верность «халифу» Абу Бакру аль-Багдади. Боевики изначально выбрали в качестве своей базы окрестности города Гао на севере Мали, где их ряды значительно пополнились сочувствующими из числа местных жителей. Особую популярность ИГБС приобрело среди представителей народа фульбе, которых боевики пообещали защищать от туарегских набегов²². На протяжении уже нескольких лет исламисты уверенно держат в своих руках регион Липтако-Гурма, расположенный на стыке границ Мали, Нигера и Буркина-Фасо²³. Начиная с 2015 года и на протяжении четырех лет прокси-формирования «Аль-Каиды» и ИГ, ведущие совместную вооруженную борьбу против малийских и французских подразделений, сосуществовали в относительном мире друг с другом. (Это явление исследователи называют «сахельской аномалией» или «сахельским исключением»²⁴.) Однако «джихадистская идиллия» закончилась в 2019 году, когда между «Джамаат Нусрат аль-Ислам ва-л-Муслимин» и ИГБС вспыхнул конфликт; в апреле 2020-го на подконтрольной джихадистам территории шли настоящие бои между соперничаю-

**АНДРЕЙ КОРОТАЕВ,
АЛИНА ХОХЛОВА**

МАЛИ: РЕВОЛЮЦИОННОЕ
ДЕСЯТИЛИТИЕ ПОСЛЕ
«АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

- 20** LEWIS-STEMPEL J. *France's African Forever War* // UnHerd. 2020. July 31 (<https://unherd.com/2020/07/frances-african-forever-war/>); NSAIBIA H. *The Conflict between Al-Qaeda and the Islamic State in the Sahel, A Year on* // Italian Institute for International Political Studies. 2021. March 3 (www.ispionline.it/en/publicazione/conflict-between-al-qaeda-and-islamic-state-sahel-year-29305); RAINERI L. *Explaining the Rise of Jihadism in Africa: The Crucial Case of the Islamic State of the Greater Sahara* // *Terrorism and Political Violence*. 2022. Vol. 34. № 8. P. 1632–1646.
- 21** BALDARO E., SEYDOU Y.D. *The End of the Sahelian Exception: Al-Qaeda and Islamic State Clash in Central Mali* // *The International Spectator*. 2020. Vol. 55. № 4. P. 69–83; ZIMMERMAN K. *Salafi-Jihadi Ecosystem in the Sahel*. Washington, DC: American Enterprise Institute, 2020.
- 22** PELLERIN M. *Armed Violence in the Sahara. Are We Moving from Jihadism to Insurgency?* Paris: Institut Français de Relations Internationales, 2019.
- 23** RAINERI L. *Op. cit.*; NSAIBIA H. *Op. cit.*
- 24** BALDARO E., SEYDOU Y.D. *Op. cit.*; NSAIBIA H., WEISS C. *The End of the Sahelian Anomaly: How the Global Conflict between the Islamic State and al-Qaida Finally Came to West Africa* // CTC Sentinel. 2020. Vol. 13. № 7. P. 1–14.

щими группировками, в ходе которых были убиты около тысячи боевиков²⁵.

Между тем недееспособность малийского правительства, ставшая очевидной в январе–марте 2012 года, спровоцировала недовольство в армии, в конечном счете вылившееся в военный переворот. 21 марта группа военных, возглавляемая капитаном Амаду Саного, захватила президентский дворец и телевидение, вынудив президента Амаду Тумани Туре уйти в отставку. Путчисты учредили «Национальный комитет восстановления демократии и восстановления государства» (Comité national pour le redressement de la démocratie et la restauration de l'État) под председательством руководившего переворотом Саного. По заявлениям этого органа, его приоритетной целью было восстановление стабильности и порядка. В течение марта 2012 года в Бамако попеременно проходили демонстрации, участники которых либо осуждали переворот, либо одобряли его²⁶. Впрочем, дальнейшие события показали, что идея передачи власти военным в кризисные периоды все же пользуется в Мали массовой поддержкой, с каждым очередным потрясением становясь все более популярной.

Тем не менее международное сообщество в лице западных стран и международных организаций не только осудило смену власти в Мали, но и попыталось организовать давление на путчистов, вынуждая их отказаться от власти. Уже 27 марта 2012 года ЭКОВАС ввело санкции в отношении страны, закрыло границы с ней и заморозило все ее банковские счета; лидеры западноафриканского блока потребовали от захвативших власть военных уйти до 6 апреля. Результатом этого давления стало рамочное соглашение о возвращении к гражданскому правлению, которое было подписано представителями нового режима и ЭКОВАС при посредничестве президента Буркина-Фасо. В соответствии с этим документом спикер Национальной ассамблеи Дионкунда Траоре был назначен временным президентом, под эгидой которого предполагалось сформировать временное правительство. Несмотря на то, что новый кабинет приступил к работе 25 апреля, наблюдатели по-прежнему считали Саного «настоящим» главой государства. Квазиреволюционные события 2012 года обнажили все недостатки свергнутого режима: его фасадная демократизация скрывала за собой резкий дисбаланс между центром и периферией, ухудшение гуманитарной ситуации, отсутствие верховенства права и дефицит легитимности, а также военную несостоятельность.

25 DIENG M. *The Multi-National Joint Task Force and the G5 Sahel Joint Force: The Limits of Military Capacity-Building Efforts* // *Contemporary Security Policy*. 2019. Vol. 40. № 4. P. 481–501; BALDARO E., SEYDOU Y.D. *Op. cit.*; BERE M. *Armed Rebellion, Violent Extremism, and the Challenges of International Intervention in Mali* // *African Conflict and Peacebuilding Review*. 2017. Vol. 7. № 2. P. 60–84.

26 *Mali Protesters Seek to Return to Order after Coup* // *George Herald*. 2012. March 26 (www.georgeherald.com/News/Article/International/mali-protesters-seek-return-to-order-after-coup-20170711).

В мае 2012 года тысячи малийцев снова вышли на улицы; на манифестациях звучали призывы «Долой ЭКОВАС!» и «Долой Дионкунду!»²⁷ – иначе говоря, люди требовали восстановить в полном объеме власть Саного и армии. Дело дошло до того, что демонстранты, недовольные назначением Траоре временным главой государства, ворвались в президентский кабинет, «схватили его за воротник и били по голове до потери сознания»²⁸. Инцидент произошел на следующий день после того, как ЭКОВАС заключило сделку с военными, по условиям которой Саного предоставлялись статус бывшего главы государства, а также государственная пенсия, жилье и автомобиль – в обмен на то, что Траоре останется временно исполняющим обязанности президента на год.

АНДРЕЙ КОРОТАЕВ,
АЛИНА ХОХЛОВА

МАЛИ: РЕВОЛЮЦИОННОЕ
ДЕСЯТИЛИТИЕ ПОСЛЕ
«АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Идея передачи власти военным в кризисные периоды пользуется в Мали массовой поддержкой, с каждым очередным потрясением становясь все более популярной.

Президентство Ибрагима Бубакара Кейты и куволюция 2020 года

По результатам президентских выборов 2013 года, подготовленных и проведенных переходным правительством, к власти пришел Ибрагим Бубакар Кейта. Этот 68-летний политик был довольно известным государственным деятелем: в конце 1990-х он исполнял обязанности премьер-министра, а в первой декаде 2000-х дважды – в 2002-м и 2007 годах – участвовал в президентских выборах²⁹. Третья попытка Кейты выиграть президентскую гонку оказалась успешной отчасти из-за той поддержки, которую ему оказали влиятельные исламистские лидеры, включая имама Махмуда Дико, а также военная верхушка, включая лидеров переворота 2012 года³⁰. Таким образом, революционные события 2012–2013 годов не привели к обновлению политической элиты: у власти вновь оказался карьерный политик, принадлежавший к высшему эшелону малийского истеблишмента.

27 *Mali President Traore Beaten Up by Protesters* // BBC News. 2012. May 21 (www.bbc.com/news/world-africa-17591322).

28 *Mali Interim President Injured in Attack* // Al Jazeera. 2012. May 22 (www.aljazeera.com/news/2012/5/22/mali-interim-president-injured-in-attack).

29 *Ibrahim Boubacar Keita Wins Mali Presidential Election* // BBC News. 2013. August 13 (www.bbc.com/news/world-africa-23677124).

30 THURSTON A. *Towards an "Islamic Republic of Mali"?* // The Fletcher Forum of World Affairs. 2013. Vol. 37. № 2. P. 45–66.

АНДРЕЙ КОРОТАЕВ,
АЛИНА ХОХЛОВА

МАЛИ: РЕВОЛЮЦИОННОЕ
ДЕСЯТИЛИТИЕ ПОСЛЕ
«АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

По мнению некоторых экспертов, режим Кейты был одним из худших за шесть десятилетий независимой истории Мали. Специалисты отмечали, что он не смог решить ни одной из застарелых проблем³¹, включая диверсификацию национальной экономики, которая более, чем на 80%, зависит от сырьевого экспорта³². Хотя на момент прихода Кейты к власти малийская армия, опираясь на помощь французских, африканских и международных сил, смогла восстановить власть над большей частью территории, оккупированной исламистами и туарегскими националистами, через несколько лет ситуация снова вышла из-под контроля³³. Более того, положение дел стало еще хуже, чем прежде: зона активности джихадистов расширилась с северных районов Мали до центра республики; к 2020 году, по некоторым оценкам, только треть страны находилась под реальным контролем правительства³⁴.

Помимо военных потерь, правление Кейты было отмечено широчайшим распространением коррупции, nepotизма и кумовства. Например, сын президента Карим Кейта, назначенный главой Комитета национальной обороны, тратил средства вверенного ему ведомства, по данным журналистских расследований, на свои личные нужды. Летом 2020 года кадры, запечатлевшие роскошный отпуск Кейты-младшего на яхте, появились в социальных сетях, вызвав возмущение малийцев, многие из которых едва сводят концы с концами³⁵. Более того, международное сообщество подозревает Кейту-младшего в причастности к исчезновению журналиста газеты «Le Sphinx» Бирамы Туре, который расследовал аферы президентского сына³⁶. В президентство Кейты, продолжавшееся с 2013-го по 2020 год, бесхозяйственность, казнокрадство и дурное правление привели к фактическому краху образования, здравоохранения и правосудия. Дополняя список национальных несчастий, стихийные бедствия вкупе с боевыми действиями спровоцировали массовый голод. Свой вклад в социально-экономическую деградацию внесла и пандемия коронавируса; в ходе августовской революции 2020 года администрацию президента прямо обвиняли в деградации экономики из-за введенных в Мали санитарных огра-

31 MORGAN A. *Democracy versus the People: Mali Has Seen a Government Coup Following Escalating Protests* // Index on Censorship. 2020. Vol. 49. № 4. P. 42–45.

32 WRÓBLEWSKA A. *Mali's Cotton Industry: Come Rain or Come Shine* // AFK Insider. 2015. February 16 (<https://moguldom.com/87714/malis-cotton-industry-come-rain-come-shine/>).

33 DEVERMONT J. *Politics at the Heart of the Crisis in the Sahel*. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, 2019.

34 *Thousands of Protesters Call for Resignation of Mali President* // BBC News. 2020. June 19 (www.bbc.com/news/world-africa-53117095).

35 DANIEL S. *Karim Keita: Mali's Fallen Princeling* // Barron's. 2021. July 9 (www.barrons.com/news/karim-keita-mali-s-fallen-princeling-01625840107).

36 *Karim Keita, fils de l'ex-président malien, visé par un mandat d'arrêt international* // Le Temps. 2021. July 9 (www.letemps.ch/monde/karim-keita-fils-lexpresident-malien-vise-un-mandat-darret-international).

ничений³⁷. Впрочем, в 2018 году всесторонний кризис, пока еще не усугубленный распространением смертоносной инфекции, не помешал Кейте баллотироваться на второй срок. Массовые протесты в Бамако начались еще до президентских выборов, состоявшихся в июле 2018-го, но после второго тура, в котором инкубент взял верх, антиправительственные демонстрации стали по-настоящему массовыми – и властям пришлось применить силу³⁸. В тот период Кейта смог удержаться у власти.

Малийские события 2020–2021 годов также могут быть проанализированы с точки зрения третьей революционной волны XXI века³⁹, начавшейся в 2018-м и продолжающейся в 2020-е, а следовательно, в целом совпадающей с логикой общественно-политических перемен в регионе и мире. Эти события можно классифицировать как продолжение «арабской весны», хотя у них есть и некоторые уникальные особенности. К числу последних, в частности, можно отнести требования сильной, эффективной и некоррупцированной политической власти, отличные от требований демократизации, звучавших во время массовой мобилизации 2011–2012 годов⁴⁰.

Остановимся теперь на хронологии последних революционных событий в Мали. 29 марта 2020 года в стране прошли парламентские выборы. Первоначально они планировались на 25 ноября 2018-го, но потом несколько раз переносились: на апрель 2019-го, июнь 2019-го и, наконец, на 2020-й. Сам перенос даты голосования послужил триггером лавинообразного нарастания недовольства оппозиционных групп⁴¹ – в ряду многих других факторов, которые будут упомянуты ниже. Далее, после второго тура выборов Конституционный суд Мали отменил их результаты, оглашенные 30 апреля 2020 года, а именно победу трех десятков выдвиненцев от оппозиционных партий, а также поражение кандидатов, поддержанных президентом. Из-за этого судебного решения политическая партия президента Кейты «Объединение за Мали» получила десять дополнительных мест в Национальной ассамблее, что сделало ее

**АНДРЕЙ КОРОТАЕВ,
АЛИНА ХОХЛОВА**

МАЛИ: РЕВОЛЮЦИОННОЕ
ДЕСЯТИЛИТИЕ ПОСЛЕ
«АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

37 DIALL Y.S. *The Effects of COVID-19 on the Situation in Mali* // Accord. 2020. September 30 (www.accord.org/za/analysis/the-effects-of-covid-19-on-the-situation-in-mali/); MELLY P. *The Mali Crisis: Security, Democracy, and Protest in the Sahel* // SAIS Revue of International Affairs. 2020. Vol. 40. № 2. P. 79–80.

38 *Security Forces in Mali Brutally Break up Demonstration* // IFEX. 2018. November 29 (<https://ifex.org/security-forces-in-mali-brutally-break-up-demonstration/>).

39 GOLDSTONE J.A., GRININ L., KOROTAYEV A. *Introduction. Changing Yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events* // ИДЕМ (Eds.). *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer, 2022. P. 1–34; Голдстоун Д.А., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. *Волны революций XXI столетия* // Полис. 2022. № 4. С. 108–119.

40 См., например: ISSAЕV L., KOROTAYEV A. (Eds.). *New Wave of Revolutions in the MENA Region: A Comparative Perspective*. Cham: Springer, 2022.

41 *Mali: adoption d'un projet de loi prolongeant le mandat des députés jusqu'en 2020* // Jeune Afrique. 2020. 1 juin (www.jeuneafrique.com/786365/politique/mali-adoption-dun-projet-de-loi-prolongeant-le-mandat-des-deputes-jusqua-2020/).

фракцию крупнейшей. Кроме того, по соображениям безопасности в ходе выборов остались закрытыми более 270 избирательных участков, что лишило значительную часть населения возможности проголосовать. Отмечается, что явка на выборах составила менее 40% по стране и всего 12% в столице⁴².

Дополнительную роль в протестной мобилизации 2020 года сыграла и пандемия COVID-19. Экономическая ситуация в стране ухудшалась, но президент не предпринимал никаких серьезных мер по стимулированию деловой активности, ограничиваясь лишь введением все более строгих ограничений. Более того, о первом случае заболевания в Мали было объявлено всего за день до голосования, 29 марта, в чем наблюдатели усмотрели нежелание правительства заниматься этой серьезнейшей проблемой⁴³. Масла в огонь подлил и скандал с похищением за три дня до выборов 70-летнего лидера оппозиции Сумайла Сиссе: политик оставался в плену у исламистов до октября 2020 года, причем власти не сочли необходимым прерывать из-за этого предвыборную кампанию⁴⁴.

Впрочем, несмотря на наличие сразу нескольких факторов протестной мобилизации, именно нечестные и фальсифицированные парламентские выборы послужили главным катализатором возмущения⁴⁵. Поправление демократических процедур вкупе с социально-экономическими неурядицами сильно подорвали позиции Кейты: несмотря на номинальную победу его партии, уже через месяц после выборов в Бамако прошли демонстрации, на которых протестующие потребовали отставки президента. Одним из лидеров оппозиции был харизматичный «народный» имам Махмуд Дико, который первоначально поддерживал Кейту, но потом изменил свое мнение о нем⁴⁶. Этот деятель, получивший образование в Исламском университете Медины, стремился примирить малийский север и юг, поддерживая ради этого контакты с северными исламистскими ополчениями⁴⁷. Возглавляемая им «Координация движений, ассоциаций и сочувствующих»

42 *Elections Continue in Mali Despite Virus, Violence Fears* // Voice of America. 2020. April 19 (www.voanews.com/a/africa_elections-continue-mali-despite-virus-violence-fears/6187825.html).

43 GOLUBSKI C., SCHAEFFER A. *Africa in the News: Impacts of COVID-19 on African Economies and Elections Updates* // Brookings. 2020. April 4 (www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2020/04/04/africa-in-the-news-impacts-of-covid-19-on-african-economies-and-elections-updates/).

44 AKINWOTU E. *Kidnapped Mali Politician and French Aid Worker Freed* // The Guardian. 2020. October 6 (www.theguardian.com/world/2020/oct/06/kidnapped-mali-politician-and-french-aid-worker-freed).

45 DUHAMEL S. *Crise politique au Mali: les raisons de la colère* // Tv5monde.com. 2020. 23 juil (<https://information.tv5monde.com/video/crise-politique-au-mali-les-raisons-de-la-colere>); DIALLLO A. *Mali: Moussa Timbiné, du syndicalisme au perchoir, parcours d'un fidèle d'IBK* // Jeune Afrique. 2020. 20 mai (www.jeuneafrique.com/972689/politique/mali-moussa-timbine-du-syndicalisme-au-perchoir-parcours-dun-fidele-dibk/).

46 *Thousands of Protesters Call for Resignation of Mali President* // BBC News. 2020. June 19 (www.bbc.com/news/world-africa-53117095); *Tens of Thousands Protest in Mali Amid Growing Opposition to Keita Presidency* // The New York Times. 2020. June 19 (www.nytimes.com/2020/06/19/world/africa/mali-protests-keita.html).

47 THOMAS-JOHNSON A. *Mahmoud Dicko: The "People's Imam" Challenging Mali's Keita* // Al Jazeera. 2020. July 20 (www.aljazeera.com/news/2020/7/20/mahmoud-dicko-the-peoples-imam-challenging-malis-keita).

(La Coordination des mouvements, associations et sympathisants) сделалась важной силой, организовавшей антипрезидентские протесты 2020 года.

С мая 2020 года по всей стране и прежде всего в крупных городах проходили мирные антиправительственные демонстрации. В начале июня власти попытались запретить протестные акции, но тем не менее манифестация, намеченная на 5 июня, собрала в столице и других городах десятки тысяч граждан⁴⁸. Недовольство политикой президента объединило военных, причастных к перевороту 2012 года, бывших чиновников, служивших в администрации президента Кейты, а также религиозных деятелей. После этой акции различные сегменты объединилась в «Движение 5 июня – Объединение патриотических сил» (Mouvement du 5 Juin – Rassemblement des Forces Patriotiques), фактическим лидером которого был имам Дико⁴⁹. Новый блок выступал против торможения реформ, неэффективности государственных служб, присутствия в стране французских войск. После первой масштабной акции Кейта предпринял попытку пойти на уступки, включавшие формирование нового правительства с участием протестующих, но оппозиционеров это не устроило: их альянс потребовал безоговорочной отставки главы государства⁵⁰.

Спустя две недели, 19 июня, на площади Независимости в Бамако вспыхнули новые протесты, в которых снова участвовали десятки тысяч человек. Свидетелями акций протеста стали наблюдатели от ЭКОВАС, которые прибыли в страну для налаживания диалога между противоборствующими сторонами. В ходе акции оппозиционеры призывали своих сторонников к гражданскому неповиновению. Еще через месяц протесты начали переходить в насильственную фазу. Президент Кейта попытался снизить градус противостояния, объявив 9 июля, накануне очередной пятничной демонстрации, о роспуске Конституционного суда, прошлой весной фактически санкционировавшего фальсификацию парламентских выборов. Однако прием не сработал; более того, 10–12 июля впервые за все время протестов на улицах погибли люди: одиннадцать человек были убиты, более 120 получили ранения⁵¹. Демонстранты подожгли здание

**АНДРЕЙ КОРОТАЕВ,
АЛИНА ХОХЛОВА**

МАЛИ: РЕВОЛЮЦИОННОЕ
ДЕСЯТИЛИТИЕ ПОСЛЕ
«АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

48 *Mali's Deepening Crisis: Key Questions Answered* // Al Jazeera. 2020. June 25 (www.aljazeera.com/news/2020/6/25/malis-deepening-crisis-key-questions-answered).

49 SLIM H. *Electoral Process in Africa: The Impact of COVID-19 and Challenges for the EU* // European View. 2020. Vol. 19. № 2. P. 214.

50 *Thousands of Protesters Demand Mali President Step Down* // Reuters. 2020. June 19 (www.reuters.com/article/us-mali-politics-protests-idUSKBN23Q334).

51 *Anti-Government Protests Resume in Mali after Weeks-Long Pause* // Al Jazeera. 2020. August 11 (www.aljazeera.com/news/2020/8/11/anti-govt-protests-resume-in-mali-after-weeks-long-pause); *Mali: Protest Organizers Postpone Bamako March Planned for July 17* // Garda World. 2020. July 16 (www.garda.com/crisis24/news-alerts/360351/mali-protest-organizers-postpone-bamako-march-planned-for-july-17-update-2).

АНДРЕЙ КОРОТАЕВ,
АЛИНА ХОХЛОВА

МАЛИ: РЕВОЛЮЦИОННОЕ
ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПОСЛЕ
«АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Национальной ассамблеи Мали⁵², заняли несколько других правительственных учреждений и заблокировали столичные магистрали. Сразу же после этих беспорядков власти арестовали нескольких оппозиционных лидеров, включая бывших министров. В знак солидарности с арестованными имам Дико сдался полиции добровольно⁵³. Насилие в Мали было осуждено Африканским союзом, а также ООН и ЕС. После месячного перерыва, 11 августа, беспорядки возобновились с новой силой: оппозиционные группы настаивали на реальных переменах. Акция прошла вопреки просьбам представителей ЭКОВАС воздержаться от ее проведения. «Демонстрации сами по себе не решают проблем», – заявил на пресс-конференции бывший президент Нигерии и посредник от ЭКОВАС Гудлак Джонатан, добавив, что представители оппозиции должны вступить в диалог с правительством⁵⁴. Однако уже на следующий день, 12 августа, протесты продолжились, причем остановить их не смогли ни водометы, ни слезоточивый газ, примененные полицией. 17 августа лидеры оппозиции заявили, что уличные акции отныне будут проводиться каждый день – до тех пор, пока Кейта не уйдет в отставку⁵⁵. Декорации для нового переворота были расставлены.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 2021 ГОДА

18 августа 2020 года президент Ибрагим Бубакар Кейта и премьер-министр Бубу Сиссе были арестованы мятежными спецназовцами, которых возглавил полковник Ассими Гойта. На следующий день Кейта распустил парламент и объявил о своей отставке, заявив, что не хочет сохранять власть ценой кровопролития. Представители нового руководства, назвавшие себя «Национальным комитетом спасения народа» (Comité national pour le salut du peuple), выступили по телевидению: по их словам, смещение прежнего руководства было оправдано годами дурного правления, коррупции, ухудшения безопасности. Злоупотребления прежнего режима, говорили они, уничтожили всякую возможность развития «того немногого, что осталось от этой прекрасной страны»⁵⁶.

52 DIALLO T., KONTAO F. *Mali Police Fire Gunshots and Tear Gas to Disperse Protesters* // Reuters. 2020. July 10 (www.reuters.com/article/us-mali-politics-idUSKBN24B2M9).

53 *Ongoing Media Freedom Violations during Mali Unrest* // IFEX. 2020. July 14 (<https://ifex.org/ongoing-media-freedom-violations-during-mali-unrest/>).

54 *Mali's Keita Resigns as President after Military Coup* // Al Jazeera. 2020. August 19 (www.aljazeera.com/news/2020/8/19/mali-keita-resigns-as-president-after-military-coup).

55 *Au Mali, l'opposition annonce de nouvelles manifestations contre le président Keita* // Le Monde. 2020. 18 août (www.lemonde.fr/afrique/article/2020/08/18/au-mali-l-opposition-annonce-de-nouvelles-manifestations-contre-le-president-keita_6049211_3212.html).

56 *Tens of Thousands Protest in Mali amid Growing Opposition to Keita Presidency* // The New York Times. 2020. June 19 (www.nytimes.com/2020/06/19/world/africa/mali-protests-keita.html).

В то время как на улицах Бамако государственный переворот был встречен с ликованием, его предсказуемо осудили внешние акторы в лице ЭКОВАС, Африканского союза, Франции и ЕС в целом, потребовавшие немедленного освобождения свергнутого президента. Более того, Совет Безопасности ООН созвал экстренное заседание, по итогам которого была принята резолюция, осуждающая переворот⁵⁷. Обеспокоенность Франции и ее союзников как в Африке, так и за ее пределами, еще более усугублял тот факт, что с 2013 года они вложили в Мали огромные ресурсы, видя гарантию сохранения этих инвестиций именно в режиме Кейты. Приход к власти военного правительства, подозреваемого в связях с Россией⁵⁸, не мог не встревожить традиционных партнеров Мали.

25 сентября 2020 года коллегия из семнадцати человек, включая Гойту, назначила бывшего министра обороны Ба Н'Дау новым президентом страны. Это решение было поддержано оппозицией, включая представителей «Движения 5 июня». Вступая в должность, Н'Дау пообещал, что будет бороться с коррупцией и фальсификацией выборов, а также соблюдать прежние международные соглашения. Он подчеркнул, что продолжит противостоять террористическим силам и предотвращать жестокое обращение с гражданскими лицами со стороны малийских вооруженных сил⁵⁹. Н'Дау был явно компромиссной фигурой: будучи военным в отставке, он имел тесные контакты с армией, а в качестве гражданского лица устраивал ЭКОВАС, Африканский союз и других внешних акторов, с подозрением относившихся к военным у власти. Предполагалось, что новый лидер станет подставным лицом, выполняющим приказы армейского руководства; схема косвенного управления была задействована из-за того, что Гойта, являясь кадровым офицером, не желал в случае самоличного занятия президентского поста лишиться раз раздражать Запад. Тем не менее создать сбалансированную систему организаторы путча не смогли: Н'Дау почти сразу начал выступать против вице-президента Гойты и министра обороны Садио Камары⁶⁰. В результате наметился внутриэлитный конфликт, в котором президент Н'Дау и премьер-министр Уан ориентировались на Францию, а вице-президент Гойта и министр обороны Камара – на Россию.

57 ROBERT A. *Au Mali, coup d'État dans un pays sans État* // Le Monde Diplomatique. 2020. № 10. P. 4–5 (www.monde-diplomatique.fr/2020/10/ROBERT/62316).

58 RAMANI S. *Why Russia Is the Geopolitical Winner in Mali's Coup?* // Foreign Policy Research Institute. 2020. September 16 (www.fpri.org/article/2020/09/why-russia-is-a-geopolitical-winner-in-malis-coup/); SLASKI B. *Quelles réalités et intentions derrière les avancées russes en Afrique du Nord?* // Revue Défense Nationale. 2018. Vol. 806. № 1. P. 101–105.

59 Mali: *Who Is Bah N'Daw, the New Transitional President?* // The Africa Report. 2020. September 25 (www.theafricareport.com/43146/mali-who-is-bah-ndaw-the-new-transitional-president/).

60 WING S. *Another Coup in Mali? Here Is What You Need to Know* // The Washington Post. 2021. May 28 (www.washingtonpost.com/politics/2021/05/28/another-coup-mali-heres-what-you-need-know/).

АНДРЕЙ КОРОТАЕВ,
АЛИНА ХОХЛОВА

МАЛИ: РЕВОЛЮЦИОННОЕ
ДЕСЯТИЛИТИЕ ПОСЛЕ
«АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

АНДРЕЙ КОРОТАЕВ,
АЛИНА ХОХЛОВА

МАЛИ: РЕВОЛЮЦИОННОЕ
ДЕСЯТИЛИТИЕ ПОСЛЕ
«АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

24 мая 2021 года президент и премьер-министр были задержаны военными и доставлены на военную базу неподалеку от столицы, где спустя два дня И'Дау объявил об уходе в отставку. В свою очередь вице-президент Гойта в телеобращении к нации сообщил гражданам, что прежнее руководство лишилось полномочий из-за своего намерения саботировать передачу власти демократически избранному правительству⁶¹. Кроме того, Гойта уведомил население, что следующие общенациональные выборы пройдут в 2022 году. После отстранения предшественника Гойта сделался президентом страны и главой исполнительной власти; функции же законодательного органа были переданы Национальному переходному совету (Conseil national de la transition), внеконституционному органу, созданному еще в декабре 2020-го и состоящему из десяти профильных комитетов. 28 мая 2021 года Конституционный суд Мали признал Гойту главой государства, что означало фактическое подчинение судебной власти исполнительной власти.

{ Приход к власти военного правительства, подозреваемого в связях с Россией, не мог не встревожить традиционных партнеров Мали.

После переворота 2021 года роль Национального переходного совета резко возросла. Как отмечалось в ходе интервью авторов этого текста с председателем комитета Совета по международным делам Сидики Коне, состоявшегося 18 октября 2021 года, члены комитета предпочитали называть себя «технократами, а не политиками». В центре их внимания, по словам нашего собеседника, были так называемые «Национальные консультации по изменению основ» (Les assises nationales de refondation), в ходе которых предполагалось разработать новую Конституцию Мали. Согласно имевшимся на тот момент планам, эта платформа, которую некоторые даже называли «учредительным собранием», должна была включить представителей всех административных единиц страны.

Стоит отметить, что механизмы формирования Национального переходного совета и «Национальных консультаций» отличались крайней непрозрачностью; сколько-нибудь четкие и понятные правила введения граждан в их состав просто отсутствовали, что превращало их в объекты манипуляций, иницируемых президентской администрацией. Как бы то ни было, в декабре 2021 года состоялись общенациональные дебаты о том, как лучше переустроить государство. Ими был охвачен 51 округ

61 *Mali: Leader of 2020 Coup Takes Power after President's Arrest* // The Guardian. 2021. May 25 (www.theguardian.com/world/2021/may/24/mali-president-prime-minister-and-defence-minister-arrested-sources-say).

из 60, поскольку на севере страны организовать дискуссию не позволила сохранявшаяся исламистская угроза. Одновременно дебаты прошли в 26 посольствах Мали за рубежом. В целом в процессе обсуждения затрагивались тринадцать базовых тем – от экономики и политики до культуры и безопасности. Заключительный этап «Национальных консультаций» проходил 27–30 декабря в столице Мали под председательством президента Гойты. На прошедших тогда встречах присутствовали более полутора тысяч участников, которые в совокупности одобрили 534 резолюции. По замыслу организаторов, реализация принятых документов позволит Мали провести необходимые политические, институциональные, экономические и прочие реформы⁶².

Одной из главных задач, стоявших перед новой администрацией Мали, было реформирование избирательной системы, поскольку международное сообщество после августовского переворота 2020 года продолжало настаивать на восстановлении гражданского правления, угрожая военным властям дополнительными санкциями. Тем не менее часть малийских элит не видела нужды в выполнении настоящих международных организаций, согласно которым новому режиму предписывалось взамен на хотя бы частичное признание провести президентские выборы в течение восемнадцати месяцев после переворота. Хотя датой их проведения условно считалось 27 февраля 2022 года, интервью с представителями Национального переходного совета и другими политическими деятелями страны, проведенные нашей исследовательской группой в октябре 2021-го, свидетельствовали, что выборы скорее всего будут организованы позднее. Об этом нам говорили как сторонники режима, так и представители умеренной оппозиции, в частности, экс-президент страны Дионкунда Траоре. Радикальнее всех к этому вопросу подходили члены «Национального комитета спасения народа», предлагавшие отсрочить выборы на три года. Поддерживая тем самым *status quo*, они рассчитывали сохранить собственное влияние, которое в случае скорейшего проведения выборов оказывалось бы под вопросом. Причем санкции со стороны ЭКОВАС и ЕС наших собеседников из «Комитета» не пугали: ради сохранения своей власти они были готовы идти на риск. В конечном счете на заключительном этапе Национальной конференции по возрождению, прошедшем в конце декабря 2021 года, сроки выборов, предлагаемые различными группами, варьировали от полугода до пяти лет⁶³. Как и следовало ожидать, приостановка электорального процесса в январе 2022-го повлекла за со-

АНДРЕЙ КОРОТАЕВ,
АЛИНА ХОХЛОВА

МАЛИ: РЕВОЛЮЦИОННОЕ
ДЕСЯТИЛИТИЕ ПОСЛЕ
«АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

62 BEN AHMED L. *Mali: National Meetings Lead to 534 Resolutions* // Anadolu Agency. 2021. December 30 (www.aa.com.tr/fr/afrique/mali-les-assises-nationales-d%C3%A9bouchent-sur-534-r%C3%A9solutions/2461730).

63 *Mali – Assises nationales de la refondation: ce qu'il faut retenir* // Le Point Afrique. 2021. 31 décembre (www.lepoint.fr/afrique/mali-assises-nationales-de-la-refondation-ce-qu-il-faut-retenir-31-12-2021-2458696_3826.php).

АНДРЕЙ КОРОТАЕВ,
АЛИНА ХОХЛОВА

МАЛИ: РЕВОЛЮЦИОННОЕ
ДЕСЯТИЛИТИЕ ПОСЛЕ
«АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

бой новые санкции ЭКОВАС, включая закрытие сухопутных и воздушных границ с Мали, а также замораживание малийских государственных активов в государственных и коммерческих банках ЭКОВАС⁶⁴.

* * *

События 24 мая 2021 года можно считать классическим переворотом, так как они не сопровождались выраженной массовой мобилизацией. В то же время в более широком контексте в них можно видеть и часть малийской революции 2020–2021 годов, подобно тому, как государственный переворот, совершенный Наполеоном Бонапартом 18 брюмера (9 ноября) 1799 года, следует считать важным событием Французской революции. В то же время малийские события мая 2021 года напоминают и большевистский переворот в России, поскольку в их рамках прошла радикализация революционных требований и оформилось стремление порвать с политическим прошлым.

Некоторые эксперты уже обращали внимание на то, что революция 2021 года в Мали, в отличие от подавляющего большинства городских революций XXI века, отличается отсутствием каких-либо демократических лозунгов⁶⁵. Как отмечает, в частности, Энди Морган, малийские революционеры выступали за порядок, установление контроля над всей национальной территорией и построение более справедливого общества, избавленного от коррупции. По его мнению, события 2020 года в Мали можно рассматривать как восстание против президента, тесно связанного с Францией – малийцы давно подозревали французов во вмешательстве в их внутренние дела ради электорального продвижения дружественных кандидатов. Интересы бывшей метрополии и бывшей колонии на этом этапе разошлись: если простые малийцы нуждались в безопасности, трудоустройстве, образовании, здравоохранении и подотчетности власти, то Францию в основном интересовала борьба с терроризмом и сдерживании миграции. Именно по этой причине среди ключевых пунктов дальнейшего развития, выделенных на заключительном этапе «Национальных консультаций по изменению основ», оказалось «выстраивание нового военного партнерства с державами, способными более эффективно защитить национальный суверенитет» – иначе говоря, налаживание партнерства с Россией⁶⁶. По словам Моргана, сотни тысяч

64 *West Africa Bloc ECOWAS Hits Mali with Sanctions after Poll Delay* // Al Jazeera. 2022. January 9 (www.aljazeera.com/news/2022/1/9/west-africa-bloc-ecowas-hits-mali-with-sanctions-after-poll-delay).

65 MORGAN A. *Op. cit.*

66 *Mali – Assises nationales de la refondation...*

граждан Мали, вышедших летом на улицы, протестуя против коррупции, некомпетентности и продажности демократически избранного правительства Кейты, увидели в армии спасителя страны, которая до 2011 года ассоциировалась с миром, стабильностью, открытостью и африканской демократией⁶⁷. Пришедшие к власти военные пользуются широкой популярностью у молодой части населения, в основном малоимущей.

**АНДРЕЙ КОРОТАЕВ,
АЛИНА ХОХЛОВА**

МАЛИ: РЕВОЛЮЦИОННОЕ
ДЕСЯТИЛИТИЕ ПОСЛЕ
«АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Малийские события мая 2021 года напоминают большевистский переворот в России, поскольку в их рамках прошла радикализация революционных требований и оформилось стремление порвать с политическим прошлым.)

Общей чертой как малийской революции 2020–2021 годов, так и многих других событий последней революционной волны, имевших место в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, остается их связь с «арабской весной». В Алжире, Иордании, Египте и Судане протестующие в последние годы пытались добиться того же, чего им не удалось обеспечить в 2011-м, – хотя, в отличие от протестующих в этих странах, малийские революционеры не требовали демократии. В указанном отношении малийская революция более похожа на недавние революционные события в Ливане и Ираке (а также на тунисскую куволуцию, закончившуюся переворотом 25 июля 2021 года), где революционеры требовали установления сильной, эффективной, некоррупцированной политической власти, настаивая на переходе от диктатуры к демократии.

67 MORGAN A. *Op. cit.* P. 42.

Федерация в Камеруне: тезис, антитезис, синтез*

Андрей Александрович Захаров (р. 1961) – редактор журнала «Неприкосновенный запас», доцент факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ.

Как и в некоторых иных африканских случаях, семена недолговечной камерунской федерации, просуществовавшей с 1961-го по 1972 год, были посеяны еще в колониальные времена. Земли, на которых ныне располагается Республика Камерун, оказались одним из немногих кусочков африканской территории, где во второй половине XIX века удалось закрепиться «второму рейху». Несмотря на то, что архитекторы германской колониальной империи – в частности, глава «Общества германской колонизации» Карл Петерс – страдали чем-то вроде мегаломании, представляя себе под сенью Берлина грандиозное владение, простирающееся от Замбези до Нила, досталось им не так уж и много. Продвигаясь с конца 1860-х вдоль русла реки Вури, немцы за пятнадцать лет обосновались в этих местах достаточно прочно, и Берлинская конференция, проходившая в 1884–1885 годах, подтвердила наличие у них колонии Камерун¹. Три десятилетия немецкого правления запомнились в основном широчайшим использованием подневольного труда чернокожих на каучуковых, какао-вых и банановых плантациях, принадлежавших немецким концессиям. Немцы настолько злоупотребляли этим квазирабством, что даже иные колониальные державы вынуждены были порицать их за подобную экономическую политику. При этом поборники германского империализма оправдывались тем, что племена дуала, с которыми они в основном взаимодействовали на побережье залива Камерун, представляют собой «злейших дикарей на планете»².

Кстати, на рубеже 1870–1880-х вожди дуала неоднократно предлагали свои земли Великобритании, заявляя о своей готовности подчиниться английскому праву и британской короне; более того, у них были для этого серьезные основания, поскольку вплоть до начала 1870-х именно британцы доминировали в импортной и экспортной торговле на камерунском побережье. Однако все эти обращения – последнее поступило в 1882-м, за два года до немецкой аннексии, – оставались без внимания со

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 21-18-00123).

1 О линии, которая оттаивалась Германской империей на Берлинской конференции, включая ее притязания на Камерун, см.: Фергюсон Н. *Империя. Чем современный мир обязан Британии*. М.: АСТ; CORPUS, 2014. С. 320–328.

2 См.: JAMES L. *Empires in the Sun: The Struggle for the Mastery of Africa*. London: Weidenfeld & Nicolson, 2017. P. 113. Дуала, относящиеся к языковой семье банту, в настоящее время составляют 11% населения Камеруна.

стороны Лондона; согласно объяснению, которое местные вожди позже представили обиженному британскому консулу, им пришлось перейти под покровительство германского кайзера только потому, что англичане пренебрегли их просьбами³. Иначе говоря, в Вестминстере просмотрели немецкую опасность, поскольку главной угрозой своим камерунским амбициям считали экспансионизм Франции. Как подчеркивает историк, «никакой особой причины, заставляющей Камерун стать именно германской колонией, не имелось в наличии – просто немцы сделали ход первыми»⁴. В итоге же англичане смогли вернуться в Камерун, причем лишь в паре с французами, через 35 лет и только после краха германской колониальной империи.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ФЕДЕРАЦИЯ В КАМЕРУНЕ:
ТЕЗИС, АНТИТЕЗИС, СИНТЕЗ

ВЕРСАЛЬСКОЕ РАЗДВОЕНИЕ

Несмотря на то, что по решению Лиги Наций, принятому в 1922 году, Великобритании достались целых два Камеруна – Южный и Северный, – а Франция обзавелась только одним Камеруном, французская часть и в территориальном, и в демографическом плане заметно превышала английскую. (Так, по численности населения превосходство было пятикратным.) Интересно, что обе метрополии вынуждены были управлять камерунскими владениями, отступая от собственных административных традиций. Французы, которые со времен своей революции всегда делали ставку на централизм, не могли развернуться здесь в полной мере, ибо Французский Камерун имел статус не обычной колонии, а подмандатной территории. Это означало, что он не подлежал интеграции с прочими владениями колониальной империи Парижа и должен был управляться по особому штату. У англичан, напротив, имелась возможность включить свою часть Камеруна в состав соседней Нигерии, поскольку та была колониальной федерацией – структурой, заведомо предполагающей соседство различных административных форм. (Лондон добился этого права в момент утверждения Лигой Наций его камерунского мандата; согласно сделанному для англичан исключению, им разрешалось «управлять своим Камеруном так, как будто бы он был составной частью Нигерии»⁵, распространяя на эту территорию действие

3 См.: *Cameroon // Encyclopædia Britannica*. London, 1911. Vol. 5. P. 112. Подробнее о перипетиях торгового соперничества между Британией и Германией, закончившегося немецкой аннексией Камеруна, см.: FAN-
SO V.G. *Trade and Supremacy on the Cameroon Coast, 1879–1887 //* НЖЕУМА М. (Ed.). *Introduction to the
History of Cameroon: Nineteenth and Twentieth Centuries*. New York: St. Martin's Press, 1989. P. 63–87.

4 QUINN F.E. *Rain Forest Encounters: The Beti Meet the Germans, 1887–1916 //* НЖЕУМА М. (Ed.). *Op. cit.* P. 88.

5 Подробнее об административной системе Британского Камеруна, а также о том, как она способствовала
вызреванию местного национализма, см.: СНИАВИ Е. *British Administration and Nationalism in the Southern
Cameroons, 1914–1954 //* НЖЕУМА М. (Ed.). *Op. cit.* P. 170–202, цит. по: P. 178.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

ФЕДЕРАЦИЯ В КАМЕРУНЕ:
ТЕЗИС, АНТИТЕЗИС, СИНТЕЗ

нигерийского законодательства. При этом за Лондоном сохранялась обязанность предоставлять в Лигу Наций ежегодный отчет о реализации мандатного режима.) Но в силу утвержденной управленческой схемы Британский Камерун мог войти в нигерийское федеративное образование лишь на правах составной части Восточного региона Нигерии, а не в качестве самостоятельного политического субъекта. Это, по словам канадца Фрэнка Старка – одного из лучших специалистов по политической истории рассматриваемой здесь африканской страны, – породило своеобразный парадокс:

«Французы, признанные централисты, вынуждены были децентрализовать свои отношения с Камеруном, в то время как британцы, обычно тяготевшие к децентрализации, напротив, старались интегрировать свой кусок Камеруна в состав соседней колонии. Разница в управленческих подходах обусловила различия социально-экономических процессов, протекавших в двух подмандатных владениях»⁶.

Английские и французские владения будущей Федеративной Республики Камерун в 1920–1950-е⁷.

Прежде всего сказанное касалось экономики: Франция была вынуждена изрядно вкладываться в «свой» Камерун, стоявший в ее империи как бы особняком, а Великобритания, напротив,

6 STARK F. M. *Federalism in Cameroon: The Shadow and the Reality* // Canadian Journal of African Studies. 1976. Vol. 10. № 3. P. 424.

7 Приводится по изданию: КАМÉ В. Р. *The Anglophone Crisis in Cameroon*. Paris: L'Harmattan, 2018.

была склонна повесить оба «своих» Камеруна на шею нигерийскому Восточному региону, сводя инвестиции в их благосостояние к минимуму. Отмеченный перепад в развитии, за три десятилетия основательно закрепившийся, напомнил о себе во время перехода Камеруна к независимости. Одним из важнейших его проявлений стало то, что экономику Южного Камеруна прочно взяли под контроль нигерийские игбо, известные своей предприимчивостью; их торговцы, вытеснив камерунских бизнесменов, захватили местные рынки, что, безусловно, сказывалось на политических установках камерунцев, живущих под британским мандатом. Современные исследователи отмечают:

«Доминирующие позиции выходцев из племени игбо в экономической и управленческой системе региона глубоко возмущали местное население, а после Второй мировой войны и вовсе спровоцировали взрывоопасную ситуацию, побудив политических деятелей Южного Камеруна к эксплуатации страхов перед “нигерийской опасностью” в интересах собственной националистической борьбы»⁸.

Учитывая это недовольство, британские власти поэтапно повышали значимость региона в рамках Нигерии: в 1954 году его наделили ограниченным самоуправлением, а в 1958-м он получил полноценный статус территории, состоящей в Нигерийской федерации.

Непохожими оказались и пути культурного развития. Бытование на камерунских землях около 250 языков, которые принадлежат к трем языковым семьям из четырех, присутствующих на континенте, делало Камерун уникальным, даже по африканским меркам⁹. Необходимость общаться друг с другом в ситуации невероятного языкового смешения породила потребность в чем-то вроде *lingua franca*, на роль которого еще до прибытия немцев выдвинулся «пиджин инглиш» (*Pidgin English*), распространившийся не только на вовлеченном в международную торговлю побережье, но и во внутренних районах страны. Отмеченное обстоятельство достойно особого упоминания хотя бы потому, что в настоящее время из 16 миллионов камерунцев к «пиджинофонам» (*pidginophones*) относятся около 6 миллионов. Такое положение вещей непосредственным образом сказалось на судьбах будущего камерунского федерализма: в стране, где «местные языки никогда не играли сколько-нибудь серьез-

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

ФЕДЕРАЦИЯ В КАМЕРУНЕ:
ТЕЗИС, АНТИТЕЗИС, СИНТЕЗ

8 KONINGS P., NYAMNJOH F. *Anglophone Secessionist Movements in Cameroon* // VRIES L. DE ET AL. (Eds.). *Secessionism in African Politics: Aspiration, Grievance, Performance, Disenchantment*. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. P. 62.

9 Обстоятельный обзор лингвистической ситуации в Камеруне см. в: ANCHIMBE E.A. *Language Policy and Identity Construction: The Dynamics of Cameroon's Multilingualism*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2013; см. также: Блажевич Ю.С., Куксова Е.Л., Рядинская О.П. *Языковая политика в Камеруне в колониальный и постколониальный периоды* // Научная мысль Кавказа. 2018. № 4. С. 120–125.

ной роли в формировании национальной идентичности»¹⁰, эту функцию приняли на себя два бывших колониальных языка – английский и французский, – между которыми надлежало выстроить особые, тщательно выверенные и взвешенные отношения. Забегая вперед, можно сказать, что с этой задачей Федеративная Республика Камерун 1961–1972 годов не справилась.

{ Решение официально принять двуязычие, базирующееся на языках бывших хозяев, сделало Камерун африканской диковиной.

Свой вклад в формирование будущих лингвистических перекосов внесли и ушедшие колониальные державы. Если при немцах «пиджин инглиш» поощрялся из прагматических соображений (несмотря на то, что в некоторых местах официально преподавался немецкий), то французская колониальная администрация, усердно продвигавшая среди местных жителей культуру метрополии, полностью запретила использование этого синтетического наречия на вверенной ей территории. Британские управленцы, напротив, от навязывания культурно-лингвистической ассимиляции воздерживались, а «пиджин инглиш» циркулировал на опекаемых ими землях наряду со «стандартным» английским. Естественно, за два поколения европейского владычества в Камеруне сложились две различные образовательные системы; это в свою очередь заставило борцов за независимость, которые на рубеже 1950–1960-х годов очень опасались отчуждения англофонов или франкофонов, наделять статусом официальных не местные, а именно европейские языки. Как отмечают специалисты, решение официально принять двуязычие, базирующееся на языках бывших хозяев, сделало Камерун африканской диковиной. При этом в 1952 году лишь менее 10% обитателей Французского Камеруна владели языком метрополии, а в Британском Камеруне аналогичная цифра была еще меньше. Даже к 1973 году английский и французский оставались языками сугубо политических, деловых и культурных элит. Иначе говоря, «большинство граждан официально двуязычного государства не владели ни французским, ни английским, а индивиды-билингвы встречались крайне редко»¹¹. Тем не менее опция двуязычия, будучи официально постулируемой, ко многому обязывала новорожденную нацию. Как будет показано ниже, удержаться в рамках строго соблюдаемого дву-

10 См.: BILOA E., ECHU G. *Cameroon: Official Bilingualism in a Multilingual State* // SIMPSON A. (Ed.). *Language and National Identity in Africa*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 202.

11 TORRENT M. *Diplomacy and Nation Building in Africa: Franco-British Relations and Cameroon at the End of Empire*. London: I.B. Tauris, 2012. P. 4.

язычия освободившееся от европейцев государство не сумело, взрастив довольно редкую для Африки разновидность сепаратизма: сепаратизм языковой, лишенный этнической «подкладки» и выступающий фундаментальной основой идентичности владение одним из европейских(!) языков.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ФЕДЕРАЦИЯ В КАМЕРУНЕ:
ТЕЗИС, АНТИТЕЗИС, СИНТЕЗ

ДРУЖЕСТВЕННОЕ ПОГЛОЩЕНИЕ НАЧИНАЕТСЯ

Вызревание федеративной идеи в Камеруне имело экономические основания, обозначившиеся еще до независимости. Этнические группы, проживавшие по обе стороны колониальной границы, после Второй мировой войны все настойчивее заявляли, что пограничный режим мешает нормальному товарообмену; по мере становления африканского предпринимательского сообщества из этого неудобства сначала родилось требование таможенного союза, а потом и унификации двух частей бывшего немецкого Камеруна. Усилиями торговцев из племени бамилеке эти пожелания в 1948 году были интегрированы в политическую программу «Союза народов Камеруна» (*Union des Populations du Cameroun – UPC*), первой националистической партии, которая возникла на французской территории, выделившись из профсоюзного движения. Идея приобрела популярность и в британской зоне, но там питавшие ее резоны были иного свойства: политическую элиту Южного Камеруна, которую возглавлял харизматичный Эммануэль Эндели, лидер партии «Камерунский национальный конгресс» (*Kamerun National Congress*) – и, добавим, один из двух жителей этой территории, к тому моменту обладавших университетским дипломом¹², – тяготил слишком жесткий контроль со стороны соседней Нигерии. Более того, на первых порах южнокамерунские нотабли увлеклись довольно опасной игрой; словно не замечая риска поглощения, исходившего от амбициозной франкофонной верхушки, они «считали пропаганду воссоединения эффективной стратегией, призванной подтолкнуть британскую колониальную администрацию либо к наделению Британского Камеруна еще большей автономией в рамках нигерийской федерации, либо же к полному его обособлению от Нигерии»¹³. Через несколько лет, однако, объединительный импульс начал ослабевать: с одной стороны, в 1955–1956 годах англоязычные южные камерун-

12 Камерунскую федерацию сконструировала небольшая группа политиков, каждый из которых был, несомненно, яркой личностью со своими достоинствами и недостатками. См. собранные под одной обложкой политические портреты этих людей – среди них упоминаемые в настоящей статье Эммануэль Эндели, Джон Нгу Фонча, Ахмаду Ахиджо, Соломон Танденг Муна и другие: AMADOU J.M. *The Architects of Cameroon's Reunification: A Historical Analysis*. Paris: L'Harmattan, 2020.

13 KONINGS P., NYAMNJOH F. *Op. cit.* P. 63.

цы добились для себя особого статуса в границах Нигерии, что несколько девальвировало в их глазах ценность унификации; с другой стороны, партия UPC, которая энтузиазма отнюдь не растеряла, но, напротив, становилась в своих требованиях все более радикальной и склонной к насилию, в 1955 году была запрещена французскими властями (а в 1957-м и британскими)¹⁴. Заметим, что на этом этапе ни одна из сторон о федеративном союзе еще не помышляла.

Предоставление автономии Южному Камеруну, учреждение там собственных властных институтов и появление институционализированной политической элиты закономерным образом обострили политическую борьбу в британских владениях. У самого Эндели, к тому времени ставшего южнокамерунским премьер-министром, уже не имелось стимулов подталкивать унификацию с франкофонными собратьями, но зато у его оппонентов из числа англоговорящих политиков такие стимулы были. Джон Нгу Фонча, в 1955-м покинувший «партию власти» из-за разногласий по поводу объединения и сформировавший собственную «Камерунскую национально-демократическую партию» (Kamerun National Democratic Party – KNDP), решил сделать унификацию своим программным лозунгом – «в первую очередь для того, чтобы поколебать новое положение, которое теперь занимал Эндели»¹⁵. Спекулируя на недовольстве местных жителей напористой экономической экспансией нигерийского бизнеса, этот школьный учитель развернул среди англофонов широкую кампанию за объединение двух сегментов Камеруна. При этом амальгама, о которой рассуждал этот политик, базировалась на принципе «почти нераздельно, но без полного слияния»: по его замыслу, составные части единого государства, складываясь в камерунскую политическую идентичность, должны были сохранить изрядную долю исходной самостоятельности. Как пишет Старк, «Фонча пришел к федерализму в ходе избирательной кампании 1959 года, увидев в нем способ заполнить брешь между идеей полной независимости и идеей полного слияния»¹⁶. Именно тогда он представил свой план камерунской федерации, состоящей из трех частей: английских Северного Камеруна, Южного Камеруна и французского Камеруна.

Федералистское брожение в тот период шло и на французской половине Камеруна. Именно тогда начала восходить звезда Ахмаду Ахиджо, которому в недалеком будущем почти на

14 О причинах, вызвавших радикализацию UPC, а также о конфликте партии с колониальными властями, вспыхнувшем весной 1955 года, см.: ATANGANA M. *The End of French Rule in Cameroon*. Lanham: University Press of America, 2010. Ch. 1. Среди прочего французские власти упрекали UPC в сотрудничестве с коммунистами.

15 Ibid.

16 STARK F.M. *Op. cit.* P. 425.

четверть века предстояло возглавить новую независимую республику¹⁷. Став в 1958 году премьер-министром пока остававшейся под опекой Парижа территории, этот консервативный мусульманин-фулани поначалу с настороженностью относился к планам унификации через федерализацию, которые продвигал его предшественник Андре-Мари Мбида, профессиональный политик и бывший член французской Национальной ассамблеи, прямолинейно предлагавший Франции федерализовать Камерун по типу британской Нигерии или Швейцарии¹⁸. В конце 1950-х идея горячо обсуждалась в местном сообществе, причем противников у нее было гораздо больше, чем сторонников. Так, автор одной из местных газет усматривал пороки выдвинутого плана не только в том, что он способен разжечь межэтнические противоречия, но и в том, что он «полностью противоречит французской политической традиции, к которой камерунцы приучались на протяжении четырех десятилетий»¹⁹. Другие критиковали Мбиду за то, что тот не настаивал на немедленной независимости для Камеруна, подчеркивая необходимость переходного периода, который был рассчитан на десять лет; соответственно, и внедрение федерализма рассматривалось такими критиками как одна из составляющих ненужной, по их мнению, проволоочки. Наконец, самые радикальные националисты жестко ассоциировали федеративный порядок с неокOLONИализмом, видя в нем способ ослабить молодые нации. Эту точку зрения ярко выразил камерунский интеллигент Бенжамен Матип, который в 1958 году назвал федерализм «довольно иллюзорным вариантом косвенного империализма»²⁰.

Разумеется, новые государственные деятели не могли не прислушиваться и к мнению уходящих колонизаторов, которые исходили из того, что «учитывая диспаритет между двумя частями Камеруна, объединение может создать большие неудобства»²¹. Тем не менее Ахиджо, который и сам не обольщался на этот счет, был готов разыграть федералистскую партию: во-первых, он понимал, что в противном случае ему не удастся

17 См.: *Ahidjo, Ahmadou (1924–1989)* // DELANCEY M.D., НЕН МВУН R., DELANCEY M.W. *Historical Dictionary of the Republic of Cameroon*. Lanham: The Scarecrow Press, 2010. P. 26–29.

18 Его точка зрения пользовалась в стране большим влиянием. «Тот факт, что Мбида стал первым камерунцем, который, не имея французского гражданства, добился [в 1956 году] избрания в Национальное собрание Франции, был очень важным, – пишет Мартин Атангана. – После этих выборов Мбида, будущий премьер-министр Камеруна, превратился в национального героя» (ATANGANA M. *Op. cit.* P. 28). Этот политик возглавлял камерунское правительство в 1957–1958 годах, в то время как Ахиджо был в его кабинете вице-премьером, отвечающим за внутреннюю политику. Позже, в 1960-е, режим Ахиджо отправил Мбиду на три года в тюрьму, обвинив его в антигосударственном заговоре. Подробнее см.: *Mbida, Andre-Marie (1917–1980)* // DELANCEY M.D., НЕН МВУН R., DELANCEY M.W. *Op. cit.* P. 241–242.

19 STARK F.M. *Op. cit.* P. 426.

20 *Камерунский писатель Бенжамен Матип о колониальном наследии Африки // История Африки в документах, 1870–2000. Т. 2: 1919–1960* / Под ред. С. МАЗОВА, А. ДАВИДСОНА. М.: Наука, 2007. С. 61.

21 TORRENT M. *Op. cit.* P. 17.

выполнить судьбоносную задачу – присвоить британское наследство, которое вот-вот должно было остаться бесхозным после ухода колонизаторов из Северного и Южного Камеруна, – а во-вторых, для него «не было риска, более великого, нежели переуступка популярной воссоединительной повестки радикалам из УРС»²². Его поддерживали французы, которые с помощью этого умеренного охранителя хотели вывести националистическое движение из-под влияния крайних националистов, базой которых был именно Юг. Париж надеялся, что руками Ахиджо зону французского влияния в Экваториальной Африке удастся расширить за счет британских неподпечных территорий²³. Молодой камерунский лидер оправдал ожидания: сначала он расколол и разгромил УРС, а потом фактически реализовал перехваченную им программу этой организации, подготовив поглощение англоязычных земель²⁴.

Но федерализация с экспансионистской подоплекой была неосуществима до тех пор, пока обе части Камеруна, и английская, и французская, оставались под опекой Организации Объединенных Наций, к которой после войны перешли бывшие подмандатные территории Лиги Наций. По этой причине Ахиджо предстояло разыграть многоходовую комбинацию: ему нужно было сначала выдать себя за истового федералиста, потом убедить своих англоязычных партнеров в том, что для них нет более выгодного варианта, нежели объединение двух частей Камеруна на федеративных основаниях, а затем понемногу свернуть интеграционный проект и перейти, подобно большинству освобождающихся от колониализма стран, к каноническому унитаризму. (Кстати, по своей внутренней логике этот проект был весьма похож на большевистские манипуляции с федеративной идеей: Владимир Ленин и его партия в годы гражданской войны сначала соблазнили национальные меньшинства федерализмом, после чего ввели федералистские мечтания в подобающие тоталитарному государству рамки²⁵.) Пьер Мессмер, в 1970-е несколько раз занимавший пост премьер-министра Франции, а в конце 1950-х служивший высокопоставленным французским администратором во Французской Экваториальной Африке, в своих мемуарах о деколонизации утверждает, что и он сам, и его сподвижники, работавшие с Ахиджо, с само-

22 Ibid. P. 21.

23 Подробнее о том, как Франция задумала и осуществила замену Мбиды на Ахиджо, сделав последнего главным выразителем своих интересов в Камеруне, см.: ATANGANA M. *Op. cit.* Ch. 3.

24 О консолидации власти, предпринятой Ахиджо в 1958–1962 годах, а также об особенностях выстроенного им режима подробнее см.: JOSEPH R. (Ed.). *Gaullist Africa: Cameroon under Ahmadu Ahidjo*. Enugu: Fourth Dimension Publishers, 1978. Авторы этой работы называют камерунскую политику «неоколониальной».

25 Подробнее об этом см. мою статью: ЗАХАРОВ А. «Советское значит отличное»: Российская Федерация как опыт подражания // Он же. «Спящий институт»: федерализм в современной России и в мире. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 16–37.

го начала не сомневались в фальшивом характере создаваемой им федерации. По их мнению, так называемая «федеральная» Конституция 1961 года лишь прикрывала аннексию Западного Камеруна (именно так Южный Камерун стал называться после воссоединения)²⁶. Спустя десять лет, преобразуя свою страну в унитарное государство, сам камерунский президент признавал, что федерация рассматривалась им как необходимая, но временная стадия национальной истории²⁷. Между тем, пока политики-франкофоны гневно отвергали подозрения в том, что им хочется, прикрываясь знаменем федерации, аннексировать англоязычных соседей, лидер Южного Камеруна Фонча просто-напросто обдумывал проект федеративного союза, состоящего из четырех субъектов: двух британских, Южного и Северного, и двух французских, образуемых разделом владений Парижа по оси «север – юг». Этому замыслу, однако, не суждено было воплотиться в жизнь из-за сбоя политических ритмов – иначе говоря, несинхронизированного продвижения различных частей Камеруна к независимости.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ФЕДЕРАЦИЯ В КАМЕРУНЕ:
ТЕЗИС, АНТИТЕЗИС, СИНТЕЗ

Ахиджо нужно было сначала выдать себя за истового федералиста, потом убедить своих англоязычных партнеров в том, что для них нет более выгодного варианта, нежели объединение двух частей Камеруна на федеративных основаниях, а затем понемногу свернуть интеграционный проект и перейти к каноническому унитаризму.)

1 января 1960 года на карте мира появилась новорожденная Республика Камерун со столицей в Яунде. Это важное событие радикальным образом укрепляло позиции Ахмаду Ахиджо в продолжавшемся торге с англоговорящими партнерами, которым пока независимости не досталось. Интересно, что камерунскому лидеру вольно или невольно подыгрывал Совет по опеке ООН, который едва ли не в ультимативной форме предложил британским сегментам Камеруна до 1 марта будущего года провести всенародные плебисциты, нацеленные на выбор одного из двух альтернативных вариантов присоединения: либо к Нигерии, провозгласившей независимость в октябре 1960 года, либо к только что появившемуся на карте мира Камеруну. Причем важно подчеркнуть ключевую особенность сложившейся диспозиции: британским подопечным

26 MESSMER P. *Les Blancs s'en vont. Récits de décolonisation*. Paris: Albin Michel, 1998. P. 134–135.

27 TORRENT M. *Op. cit.* P. 62.

предлагалось выбирать слияние с одной из двух стран, которые уже стали независимыми – а это означало, что с самой первой минуты партнеры по диалогу, ведущемуся внутри будущих федераций, оказывались неравными в плане суверенности. Отсутствие третьей опции, которая, казалось бы, на фоне деколонизации напрашивалась сама собой, объяснялось довольно просто: в 1959 году, опираясь на выводы доклада, подготовленного британскими специалистами, Вестминстер официально уведомил ООН о том, что Южный Камерун не сможет функционировать как самостоятельное государство из-за своей экономической немощи. Англичанам не хотелось пополнять свое Содружество наций за счет миниатюрных и нежизнеспособных образований; соответственно, «идея о том, что независимость придаст Южному Камеруну большой вес в переговорах с соседями, вообще казалась Лондону нелепой»²⁸. В результате, по словам Старка, «ООН разрушила переговорные бастионы, которые воздвиг Фонча; его заставляли присоединиться к одной из двух независимых стран по выбору его избирателей, причем без возможности использовать в будущем угрозу выхода из непонравившегося союза»²⁹. Тем не менее возглавляемая этим политиком KNDP продолжила на английских землях агитацию за воссоединение с «родиной», а сам ее лидер, вопреки очевидностям по-прежнему излучавший оптимизм, в июле 1960 года заявил, что «объединенный Камерун можно будет превратить в настоящий африканский рай» – не больше и не меньше³⁰.

В ходе интенсивных встреч, предварявших провозглашение независимости французского Камеруна, англофоны и франкофоны продолжали отрабатывать правовые детали будущего слияния двух сообществ. Поскольку «весовые категории» партнеров были очевидно неравными, французская сторона смогла настоять на всех своих условиях, задававших очертания будущего федеративного альянса. Во-первых, федерации предстояло стать жестко централизованной; во-вторых, доминантным политическим актором в ней оказывался президент; в-третьих, она предусматривала мощные механизмы вмешательства центра в дела регионов. У англоговорящих элит не было ни малейшей возможности сопротивляться этому натиску: им, разумеется, хотелось бы пожить при независимости, хоть чуточку вкусив радости самоуправления, но ООН, вынуждавшая их незамедлительно выбрать постколониальное пристанище на стороне, не оставила для них такой возможности.

28 Ibid. P. 26. Подробные аргументы, на основании которых международное сообщество в конце 1950-х отказало Британскому Камеруну в полноценной независимости, представлены в этой же работе (Ibid. P. 23–35).

29 СТАРК Ф.М. *Op. cit.* P. 427.

30 Цит. по: Ibid. P. 428.

Между тем плебисциты в Северном и Южном Камеруне, состоявшиеся 11–12 февраля 1961 года, дали разные результаты: если на юге восторжествовали поборники воссоединения с Яунде, то на севере победили сторонники ухода в Нигерию³¹. Такой исход еще больше ослабил позиции англоговорящих элит – тем более, что приближенные Ахиджо в один голос обрушились на Великобританию, обвиняя в неприятном исходе голосования именно ее. Министр иностранных дел Шарль Окала, выступая в апреле того же года на одной из площадок ООН, не без обиды и довольно образно назвал Соединенное Королевство «чудищем с латунным нутром и головой нераскаявшегося работоторговца». Ему вторил спикер парламента Даниэль Кемаю, по мнению которого, на фоне английских интриг, нацеленных на расчленение камерунской нации, недавние события в Венгрии, Корее и на Кубе выглядят второстепенными³². Для нотаблей бывшего Британского Камеруна, выбравших воссоединение, подобные филиппики были нехорошим сигналом – который они, впрочем, проигнорировали.

Обсуждение будущей федеративной Конституции только-только начиналось, а конституционная конференция в Фумбане (июль 1961 года), на которой все было решено, пока не состоялась, но в реальности диспозиция уже была предельно ясной: бывший Британский Камерун в силу какого-то странного отключения здравомыслия у его политиков соглашался на федерацию, которая еще до своего учреждения уже была обречена. Мадлен Торрент вполне точно говорит в этой связи о «поступательной маргинализации южнокамерунской компоненты в конструировании будущей федерации»³³. Что же касается франкофонных элит, то они, уместно повторить, изначально рассматривали новое устройство как сугубо временное. Согласно официальному дискурсу молодой республики, унитарная форма была, бесспорно, предпочтительнее, но с неизбежным злом федерализма приходилось мириться – ради максимально нежного поглощения оставляемых британцами камерунских территорий. Иначе говоря, у надежд на децентрализованный союз, питаемых англофонами, не было никаких шансов.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

ФЕДЕРАЦИЯ В КАМЕРУНЕ:
ТЕЗИС, АНТИТЕЗИС, СИНТЕЗ

31 История плебисцита 1961 года рассказывалась многократно; тем не менее уместно выделить одно из любопытных человеческих свидетельств – мемуары британского чиновника, на месте участвовавшего в организации голосования (и не симпатизировавшего унификации): PERCIVAL J. *1961 Cameroon Plebiscite: Choice or Betrayal*. Bamenda: Langaa Research & Publishing Common Initiative Group, 2008. Эта книга, изданная в бывшем Британском Камеруне, содержит также важные документы, посвященные воссоединению – в частности, памфлет 1961 года «Две альтернативы», детально описывавший конституционные последствия присоединения камерунских англофонов либо к Нигерии, либо к Камеруну (р. 113–125).

32 См.: TORRENT M. *Op. cit.* P. 54.

33 Ibid. P. 55.

В ЖЕЛЕЗНЫХ ОБЪЯТИЯХ «СТАРШЕГО БРАТА»

Как писал, оценивая изложенные события, один из включенных наблюдателей, воссоединение не было похоже на встречу двух блудных сыновей, жестоко разлученных сразу после рождения: его скорее следовало уподобить организованной чиновниками ООН договорной женитьбе двух людей, которые были едва знакомы³⁴. Учитывая расстановку фигур, линия дальнейшего развития событий не предполагала никаких неожиданностей. Президент Ахиджо сразу дал понять, кто в нарождающемся государстве будет заказывать музыку: согласно его видению, именно Республика Камерун, уже обладающая государственным суверенитетом, должна была внести в собственную Конституцию такие поправки, которые сделают возможным федеративный союз с англофонами. Исходя из той же логики парламент Южного Камеруна в Буза, в отличие от Национального собрания в Яунде, не допускался к процедуре одобрения новорожденной Конституции. Конечно, не обошлось и без уступок, пусть даже декоративных: так по настоянию англоговорящих партнеров Ахиджо согласился убрать из планируемого конституционного текста упоминания о «нерушимости» федеративного союза (бывшим британским подданным очень хотелось оставить дверь хотя бы полуоткрытой), но зато наотрез отказался от типичной для федеративных стран двухпалатной легислатуры, ссылаясь на ее дороговизну. Кроме того, он отверг принцип квотирования мест в будущем федеральном правительстве, позволявший Западному Камеруну рассчитывать на гарантированное представительство в верховном органе исполнительной власти. Впрочем, лично Фонча в порядке отступного получал приятный бонус в виде поста вице-президента объединенного Камеруна. (Спустя тридцать лет один из его критиков скажет, что в процессе переговоров, закладывая фундамент союза, этот вождь англофонов «был готов проглотить не только крючок, который ему бросали, но и леску с грузилом»³⁵.) Подытоживая все эти приготовления, Старк пишет: «Хотя формально рождение федерализма отмечалось с немалой помпой, как политическая система он был обречен умереть еще в колыбели»³⁶. Собственно, именно так и получилось.

Печальному исходу, вне всякого сомнения, способствовали федералистские, если можно так выразиться, положения обновленной камерунской Конституции³⁷. Перечень полномочий, ре-

34 Эту яркую аналогию предложил Нфор Сусунги: SUSUNGI N. N. *The Crisis of Unity and Democracy in Cameroon*. London, 1992.

35 Цит. по: TORRENT M. *Op. cit.* P. 58.

36 STARK F. M. *Op. cit.* P. 432.

37 Внутренние механизмы функционирования Федеративной Республики Камерун детально рассмотрены в работе: LE VINE V. T. *The Cameroon Federal Republic*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1971.

зервируемых за центральным правительством, был почти безбрежным. При этом, однако, Основной закон не устанавливал формулу распределения налоговых сборов между Западным и Восточным Камеруном: решение вопроса было перенесено на будущее, а англоговорящие территории вынуждены были, причем до самой кончины федерации, поддерживать свое существование за счет федеральных субвенций – оставаясь вечным просителем без гроша в кармане. Такое положение вещей резко контрастировало с аграрным и сырьевым потенциалом бывшего Британского Камеруна, нефтяные доходы которого тратились на стимулирование экономики других частей страны. Из-за этого гражданам-англофонам казалось, что их колонизируют повторно³⁸. Символически закрепляя это унижение, в декабре 1961 года президент Ахиджо своим декретом разделил территорию республики на шесть унифицированных административных регионов, одним из которых стал англоговорящий Западный Камерун – «равный среди равных» и несколько не автономный. Более того, власти республики учредили специальную институцию, называвшуюся Администрацией федеральных инспекторов и выступавшую одной из несущих опор новой системы: ее сотрудники базировались в каждом регионе, отчитывались непосредственно перед президентом и представляли федеральное правительство во взаимоотношениях с местными властями. Это были мощные фигуры: скажем, федеральный инспектор в Западном Камеруне по своему статусу в государственной иерархии был равновесен премьер-министру этого федерального образования. Не удивительно, что на протяжении всей десятилетней жизни причудливой камерунской федерации выборные чиновники-англофоны были вынуждены препираться с этими функционерами, которых, заметим, население не выбирало³⁹.

Как и следовало ожидать, в новорожденной федерации противостояние «английской» периферии и «французского» центра особенно драматичным оказалось в сфере языка, культуры и образования. В ходе предварительного федеративного торга вопрос сохранения лингвистической самобытности был для англофонов, вероятно, самым чувствительным, хотя здесь, как и в прочих сферах, им мало чего удалось добиться. Уже летом 1962 года федеральное правительство, к немалому опасению бывшего Британского Камеруна, было готово принять под свое крыло среднее образование. Несмотря на то, что по этой теме был выработан компромисс – в ходе расширения федеральной

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

ФЕДЕРАЦИЯ В КАМЕРУНЕ:
ТЕЗИС, АНТИТЕЗИС, СИНТЕЗ

38 См.: KONINGS P., NYAMNJOH F. *Op. cit.* P. 66.

39 Объемы настоящей работы не позволяют рассмотреть интригующие параллели между особенностями федеративного строительства в Камеруне в 1960-е и в России в 2000-е; этой теме придется подождать своего исследователя.

юрисдикции детям из английских школ было разрешено получать сертификат об образовании британского типа (*General Certificate of Secondary Education*)⁴⁰, – в практическом двуязычии успехи не впечатляли. Официально билингвизм стал одним из неотъемлемых атрибутов федерации с самого ее основания; эта политика поощряла процветание двух государственных (и при этом, повторюсь, европейских) языков в их местных вариациях – в качестве «камерунского английского» и «камерунского французского». Провозглашение такого курса, однако, требовало принятия конкретных мер, совершенствующих устное и письменное использование языка, уточнение стилистических конвенций и норм правописания, что, собственно, и делает любой язык развивающейся системой. Но если в отношении франкофонного Камеруна подобная работа действительно начала проводиться, причем еще в 1960-е, вылившись в масштабный проект под названием «*Inventaire des particularités lexicales du français du Cameroun*», то по поводу камерунского английского, как отмечают местные специалисты, «ничего столь же масштабного не предпринималось, несмотря на точечные инициативы, реализуемые то там то здесь»⁴¹. И хотя сегодня официальному курсу на билингвизм исполнилось уже шесть десятилетий, осведомленность камерунских англофонов во французском по-прежнему превосходит знакомство их франкофонных собратьев с английским; и это вполне объяснимо, поскольку без французского в стране живет явно неуютно, а без английского – более, чем сносно. Да и может ли быть иначе, если, например, к концу 2000-х камерунская печатная периодика на 90% состояла из франкоязычных изданий, а в радиопередачах и телетрансляциях соотношение в пользу франкофонов составляло 65 к 35?⁴²

Характерной чертой федеративного торга в Камеруне 1960-х стало поистине иезуитское изящество, с каким федеральный центр манипулировал своими англоязычными партнерами. Президентская администрация постоянно сталкивала представителей англоязычной элиты между собой, не позволяя им консолидировать свои переговорные позиции и выступать единым фронтом: ведя диалог с Ахиджо и Восточным Камеруном, Западный Камерун никогда не говорил одним голосом. Во-первых, в начальные федеративные годы в англоязычном Камеруне продолжалась полемика между «автономистами» из партии Эммануэля Эндели, отстраненного от власти в 1958 году и с тех пор пребывавшего в оппозиции, и «федералистами» из

40 Подробнее см.: *General Certificate of Education (GCE)* // DELANCEY M.D., NEH MBUN R., DELANCEY M.W. *Op. cit.* P. 190.

41 VILOA E., ESU G. *Op. cit.* P. 204.

42 *Ibid.* P. 199.

партии Джона Фончи, возглавлявшего региональное правительство. Во-вторых, внутри правящей KNDP разгорался внутренний конфликт, в котором столкнулись сам Джон Фонча и его бывший сподвижник Соломон Танденг Муна. Причем, воюя друг с другом, каждый из «тяжеловесов»-англофонов заискивал перед главой государства. (В итоге, отметим, вознаграждены были оба: если Фонча был благословлен руководить Западным Камеруном в 1961–1965 годах, то Муна получил назначение на ту же работу в 1968–1972-м.) Ахиджо же сполна пользовался этими склоками, публично указывая, что внутренняя борьба является неприглядной – и растрчивает силы молодой нации; взамен уже в 1961 году он предложил учредить единую (и единственную) общенациональную политическую партию под собственным началом. Сводя внутренние счеты, англоговорящие нотабли иногда переигрывали друг друга тактически. Так, в 1962 году Эндели, оказавшийся не у дел, предложил своей партии коллективно вступить в «Камерунский союз» (Union Camerounaise) Ахиджо; он не без оснований полагал, что такой трюк позволил бы его сторонникам отвоевать у конкурентов ключевые посты в Западном Камеруне. Эту инициативу, однако, пресек Фонча, который сделал ровно то же самое – и «большой брат» предпочел именно его, поскольку возглавляемая им KNDP на тот момент была правящей в англоязычной части страны. Именно из этого альянса в середине 1960-х на свет появился «Камерунский национальный союз» (Cameroon National Union) – типичная доминантная партия, которой вскоре предстояло покончить с многопартийностью в стране. За подобное рвение Фонча в 1965 году был вознагражден постом вице-президента всей республики. К сожалению, в этом тексте нет никакой возможности отразить все перипетии отчаянных сражений, которые в 1960-е вели англоговорящие политики и их стремительно размножающиеся партии, истребляя друг друга. Но кое-что, однако, очевидно даже без досконального погружения: пылкое состязание за любовь «гаранта Конституции» не могло обойтись без жертв – и всего за несколько лет Западный (он же Южный) Камерун стратегически проиграл все, что было можно, а федеративные принципы, официально принятые молодой республикой, превратились в откровенную фикцию⁴³. Завершающая пятилетка 1960-х стала временем агонии камерунского федерализма.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

ФЕДЕРАЦИЯ В КАМЕРУНЕ:
ТЕЗИС, АНТИТЕЗИС, СИНТЕЗ

43 Подробнее об этих внутриэлитных «играх» см. в статье: FEGUE C. *The Games Elites Play: Notes towards an Elite-Focused Understanding of the Failure of the Federal Republic of Cameroon (1961–1972)* // KAVALSKI E., ZOŁKOS M. (Eds.). *Defunct Federalisms: Critical Perspectives of Federal Failure*. Aldershot: Ashgate, 2008. P. 59–70.

ОЖИДАЕМАЯ И ТИХАЯ СМЕРТЬ

Разумеется, существенный вклад в преждевременную кончину камерунского федерализма внес переход страны к однопартийной системе, произведенный Ахиджо в рамках консолидации своей персональной власти. Следуя лукавой логике, согласно которой единая родина требует единой партии (*parti unifié*), творцы камерунской государственности, уподобляясь многим другим лидерам «встающей с колен» Африки, с середины 1960-х взяли курс на слияние всех существовавших в стране политических партий в единый конгломерат под началом «Камерунского национального союза». Как не раз отмечалось в литературе, подобная партийная система не поощряет ни духа, ни буквы федеративного устройства, поскольку блокирует самовыражение территориальных и национальных меньшинств, пользующихся в любой федерации законной автономией⁴⁴. Реформа, однако, вполне вписывалась в укрепление авторитарного режима, которым с первых лет независимости усердно занимался камерунский «национальный лидер». Осенью 1969 года президент заставил парламент одобрить важные конституционные поправки, еще более укреплявшие его единоличную власть и еще глубже разрушавшие федеративную систему. Отныне он получал возможность не только править посредством декретов, подменяющих одобренные легислатурой законы, но и лично назначать премьер-министров камерунских регионов. Иными словами, под вывеской федерации все увереннее мужало унитарное государство⁴⁵. Впрочем, справедливости ради стоит сказать, что после того, как в стране утвердилась единственная правящая партия, а всякая политическая борьба прекратилась, эта мера была лишь формальностью: во всех региональных легислатурах большинство и без того принадлежало одной и той же силе. Следствием унификации стала важная вещь – различие между официальными элитами, англоговорящей и франкофонной, оказалось едва ли не до основания размытым. Как пишет Старк, «если во время объединения страны все влиятельные политики Западного Камеруна жили и работали в региональной столице Буэа, сторонясь федеральных постов, то к 1969 году все они либо трудились в федеральных учреждениях, либо совсем покинули публичное пространство»⁴⁶. Камерунский федерализм медленно и неумолимо умирал.

44 Об этом см., например, мою статью: Захаров А. *Избирательная система и дух федерализма* // Он же. *Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме*. М.: Московская школа политических исследований, 2008. С. 64–84.

45 Функционирование однопартийного государства, выстроенного Ахиджо, подробно описано в работе: TANKOUANG J., KRIEGER M. *African State and Society in the 1990s: Cameroon's Political Crossroads*. Boulder: Westview Press, 1998. Ch. 2 («Ahidjo and the Single-Party State, 1958–1982»). P. 35–62.

46 STARK F. M. *Op. cit.* P. 438.

Унификация, описанная выше, не могла не отражаться на культурной сфере. Понятно, что народу, у которого *одна* родина, *один* национальный лидер, *одна* партия, едва ли потребуются *два* государственных языка. Поэтому не приходится удивляться тому, что стремительно централизующийся Камерун методично выдавливал из своих социальных практик билингвизм, поощрение которого выступало в свое время одним из условий объединения. Точнее говоря, двуязычие по-прежнему применялось, но локально – только в Западном Камеруне. С 1967 года весьма символическим образом был прекращен выпуск двуязычного журнала «Revue Cameroonnaise de Pédagogie». Власти время от времени продолжали по инерции рассуждать о билингвизме высшего образования, но на деле национальный университет в Яунде как был, так и остался франкофонной институцией: достаточно сказать, что студенты, говорящие по-английски, вынуждены были учиться здесь на два года дольше, чем их франкофонные товарищи⁴⁷.

На пресс-конференции 1969 года, сопровождавшей съезд правящей партии, Ахиджо был задан прямой вопрос о перспективах камерунского федерализма. Вождь нации уклонился от ответа, ограничившись констатацией, что в Камеруне функционирует «жестко централизованная федеративная система». Между тем закономерный финал был уже не за горами. 7 мая 1972 года в ходе заседания политического бюро «Камерунского национального союза» президент объявил, что федерация прекращает существование. На следующий день, выступая в Национальной ассамблее в присутствии специально приглашенных представителей дипломатического корпуса, Ахиджо огласил план проведения конституционного референдума, посвященного этому вопросу, а 9 мая был обнародован проект новой, унитарной Конституции – причем вынести его на голосование предлагалось в кратчайшие сроки, всего через десять(!) дней. Неимоверная стремительность, с которой развивались события, свидетельствовала о том, что операция по изменению конституционного устройства Камеруна готовилась давно и тщательно. У потенциальных противников реформы, если таковые вообще к тому моменту оставались, не было ни малейшего шанса оказать сопротивление. 20 мая народное волеизъявление состоялось; к урнам явились 99% зарегистрированных избирателей, из которых 99% высказались за упразднение федерации. Камерунский федерализм умер гораздо ярче, чем жил, и буквально никто не выразил сожаления о его окончании. Отныне выборные органы исполнительной власти в Западном Камеруне – как и во всей стране в целом – превращались

47 ИДЕМ. Р. 439.

в невыборные: губернаторы, префекты и субпрефекты назначались президентскими декретами. А день проведения судьбоносного референдума стал национальным праздником – днем «славной революции 20 мая». То был необычайный и сокрушительный, на зависть многим другим «национальным лидерам» (причем не только африканским), триумф «вертикали власти».

{ Камерунский федерализм умер гораздо ярче, чем жил, и буквально никто не выразил сожаления о его кончине.

Предвидя неизбежную в скором времени фрустрацию англофонов, камерунское правительство решило в порядке превентивной меры разделить бывшие британские территории на две провинции – Юго-Западную и Северо-Западную. Делая это, республиканские власти вбивали очередной клин в единство местных элит, а также сталкивали между собой различные группы населения, традиционно конкурировавшие. Как нередко случалось в Африке, жители прибрежных земель Британского Камеруна не всегда ладили с людьми, осевшими во внутренних районах, поскольку их методы землепользования заметно отличались друг от друга. Центр беззастенчиво спекулировал на этой проблеме, используя хозяйственные конфликты между бывшими британскими подданными для собственной выгоды. В тех ситуациях, где тактика целенаправленного разобщения «групп риска» давала сбои, в ход пускались запугивание и репрессии. В итоге англоязычный Камерун молчал довольно долго, более десятилетия – вплоть до того момента, пока в ноябре 1982 года Ахмаду Ахиджо не ушел в отставку «по состоянию здоровья». Сменивший его бывший премьер-министр Поль Бийя также не жаловал федеративное прошлое, что выразилось, в частности, в затеянном им в 1984 году переименовании Объединенной Республики Камерун в просто Республику Камерун. Эта акция, однако, послужила поводом для того, чтобы задавленные и запуганные англоговорящие общественники начали позволять себе некоторые вольности – их довольно громкий протест оказался для властей неожиданностью. Проблема заключалась в том, что «новое название не только совпадало с тем, какое независимый франкофонный Камерун носил до объединения, но и очевидно игнорировало тот факт, что камерунское государство состоит из двух обособленных сущностей»⁴⁸. И если часть англофонов видела в этой акции очередной шаг к полной ассимиляции одного из

48 KONINGS P., NYAMNJOH F. *Op. cit.* P. 67.

сообществ, некогда учредивших постколониальный Камерун, то другие в своих интерпретациях шли еще дальше: они заявляли, что, совершив подобные действия, *Le République du Cameroun* односторонне разорвала федеративный контракт и, следовательно, утратила всякое право управлять бывшим Южным (ныне Западным) Камеруном.

Именно таким был контекст, в котором юридическое сообщество Буза выступило с предложением обратиться в ООН с просьбой помочь бывшей подопечной территории мирно «развестись» с франкофонной *Le République*. Тогда же, а именно в середине 1980-х, впервые был выдвинут лозунг о преобразовании Южного Камеруна в независимое государство и переименовании его в Республику Амбазония⁴⁹. Таким образом, «славная революция 20 мая 1972 года», некогда покончившая с камерунским федерализмом, довольно скоро начала оборачиваться вполне закономерными – и, безусловно, неприятными для Яунде – издержками.

АНГЛОФОНЫ ПРИХОДЯТ В ДВИЖЕНИЕ

Введенная Ахиджо однопартийная система дала первые трещины с очередной волной демократизации, поднимавшейся в мире со второй половины 1980-х. Как и следовало ожидать, появление в стране первых оппозиционных организаций было напрямую связано с недовольством англоязычных камерунцев своим второсортным статусом. В 1990 году возникла партия «Социал-демократический фронт» (*Social Democratic Front*), выросшая из исследовательского центра, который занимался проблемами маргинализации англоговорящих камерунцев. Официальный переход республики к многопартийной системе, провозглашенный властями в декабре того же года, способствовал ее популярности, превратив в главную оппозиционную организацию страны⁵⁰. Джон Фру Нди, лидер «Социал-демократического фронта», смог выставить свою кандидатуру на президентских выборах 1992 года, и, хотя он ожидаемо проиграл Полю Бийя, сам факт участия англоговорящего политика в борьбе за высший государственный пост способствовал общественной мобилизации бывшего Британского Камеруна. Несмотря на то, что среди англофонов уже тогда имелись сторонники безоговорочной сецессии, в тот момент большинство активистов все же склонялись к восстановлению федеративного государства. По-

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

ФЕДЕРАЦИЯ В КАМЕРУНЕ:
ТЕЗИС, АНТИТЕЗИС, СИНТЕЗ

49 Название происходит от залива Амбас, расположенного к югу от горы Камерун. Именно на его берегах в середине XIX века появилась первая камерунская колония Великобритании.

50 См.: *Social Democratic Front (SDF)* // DELANCEY M.D., NEN MBUN R., DELANCEY M.W. *Op. cit.* P. 343–345; *Fru Ndi, John (1941–)* // *Ibid.* P. 184–185.

следовательным выразителем этой позиции было «Камерунское англоязычное движение» (Cameroon Anglophone Movement) – зонтичная структура, вобравшая в себя несколько групп гражданского общества Западного Камеруна. Организация приняла самое активное участие в подготовке и проведении в столице Юго-Западного региона Первой Англоязычной конференции 1993 года, собравшей около пяти тысяч делегатов и принявшей «Декларацию Буза» – документ, сводивший воедино все факторы недовольства граждан Камеруна, говорящих по-английски, и требовавший возвращения к федеративной форме правления. Подготовленный по решению этого форума проект новой, федеральной, Конституции был представлен правительству Бийя; в ответ же, как и следовало ожидать, президент в нескольких публичных выступлениях повторил мысль о том, что для такой страны, как Камерун, федерализм не подходит.

Упорный отказ властей от обсуждения поднимаемых англофонами тем стимулировал их дальнейшую радикализацию. Вторая Англоязычная конференция, прошедшая, в отличие от первой, в столице Северо-Западного региона, одобрила «Бамендскую декларацию», в которой подчеркивалось стремление ее участников «восстановить суверенитет и независимость англоязычных территорий»⁵¹. Для решения этой задачи был учрежден координационный орган в лице «Национального Совета Южного Камеруна» (Southern Cameroons National Council – SCNC)⁵². Согласно пояснению, сделанному организацией в 1994 году, использование ею для обозначения англоговорящих земель устаревшего географического названия «Южный Камерун» следовало воспринимать как осмысленное и нарочитое:

«Тем самым мы даем понять, что наша борьба не ограничивается языковыми вопросами и не защищает архаичную колониальную культуру, [...] но нацелена на восстановление автономии бывшего Южного Камеруна, который был аннексирован *Le République du Cameroun*»⁵³.

По мере того, как глухота правительства все ощутимее толкала SCNC на путь сепаратизма, организация не уставала подчеркивать свою приверженность мирному варианту обособления; более того, уповая «на силу аргумента, а не на аргумент силы», она развернула международную кампанию в поддержку своих требований. Одной из первых громких акций, получивших международный резонанс, стало направление в мае 1995 года де-

51 Подробнее см.: KONINGS P., NYAMNJOH F. *Op. cit.* P. 71.

52 См.: *Southern Cameroons National Council (SCNC)* // DELANCEY M.D., NEN MBUN R., DELANCEY M.W. *Op. cit.* P. 350–352.

53 Пресс-релиз SCNC, опубликованный в газете «Cameroon Post» (номер от 16-23 августа 1994 года), цит. по: KONINGS P., NYAMNJOH F. *Op. cit.* P. 71.

легации видных южнокамерунских деятелей, в состав которой входили бывшие архитекторы воссоединения Джон Нгу Фонча и Соломон Танденг Муна, в Нью-Йорк. Им предписывалось передать в ООН петицию против «аннексии Южного Камеруна». Публичная позиция посланцев SCNC сводилась к тому, что после «одностороннего выхода» властей Яунде из союза вопрос о будущем Южного Камеруна перестал быть внутренним делом *Le République du Cameroun*: поскольку прежние конституционные связи оказались разорванными, бывшие британские владения вернулись к своему прежнему правовому статусу – то есть вновь превратились в неподпечную территорию Объединенных Наций. Именно в таком качестве, по мысли инициаторов акции, им нужно было предоставить полную независимость в соответствии со статьей 76 Устава ООН. Однако, несмотря на то, что в международном сообществе еще были свежи воспоминания о кровопролитной войне 1967–1970 годов, спровоцированной попыткой Биафры отделиться от Нигерии, ООН не решилась поддержать курс SCNC на ненасильственное отделение. Завершая официальный визит в Камерун весной 2000 года, ее генеральный секретарь Кофи Аннан заявил:

«Я уезжаю с ощущением, что есть только один Камерун, многоязычный и мультиэтничный. В каждой стране есть свои проблемы маргинализации. Но решать их надо, открывая диалог, а не хлопая дверью»⁵⁴.

В других международных инстанциях, включая Африканский союз и британское Содружество наций, сепаратистам-англофонам снова и снова давали понять, что продвигаемая ими идея пересмотра постколониальных границ не найдет понимания. Большую или меньшую чуткость к жалобам англоязычных граждан проявляли только правозащитники, но для радикального решения проблемы их авторитета было недостаточно. Кроме того, помимо властей Яунде, противодействующих англофонам внутри страны, у их дела были и влиятельные внешние недоброжелатели. В частности, Париж считал, что подъем англоязычного сепаратизма угрожает французским интересам в Камеруне, в том числе и в таких ключевых областях, как нефтедобыча. Наконец, что касается бывшей метрополии, то Лондон по своему обыкновению деликатно отстранялся от причастности к проблеме, им же когда-то и порожденной.

Параллельно с попытками заручиться международной поддержкой лидеры англофонов занимались мобилизацией сограждан, стремясь превратить свое движение из верхушечного

54 Цит. по: Ibid. P. 74.

в массовое. Целенаправленной атаке в этой связи подвергались мифы и символы объединенного государства. С 1990-х политические объединения англоговорящих камерунцев демонстративно отказались отмечать 20 мая в качестве национального праздника: по их словам, переход к унитарному государству, состоявшийся в 1972 году, можно вспоминать лишь в качестве дня траура или скорби. После того, как в 1995 году делегация SCNC привезла из Нью-Йорка огромный флаг ООН, он демонстрировался местной публике с очевидным намеком на то, что Объединенные Нации по-прежнему считают Южный Камерун неподопечной территорией – и, следовательно, предоставление независимости всего лишь вопрос времени. Однако, как отмечают исследователи камерунской политики, со второй половины 1990-х сопротивление англофонов пошло на спад⁵⁵. Главнейшую роль в этом сыграли все более жестокие репрессии со стороны властей. Но подавив умеренное крыло «автономистов» и «федералистов», правительство само способствовало подъему их радикального крыла.

Оформившаяся в 1990-е в рамках SCNC новая организация «Лига молодежи Южного Камеруна» (The Southern Cameroons Youth League) провозгласила насилие единственным способом разрешения внутригосударственного кризиса. Но предпринятая ею в конце марта 1997 года попытка вооруженного восстания в Северо-Западном регионе, подавленная администрацией Поля Бийя с беспрецедентной жестокостью, надолго парализовала сторонников сецессии. На этом фоне осуществленный SCNC 30 декабря 1999 года громкий захват филиала Камерунской телерадиокомпании в Буэа, сопровождавшийся провозглашением в прямом эфире независимости Федеративной Республики Южного Камеруна, можно было считать скорее жестом отчаяния, а не триумфа. Действительно, камерунскому правительству практически на пятнадцать лет удалось нейтрализовать политическое движение англоговорящих камерунцев. Используемый для этого арсенал был вполне типичным: власти поощряли распри в рядах недовольных, кооптировали в свои структуры умеренных региональных лидеров, использовали в отношении радикалов сокрушительные репрессии. Тем не менее франкофонным элитам – и стране в целом – все-таки пришлось расплачиваться за безответственный отказ от федерализма, состоявшийся несколько десятилетий назад. Дело в том, что с 2017 года территории, на которых проживают англоговорящие граждане Камеруна, охвачены масштабной смутой, не утихающей уже несколько лет и напоминающей самую настоящую гражданскую войну.

55 Ibid. P. 76.

* * *

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

ФЕДЕРАЦИЯ В КАМЕРУНЕ:
ТЕЗИС, АНТИТЕЗИС, СИНТЕЗ

Для изучения того явления, которое получило название «англоязычного кризиса»⁵⁶, требуется отдельное исследование, и поэтому здесь оно будет упомянуто лишь вскользь. Тем не менее, даже не вдаваясь в детали, можно констатировать, что Республика Камерун за шесть десятилетий своего существования на карте мира воплотила весьма ожидаемую и едва ли не гегелевскую триаду: от благоразумного принятия в 1961 году довольно жесткого варианта федерализма, обеспечившего тем не менее национальное единство и сплочение, она в 1972-м бездумно перешла к крайнему унитаризму, а теперь, со второй половины 2010-х, пожинает плоды этой ошибки, воюя с повстанцами-сепаратистами. Важно подчеркнуть, что если в прежние времена заметный пласт англоговорящих элит был вполне удовлетворен федеративной схемой раздела власти, то теперь, несмотря на сохранение некоторых симпатий к федерализму, многие англофоны готовы довольствоваться только сецессией. Конечно, федерация – это дорогое удовольствие; но попытки отказаться от нее там, где она объективно нужна, неизменно приходится оплачивать вдвойне. И Камерун здесь выступает всего лишь подтверждением универсального правила.

56 Детальный анализ предпосылок его вызревания и первых этапов см. в работах: ДЕНИСОВА Т.С., КОСТЕЛЯНЕЦ С.В. *Сепаратизм в Южном Камеруне: истоки и перспективы* // *Контуры глобальных трансформаций*. 2021. Т. 14. № 1. С. 194–213; КАМЁ В.Р. *Op. cit.* См. также недавний и подробный обзор эволюции государства и общества в Камеруне в десятилетие, предшествовавшее «англоязычному кризису»: PIGEAUD F. *A Decade of Cameroon: Politics, Economy and Society 2008–2017*. Leiden; Boston: Brill, 2019.

ЛЕОНИД
ИСАЕВ,
ДАРЬЯ
БОБАРЫКИНА

Леонид Маркович Исаев (р. 1987) – доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института Африки РАН.

Дарья Алексеевна Бобарыкина (р. 1998) – лаборант-исследователь кафедры африканистики и арабистики Российского университета дружбы народов.

Клановый федерализм в Сомали¹

Сомали по праву считается одним из самых нестабильных мест в мире, а сомалийский конфликт расценивается как один из наиболее сложных кризисов современности. Это, впрочем, не удивительно: история Сомали представляет собой бесконечную борьбу кланов, число которых в этой стране почти не поддается учету². При этом вплоть до начала 1960-х на сомалийских землях вообще не было собственной государственности: они входили в состав чужих империй, либо местных, либо европейских. В 1960 году в соответствии с решением Генеральной Ассамблеи ООН Британский Сомалиленд и Итальянское Сомали объединились в единое государство, названное Сомалийской Республикой. В него, однако, не вошли еще три территории, где тоже преобладали этнические сомалийцы: регион Огаден был передан англичанами Эфиопии, Северный пограничный округ (ранее часть сомалийского Джубаленда) был закреплен ими же за Кенией, которая в 1960 году еще оставалась британской колонией, а Французская территория афаров и исса (Французское Сомали) не смогла уйти из-под управления Парижа³. Совокупность решений, установивших границы Сомали, послужила одним из факторов, предопределивших неудержимую фрагментацию этого политического пространства в последующие годы. Более того, учреждение независимого государства не добавило сомалийскому обществу сплоченности: с обретением национального суверенитета противоречия, разделявшие кланы, нигде не делись, причем многие подобные общности и вовсе заявляли о том, что их включили в новообразованное государство насильственно.

1 Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 21-18-00123).

2 Точные оценки дать затруднительно, однако принято считать, что в стране более сотни этнических кланов, традиционно соперничающих друг с другом. См.: LEWIS I. M. *Peoples of the Horn of Africa: Somali, Afar and Saho*. London: HAAN Associates, 1994; SSEREO F. *Clanpolitics, Clan-Democracy and Conflict Regulation in Africa: The Experience of Somalia* // *The Global Review of Ethnopolitics*. 2003. Vol. 2. № 3–4. P. 25–40. См. также: Алейников С. В. *Современное Сомали (Сборник информационно-справочных материалов)*. М.: Институт Ближнего Востока, 2019. С. 63–68.

3 См.: АЛЕКСЕЕВ А. *Не страна, а одно название. Что произошло в Сомали за 60 лет независимости* // Коммерсант. 2020. 4 июля (www.kommersant.ru/doc/4405229).

НЕВООБРАЗИМАЯ КЛАНОВАЯ ПАЛИТРА

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА

КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

В сомалийском обществе огромное значение имеет клановая структура, опирающаяся на уникальные культурные и исторические основания. Разумеется, кланы играли заметную роль в оформлении политического ландшафта страны на каждом этапе ее истории. Исследователи выделяют в сомалийском обществе пять основных клановых групп: дарод, хавийа, исаак, раханвейн и дир, каждая из которых ведет свое происхождение от более или менее разных предков. Все эти группы сначала структурируются на кланы, а потом делятся на более мелкие родовые единицы.

Кратко охарактеризуем каждую из упомянутых клановых групп. Точная численность их неизвестна: принято считать, что на дарод, хавийа и исаак приходится по 20–25% населения, на раханвейн – 17%, на дир – 7%⁴. Клановая группа дарод входит в разряд крупнейших и сильнейших в стране. Внутри нее выделяются 20–30 кланов, в том числе такие влиятельные, как марехан, огаден, долбаханте, маджертин и варсангали. Группа в основном локализована в северо-восточной части Сомали, включая регионы Пунтленд и Сомалиленд. При этом клан огаден проживает не только в одноименном сомалийском регионе, но и на территории соседней Эфиопии. Примерно столь же многочисленной является клановая группа хавийа, которая подразделяется на 12–18 кланов, включая абгал, хабр гедир и хавадле. В основном представители хавийа населяют центральные и южные регионы страны, включая столицу Могадишо и ее окрестности. К первым двум группам по численности примыкает клановая группа исаак, освоившая северо-западные районы Сомали и выступающая главным кланом Сомалиленда; кроме того, она занимает Пунтленд и отдельные сегменты Джибути и Эфиопии. Исаак насчитывает 20–25 кланов, в том числе хабар авал, хабар юнис и хабр джало. Клановая группа раханвейн, заселившая юго-западную часть Сомали (включая берега двух ее крупнейших рек), чуть меньше трех предыдущих; в ней выделяются кланы дигил и мирифле. Наконец, самой малочисленной оказывается клановая группа дир. Выходцы из нее живут на сомалийском юго-западе. Группа дробится на 10–15 кланов, включая гадабурси и исса⁵.

4 См.: Коновалов И.В. *Распад государства и гражданская война в Сомали*. М.: Социально-политическая мысль, 2010. С. 173.

5 Подробнее о клановой структуре Сомали см., например: AMBROSO G. *Clanship, Conflict and Refugees: An Introduction to Somalis in the Horn of Africa*. 2002 (https://arcadia.sba.uniroma3.it/bitstream/2307/4150/1/Clanship_%20conflict%20and%20refugees_An%20introduction%20to%20Somalis%20in%20the%20Horn%20of%20Africa.pdf); *Clans in Somalia. Report on a Lecture by Joakim Gundel, COI Workshop Vienna, 15 May 2009*. Vienna: Austrian Red Cross, 2009 (www.ecoi.net/file_upload/90_1261130976_accord-report-clans-in-somalia-revised-edition-20091215.pdf); LEWIS I.M., SAMATAR S.S. *A Pastoral Democracy: A Study of*

После получения независимости legislatures Британского Сомалиленда и Итальянского Сомали объединились в единый законодательный орган – Национальную ассамблею Сомали. И президентом страны, и премьер-министром стали политики, представлявшие бывший итальянский Юг. Хотя коалиционный кабинет министров формировался с включением представителей всех основных групп, в высшем эшелоне ощутимо доминировал клан дарод, что явно не устраивало конкурирующий клан исаак⁶. Довольно скоро выяснилось, что темпы формирования единого государства заметно опережают складывание по-настоящему работоспособных политических институтов; кроме того, этническая специфика в этих процессах игнорировалась подчас самым беззастенчивым образом. Из-за такого положения вещей северные сомалийцы довольно скоро разочаровались в новорожденной государственности; однако в интересах сохранения союза бывший Британский Сомалиленд все-таки согласился на условия, предложенные южными лидерами. Большинство высших должностей во властных структурах, расположившихся в Могадишо, достались представителям южных кланов; разумеется, северяне не могли не роптать по этому поводу, но к тому моменту Сомалиленд еще был не готов к сецессии⁷. Несмотря на наличие политических свобод и регулярное проведение президентских и парламентских выборов, граждане молодого государства, подобно людям в других частях Африки, страдали от экономической отсталости и всеобщей коррупции. Хотя скоропалительное экспериментирование с демократией западного образца было отмечено бурной деятельностью шести десятков политических партий, оно оказалось недолгим.

Противоборство северных и южных кланов сопровождало весь краткий период демократического правления, причем Юг стабильно брал верх над Севером. Специалист по Сомали Иван Коновалов пишет:

«Традиционное противостояние и взаимное недоверие привели к созданию фактически клановых политических организаций. Размежевание шло по нескольким направлениям. Северяне (Сомалиленд) против южан (Итальянское Сомали), “кочевые” кланы против “земледельческих”. И исполнительная, и законодательная власть оказались под контролем клана маджертин [клановой группы дарод], что лишь подпитывало межклановый антагонизм. Другие кланы справедливо считали себя обделенными»⁸.

Pastoralism and Politics among the Northern Somali of the Horn of Africa. London: James Currey Publishers, 1999.

6 См.: Коновалов И. В. *Указ. соч.* С. 14–20.

7 См.: АНМЕД I. I. *The Heritage of War and State Collapse in Somalia and Somaliland: Local-Level Effects, External Interventions and Reconstruction* // *Third World Quarterly.* 1999. Vol. 20. № 1. P. 113–127.

8 Коновалов И. В. *Указ. соч.* С. 19–20.

Несколько раундов парламентских и президентских выборов, проведенных в молодой республике до установления в 1969 году военной диктатуры, никак не меняли общей закономерности, сохранявшейся после любых обновлений. Несмотря на то, что сомалийский президент Аден Абдулла Осман Даар, проигравший в 1967 году президентские выборы собственному премьер-министру, стал первым(!) главой африканского государства, добровольно оставившим свой пост, политическая система продолжала воспроизводить одни и те же паттерны: в борьбе за властные институты южане одолевали северян, а кочевники брали верх над земледельцами. Наличие неразрешимых противоречий все более ощутимо дестабилизировало страну.

Абдирашид Али Шермарк, сменивший Даара на посту главы государства и представлявший все тех же южных нотаблей, попытался упрочить молодую государственность, предложив в премьер-министры Мохамеда Ибрагима Эгаля – политика-северянина, который уже занимал министерский пост в первом правительстве независимого Сомали⁹. Этот жест, однако, не смог убедить тех политических акторов, которые, разочаровавшись в доминировании одних и тех же этнических групп, «видели выход в том, чтобы прекратить засилье во властных структурах представителей кланов дарод – и прежде всего маджертин»¹⁰. В октябре 1969 года, использовав недовольство силовых структур предложенной правительством реформой армии и полиции, они организовали убийство президента Шермарка. Эгаль, которому в качестве председателя кабинета министров предстояло курировать избрание нового президента национальным парламентом, не справился со своей задачей: в СМИ циркулировали слухи о том, что депутаты подготавливают что-то вроде аукциона, на котором место главы государства якобы будет продано. Как и во многих других постколониальных обществах, явная недееспособность гражданской администрации послужила предлогом для выхода на авансцену военных: в ночь на 21 октября 1969 года подразделения под командованием начальника штаба вооруженных сил, генерал-майора Мохамеда Сиада Барре, провели успешный военный переворот. Пutschисты сформировали Высший революционный совет, сосредоточивший в своих руках исполнительную, законодательную и судебную власть, а Барре был провозглашен его председателем. Действие Конституции было приостанов-

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

9 В 1963 году граждане Сомалиленда, разочаровавшись в функционировании новой республики, поставили Эгаля перед выбором: или продолжать работать в правительстве, разорвав свои связи с Севером, или уйти в отставку, сохранив свою электоральную базу. Он выбрал второй вариант. Подробнее см.: FORTI D.R. *A Pocket of Stability: Understanding Somaliland*. Umhlanga Rocks: The African Centre for the Constructive Resolution of Disputes, 2011. P. 13–14.

10 Коновалов И. В. *Указ. соч.* С. 20.

лено, парламент и политические партии распущены, прежняя политическая верхушка арестована. Вскоре после прихода к власти инициаторы «октябрьской революции» объявили, что страна встает на рельсы «научного социализма»¹¹. Одной из задач государства было провозглашено искоренение клановой структуры сомалийского социума.

ПРЕДПОСЫЛКИ БУДУЩЕГО РАСПАДА

Несмотря на то, что «приход к власти военных многими в стране рассматривался как выход из политического кризиса, как возможность прекратить клановую борьбу в высших эшелонах власти, уничтожить разросшуюся коррупцию, взяточничество и nepотизм»¹², сомалийские кланы после переворота никуда не делись. Провозглашенное новым режимом неприятие клановости, по большому счету, оказалось фикцией: на практике оно вылилось в борьбу с оппозицией, ставшую особенно жесткой через десятилетие, после поражения Могадишо в войне с Аддис-Абебой за Огаден (1977–1978) и последовавшей после него попытки военного переворота. С одной стороны, сомалийцам под страхом наказания запретили приветствовать друг друга словами «Из какого ты клана?», а лидерам кланов начали выплачивать государственные пособия, призванные сделать их более покладистыми и встроить в официальную управленческую систему. Но, с другой стороны, новоявленный диктатор мог удержать власть, только используя собственные племенные ресурсы, и никак иначе. Как и следовало ожидать, такой опорой для режима Сиада Барре выступила клановая группа дарод в лице трех ее кланов: марехан (клан отца диктатора), огаден (клан матери диктатора) и долбаханте (клан зятя диктатора). Один из ведущих специалистов по Сомали, антрополог Айозн Льюис писал:

«В то время, как меры, направленные на ликвидацию клановых разногласий и установление прочных уз национальной солидарности, продвигались на всех уровнях внутри государства, сам глава режима опирался на узы лояльности. Фактически он построил свой внутренний круг власти из членов трех родственных субкланов»¹³.

Выходцы именно из них составили костяк элитных военных подразделений, ставших силовым оплотом диктатуры и репрес-

11 Об экономической программе «научного социализма» см.: METZ H.C. (Ed.). *Somalia: A Country Study*. Washington, DC: Library of Congress; Federal Research Division, 1992. P. 126–130.

12 Коновалов И.В. *Указ. соч.* С. 22.

13 LEWIS I.M. *The Ogaden and the Fragility of Somali Segmentary Nationalism // African Affairs*. 1989. Vol. 88. № 35. P. 574.

сировавших оппозиционные кланы. Из двенадцати членов Высшего революционного совета десять представляли клановую группу дарод¹⁴.

При новом режиме клановость стала мощным фактором не только внутренней, но и внешней политики. Прежде всего это проявилось в период войны в Огадене, развязанной Барре ради укрепления своих политических позиций и обосновываемой идеей так называемого «Великого Сомали». Этот концепт, который в начале XX столетия сформулировал сомалийский интеллигент-националист, а позже один из видных деятелей независимого государства Абдуллахи Исса, предполагал объединение под эгидой общей государственности всех территорий, на которых проживают этнические сомалийцы. Принцип «Великого Сомали» обладал немалым мобилизующим потенциалом; кроме того, он очень органично вписывался в провозглашенные диктатурой цели, включая перестройку всего социального уклада, преодоление племенной и клановой раздробленности, обеспечение единства сомалийского народа¹⁵. Власти Могадишо считали регион Огаден сомалийским, по недоразумению доставшимся эфиопам. По замыслу Барре, возвращение Огадена «домой» должно было укрепить позиции дарод и подтвердить легитимность его доминирования в стране¹⁶.

На фоне набирающих силу великодержавных амбиций нарастало недовольство кланов, оттесненных сторонниками Барре от власти, причем подобное происходило даже внутри доминирующей клановой группы дарод. Так, одна из первых подпольных структур, намечавших свержение диктатора, была создана офицерами из клана маджертин; весной 1978 года, когда поражение сомалийской армии стало очевидным, они предприняли попытку путча, но в большинстве своем были арестованы и казнены. Тем не менее полковник Абдуллахи Юсуф Ахмед, один из организаторов провалившейся акции и будущий президент Сомали, сумел бежать в Эфиопию. Там по его инициативе был учрежден Сомалийский фронт спасения, который, объединившись с другими оппозиционными группами, через три года был преобразован в Сомалийский демократический фронт спасения. После того, как эта группировка при поддержке эфиопских вооруженных сил развернула партизанскую войну с правящим в Могадишо режимом, власти провели ряд карательных операций в северо-восточных районах Сомали, где традиционно расселен клан маджертин¹⁷.

14 Коновалов И. В. *Указ. соч.* С. 23.

15 LEWIS I. M. *A Modern History of the Somali: Nation and State in the Horn of Africa*. Athens: Ohio University Press, 2003. P. 29.

16 Подробнее см.: НОЕННЕ М. В. *Why Did Somalia Invade Ethiopia in 1977? Revisiting the Ogaden War // Journal of Eastern African Studies*. 2014. Vol. 8. № 4. P. 573–590.

17 О последствиях войны в Огадене см.: АНМЕД I. I. *Op. cit.*

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА

КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

Недовольство накапливалось и внутри иных клановых групп. В 1981 году небольшое сообщество сомалийских эмигрантов, в которое входили коммерсанты, богословы, интеллектуалы и бывшие офицеры – все из клановой группы исаак, – объявило в Лондоне о создании Сомалийского национального движения, руководителем которого стал Ахмед Мохамед Гулед Джимале. Этот политик не принадлежал к сторонникам сосуществования сомалийского Севера и сомалийского Юга под крышей общего государства, однако в то время, надеясь сплотить против режима Барре максимальное число сомалийских кланов, он придерживался компромиссной позиции «радикальной децентрализации», которая предполагала широкую автономию для северных районов страны. Однако отнюдь не все группы Севера были готовы к открытой конфронтации с диктатурой; к серьезным раздумьям о политическом самоопределении северных нотаблей подтолкнули лишь масштабные репрессии, развернутые в отношении оппозиционных кланов в 1980-е. Руководство Сомалийского национального движения пыталось также объединить усилия с представителями Сомалийского демократического фронта спасения, однако эти импульсы затухали из-за того, что верхушка клана маджертин не собиралась пересматривать унитаристские устои сомалийского государства: ее не устраивала личность, возглавлявшая режим, но к самой административно-территориальной модели претензий не было. Надо сказать, что потенциальному единству оппозиции препятствовали не только междоусобные разногласия, но и интриги властей Могадишо. Так, желая дискредитировать своих противников из клановой группы исаак в глазах других общностей, режим объявлял принадлежавших к ней старших офицеров нести службу в регионах проживания клана маджертин, где правительством велись боевые действия против местных партизан; разумеется, подобные меры не способствовали взаимному доверию между оппонентами Барре.

Между тем открытые оппозиционеры из числа исаак, объединившиеся в Сомалийское национальное движение, в 1982 году тоже перебрались в Эфиопию, где попросили местный режим о поддержке. Опираясь на помощь революционеров из Аддис-Абебы, Адена и Триполи, они начали операции против сомалийских правительственных войск в северной части страны – причем некоторые из таких акций, включая освобождение тысячи заключенных из тюрьмы неподалеку от порта Бербера, оказались резонансно успешными. В начале 1983 года, стремясь ослабить давление со стороны повстанческого движения, Барре выпустил на свободу десятки диссидентов, отменил военное положение и амнистировал инсургентов, готовых разойтись по домам. Впрочем, эти меры смогли приглушить активность Со-

малийского национального движения всего на несколько месяцев, после чего вылазки партизан из клановой группы исаак возобновились¹⁸.

Наконец, эфиопская территория послужила плацдармом и для еще одного оппозиционного течения, на этот раз рожденного клановой группой хавийа. Учрежденный ее делегатами в 1987 году Объединенный сомалийский конгресс, взявший курс на насильственную смену власти в Могадишо, также базировался в Эфиопии. Однако, в отличие от других повстанческих объединений, эта группировка довольно быстро раскололась на два конкурирующих крыла, каждое из которых опиралось на собственный клан. Первой фракцией, где преобладали выходцы из клана хабр гедир, стал Объединенный сомалийский конгресс – Сомалийский национальный альянс, который возглавил военачальник, политик и дипломат Мохамед Фарах Айдид. Соответственно, соперники хабр гедир из клана марехан, одного из крупнейших на юге, образовали вторую, альтернативную, фракцию, названную Сомалийским патриотическим движением. Здесь уместно отметить, что сомалийским повстанческим группам крайне тяжело давался поиск общего языка в контактах друг с другом: например, Айдид, договорившись поначалу о взаимодействии и даже о будущем разделе власти с Сомалийским национальным движением, очень скоро дезавуировал достигнутые договоренности, подтвердив свою репутацию крайне несговорчивого человека. И такое поведение для него было скорее правилом, чем исключением¹⁹.

Антиправительственная деятельность оппозиционных сомалийских движений заметно осложнилась в 1988 году, когда главы Сомали и Эфиопии подписали соглашение о ненападении, призванное урегулировать застарелый межгосударственный конфликт. Поскольку документ обязывал договаривающиеся стороны взаимно прекратить поддержку «чужих» оппозиционных группировок, власти Аддис-Абебы закрыли расположенные на эфиопской территории тренировочные лагеря Сомалийского демократического фронта спасения и Сомалийского национального движения. Если первая из этих организаций, не сумев оправиться от такого удара, оказалась на грани исчезновения, то вторая, напротив, пережила радикализацию и мобилизовалась:

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА

КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

18 Коновалов И. В. *Указ. соч.* С. 29.

19 Подробнее о деятельности группировок, создаваемых различными сомалийскими кланами в 1980-е, а также о конструируемой ими системе негосударственного насилия, см.: DERSSO S.A. *The Somalia Conflict Implications for Peacemaking and Peacekeeping Efforts*. Pretoria: Institute for Security Studies, 2009. ISS Papers. Vol. 198; ISSA-SALWE A.M. *The Collapse of the Somali State: The Impact of the Colonial Legacy*. London: HAAN Associates, 1996; МОНАМОУД А.А. *State Collapse and Post-Conflict Development in Africa: The Case of Somalia (1960–2001)*. West Lafayette: Purdue University Press, 2005.

«СНД, оказавшись в безвыходном положении, просто вынуждено было перейти в наступление. Потеряв эфиопскую поддержку и понимая, что любое затягивание борьбы ведет теперь к гибели, [его] руководство отказалось от тактики действия небольших боевых групп, решив встать на путь открытого вооруженного противостояния»²⁰.

Реорганизовав свои подразделения и переименовав их в Объединенные силы освобождения, повстанцы Сомалийского национального движения в конце мая 1988 года перешли в наступление, почти сразу захватив несколько приграничных городов. Правительственная авиация в ответ буквально стерла некоторые из этих населенных пунктов с лица земли. Внутренний конфликт малой интенсивности начал превращаться в полномасштабную гражданскую войну. Поскольку театром военных действий стал ареал проживания клановой группы исаак, установки входящих в нее кланов становились все более жесткими: в итоге начал складываться единый фронт противников Барре, который еще недавно казался несбыточной утопией. Реагируя на эту массовую мобилизацию, диктатор объявил восстание на Севере «мятежом племени исаак», направленным против национального единства, а масштабные репрессии, обрушенные на непокорных правительственными войсками, позже стали называть «геноцидом» или даже «холокостом» клана исаак²¹. В последующие два года войны число погибших из этой клановой группы превысило 50 тысяч человек²².

Ожесточение, нараставшее внутри группы исаак, неминуемо оборачивалось насилием в отношении недружественных ей кланов; так, бойцы Объединенных сил освобождения организовали несколько кровавых нападений на приграничные лагеря эфиопских беженцев, в которых обосновались спасавшиеся от недавней войны сомалийцы из клана огаден, прежде решительно поддерживавшего Барре. Акции, сопровождавшиеся массовыми убийствами, наглядно убеждали огаден в том, что центральное правительство не в состоянии защитить их общность. Ропот в стане огаден усугублялся и резкой сменой курса в отношении территориального спора с Эфиопией: этот клан, проживающий по обе стороны границы, изначально разделял экспансионистскую идею «Великого Сомали» и планы по «возвращению Огадена домой», но теперь, после заключения мира, ощутил себя преданным. В ответ на недовольство представителей огаден, служивших в сомалийской армии, Барре

20 Коновалов И. В. *Указ. соч.* С. 32.

21 Там же. С. 32; INGIIRIS M. H. "We Swallowed the State as the State Swallowed Us": The Genesis, Genealogies, and Geographies of Genocides in Somalia // African Security. 2016. Vol. 9. № 3. P. 237–258.

22 Коновалов И. В. *Указ. соч.* С. 35.

в конце 1988 года отстранил от должности министра обороны, который, как и многие высокопоставленные военные, был выходцем именно из этого клана. Реакцией на этот шаг стало, во-первых, повальное дезертирство солдат и офицеров огаден из армии Могадишо, а во-вторых, произошедший в марте 1989 года открытый мятеж, в ходе которого военнослужащие из числа огаден захватили военную базу в Кисмайо, превратив ее в свой опорный пункт. Более того – после того, как парламентарам из Могадишо не удалось договориться с мятежниками, на юге началось полномасштабное восстание клана огаден, разворачивавшееся под знаменами только что созданного Сомалийского патриотического движения.

Столкнувшись с мятежами на севере и юге, уходом самых преданных клановых союзников, тяжелой экономической ситуацией и прекращением внешней военной помощи, диктаторский режим был обречен. Мы опускаем здесь драматичные подробности его кончины, ограничиваясь замечанием о том, что в ходе бурных событий 1980-х роль кланов в сомалийском обществе подверглась коренной переоценке. Как справедливо отмечает Соломон Дерссо, клановая система в Сомали, которая традиционно и веками гарантировала предоставление важнейших социальных услуг типа обеспечения правовой, социальной и физической защиты и тем самым стабилизировала общество, в новых условиях превратилась в источник бесконечных размежеваний и конфликтов: «Ныне враждующие фракции в основном опираются на нее, добиваясь собственного монопольного обладания государственной властью или же противодействуя появлению сильного государства, подконтрольного другим кланам»²³. Эта смена акцентов самым непосредственным образом сказалась на территориальной организации власти в Сомали и возникновении в этой стране весьма причудливой и необычной разновидности федерализма.

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

КТО КУДА: ПАРАД СУВЕРЕНИТЕТОВ ПО-СОМАЛИЙСКИ

В начале января 1991 года режим Барре прекратил свое существование, а власть в стране перешла к пестрой коалиции, в которую вошли почти все оппозиционные группировки, упоминавшиеся выше. Новым президентом победившие повстанцы избрали Али Махди Мохаммеда – выходца из клановой группы хавийа и представителя Объединенного сомалийского конгресса. Однако, получив международное признание, его правительство не смогло заручиться консолидированной поддержкой

23 DERSSO S.A. *Op. cit.* P. 4.

всего многоцветья сомалийских кланов: многие племенные группировки отказались его признать²⁴. Авторитет главы государства оспаривался даже внутри самого Объединенного сомалийского конгресса – изначально, напомним, расколотого на две фракции, – где вызов новой власти бросил генерал Мохамед Фарах Айдид. В результате властные prerogatives новой администрации ограничивались лишь национальной столицей, да и там они реализовались не в полной мере. Разумеется, воцарившееся безвластие провоцировало дальнейшую фрагментацию политического пространства. Сомалийский Север, на протяжении нескольких лет разорявшийся войсками Барре, раньше всех решил воспользоваться предоставившимся шансом и расстаться с многократно обижавшим его государством. В середине мая 1991 года на территории бывшего Британского Сомали состоялось провозглашение Республики Сомалиленд, включившей в свой состав четыре сомалийские провинции. Ее президентом стал Абдирахман Ахмед Али Тур из клана исаак – один из руководителей Сомалийского национального движения. Относительная клановая однородность помогла Сомалиленду избежать долгих и жестоких конфликтов, которые стали типичными для других частей страны, но не избавила его от междоусобных столкновений, в которых отдельные кланы доминирующей клановой группы сводили счеты между собой²⁵. В 1991–1992 годах эти распри, длившиеся порой месяцами, унесли сотни жизней.

Центробежные тенденции в тот период проявляли себя по всей территории Сомали: вопреки слабым и безуспешным попыткам отдельных акторов законсервировать на глазах разваливавшееся государство в признанных международным сообществом границах и сформировать правительство национального единства, все новые и новые очаги суверенитета в последующее десятилетие появлялись то там то здесь. В частности, ослабевший после крушения «социалистического» строя клан маджертин из клановой группы дарод, преобладающий в северо-восточной части страны, в 1998 году учредил самоуправляющуюся территорию Пунтленд. Возглавивший ее Абдуллахи Юсуф Ахмед в первые же дни ее существования заявил, что Пунтленд, в отличие от соседнего Сомалиленда, не станет провозглашать независимость и ограничится автономией, поскольку власти региона готовы участвовать в переговорах по формированию центрального правительства. На фоне тотального хаоса, утвердившегося на землях бывшей Республики Сомали, Сомалиленд и Пунтленд являли собой нечто вроде «историй успеха»:

24 См.: *Сомали // Политические системы современных государств. Энциклопедический справочник: В 4 т. Т. 4: Африка* / Под ред. А.В. Торкунова. М.: Аспект Пресс, 2014. С. 405.

25 См.: Коновалов И.В. *Указ. соч.* С. 38.

«[Их руководители] сумели очень быстро создать действительно функциональные структуры государственного управления и сделать свои территории относительно безопасными. Вооруженные конфликты были здесь достаточно короткими и не привели к таким тяжелым последствиям, как в Центральном и Южном Сомали»²⁶.

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

Тем временем процессы фрагментации своим чередом шли и в бывшем Итальянском Сомали. В 2002 году Армия сопротивления раханвейн, отстаивавшая интересы одноименного клана и созданная в 1995-м, заявила об автономии подконтрольного ей юго-западного Сомали: эта организация, «используя формулу Пунтленда (максимальная автономия, но не официальный и полный суверенитет), напрямую продекларировала стремление к еще большей независимости и нежелание участвовать в альянсах, преследующих общесомалийские цели»²⁷. За несколько лет до этого, в 1998 году, бывший министр обороны, генерал Мухаммад Херси, провозгласил независимость Джубаленда – юго-восточного Сомали. Это образование, однако, в силу целого ряда причин оказалось крайне неустойчивым и потому перманентно тяготеющим к союзу с теми силами, которым удавалось взять под контроль Могадишо. Впоследствии судьбы этого образования оказывались особенно злополучными, поскольку именно оно стало сомалийским плацдармом исламистской группировки «Аш-Шабаб», набравшей силу в начале 2010-х. Помимо исламистов, о стремлении присвоить Джубаленд заявляло и виртуальное государство Азания, учрежденное в соседней Кении в 2011 году, собственной территорией так и не обзаведшееся и запомнившееся в основном тем, что его флаг как две капли воды был похож на российский триколор.

На фоне всех этих центробежных процессов различные силы на протяжении 1990-х неоднократно пытались воссоздать в Сомали хотя бы какое-то подобие центрального правительства, устраивающего крупнейшие кланы. Однако поиски объединяющей всех верховной фигуры неизменно заходили в тупик из-за отводов, заявляемых кем-то из ключевых игроков. Хотя Али Махди Мохаммед, ставший первым президентом страны после свержения диктатуры, исполнял обязанности до 1997 года, то есть довольно долго, за это время он не смог консолидировать даже собственную клановую группу хавийа. Более того, с июня 1995-го по январь 1997-го ему фактически пришлось делить полномочия с конкурентом в лице сначала Мохамеда Айдида, а затем его сына Хусейна. Примечательно, что при этом все трое принадлежали к одной и той же группировке – Объединенному сомалийскому конгрессу. Соответственно, приверженцы Али

26 Там же. С. 43.

27 Там же. С. 101.

Махди Мохаммеда и Айдида поделили национальную столицу на две зоны, что, впрочем, не мешало им время от времени воевать друг с другом. В сложившейся ситуации «оба лидера фактически пытались вернуть страну к управленческой формуле Мохамеда Сиада Барре – авторитарное правление военного диктатора с опорой на свой клан»²⁸. Но в новых условиях старая схема едва ли могла сработать.

Помимо исламистов, о стремлении присвоить Джубаленд заявляло и виртуальное государство Азания, учрежденное в соседней Кении в 2011 году, собственной территорией так и не обзаведшееся и запомнившееся в основном тем, что его флаг как две капли воды был похож на российский триколор.

Расползание периферии и паралич центра естественным образом заставляли вовлеченных акторов интересоваться федералистскими практиками. В 2004 году на конференции основных участников сомалийской драмы, проходившей в Найроби, удалось принять Федеративную хартию переходного периода, а затем официально учредить предусмотренные этим документом временные федеративные институты: Переходный федеральный парламент и назначаемое им Переходное федеральное правительство. Как предполагалось, новые власти займутся разработкой новой Конституции и проведением парламентских и президентских выборов с последующим формированием постоянно действующих органов власти²⁹. В одной из статей Хартии поименно перечислялись организации, приглашенные к участию в этом учредительном процессе; но, поскольку такой список заведомо не мог быть полным, часть военно-политических лидеров и их группировок отказалась принимать участие в инициативе. Президентом Сомали, избранным в соответствии с Федеративной хартией, стал Абдуллахи Юсуф Ахмед – выходец из клана маджертин и первый президент автономной территории Пунтленд, а председателем Переходного федерального правительства – Али Мохамед Геди, занимавший должность премьер-министра юго-западного Сомали. Парламент, количество мест в котором первоначально составляло 275, комплектовался по «принципу 4,5»: каждая из четырех крупнейших сомалийских клановых групп получила в нем по одной доле, и половина доли была зарезервирована за малыми кланами.

²⁸ Там же. С. 50.

²⁹ См. текст Федеративной хартии: *The Transitional Federal Charter of the Somali Republic. Nairobi, February 2004* (www.ilo.org/dyn/travail/docs/2177/Transitional%20Federal%20charter-feb%202004-English.pdf).

Однако прорыва не вышло; новая власть, несмотря на ее обращение к многократно проверенным и теоретически востребованным федералистским рецептам, оказалась столь же бесстойкой, как и предшествующие сомалийские правительства. Специалисты выделяют две главные причины такого исхода: во-первых, присутствие в Переходном федеральном правительстве наиболее могущественных лидеров клановых группировок оказалось его не сильным, но, напротив, слабым местом, поскольку «клановые лидеры никогда не отказались бы от своих амбиций ради национального примирения»; во-вторых, президент Абдуллахи Юсуф Ахмед в глазах многих местных жителей оставался «ставленником Эфиопии – традиционного врага Сомали»³⁰. Между тем, пока измученная и обескровленная страна топталась на месте, ни на шаг не приближаясь к желанному национальному примирению, рождался спрос на альтернативные модели властвования. Одну из них предложил Союз исламских судов (СИС), появившийся еще в 1993 году в качестве выразителя интересов клановой группы хавийа, а к 2006-му выступивший главным оппонентом Переходного федерального правительства.

Лидером этой группировки стал бывший школьный учитель Шариф Ахмед, впоследствии – в 2009–2012 годах – поднявшийся до президента Сомали. Само по себе появление подобного рода структуры выглядит уникальным, поскольку речь идет о повстанческом движении, выросшем из сети судебных(!) учреждений. Исламское правосудие не требует, чтобы деятельность судебных инстанций в обязательном порядке санкционировалась государством; в итоге СИС явил себя в виде своеобразной зонтичной структуры, в которой преобладали судебные институции, стихийно складывавшиеся на самых низовых уровнях:

«Исламские суды – негосударственные организации, взявшие на себя муниципальную и социальную ответственность за определенные территории, – стали за короткий период субъектами власти. В условиях хаоса гражданской войны они остались единственной общественной силой в Сомали, помимо клановых группировок. [...] Суды имели свои отряды милиции, свои тюрьмы, обменивались заключенными, проводили совместные боевые операции»³¹.

В обществе, традиционно страдающем от всех видов и типов несправедливости, организация такого рода заведомо обречена на успех, что и было продемонстрировано в Сомали. Но, как и следовало ожидать, в высококонкурентной среде сомалийской политики подобный подъем неминуемо должен был вы-

30 См.: Коновалов И.В. *Указ. соч.* С. 111.

31 Там же. С. 112, 127.

звать ревность иных игроков. Находясь на пике популярности, СИС вступил в острый конфликт с частью полевых командиров, а также с Переходным федеральным правительством. В стране то здесь то там начали похищать религиозных авторитетов, сотрудничающих с СИС, что еще более ожесточило организацию в ее взаимоотношениях с соперниками. Именно в таком контексте возникла военная сила, известная как «Аш-Шабаб», генетически связанная с судейским движением, но при этом сохранявшая определенную степень автономии от него³².

Летом 2005 года исламские суды, которые прежде ограничивались только защитой подконтрольных им территорий, перешли к агрессивному утверждению шариата на всей территории страны. На поле боя Союзу исламских судов сопутствовала удача – к осени 2006-го они утвердились почти повсеместно, за исключением Пунтленда и Сомалиленда, – но, когда Переходное федеральное правительство оказалось на самой грани поражения, в дело вмешались внешние силы. Захват силами СИС порта Кисмайо (сентябрь 2006 года) спровоцировал эфиопское вторжение, поскольку для Эфиопии, которая после утраты Эритреи лишилась собственного выхода к морю, свободный доступ к этой гавани был крайне важен. В ответ на агрессию СИС объявил Аддис-Абебе войну, продолжавшуюся до конца декабря 2006-го, когда эфиопские войска совместно с союзными сомалийскими группировками вступили в Могадишо. Важно отметить, что «разгром СИС многими в Сомали воспринимался как победа кланов[ой группы] дарод при поддержке эфиопов над кланами хавийа»³³. В январе 2007-го, после установления эфиопского контроля над Могадишо, сомалийский президент Абдуллахи Юсуф Ахмед впервые за три года появился в столице. Но теперь ему приходилось считаться с исламистским влиянием, поскольку, несмотря на разгром СИС, сами исламские радикалы никуда не делись. Более того, баланс сил начал меняться в их пользу, и уже в следующем году, не желая мириться со своими давними врагами, глава государства подал в отставку. Вместо него переформатированный и укомплектованный исламистами парламент избрал президентом Шарифа Ахмеда, прежде возглавлявшего СИС. А в начале 2009-го эфиопские войска покинули Сомали.

В новой ситуации этот политик, которого несколько лет назад зачастую причисляли к радикалам и экстремистам, неожиданно предстал фигурой довольно умеренной: к тому моменту сомалийская гражданская война выдвинула на передний край гораздо более бескомпромиссные и жесткие исламистские

32 BARNES C., HARUN H. *The Rise and Fall of Mogadishu's Islamic Courts* // *Journal of Eastern African Studies*. 2007. Vol. 1. № 2. P. 151–160.

33 Коновалов И. В. *Указ. соч.* С. 123.

силы – прежде всего в лице движения «Аш-Шабаб». Неудивительно, что после утверждения Шарифа Ахмеда на президентском посту напряженность между центральной властью и радикальным сегментом исламистского движения не только не уменьшилась, но, наоборот, возросла. Идейные баталии между президентом и «Аш-Шабаб», уже покорившей весь сомалийский Юг, дополнили клановую сегментацию религиозно-идеологическим расколом и привнесли в палитру новые краски. Будучи истовыми приверженцами унифицирующей миссии ислама, активисты «Аш-Шабаб» стремились игнорировать клановые границы внутри Сомали. В 2011 году именно ее лидеры призвали всех мусульман к борьбе с «полуавтономиями», ранее созданными различными кланами на национальной территории. Впрочем, как и пятью годами ранее, исход противостояния между Переходным федеральным правительством и его исламистскими конкурентами был предопределен внешним фактором: на этот раз в подобной роли выступила Кения, которая осенью 2011-го сначала развернула в приграничных с Сомали районах контртеррористическую операцию «Защити страну», а потом и вовсе ввела свои подразделения в южные регионы Сомали для непосредственной борьбы с «Аш-Шабаб» на сомалийской территории³⁴.

Между тем, несмотря на тлеющий братоубийственный конфликт, республика продолжала экспериментировать с федеративными принципами. В сентябре 2011 года Переходному федеральному правительству и региональным администрациям удалось подписать «дорожную карту» транзита, намечавшую план действий, который позволил через год избрать постоянный исполнительный орган. В августе 2012 года Конституционной ассамблеей в Могадишо была принята временная Конституция, официально определявшая Сомали как федерацию³⁵. Переходное федеральное правительство было преобразовано в Федеральное правительство – первый постоянный и признанный другими странами кабинет с самого начала гражданской войны, – а спустя месяц обновленный национальный парламент, который был сформирован из кандидатов, номинированных вождями и старейшинами племен, избрал Хасана Шейха Махмуда из клановой группы хавийа новым президентом Сомали. За его президентство, которое продолжалось с 2012-го по 2017 год, Федеральное правительство смогло добиться заметного прогресса в налаживании если и не подлинно федеративных, то

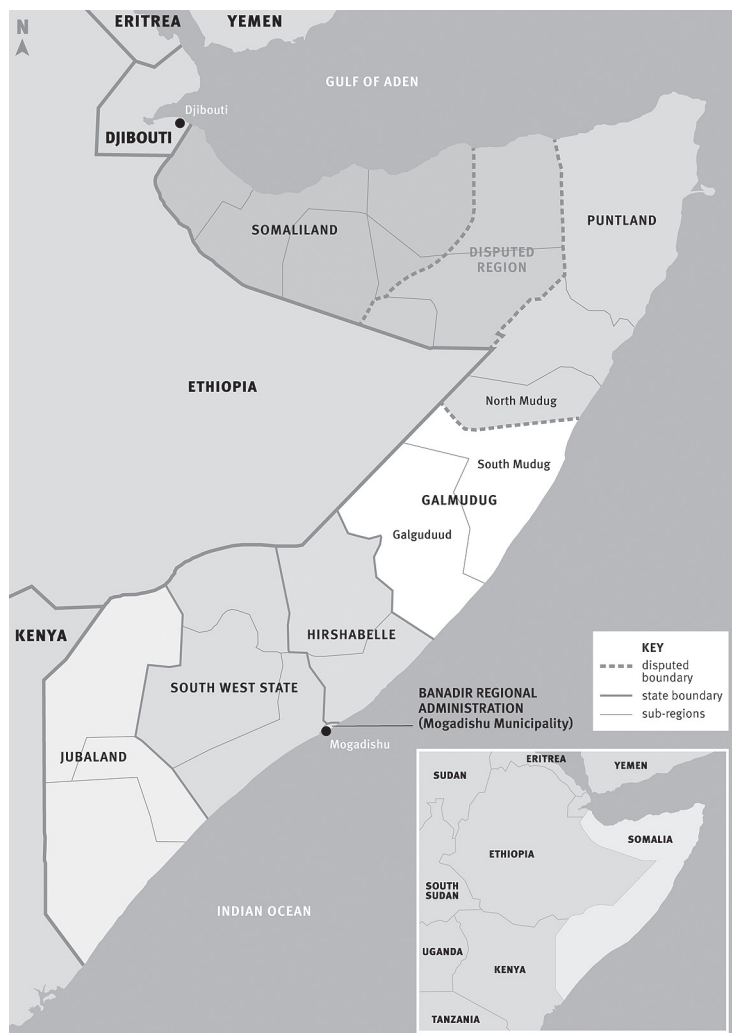
ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

34 Обоснование кенийского вмешательства подробнее см.: BIRKETT D.J. *The Legality of the 2011 Kenyan Invasion of Somalia and its Implications for the Jus Ad Bellum* // Journal of Conflict and Security Law. 2013. Vol. 18. № 3. P. 427–451.

35 См. текст временной Конституции Федеративной Республики Сомали 2012 года: <http://hrlibrary.umn.edu/research/Somalia-Constitution2012.pdf>.

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
 ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
 КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
 В СОМАЛИ

Государства-члены
 (штаты) Федератив-
 ной Республики Сомали,
 2020 год³⁷.

как минимум квазифедеративных отношений с так называемыми государствами-членами федерации (штатами)³⁶.

Конституцию Сомали 2012 года с федералистской точки зрения следует признать едва ли не идеальной, поскольку в ней содержатся все постулаты федералистского канона. Террито-

36 Подробнее об этом см.: БРАЖАЛОВИЧ Ф.Л., КЛЮЧНИКОВ М.И., ЛУКЬЯНОВ А.И. *Политико-географические аспекты проблемной государственности (на примере Сомали)* // География и природные ресурсы. 2016. Т. 3. С. 181–188; ЖУКОВ А.Е. *Сепаратизм в современном Сомали и международные перспективы де-факто независимых регионов страны* // Известия Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай-хана. 2013 (<https://articlekz.com/article/19899>); ДАНИР А., SHEIKH ALI A.Y. *Federalism in Post-Conflict Somalia: A Critical Review of Its Reception and Governance Challenges* // *Regional & Federal Studies*. 2021. P. 1–20.

37 Приводится по: YOUSUF Z., ABDI M., ALI A. *Clans, Contention and Consensus. Federalism and Inclusion in Galmudug*. London: Saferworld, 2020. P. 15 (www.saferworld.org.uk/resources/publications/1257-clans-consensus-and-contention-inclusion-and-federalism-in-galmudug).

рия страны, согласно документу, делилась на штаты, каждый из которых имел собственное правительство и легислатуру³⁸. Действуя в рамках разделения властей и функционирования сдержек и противовесов, Федеральное правительство, укрепляя национальное единство, было обязано материально поддерживать нуждающиеся штаты. При этом, как и полагается в классических федерациях, составные части Сомали сохраняли свою автономию и самоуправление в рамках определенных Конституцией компетенций. За федеральным правительством резервировались исключительные полномочия в таких областях, как оборона, внешняя политика, денежная эмиссия и иммиграция. Конституция также допускала наличие сфер совместной юрисдикции, в которых могут законодательствовать правительства обеих уровней.

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

Будучи истовыми приверженцами унифицирующей миссии ислама, активисты «Аш-Шабаб» стремились игнорировать клановые границы внутри Сомали. В 2011 году именно ее лидеры призвали всех мусульман к борьбе с «полуавтономиями», ранее созданными различными кланами на национальной территории.

Определяя принципы территориального деления, Конституция подчеркивала важность консультаций, всеобщего согласия, а также учета исторических, географических и социально-экономических факторов при установлении количества штатов и границ между ними. Кроме того, она постулировала важность сотрудничества и взаимодействия между федеральным правительством и составными частями федерации. В отдельных ее положениях признавалась значимость культуры мира, терпимости и примирения для нормального функционирования федеративного государства. Отдельной статьей постулировалось учреждение в Сомали Федерального парламента, состоящего из Народной палаты и Верхней палаты. Как и в классических федерациях, Народная палата избиралась всем населением Сомали по системе пропорционального представительства, а Верхняя палата комплектовалась штатами в соответствии с их Конституциями и законами о выборах.

38 Подробный анализ Конституции 2012 года см. в работе: KOUROUTAKIS A. *The Provisional Constitution of the Federal Republic of Somalia: Process, Architecture, and Perspectives* // Cambridge International Law Journal. 2014. Vol. 3. № 4. P. 1195–1206; см. также: АНМЕД N. *Somalia's Struggle to Integrate Traditional and Modern Governance: The 4,5 Formula and 2012 Provisional Constitution*. Master's Thesis. The American University in Cairo, 2019; ZOPPI M. *Federalism: A Valid Instrument for Reconciliation in Somalia?* // Wardheer News. 2013. November 22 (<https://wardheernews.com/federalism-valid-instrument-reconciliation-somalia/>).

Руководствуясь Основным законом 2012 года, администрация, возглавляемая Хасаном Шейхом Махмудом, предприняла немало усилий, чтобы содействовать примирению кланов сомалийского общества между собой, умиротворить страну и создать в ней более инклюзивную и представительную политическую систему. В ходе последующей федерализации были созданы пять федеральных округов, а также начались переговоры с Сомалилендом, посвященные принципам вхождения этой обособившейся территории в федерацию. В 2017 году в стране состоялись первые после начала транзита общенациональные выборы, по итогам которых был сформирован новый парламент. Депутаты в свою очередь избрали нового президента, причем передача власти от инкумбента к преемнику прошла мирно и бесконфликтно.

Несмотря на заметный прогресс в утверждении федеративной системы, некоторые проблемы оказались реформаторам не под силу. Одним из фундаментальных препятствий, блокирующих успешное функционирование сомалийской государственности, остаются территориальные споры между равноправными членами федеративного союза. Таких споров довольно много, но за каждым из них стоит одна и та же причина: несогласованность административных и клановых границ между собой³⁹. В указанном плане показательна ситуация с Юго-Западным штатом, находящимся в территориальных конфликтах с несколькими соседями сразу. Эта административная единица спорит с соседним штатом Хиршабелле по поводу территорий Нижняя Шабелле и Бакол, причем в обоих случаях выяснение отношений сопровождается вооруженными столкновениями и массовыми переселениями. Одновременно Юго-Западный штат и штат Джубаленд оспаривают друг у друга регионы Гедо, Нижняя Джубба и Средняя Джубба. В территориальные тяжбы вовлечены и другие субъекты сомалийской федерации: в частности, штаты Гальмудуг и Пунтленд уже много лет оспаривают друг у друга город Галькайо, разделенный ими на две части. Проходящая через этот населенный пункт граница между штатами существовала не всегда: она сложилась из немаркированной линии размежевания враждующих кланов маджертин и хавийа, заселивших северные и южные кварталы соответственно⁴⁰. Учитывая множество подобных

39 Подробнее см.: MOSLEY J. *Somalia's Federal Future: Layered Agendas, Risks and Opportunities* // Policy Commons. 2015. September 2 (<https://policycommons.net/artifacts/613740/somalias-federal-future/1593848/>); TRES T. *New "Breakaway" Administration Forms in Somalia in Latest Federalism Dispute* // Somalia Newsroom. 2015. December 29 (<https://somalianewsroom.com/2015/12/29/new-breakaway-administration-forms-in-somalia-in-latest-federalism-dispute/>).

40 ABDIRAHMAN K. *Contested Commerce: Revenue and State-Making in the Galkayo Borderlands* // Rift Valley Institute. 2021. November 23 (<https://riftvalley.net/publication/contested-commerce-revenue-and-state-making-galkayo-borderlands>).

историй, федерализм в Сомали невозможно считать полноценным и доброкачественным; по сути, страна остается декоративной федерацией, тяготеющей в лучшем случае к конфедеративному союзу, причем перспективы приведения ее в соответствие с федералистским стандартом на сегодняшний день не просматриваются⁴¹. Чтобы подкрепить эту точку зрения, будет полезно остановиться на некоторых особо значимых сомалийских территориях, рассмотрев их по отдельности.

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

СОМАЛИЛЕНД: ЧТО-ТО ВРОДЕ СОМАЛИЙСКОЙ ШВЕЙЦАРИИ

Как только англичане покинули Африканский Рог, кланы Сомалиленда начали активно демонстрировать свое нежелание интегрироваться в единое государство. Так, они не признали временную Конституцию Сомалийской Республики, принятую на национальном референдуме 1961 года. Однако противостоять замыслам бывших метрополий, которые конструировали постколониальные страны, руководствуясь собственными резонами, им было тяжело: в итоге бывшее Британское Сомали все-таки оказалось под властью Могадишо. Поначалу все шло более или менее ровно, но государственный переворот Барре, состоявшийся в 1969 году, непоправимо испортил взаимоотношения северных кланов с центральными властями. За два десятилетия диктатуры и без того хрупкое равновесие между сомалийскими племенами было решительным образом поколеблено, поскольку диктатор методично возвышал одни клановые группы и прижимал другие, а политика кланового террора 1980-х и вовсе уничтожила остатки доверия между северянами и правящим в столице режимом. После фактического распада Республики Сомали в начале 1990-х традиционные лидеры и политико-экономические элиты Сомалиленда приступили к формированию основ самостоятельной государственности⁴². Они прилагали немалые усилия, чтобы обеспечить сплочение и солидарность местных кланов, увлечь их идеей независимости северной территории. Рухнувший «социалистический» режим изображался в качестве общего врага всех северных сомалийцев, а официальной целью Сомалиленда провозглашалось создание более справедливой политической системы, позволяющей населению северных регионов процветать автономно⁴³. Общественный

⁴¹ Dahir A., Sheikh Ali A.Y. *Op. cit.*

⁴² См.: Barawani M.M. *Somaliland and Somalia Peace-Building Process: Actors, Interventions, and Experiences* // International Journal of Development Research. 2017. Vol. 7. № 8. P. 14248–14259.

⁴³ Подробнее о политическом развитии Севера после ухода Барре см.: Lewis I.M. *A Modern History of the Somali, Revised, Updated, & Expanded*. London: Boydell & Brewer, 2002. P. 262–310; Forti D.R. *Op. cit.*

престиж, которым старейшины кланов пользовались на Севере, позволил добиться всеобщего понимания того, что региону в императивном порядке требуется мир. Разумеется, в 1990-е в Сомалиленде, как и на Юге, тоже наблюдалось вооруженное противоборство клановых групп и кланов за контроль над важными инфраструктурными объектами – в основном морскими и воздушными гаванями. Тем не менее после каждой очередной вспышки насилия вопрос неизменно улаживался на межклановых конференциях.

В 1997 году на такой конференции была принята Переходная национальная хартия, которая в дальнейшем послужила основой для Конституции Сомалиленда. Административно-политическая система, разработанная на этом форуме, была названа «гибридной»: она закрепляла за традиционными старейшинами кланов роль неформальных, но могущественных переговорщиков и посредников – и одновременно предполагала современную представительную демократию и разделение властей. В Сомалиленде учреждался двухпалатный парламент: его верхняя палата комплектовалась из делегированных кланами старейшин, а нижняя палата избиралась в ходе выборов. Правительство региона также формировалось с учетом кланового принципа, согласно которому каждому клану отводилась фиксированная министерская квота. В целом система предусматривала преференции для небольших кланов, которые были призваны уменьшить их опасения, вызываемые потенциальным доминированием клановой группы исаак. В 2001-м в ходе референдума Сомалиленд принял новую Конституцию, поддержанную 97% населения. С 2003 года на территории регулярно проходят вполне демократичные выборы, по результатам которых власть в основном передается мирно. На последних из них, состоявшихся в 2017-м, Муса Биби Абди – бывший военный летчик и министр внутренних дел – был избран пятым президентом автономии (в 2022-м парламент продлил его полномочия еще на два года)⁴⁴.

Как ни удивительно это звучит в сомалийском контексте, за годы своего обособленного существования Сомалиленд преобразовался в мирное и демократическое государство. В автономии успешно восстановлены разрушенные города, введена собственная валюта, действует эффективная система налогообложения, функционирует авиационная и морская инфраструктура. Государство даже присоединилось к числу стран, подписавших Всеобщую декларацию прав человека. Наблюдатели

44 *Somalia: Muse Bihi elected as the 5th president of Somaliland* // Garowe Online. 2017. November 21 (www.garoweonline.com/en/news/somaliland/somalia-muse-bihi-elected-as-the-4th-president-of-somaliland); СМИ: срок полномочий президента сомалийского штата Сомалиленд продлили на два года // ТАСС. 2022. 1 октября (<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15931161>).

не раз отмечали успехи властей Сомалиленда в борьбе с терроризмом и пиратством в пределах собственных границ⁴⁵. Одновременно автономия многое сделала для того, чтобы нормализовать отношения с центральным правительством, остающиеся пока далекими от идеала. Посредством различных шагов – начиная со встреч первых лиц автономии и федерации (президенты виделись в Дубае в июне 2012-го и в Анкаре в 2013-м) и заканчивая договоренностями, скажем, о совместном управлении воздушным движением, достигнутыми примерно в то же время, – Сомалиленд деликатно, но твердо добивался благорасположения Могадишо. Для местных властей это было выгодно, поскольку, с одной стороны, повышало их международный статус, а с другой, склоняло столицу к поддержке автономии в ее территориальном споре с соседним штатом Пунтленд.

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

Как ни удивительно это звучит в сомалийском контексте, за годы своего обособленного существования Сомалиленд преобразовался в мирное и демократическое государство.

Вместе с тем после трех десятилетий автономного плаванья Сомалиленда в качестве пусть и не признанного международным сообществом, но все же вполне независимого государства, перспективы его полноценного возвращения в состав Сомали представляются призрачными. Против такого развития событий говорит прежде всего то, что элитам Сомалиленда удалось создать гораздо более устойчивое государственное образование и заметно более эффективные политические институты, нежели те, что сформировались в Сомали в целом. Не способствует слиянию и горький исторический опыт сосуществования под одной крышей, который у северян ассоциируется с политикой дискриминации и репрессий в отношении клановой группы исаак. Поэтому скорее всего в обозримом будущем в основном сохранится устраивающее обе стороны равновесие: Могадишо и дальше будет видеть Сомалиленд частью федеративного целого, а сам Сомалиленд по-прежнему будет считать себя если не полностью независимым, то основательно автономным.

Пунтленд: строптивый, но верный союзник

В отличие от Сомалиленда, Пунтленд переживал период дезинтеграции без стремления выйти из состава единой страны: его

⁴⁵ См.: FORTI D.R. *Op. cit.*; PEGG S., KOLSTØ P. *Somaliland: Dynamics of Internal Legitimacy and (Lack of) External Sovereignty* // Geoforum. 2016. Vol. 66. P. 193–202.

власти были готовы удовлетвориться только расширением автономии. Несмотря на то, что в обеих автономиях структура власти зиждется на клановых отношениях и авторитете клановых старейшин, Пунтленд, в отличие от Сомалиленда, изначально выстраивался на базе наследственных султанатов, в которых исторически доминировал клан маджертин. Именно его представители занимают все ключевые административные посты в штате. Президент Пунтленда Абдирахман Фароле, находившийся у власти в 2009–2014 годах, отмечал, что необходимость появления в 1998-м самоуправляемого государственного образования была обусловлена в первую очередь коллапсом власти в Могадишо и ее неспособностью обеспечивать экономическую, демографическую, оборонную политику⁴⁶. Замещая недееспособные центральные структуры, сомалийские кланы формировали военизированные группировки, которые становились их главным управленческим инструментом. Для клана маджертин таковым стали Силы безопасности Пунтленда, позже переименованные в Национальные вооруженные силы. Опираясь на этот силовой ресурс, местные элиты не только сами определяли круг собственных исключительных полномочий, но и навязывали центру свои условия в ходе федеративного торга.

В свою очередь центр, не желая оставаться беззащитным, противопоставлял властям Пунтленда свои рычаги давления. Показателен в этом смысле перечень претензий, который власти Гароуэ предъявили властям Могадишо в ходе конфликта, вспыхнувшего между ними в 2011 году: Переходное федеральное правительство обвинялось в нежелании делиться финансовой и гуманитарной помощью, поступающей от международных организаций, в затягивании переходного периода, в задержке с принятием общенациональной Конституции⁴⁷. В тот период правительство Пунтленда ввело запрет на посещение подконтрольной ему территории должностными лицами сомалийского правительства⁴⁸. Особое раздражение у автономии вызвало то обстоятельство, что федеральный парламент взялся за обсуждение критически важного Закона о нефти без должного участия региональных властей⁴⁹.

Пунтленд и далее продолжал ссориться с Могадишо. В 2013 году администрация штата обнародовала заявление, в котором

46 См.: *His Excellency Abdirahman Mohamed Mohamud (Farole), President of Puntland State of Somalia. Puntland's Experience in Peace-building and State-building*. Nairobi, 2011 (http://somalitalkradio.com/2011/apr/farole_speech_nbi_meeting_apr2011.pdf).

47 См.: Алейников С. В. *Сомали сегодня: автономные территории, государственные структуры, военно-политические группировки*. Институт Ближнего Востока. 4 мая 2011 года (www.iimes.ru/?p=12560).

48 *Puntland Bans Somali Govt Officials from Territory* // Reuters. 2011. January 23 (www.reuters.com/article/ozatp-somalia-politics-20110123-idAFJ0E70M06320110123).

49 См.: ROBLE T. *Puntland "Suspends Cooperation" with FGS over Garowe Fiasco* // Goobjoog News. 2019. May 28 (<https://goobjoog.com/english/puntland-suspends-cooperation-with-fgs-over-garowe-fiasco/>).

выразила озабоченность тем, что страна снова втянулась в порочный круг насилия, вынужденных переселений, клановой вражды. Кроме того, как говорилось в документе, центральное правительство полностью игнорирует временную федеральную Конституцию Сомали, отказываясь, вопреки принципам федеративного устройства, делиться с регионами иностранной помощью⁵⁰. Внешняя поддержка имела для Пунтленда особую важность, поскольку этот регион существенно пострадал от цунами 2009 года и голода 2011-го⁵¹. Кроме того, местные элиты были крайне встревожены слишком вялым противодействием федерального кабинета экспансии признанной в России экстремистской и запрещенной «Аль-Каиды», которая угрожала дестабилизировать клановую систему Пунтленда.

Новые трения между своенравным регионом и Могадишо возникли в 2014 году, когда федеральное правительство вознамерилось оказать содействие регионам Гальгудуд и Мудуг, пожелавшим объединиться. Пунтленд усмотрел в этом покушение на свою территориальную целостность, поскольку он контролирует одну из частей разделенного надвое Мудуга, – и в очередной раз разорвал все связи с правительством Могадишо. Комментируя намечаемое формирование нового штата, официальный представитель автономии заявил, что слияние регионов требует консультаций не только с местными жителями, но и в обязательном порядке с правительством Пунтленда, поскольку оно выступает заинтересованным актором⁵². На отношения региона с Могадишо негативно влияла и еще одна территориальная проблема, а именно, долгие годы остающийся неопределенным статус территорий Сул и Санааг, претензии на которые одновременно предъявляли и Пунтленд, и Сомалиленд. Вопреки надеждам властей Гароуэ на поддержку федерального центра столица несколько раз пыталась развязать этот узел посредством прямых переговоров с правительством Сомалиленда – причем представители Пунтленда к ним не привлекались. Впрочем, этот спор, в конце концов, удалось разрешить: в марте 2021 года федерация и регионы договорились о том, что на спорных территориях сначала должны пройти новые выборы и только после образования новых органов власти можно будет вновь заняться уточнением их административной принадлежности.

Однако по мере того, как груз острых, но откладываемых проблем нарастал, в рядах местных элит все громче и настой-

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЬКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

50 *Somalia's Puntland Breaks off Relations with Central Government* // Reuters. 2013. August 5 (www.reuters.com/article/us-somalia-politics-puntland-idUSBRE9740UZ20130805).

51 См.: HAMZA M. *Somalia's Puntland Picks a New President* // Al Jazeera. 2014. January 8 (www.aljazeera.com/features/2014/1/8/somalias-puntland-picks-a-new-president).

52 См.: YUSUF M. *Puntland Cuts Ties with Somalia Over Formation of New State* // Voice of America. 2014. March 17 (www.voanews.com/a/puntland-cuts-ties-with-somalia-over-formation-of-new-state/2410930.html).

чивее обсуждалась идея официального выхода из федерации. Последней каплей, переполнившей терпение местных элит, стало принятое федеральными властями в конце 2022 года решение назначить новым начальником полиции Пунтленда «силовика» из штата Джубаленд. Номинирование «чужака» на должность, которую традиционно занимали местные офицеры, вполне ожидаемо было воспринято властями Пунтленда как злонамеренное оскорбление⁵³. Усмотрев в нем интриги соседей, президент автономии Саид Абдуллахи Дени обвинил президента федерации Хасана Шейха Махмуда в игнорировании принципов федеративной государственности и лоббировании интересов Сомалиленда. Раздражение оказалось столь велико, что в январе 2023 года Пунтленд решился на шаг, который ранее многократно им откладывался: территория официально уведомила Могадिशо и весь мир о своей независимости. Наблюдатели объясняли эту непропорционально жесткую реакцию тем, что нынешнему президенту беспокойной автономии вот-вот предстоит переизбрание, а это обязывает его предстать в глазах своего электората «жестким парнем». Впрочем, речь все-таки шла не столько о стратегии, сколько о тактике: провозглашенная независимость оказалась как бы не совсем полной; заявляя о ней, региональные власти говорили, что намереваются вести свои дела в частном порядке лишь до тех пор, пока не завершится работа над федеральной Конституцией и не состоится общенациональный референдум по ее принятию⁵⁴.

Стойкий отказ Пунтленда следовать примеру Сомалиленда и объявить о безоговорочной независимости, остававшийся в силе много лет, сыграл немалую роль в предотвращении полного распада сомалийского государства. Занимаясь созданием собственной властной системы, обслуживающей интересы клана маджертин, его элиты продолжали тем не менее участвовать в политической жизни Сомали и работе переходных органов власти; это, безусловно, был существенный вклад в продолжение федеративного эксперимента. Правительство Пунтленда выступало довольно последовательным борцом за «подлинную федерацию», неустанно разъясняя федеральным властям, как ее механизмы должны работать, а также настаивая на четком разделении компетенций и недопустимости чрезмерной концентрации власти в центре. Кроме того, власти

53 *Appointment of New Police Chief Exacerbates Rift between Somalia's President, Puntland Leader* // Somali Guardian. 2023. January 28 (<https://somaliguardian.com/news/somalia-news/appointment-of-new-police-chief-exacerbates-rift-between-somalias-president-puntland-leader/>).

54 *Somalia's Puntland State Announces It Is "Independent Government"* // Somali Guardian. 2023. January 9 (<https://somaliguardian.com/news/somalia-news/somalias-puntland-state-announces-it-is-independent-government/>).

Пунтленда настаивали на сохранении культурно-исторической идентичности каждой сомалийской территории, соблюдении кланового равновесия при распределении высших государственных должностей, укреплении правового государства и борьбе с коррупцией. Все перечисленное, впрочем, не мешает скептикам постоянно указывать на то, что именно Пунтленд был и остается главной базой получившего всемирную известность сомалийского пиратства⁵⁵.

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

МААХИР И ХАТУМО: ТЕ, КОМУ АВТОНОМИИ НЕ ДОСТАЛОСЬ

Не все территориальные образования, возникшие в годы сомалийской смуты, смогли преуспеть в той же мере, в какой это удалось Сомалиленду или Пунтленду. В этом плане показательны неудачные попытки обзаведения собственной государственностью, которые предпринимались в 2000-е кланами варсангали и долбаханте, пытавшимися наделить суверенитетом подконтрольные им территории Маахир и Хатумо. Эти опыты, обогащающие жизнь сомалийского федерализма новыми подробностями, заслуживают того, чтобы остановиться на них хотя бы вкратце.

Регион Маахир, расположенный на границе, разделяющей Сомалиленд и Пунтленд и оспариваемой каждым из «тяжеловесов», объявил об автономии в составе Сомали 1 июля 2007 года. Эта земля – традиционная зона расселения клана варсангали, входящего в клановую группу дарод. К моменту свержения режима Барре этот клан был настолько влиятельным, что смог в 1998 году выступить одним из соучредителей автономного региона Пунтленд. В последующее десятилетие, однако, клан варсангали проиграл во внутривнутриполитическом противоборстве клану маджертин, который, в конечном счете, монополизировал власть в Пунтленде, сведя влияние конкурентов к минимуму. Именно это побудило варсангали задуматься о создании собственной автономной единицы, которой, по их замыслу, должен был стать Маахир. В принципе, стратегия варсангали в миниатюре воспроизводила тот путь, который уже был пройден Пунтлендом. Речь шла о формировании автономии, которая входила бы в составе федеративного государства и защищала бы интересы конкретного клана. В будущем Маахире, полагали автономисты, следовало утвердить такую же административно-управленческую систему, как и в Пунтленде⁵⁶.

55 См., например: *Пунтленд – родина пиратов* // Огонек. 2008. 23 ноября (www.kommersant.ru/doc/2301744).

56 Подробнее о проблеме Маахира см.: НОЕННЕ М. V. *Between Somaliland and Puntland: Marginalization, Militarization and Conflicting Political Visions*. London; Nairobi: Rift Valley Institute, 2015.

Однако Переходное федеральное правительство Сомали не признало автономию Маахира. В этом его поддержали и соседи в лице Сомалиленда и Пунтленда⁵⁷. Обе территории считали Маахир своей неотъемлемой частью, а попытки его обособления – покушением на собственную территориальную целостность. Что же касается властей Могадишо, то они полагали, что в сомалийской квазифедерации и так слишком много субъектов и потому дальнейшая фрагментация не имеет смысла. Кроме того, они не хотели лишней раз раздражать штат Пунтленд, который, в отличие от Сомалиленда и вопреки своим обидам на столицу, не раз выказывал свою преданность федерации, предпочитая независимости автономию.

В начале 2008 года Сомалиленд оккупировал значительную часть территории Маахира. На оставшихся землях, однако, клану варсангали в 2009-м удалось избрать новые органы власти, которые, трезво оценив свои возможности на фоне потенциальной агрессии Сомалиленда, решили отказаться от своих первоначальных планов и вернуться в состав Пунтленда. В знак признательности за такое решение вооруженные силы Пунтленда в начале 2009 года освободили ту часть территории Маахира, которая была занята войсками Сомалиленда. Позволив клану варсангали вернуться к «родине-матери» без потерь, правительство Пунтленда однако не стало настаивать на возвращении также оккупированных соседями земель клана долбаханте, в чем старейшины последнего усмотрели тяжкое оскорбление. Реагируя на эту обиду, элиты долбаханте развернули борьбу за создание внутри сомалийской федерации собственного государства под названием Хатумо.

Проблемный статус региона Хатумо обусловлен тем, что и на него претендуют все те же региональные гегемоны в лице Пунтленда и Сомалиленда, между землями которых он расположен. Регион включает в себя три провинции, заселенные выходцами из кланов долбаханте и варсангали – Сул, Санааг и Айн. С одной стороны, привлекая квазиисторическую аргументацию, власти Пунтленда говорят о том, что в стародавние времена кланы долбаханте и варсангали были объединены под эгидой общего предка из клана маджертин, а потому Пунтленд, будучи продуктом политического самоопределения последней из этих групп, притязает на упомянутые земли вполне законно. С другой стороны, Сомалиленд делает легалистский акцент на том, что до провозглашения независимости территория Хатумо входила в состав Британского Сомали. Оказавшись

57 О диалектических изменениях, претерпеваемых порой политическими установками сомалийских квазигосударств – «the shift “from warlord to landlord”», – подробнее см.: MENKHAUS K. *Governance without Government in Somalia: Spoilers, State Building, and the Politics of Coping* // *International Security*. 2006–2007. Vol. 31. № 3. P. 74–106.

под двусторонним давлением более мощных образований и опасаясь фатального ущемления своих клановых интересов, нотабли Хатумо решили взять курс на сближение с Могадишо и формирование при поддержке федералов собственного штата⁵⁸. Клан долбаханте приступил к выковывыванию собственной автономии в 2009 году; его лидерам казалось, что, политически сплотив провинции Сул, Санааг и Айн, они обезопасят себя от соседей-хищников. Жители приграничных районов в основном поддержали план учреждения автономной администрации, напрямую подчиняющейся столичному правительству, – и дело было сделано.

Провозглашение автономии, однако, не только не разрядило обстановку, но, напротив, повлекло за собой новое обострение: Сомалиленд, недовольный таким самоуправством, ввел в анклав свои войска. Вожди долбаханте усмотрели в этом акте явную попытку клана исаак аннексировать их земли и обратились за поддержкой к центральной власти. В результате фактическая автономия в 2012 году повысила свой статус, с благословения Могадишо превратившись в штат. Такой исход, однако, категорически не устраивал Пунтленд, где доминирует та же племенная группа, что и на спорных территориях; его власти посчитали статус штата избыточным. Военная интервенция со стороны Пунтленда, начатая в 2013 году, вынудила правительство Хатумо бежать в Кению. После этого власти Пунтленда объявили, что отказываются считать Хатумо полноценным штатом Сомали, а в стремлении утвердить его суверенитет усматривают действия, направленные на дестабилизацию Пунтленда⁵⁹.

Последующие попытки администрации Хатумо вернуть себе контроль над утраченными территориями не увенчались успехом. Ситуация осложнялась еще и тем, что с середины 2010-х на спорных землях начало укрепляться исламистское движение «Аш-Шабаб». В результате власти Сомали решили подтолкнуть Хатумо к сближению с Сомалилендом, способному, по их мнению, более эффективно противодействовать экстремистской угрозе. Несмотря на раскол, спровоцированный этим решением в элитах долбаханте, в 2017 году президент Сомалиленда и президент Хатумо подписали соглашение, предусматривающее роспуск проблемного штата и его реинтеграцию в состав бывшего Британского Сомали. Поскольку эти договоренности не были признаны всеми участниками конфликта, столкновения в регионе продолжались и в последующие годы. При этом противостояние на всех этапах имело и имеет клановую подоплеку:

58 НОЕННЕ М. V. *Between Somaliland and Puntland...*

59 См.: *Fear in Khatumo ahead of Puntland Polls* // The New Humanitarian. 2013. December 26 (www.the newhumanitarian.org/feature/2013/12/26/fear-khatumo-ahead-puntland-polls).

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

«Государственные образования, претендующие на контроль над провинциями Сул и Санааг, не способны внятно обосновать своих притязания: ни аргумент “земли”, к которому обращается Сомалиленд, ни аргумент “крови”, которым оперирует Пунтленд, не кажутся убедительными. [...] Как бы то ни было, речь должна идти о конфликте не между государствами, а между местными силами, либо добивающимися самоопределения, либо демонстрирующими свою приверженность другому государству»⁶⁰.

Гальмудуг: значимость и недееспособность

В августе 2006 года на территории центральных провинций Гальгудуд и Мудуг появилась новая автономия – Гальмудуг с центром в Галькайо. Ее территориальные границы за прошедшее время неоднократно менялись: сегодня в нее входят провинция Хобье и половина провинции Мудуг. Гальмудуг всегда был весьма важным для Сомали регионом, что обусловлено его географией: он занимает самый центр страны, располагаясь между штатами Пунтленд и Хиршабелле. Фактически здесь проходит условная линия размежевания основных сомалийских кланов (включая и те, что проживают на территории Эфиопии), делящая их на северные и южные, а также на сельскохозяйственные и скотоводческие. Многие политические лидеры Сомали либо были уроженцами этой местности, либо опирались на поддержку обосновавшихся здесь кланов. В Сомали даже бытует убеждение, согласно которому замирение Гальмудуга выступает принципиальным условием успокоения всего Сомали. В то же время за регионом прочно закрепилась репутация «самого недееспособного штата федерации»⁶¹. Когда местные нотабли задумались о самоопределении, они, подобно элитам Пунтленда и Маахира, не предполагали провозглашение независимости и поддерживали федеративную форму территориально-административного устройства, выступая за организацию общенациональной конференции по примирению. С самого образования региона в нем сохраняется довольно нетипичная бинарная структура: если кланы, проживающие к северу от его столицы, ассоциируют себя с Пунтлендом, то кланы, населяющие южную часть, ориентированы на Мудуг⁶².

До принятия Конституции 2012 года территория Гальмудуга представляла собой конгломерат самостоятельных городов-государств, находившихся под контролем одиннадцати мест-

60 KLUIJVER R. KYD2 – State Formation between Puntland and Somaliland (https://robertk.space/somali-studies/kyd2-state-formation-between-puntland-and-somaliland/#_ftn3).

61 См.: *The Galmudug Crisis: A Blueprint for Sustainable Settlement (Policy Brief)*. Mogadishu: Heritage Institute for Policy Studies, 2019 (www.heritageinstitute.org/the-galmudug-crisis-a-blueprintfor-sustainable-settlement/).

62 Подробнее о месте, которое Гальмудуг занимает в системе сомалийского федерализма, см.: YOUSUF Z., ABDI M., ALI A. *Op. cit.*

ных кланов. Они довольно слабо взаимодействовали между собой в силу естественной разобщенности, однако нарастающая внешняя угроза, связанная с выходом на политическую арену Союза исламских судов, вынудила разрозненные племенные элиты договариваться друг с другом ради объединения сил. В 2006 году на территории появилась первая администрация, сформированная подкланом саад, который входит в клан хабр гедир, в 2008-м другой подклан из той же группы, салибан, создал еще одну квазигосударственную администрацию. В то время как хабр гедир закреплялся на севере, в южных провинциях Гальмудуга прочно обосновалась умеренная исламистская группировка «Ахль ас-сунна ва джамаа» (АСВД), игнорирующая клановые различия и борющаяся за доминирование с радикальными исламистами из «Аш-Шабаб». К началу 2010-х нужды консолидации заставили элиты Гальмудуга приступить к формированию единого субъекта сомалийской федерации. В 2014 году состоялись многосторонние переговоры, в ходе которых представители кланов, исламистов и федеральных властей попытались найти формулу, позволяющую учредить новый автономный регион. На выработку консенсуса, однако, ушел целый год: штат Центральные регионы появился на карте страны только в 2015 году.

В рассматриваемом случае федеративное строительство осложнялось особенностью, которая отсутствовала при образовании других субъектов федерации. Если, например, в северной части Сомали в подобных ситуациях требовалось лишь зафиксировать общность позиций различных клановых групп или их кланов, то в данном случае межклановый консенсус нужно было дополнить компромиссом еще и с боевиками из АСВД. За несколько лет существования пусть странной, но все-таки вполне реальной сомалийской федерации представительство различных общественных сил обеспечивалось внедрением клановых квот: схемы подобного квотирования применялись как в отдельных штатах, так и на федеральном уровне. Однако исламистов подобный подход заинтересовать не мог – им нужно было предложить иные модели учета их интересов. Это обогащало федералистскую матрицу новыми методиками.

АСВД отвергала клановые правила игры по двум причинам. С одной стороны, их принятие противоречило бы духу ислама, который не признает никакого разделения внутри мусульманской уммы. С другой стороны, исламисты не могли не понимать, что, согласившись на внедрение сугубо клановой системы, обкатанной в иных местах, они ослабят свою группировку и сделают ее менее значимой. На консультациях, предшествовавших образованию штата Центральные регионы, этот пункт оказался в центре дискуссий. Исламисты тогда заявили, что им хотелось

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

бы участвовать в политическом торге в качестве не клановой структуры, а политической организации; более того, они вообще отказались заседать на учредительном форуме, обвинив федеральные власти в недопустимом вмешательстве в его подготовку. Представители кланов в свою очередь опасались, что участие АСВД как политической организации нарушит клановое равновесие в пользу дир и марехан, выходцы из которых преобладали в рядах исламистов. Согласно выкладкам этих скептиков, из-за такого новаторства нельзя было исключать, что ключевые посты в будущем штате монополизировать одна группа: скажем, должность президента Гальмудуга достанется ей по клановой квоте, а должность премьер-министра она получит благодаря резервированию этого поста за АСВД.

Как бы то ни было, в июне 2015 года на учредительном съезде была принята временная Конституция нового региона, в соответствие с которой в его состав включались в числе прочих и северные земли провинции Мудуг, формально числившиеся за соседним Пунтлендом. На основании этого документа был сформирован парламент Гальмудуга, который избрал руководство штата. АСВД, однако, не принял участия в форуме, проведя альтернативную конференцию; на ней было избрано исламистское руководство штата. В декабре 2017 года при посредничестве федерального президента Ахмеда Дуале Гелле удалось подписать соглашение, закрепившее принципы распределения власти между АСВД и администрацией штата, но оно не смогло снять всех разногласий. Ситуация обострилась в начале 2020-го, когда на президентских выборах в Гальмудуге победил кандидат, поддержанный федеральными властями. Не согласившись с таким итогом, АСВД созвала собственную ассамблею, на которой опять избрала свои органы власти. Спор закончился вооруженным конфликтом между Сомалийской национальной армией и военизированным крылом АСВД, который был погашен лишь с вмешательством клановых старейшин⁶³.

ДЖУБАЛЕНД: ТРУДНОЕ РОЖДЕНИЕ

Коллапс центральной власти, пришедшийся на начало 1990-х, запустил маховик самоопределения и на сомалийском Юге, где в 1998-м бывшие сподвижники Сиада Барре провозгласили независимость государства Джубаленд. Как и следовало ожидать,

63 Подробнее о динамике политического развития в Гальмудуге см.: HARUN I. *Federalism as an Institutional Device for Peace in Somalia: Prospects and Challenges*. PhD dissertation. University of Cape Town, 2021. P. 272–274 (https://open.uct.ac.za/bitstream/handle/11427/35801/thesis_law_2021_harun%20ibrahim.pdf?sequence=1&isAllowed=y).

новорожденное образование не испытывало симпатий к центральной власти, но уже через несколько месяцев его столицу Кисмайо захватили силы, более расположенные к Могадишо. Новая администрация, поддержанная местными кланами, практически сразу заявила о желании сотрудничать с центральным правительством, но ей не удалось развернуться в полную силу, поскольку в 2000-х южные территории Сомали стали стремительно осваивать подразделения исламистов – сперва из Союза исламских судов, а затем из «Аш-Шабаб». В результате миротворческой операции, предпринятой в конце того же десятилетия Африканским союзом, исламистов удалось потеснить; тем самым на Юге были созданы условия для формирования гражданской региональной администрации. В 2010-м в регионе Джубаленд появилось автономное правительство, которое ориентировалось на федеральный центр и выступало против исламского терроризма и экстремизма⁶⁴.

В начале 2013 года в Кисмайо была созвана конференция, призванная разработать план создания штата Джубаленд в составе Сомали. С самого начала к процессу были привлечены представители исламистского Движения раскамбони – военно-политической группировки, появившейся в результате разгрома Союза исламских судов и последующей фрагментации исламистских сил. При этом, в отличие от «Аш-Шабаб», Движение раскамбони тяготело к поддержке центрального правительства и поддерживало создание автономии на территории Джубаленда. В марте того же года на свет появился проект региональной Конституции, в котором признавалось обязательство региона всемерно содействовать федеральному правительству Сомали исходя из национального единства страны и разделения компетенций между федерацией и ее частями. Особо горячо его поддержали кланы раскамбони и огаден. Однако проект отвергли старейшины кланов дигил и мирифле (клановая группа раханвейн), заявившие, что они не были представлены на переговорах должным образом; в противовес они выдвинули альтернативное предложение об учреждении Юго-Западного штата, состоящего из шести регионов. Основываясь на этом демарше, в Могадишо сочли, что процесс создания Джубаленда свернул с конституционного пути, поскольку не все региональные кланы смогли принять в нем участие. Переходное федеральное правительство обвинило местные элиты в манипуляциях общественным мнением, не совместимых с подлинным федерализмом⁶⁵.

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

64 См.: THURSTON A. *New Semiautonomous Region in Somalia Vows to Fight Al Shabab* // The Christian Science Monitor. 2011. June 4 (www.csmonitor.com/World/Africa/Africa-Monitor/2011/0406/New-semiautonomous-region-in-Somalia-vows-to-fight-Al-Shabab).

65 О деталях государственного строительства в Джубаленде см.: HARUN I. *Op. cit.* P. 266–271.

За всеми этими процессами скрывалась масштабная игра с широким кругом участников, причем не только местных. Так, в создании Джубаленда были заинтересованы соседние Кения и Эфиопия, всячески поддерживавшие Ахмеда Мохамеда Ислама – действующего президента непризнанной федеральными властями территории. Это вызвало вполне объяснимую обеспокоенность правительства в Могадишо, которое боялось, что слишком тесные связи руководства будущего штата с зарубежными партнерами повлекут за собой ослабление федерального контроля над южной частью страны. В ходе торга, последовавшего за неудачной попыткой суверенизации, власти Могадишо попытались максимально укрепить собственные позиции, приобретая дополнительные гарантии собственной влиятельности в обмен на желаемое местными нотаблями самоопределение. Согласно достигнутым договоренностям, устанавливался двухлетний переходный период, в ходе которого управление штатом возлагалось на исполнительный комитет, возглавляемый действующим главой Джубаленда Ахмедом Мохамедом Исламом. В ведение федеральных властей переходило управление портом и аэропортом Кисмайо, в то время как доходы, получаемые от их деятельности, отправлялись на развитие инфраструктуры штата. За переходный период предписывалось интегрировать вооруженные группировки Джубаленда в состав федеральной армии; в то же время в штате предполагалось сформировать собственные правоохранительные органы⁶⁶. В 2015 году, после того, как власти территории выполнили все условия сделки, учреждение нового штата состоялось, а Ахмед Мохамед Ислам был переизбран на президентский пост.

Вместе с тем Джубаленд остается для федерации проблемной территорией. Во-первых, это потенциально богатый регион, что стимулирует перманентную борьбу местных и центральных элит за его ресурсы и инфраструктуру. Во-вторых, источником напряженности остается клановая неоднородность, выражающаяся в том, что различные местные кланы по-разному воспринимают перспективы сомалийской федерации. В-третьих, в силу неразвитости общенациональной дорожной сети штат не в состоянии поддерживать нормальную коммуникацию с центром – в частности, он полностью отрезан от остальной территории страны в сезон дождей. По мнению некоторых экспертов, это делает Джубаленд неустойчивым образованием, способным в неблагоприятных обстоятельствах распасться на более мелкие территориальные сегменты.

66 WENDOSON A. *Somalia Gives Recognition to Jubaland Interim Administration* // Ethiopian Herald. 2013. September 11.

Юго-Западное Сомали и Хиршабелле: *LAST BUT NOT LEAST*

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА
КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

Первая администрация Юго-Западного штата, одного из пяти субъектов сомалийской федерации, была сформирована в 2002 году на заседании центрального комитета Армии сопротивления раханвейн, которая в то время контролировала юго-западные районы Бей и Бакол. Решение об этом санкционировали более 70 старейшин из кланов дигил и мирифле, являющихся доминирующими на этой территории. Главной целью, которую преследовала основанная еще в 1995 году Армия сопротивления раханвейн, было укрепление позиций своей клановой группы за счет обзаведения автономией⁶⁷. Однако довольно скоро Армия столкнулась с мощными конкурентами в лице исламистов: в 2009–2012 годах эта группировка отошла на второй план, поскольку регион попал под влияние «Аш-Шабаб». В ноябре 2014 года, после того, как активность радикальных исламистов пошла на убыль, а в стране появилась федеративная Конституция, федеральные власти после консультаций с местными лидерами и общинами санкционировали учреждение временной администрации Юго-Западного штата, в состав которой были включены провинции Бей, Бакол и Нижняя Шабелле. Образование нового субъекта рассматривалось как важный шаг в укреплении федеративной государственности в Сомали. Основная цель, которую ставили перед собой чиновники из Могадишо, заключалась в формировании такой местной власти, которая могла бы обеспечивать безопасность в регионе⁶⁸.

Образы нового штата в глазах инициаторов проекта разнились. Если в первом варианте, отстаиваемом некоторыми местными политиками, субъект федерации должен был состоять из трех вышеупомянутых территорий, то второй вариант, за который выступали старейшины основных кланов, предполагал включение в его состав еще и трех провинций, которые на тот момент входили в состав Джубаленда. Логика представителей дигил и мирифле была вполне понятной: им хотелось воспользоваться всеобщей неразберихой, царившей в разоренном войной обществе, и объединить основной ареал проживания двух кланов под крышей одной административно-территориальной структуры. Понятно, что по своему конфликтному потенциалу второй проект заметно превосходил первый.

67 См.: *Somalia: RRA Sets Up Autonomous Region* // ReliefWeb. 2022. April 1 (<https://reliefweb.int/report/somalia/somalia-rra-sets-autonomous-region>); HARUN I. *Op. cit.* P. 274–276.

68 Подробнее о проблемах безопасности на Юге см.: *Political, Security and Humanitarian Matters in Focus on International Partners' Visit to South West State* // United Nations Assistance Mission in Somalia. 2022. September 13 (unsom.unmissions.org/southwest-state-somalia).

Именно компромиссный характер первого проекта, предполагающего трехчленную структуру штата, стяжал ему более внушительную поддержку. Несмотря на то, что в начале 2014 года сторонники шестичленной схемы попытались утвердить собственный вариант региональной Конституции, их инициатива, в конечном счете, провалилась. Важный вклад в это внесла верхушка клана огаден, входящего в клановую группу дарод, выступившая с жесткой критикой объединения шести районов. По мнению старейшин огаден, подобный проект игнорировал мнения целого ряда кланов, населяющих зону предполагаемого административного образования – и клана огаден, в частности. Свою роль сыграла и негативная позиция властей Джубаленда, призвавшего соседей не принимать решения, нарушающие территориальную целостность их административной единицы. В итоге в 2014 году в регионе состоялась конференция под председательством президента Сомали Хасана Шейха Махмуда, посвященная различным аспектам создания Юго-Западного штата. 7 ноября, после завершения двухнедельных дискуссий, было объявлено о создании нового субъекта сомалийской федерации на основе трехчленного проекта.

В целом образование Юго-Западного штата можно расценить как вполне успешный опыт применения федералистских практик в Сомали. В ходе реализации этой инициативы были достигнуты все цели ее авторов: на территории, которая раньше была полем нескончаемых конфликтов, появилась довольно крепкая, по сомалийским меркам, администрация. Это в свою очередь позволило повысить эффективность в управлении ресурсами и сделать жизнь местного населения хотя бы чуть легче.

Последним на сегодняшний день субъектом сомалийской федерации стала учрежденная в 2016 году автономия Хиршабелле, включающая в себя два района, которые располагаются на берегах одной из главных рек Сомали – Шабелле. Этот регион традиционно остается крупнейшей зоной местного животноводства, и поэтому формирование новой административной единицы многократно тормозилось межклановыми дискуссиями о правах на землю, водные ресурсы и выпас скота⁶⁹. Тем не менее после долгих переговоров, в которых участвовали представители местных элит, старейшины кланов и делегаты федерального правительства, удалось договориться как о принципах раздела власти, так и о механизмах разрешения земельных споров. После своего создания штат Хиршабелле не успел отметить сколько-нибудь заметными внутренними конфликтами или столкновениями с федеральными властями. Напротив,

69 HARUN I. *Op. cit.* P. 276–278.

на сегодняшний день его отношения с центром развиваются вполне гармонично.

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА

КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

* * *

На протяжении более, чем полувековой, истории независимого существования Республика Сомали проделала путь от унитарного государства до *failed state*, пытающегося воссоздать страну на принципиально новом фундаменте. Стоит отметить, что Сомали изначально отличалось предрасположенностью к внедрению федеративных практик из-за высочайшей степени внутренней разобщенности. Хотя появление независимого Сомали стало продуктом творчества колониальных властей, последним удалось тем не менее заложить основы сосуществования различных кланов в единой стране. Однако хрупкое равновесие было нарушено в годы правления Мохамеда Сиада Барре, когда на доминирующие позиции был выдвинут клан мареха, сначала подмявший под себя, а потом и репрессировавший другие кланы. После краха диктатуры в стране началась затяжная гражданская война, ослабившая позиции Могадишо и вынудившая искать новые формы совместной жизни в рамках общего государства. Побочным эффектом этого процесса стало провозглашение независимости Сомалиленда – территории, которая заявила о выходе из состава Сомали и продолжает существовать в качестве никем не признанной.

В случае же с остальными сомалийскими землями логика процесса оказалась иной. В 2000-е началось бурное оформление новых административных единиц, сопровождавшееся весьма близким подобием федеративного торга, в ходе которого инициатива попеременно переходила от центра к регионам и обратно. В результате на свет появились штаты Пунтленд, Гальмудуг, Хиршабелле, Юго-Западный и Джубаленд. В федералистской Конституции 2012 года правовое закрепление получил и федеральный округ Бенадир, в котором расположена столица и который контролируется непосредственно федеральным правительством. Несомненно, главным элементом всего этого процесса было более или менее оптимальное разграничение полномочий между федеральной властью и властями штатов. Вместе с тем федеративный торг по линии «центр–регионы» осложнялся постоянной необходимостью гармонизировать отношения и между самими штатами. Создатели новых штатов неизменно старались учесть традиционные зоны расселения кланов, предпочитая не рассекаать клановых ареалов административными границами. Но в условиях сомалийской чересполосицы такая задача чаще всего оказывалась неразре-

ЛЕОНИД ИСАЕВ,
ДАРЬЯ БОБАРЫКИНА

КЛАНОВЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ
В СОМАЛИ

шимой, что обращивалось территориальными спорами, иногда с применением насилия.

Еще одним вызовом для молодой сомалийской федерации стало распространение в стране исламистских движений, которые в силу своей идеологии отрицают клановость как таковую. Стремление сомалийских властей выработать такие конституционные принципы, которые одновременно позволили бы уважать клановую специфику и инкорпорировать исламистов в политическую систему, пока не увенчалось успехом. Но, возможно, федерализм поможет им в этом.

Услышав словосочетание «федерализм в Сомали», отнюдь не стоит снисходительно отмахиваться, воспринимая его как чистое противоречие в терминах.

Будущее сомалийского федеративного эксперимента пока остается туманным, хотя кое-что определенное о нем можно сказать уже сегодня. Клановый федерализм по-сомалийски в очередной раз доказал, что сочетание самоуправления и разделенного правления не роскошь, доступная только богатым и благополучным странам; федеративная идея способна приносить пользу и тем государствам, где пока нет ни богатства, ни благополучия. В любом случае, услышав словосочетание «федерализм в Сомали», отнюдь не стоит снисходительно отмахиваться, воспринимая его как чистое противоречие в терминах.

Мозаика баскского сепаратизма

Юлия
Фролова

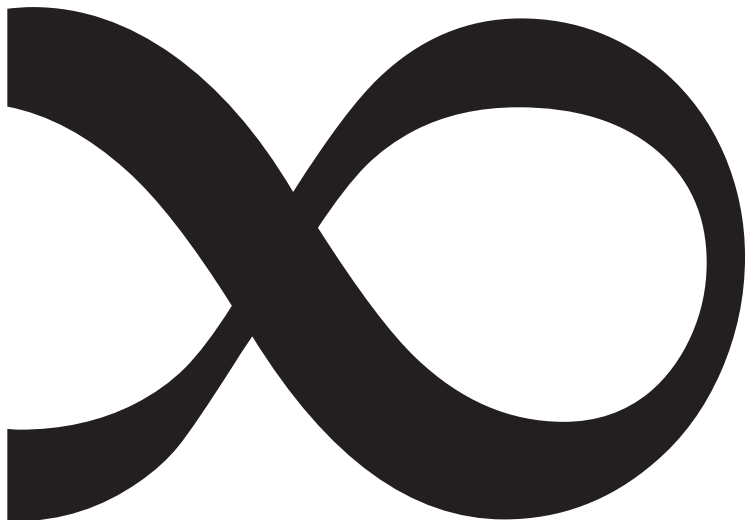
В одной из исследовательских перспектив политике можно трактовать в качестве смыслового пространства, в котором сталкиваются друг с другом истории и проекты¹. В знаковых политических событиях, с одной стороны, можно увидеть дополняющие друг друга части целостной нарративной мозаики, а с другой стороны, – конкурирующие между собой элементы политических целей. Эти части и элементы могут быть разнопорядковыми и несопоставимыми; именно это, вероятно, имел в виду Фридрих Ницше, говоря о тройственности родов истории и подразделяя их на «монументальные, антикварные и критические»². Исследование нарративной вертикали (и/или горизонтали) в ее совокупной полноте позволяет подходить к большим политическим событиям не как к унифицированным абстракциям, а как ко множеству самостоятельных нарративов и субнарративов, больших и маленьких, из которых складываются человеческие действия.

Одним из примеров, хорошо иллюстрирующих подобный подход, выступает борьба баскских провинций Испании за самоопределение. Противостояние, разворачивающееся на испан-

Юлия Николаевна Фролова (р. 1989) – старший преподаватель кафедры политологии РГПУ имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург).

- 1 BUCKLEY N. *Out of Prison: ETA Life Stories Become History*. Reno: Center for Basque Studies; University of Nevada Press, 2021. P. 8.
- 2 См.: НИЦШЕ Ф. *О пользе и вреде истории для жизни* // Он же. *Сочинения: В 2 т.* М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 168.

CASE
STUDY

ской территории – а в настоящей статье будет анализироваться именно этот его сегмент, поскольку у французских басков свои особенности, – часто трактуют как некую монолитную конструкцию, в основе которой столкновение нарративов трех ключевых акторов: террористической группировки ЭТА («Euzkadi Ta Azkatasuna» – «Родина и свобода»), Баскской националистической партии (БНП) и противодействующего баскскому сепаратизму испанского государства. Все прочие составляющие встраиваются, как правило, в общую канву этой триады. Стоит, однако, подчеркнуть, что упомянутый конфликт удивительно многогранен. Это, вне всякого сомнения, не только политический, но более широкий феномен, вбирающий культурные, социальные, личностные нюансы, игнорирование которых влечет за собой примитивизацию проблемы и, в конечном счете, непонимание ее. Игру нюансов, полутонов, граней можно найти не только в новых витках конфликта, но и в устоявшихся, казалось бы, фактах. Остановимся лишь на некоторых из них.

САБИНО АРАНА И ЕГО ДЕЛО

Принято считать, что зачинателем баскской борьбы против испанского государства был Сабино Арана Гойри (1865–1903). Следует, однако, иметь в виду, что проповедь политического неприятия Испании и противостояния ей оказывалась для этого деятеля скорее побочным продуктом его идей. На первых порах творчество Араны было преимущественно культурным и религиозным, в нем преобладали метафорические образы земли и крови. Основанием будущей националистической идеологии служила традиционная баскская культура, прежде всего сельская, в связи с чем подчеркивалось моральное превосходство деревенской жизни над городским бытом³. Особое место в творчестве Араны отводилось образам кровопролития: в частности, он многократно славил такое занятие басков, как охота, а также утверждал, что исторически характерной особенностью его народа всегда оставалась готовность проливать кровь ради своей малой родины⁴. Метафора крови и кровного родства объединяла в себе образы свободы, единства, воинственности. Предполагается, что именно она во многом заложила основы для последующей вооруженной деятельности сначала тайной группировки «Ekin»⁵, действовавшей с 1940-х, а затем и ЭТА, учрежденной в конце 1950-х.

3 ATIENZA J.C. *The Origins, Ideology, and Organization of Basque Nationalism, 1876–1903*. Reno: Center for Basque Studies; University of Nevada Press, 2006. P. 229.

4 WATSON C.J. *Basque Nationalism and Political Violence: The Ideological and Intellectual Origins of ETA*. Reno: Center for Basque Studies; University of Nevada Press, 2008. P. 57.

5 По-баскски это слово означает «начинать», «предпринимать».

Идеи Араны стали своеобразной реакцией на присущие его эпохе процессы модернизации, в которых многие видели угрозу традиционному устоям. Испанское государство в этой связи выступало лишь частным случаем модернизационных инстинктов. Стремясь вывести басков из-под воздействия чуждых структур, Арана подверг переосмыслению проблему фуэрос – набора особых прав, предоставленных кастильской монархией некоторым территориям Испании. В частности, он объявлял несостоятельной ту трактовку, в которой это понятие связывалось с *дарованными* привилегиями: баски как суверенный народ не нуждались ни в каких подобных привилегиях, да и сам термин был испанским изобретением⁶. Более того, по мнению Араны, никаких единых баскских фуэрос вообще не существовало: свод законодательства каждой баскской провинции исторически уникален. Кстати, уместно напомнить, что национализм Араны изначально был не в целом баскским, а лишь бискайским – по названию одной из провинций Страны Басков – и, следовательно, еще более провинциальным, чем принято считать.

В ранние построения Араны был интегрирован расизм: он настаивал на превосходстве баскской «красы» над остальными и требовал всячески обособлять басков от мигрантов для сохранения «чистоты крови»⁷. В этом можно распознать еще одну реакцию на пришествие современности: растущие потребности индустриализации, разворачивавшейся в Испании, не могли быть удовлетворены при сохранении привычного баскского уклада, коренящегося в деревенской жизни⁸. Каталония и Страна Басков оказались как раз теми регионами, которые становление испанской промышленности затронуло наиболее основательно. Росли города, и вместе с ними увеличивался приток мигрантов; соответственно, баскский расизм представлял типичной консервативной реакцией на эти прогрессивные процессы.

УНИЧТОЖЕНИЕ ГЕРНИКИ

Бомбардировка Герники, состоявшаяся во время гражданской войны, – еще одна важная и дискуссионная тема. В этом городе находится священный дуб – Дерево Герники – символ традиционных баскских вольностей, под которым все правители басков, от испанских королей до современных президентов

6 Подробнее см.: ARANA GOIRI S. *El Partido Carlista y Los fueros Vasco-Nabarro* [1897]. Buenos Aires: Irrintzi, 1912.

7 ATIENZA J.C. *Op. cit.* P. 242.

8 *Ibid.* P. 365.

автономии, давали и дают клятву на верность баскским свободам. 26 апреля 1937 года в ходе испано-немецкой бомбардировки с воздуха это символическое место было уничтожено, а сам город разрушен. Традиционная интерпретация события видит в нем еще один акт угнетения свободолюбивого баскского народа. Есть, однако, и альтернативная точка зрения, согласно которой налет на Гернику не имел ничего общего с геноцидом басков, являясь «всего лишь» апробацией новых методов военных действий, которую предпринял немецкий легион «Кондор»⁹. (Специалисты по военному делу не раз отмечали, что географически и архитектурно Герника была идеальной мишенью для тестирования новаторских приемов бомбардировки с воздуха.)

Однако, как представляется, в подобном противопоставлении мы имеем дело с еще одной попыткой упрощения истории. В своей книге «Бомбардировка Герники»¹⁰ баскский историк Хавьер Ирухо приводит по меньшей мере семь причин этого трагического события. В частности, помимо обоих вышеуказанных факторов, ученый напоминает, что Гернику, которая находилась прямо на линии фронта, можно было захватить сразу же после авиационной атаки – помешав международным организациям (например Красному Кресту) задокументировать свидетельства нарочито варварской бомбардировки. Кроме того, Герника была важным для республиканцев поставщиком продовольствия, а также местом размещения раненых: уничтожение города наносило противникам Франко существенный урон. Наконец, как указывает автор, к апрелю 1937 года Герника оставалась одним из немногих прифронтовых городов, вовсе не затронутых военными действиями, что позволило командованию легиона «Кондор» всесторонне оценить результаты задуманного им разрушительного эксперимента.

Такой подход свидетельствует о сложности и многозначности мотивов, которые стояли за приобретшей всемирную известность бомбардировкой. Даже если тот факт, что акт агрессии был нацелен непосредственно против басков, представляется бесспорным, хотелось бы получить ответы на остающиеся вопросы. Например, баски стали жертвами варварской акции по этническим основаниям или же сугубо из-за того, что в идущей тогда гражданской войне они противостояли франкистам? Стоит отметить, что во времена диктатуры бомбардировка Герники официально как бы не существовало, она была вычеркнута из общественного дискурса: согласно официальной версии, представленной в учебниках и СМИ, баски, точнее баски-коммуни-

⁹ Ibid. P. 24.

¹⁰ См.: IRUJO X. *The Bombing of Gernika: A Short History*. Reno: Center for Basque Studies; University of Nevada Press, 2018.

ты, сами подожгли город. Вскоре после случившегося правительство Испании занялось восстановлением разрушенного, за что в 1946 году Франко получил золотую медаль «Caudillo de la Reconstruccion»¹¹.

ЮЛИЯ ФРОЛОВА
МОЗАИКА БАСКСКОГО
СЕПАРАТИЗМА

Во времена диктатуры бомбардировки Герники официально как бы не существовало, она была вычеркнута из общественного дискурса: согласно официальной версии, баски, точнее баски-коммунисты, сами подожгли город.

БНП и ЭТА

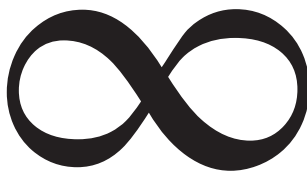
С самого начала понимание самоопределения в баскской среде не было монолитным и однозначным, причем дело не только в дихотомии «радикализм – умеренность» (ЭТА – БНП). В начале XX века регион отличало немалое политическое разнообразие, в рамках которого соседствовали друг с другом карлизм, фюрализм, либерализм и другие течения. Поэтому решение баскского вопроса виделось различным силам по-разному. Позже основные игроки в лице БНП и ЭТА (а до нее «Ekin») взяли различные части идеологии Араны, трансформировавшись в совершенно разные политические силы. Если БНП обратилась к отстаиваемым этим харизматиком принципам христианской морали, классической демократии и баскского суверенитета, то ЭТА усвоила всю его символику воинствующего традиционализма, с ее кровью и почвой. Однако среди исследователей нет единого мнения относительно того, кто же был более «этничен»: ЭТА, настаивавшая на использовании баскского языка как неотъемлемом атрибуте «баскости»¹², или же БНП, выдвигавшая в качестве одного из критериев членства наличие четырех близких родственников с баскскими именами¹³. Некоторые специалисты, впрочем, полагают, что ЭТА интересовалась этничностью лишь внешне и поверхностно, а на самом деле деятельность этой группировки сводилась к борьбе с послевоенным неолиберализмом и противодействию сопутствовавшим ему притеснению беднейших слоев¹⁴. В такой интерпретации ЭТА в принципе лишила баскскую идентичность этнической

¹¹ Ibid. P. 148.

¹² WATSON C.J. *Op. cit.* P. 190.

¹³ См.: SULLIVAN J. *ETA and Basque Nationalism: The Fight for Euskadi, 1890–1986*. London; New York: Routledge, 1988. P. 10.

¹⁴ BUCKLEY N. *Op. cit.* P. 15.

составляющей, сделав ставку на рабочий класс, который как бы избавлялся от национальных особенностей. «Быть баском» для нее означало «быть политическим активистом»: ни язык, ни религия, ни кровь не имели приоритетного значения. Разумеется, если встать на такую позицию, то получается, что средоточием баскской этнической общности выступает не ЭТА, а ее главный конкурент в лице БНП¹⁵.

Стоит также подчеркнуть, что популярный тезис, согласно которому появление группировки ЭТА было лишь реакцией на эксцессы франкизма, представляется несколько поверхностным. В частности, он выглядит нелогичным и потому, что после ухода Франко ЭТА не только не распалась, но, напротив, активизировалась. Смена режима явно не решила проблем, обозначенных баскскими националистами задолго до утверждения диктатуры. Правда, здесь, как и с другими баскскими сюжетами, единодушия в оценках тоже нет: например, некоторые эксперты полагают, что продолжение террористических вылазок ЭТА после крушения диктаторского режима объяснялось негласной поддержкой крайних методов со стороны легитимного – и вполне умеренного – баскского правительства¹⁶.

Соответственно, будущее басков виделось по-разному. Баскских националистов издавна спланивала идея конфедеративной Европы: и БНП, и «Екин» полагали, что федерализация Европейского континента открывает для басков возможность реализовать свое право на самоопределение. Этой идеи, в частности, придерживалось правительство в изгнании, возглавляемое первым президентом Страны Басков Антонио Агирре (1904–1960). В своих дневниковых записях 1941–1942 годов этот деятель, размышляя о баскском будущем, предложил совместный план действий для Каталонии и Страны Басков¹⁷. Интересно, что речь в нем шла не о суверенитете басков, а о совместном региональном образовании, объединяющем две территории. В дальнейшем эти идеи были представлены в документе «Принципы совместной декларации о демократии полуострова» («Principios para una declaracion conjunta de la democracia peninsular»), разработанном Мануэлем Ирухо – главой Национального совета Страны Басков, а затем министром республиканского правительства в изгнании: там говорилось об учреждении пиренейского, а затем и общеевропейского сообщества свободных наций¹⁸. В будущую «Европу регионов», по замыслу создателей документа, могли бы войти все народы,

15 Ibid. P. 17.

16 AZURMENDI M. *El relato vasco*. Córdoba: Almuzara, 2017. P. 25.

17 GOIOGANA I. (Ed.). *Aquirre's Diaries*. Reno: Center for Basque Studies; University of Nevada Press, 2018. P. 238.

18 IRUJO X. *The International Dimension of the Basque Government's Politics in Exile* // IRUJO X., OLAZIREGI M.J. (Eds.). *The International Legacy of Lehendakari Jose A. Agirre's Government*. Reno: Center for Basque Studies; University of Nevada Press, 2017. P. 75.

исторически требующие независимости: баски, каталонцы, шотландцы, ирландцы и другие. Следует признать, что родившийся в 1940-е проект – к стати, так и не обретший юридической силы – явно опередил свое время: в общеевропейских политических нарративах идея «Европы регионов» приобрела популярность только к концу XX века. К стати, она и сегодня остается одним из лозунгов, продвигаемых действующим президентом Страны Басков Иньиго Уркульо. Впрочем, ЭТА – отличие от БНП и «Ekin» – всегда считала единственным приемлемым вариантом самоопределения баскских территорий полноценный государственный суверенитет.

Активисты ЭТА

Со второй половины XX века ЭТА фактически монополизировала весь активный социальный протест, направленный против испанского государства, и до своего распада в 2010-е присутствовала во всех сферах баскской социальной жизни – установив над ней, по мнению некоторых исследователей, тотальный контроль¹⁹. Пытаясь добиться для басков свободы от внешнего врага, ЭТА фактически разрушала свободу баскского социума изнутри, агрессивно реагируя на любые проекты будущего, не согласующиеся с ее собственным проектом. После завершения в 2011 году вооруженной борьбы с неизбежностью встал вопрос о жертвах террористических актов – а именно о том, на каких основах выстраивать сосуществование бывших террористов и тех, кто пострадал от их рук за долгие годы террора. Правовые механизмы, используемые для подобного урегулирования – прежде всего правосудие переходного периода, – в баскском обществе пока находятся в стадии становления. Дело идет не просто: например, одна из реализуемых методик, предполагающая личные примирительные встречи бывших боевиков и бывших пострадавших, далеко не всеми воспринимается позитивно: в частности, баскский исследователь и в прошлом активист ЭТА Микель Азурменди называет эти мероприятия «инсценировкой пустых объятий между жертвами и убийцами»²⁰. По его мнению, вполне можно говорить о сходстве между боевиками ЭТА и активными нацистами – а раз так, то для подлинного примирения требуется безоговорочное осуждение бывших террористов. Ведь национал-социалисты, добавляет этот автор, в конечном счете, проиграли как раз потому, что мировое сообщество безоговорочно осудило как их идеалы, так и их самих – не оставив преступникам даже малей-

19 AZURMENDI M. *Op. cit.* P. 13.

20 *Ibid.* P. 14.

шей возможности заявить о себе как о жертвах. В отношении же ЭТА ничего подобного до сих пор так и не произошло; более того, сама группировка не принесла жертвам и их родственникам официальных извинений и по-прежнему не признает себя преступной²¹.

Пытаясь добиться для басков свободы от внешнего врага, ЭТА фактически разрушала свободу баскского социума изнутри, агрессивно реагируя на любые проекты будущего, не согласующиеся с ее собственным проектом.

Закрытость организации привела к тому, что ее активисты оказались словно обезличенными: они не воспринимаются как люди с уникальными историями, что также мешает консолидации баскского общества, в которой должны быть задействованы не только конструирование общей исторической памяти и обеспечение социальной стабилизации, но и инкорпорация личных историй. Эта тема стала центральной для вышедшего в 2021 году исследования Николаса Бакли, в котором он представил анализ семи собственных интервью с активистами ЭТА, отбывшими большие тюремные сроки. В своей работе автор пытается очеловечить конфликт, создавая нарративное поле, в котором могли бы сосуществовать различные истории. Примечательно демонстрируемое активистами отношение к насильственным актам: опрошенные охотно говорили о насилии со стороны испанского государства, но отказывались считать себя преступниками, сеявшими террор. Так, один из собеседников Бакли, рассказывая о своем участии в покушении на короля Хуана Карлоса I, видит в этой акции отнюдь не попытку человекоубийства: для него король – один из ненавистных для басков символов Испании, который необходимо было уничтожить²². Общим для всех интервьюируемых выступает опыт тюремного заключения. В их глазах тюрьма предстает не правовым инструментом, предназначенным для наказания и исправления преступников, а лишь способом морального давления: помимо прочего, как они полагают, она была призвана разрушать персональные связи между участниками группировки, разъединяя их физически и географически.

Интересно, что в интервью участвовала и женщина-активистка, что в отношении ЭТА следует признать довольно необычным фактом. Дело в том, что еще в 1997 году Фонд Гутген-

²¹ Ibid. P. 20.

²² BUCKLEY N. *Op. cit.* P. 136.

хайма провел социологическое исследование, где были обобщены личные данные шестисот террористов ЭТА, на основе которых специалисты сформировали социологический портрет типичного члена группировки. Было установлено, что в основном это «мужчина, холостой, выходец из провинции Гипускоа, очень молодой (часто моложе двадцати лет) и не носящий баскской фамилии»²³. Касаясь возможного влияния гендерных факторов на баскское движение, Багли отмечает, что субъектность опрошенной активистки была полностью подчинена патриархальным стандартам, разделяемым ЭТА²⁴. В интервью она видела себя побочным продуктом социально-исторического контекста; иначе говоря, участие в ЭТА было для нее не *волевым* политическим актом, а лишь естественной производной, предопределяемой, с одной стороны, ее окружением, а с другой стороны, обстоятельствами ее жизни. Скорее всего подобная комбинация была не слишком типичной: об участии женщин в ЭТА известно немного, хотя и нельзя сказать, что их там совсем не было

ЮЛИЯ ФРОЛОВА

МОЗАИКА БАСКСКОГО
СЕПАРАТИЗМА

БАСКСКАЯ ДИАСПОРА В ВЕБ-ПРОСТРАНСТВЕ

Чтобы быть настоящим баском, помимо всего прочего, нужно иметь американского дядюшку – точка зрения, озвученная первым секретарем Академии баскского языка, емко характеризует широту миграционных процессов, в свое время затронувших басков²⁵. В XIX–XX веках основными направлениями их миграции были страны Северной и Южной Америки. Причин для переселения было более чем достаточно: среди них Карлистские войны, гражданская война, экономические неурядицы. Баскской диаспоре исследователи посвятили немало внимания²⁶; я же здесь собираюсь бегло коснуться феномена баскской веб-диаспоры и ее эволюции. Первые сайты диаспоры появились в начале 1990-х, а сегодня их можно найти во всех частях света²⁷. Виртуальная диаспора тесно связана с реальной и до некоторой степени отражает ее, делая упор на культуру Страны Басков и создавая тем самым площадку для ностальгической идеализации «исторической родины». На ее веб-страницах можно найти баскскую символику, романтические образы традиционного сельского уклада и даже баскские

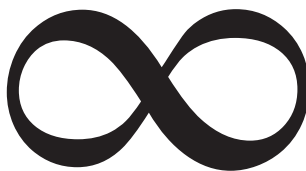
23 *Radiografía del etarra* // El País. 1997. 29 septiembre (<http://www1.udel.edu/leipzig/texts3/elb29097.htm>).

24 BUCKLEY N. *Op. cit.* P. 155.

25 KURLANSKY M. *The Basque History of the World*. London: Vintage Books, 2000. P. 103.

26 Подробнее см.: TOTORICAGUENA G.P. *Basque Diaspora: Migration and Transnational Identity*. Reno: Center for Basque Studies; University of Nevada Press, 2005.

27 OIARZABAL P.J. *The Basque Diaspora Webscape: Identity, Nation, and Homeland, 1990s–2010s*. Reno: Center for Basque Studies; University of Nevada Press, 2013. P. 24.

эмотиконы²⁸. Педро Ойарзабал характеризует все это как «банальный национализм»²⁹ – практики, направленные на воспроизводство весьма привычных и почти бессознательных действий, которые поддерживают национальную идентичность в разбросанных по всему миру диаспорах. Виртуальная диаспора представляет собой своего рода семью, что отражается как в названиях сайтов – например, «Братья» («Dapak Anaiak»), «Баскское братство» («Euskal Anaitasuna»), «Наш любимый дом» («Gure Etxe Maitea»), – так и в их направленности: с их помощью можно заниматься практически любым делом, воссоздающим ощущение родины и братства, включая совместные игры, прослушивание музыки, отмечание праздников и так далее.

На первый взгляд онлайн-диаспора, как и ее офлайн-версия, ориентирована преимущественно на культурные и языковые аспекты поддержания баскской идентичности. Однако это не совсем так. Большинство баскских веб-сайтов действительно в целом аполитичны, но есть и откровенно политизированные ресурсы. Благодаря трансграничной природе веб-пространства онлайн-диаспора обладает потенциалом, позволяющим формировать общее поле политически «заточенной» коммуникации. Фактически речь идет о создании цифрового варианта «Баскских земель» (Euskal Herria) в составе семи провинций – включая французские территории и Наварру, – где онлайн-диаспора становится как бы восьмой провинцией³⁰. Естественно, такие процессы не могут не раздражать политическую элиту испанского автономного сообщества Страны Басков. В глазах его правительства люди из диаспоры должны строго придерживаться роли своего рода послов, воссоздающих, опираясь на баскскую культуру, позитивный имидж региона за границей. Классическая офлайн-диаспора безоговорочно поддерживала политический курс баскских властей на самоопределение и не вступала в дебаты по этому вопросу. Но онлайн-диаспора открывает новые линии обсуждения политической проблематики. Если БНП сегодня фокусируется на судьбе испанских баскских провинций и их автономного развития в виде европейского региона, то в онлайн-диаспоре обозначилась тенденция на создание конкурирующих политических проектов, среди которых есть вариации, предполагающие политическое слияние всех исторических баскских провинций, включая Наварру и французские земли.

Пока, по-видимому, преждевременно говорить об онлайн-диаспоре как о новой политической силе, но нельзя исклю-

28 См., например: <http://www.muturzikin.com/gif.htm>.

29 OIARZABAL P.J. *Op. cit.* P. 120.

30 Ibid. P. 139.

чать, что в будущем она сумеет оказать значительное влияние на всю баскскую диаспору – изменив ее традиционные ориентиры, переместив дискурсивные акценты из культуры в политику и нарушив тем самым нынешнее монолитное единство с БНП. Кстати, трактовки национального будущего, разделяемые жителями разных баскских провинций, не одинаковы: традиционно баскскую независимость энергично поддерживают в провинции Гипускоа, чуть в меньшей степени – в Бискайе и довольно слабо – в Алаве³¹.

ЮЛИЯ ФРОЛОВА
МОЗАИКА БАСКСКОГО
СЕПАРАТИЗМА

КОНФЛИКТ И БАСКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

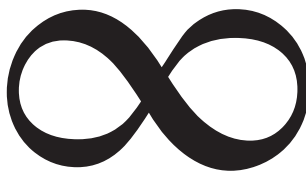
Стремление басков к самоопределению не могло не отразиться в художественном творчестве – в частности, в литературе. Баскские писатели затрагивают в этой связи широкий круг тем, среди которых романтизация и/или гуманизация образа террориста, воздействие крупных исторических сдвигов на жизнь человеческих сообществ, трагедия жертв и свидетелей террористических актов, значимость этнических корней. Кратко рассмотрим их на конкретных примерах, заимствованных из баскских произведений конца 1990-х – начала 2000-х.

«Сын аккордеониста» – один из самых известных романов Бернардо Ачаги, являющегося, по утверждению его российских издателей, «самым сильным голосом современной баскской литературы»³². События гражданской войны и возникновение ЭТА представлены здесь через семейную драму главного героя, который, будучи сокрушенным предательством собственного отца, поддержавшего генерала Франко, принимает сторону сепаратистов. На страницах книги то здесь то там мелькают образы бабочек с разнообразными баскскими названиями (автор особо подчеркивает: баскский язык весьма богат на названия и синонимы слова «бабочка») – символы, олицетворяющие малую родину героя, его родную деревню, исчезающий райский мир. Активисты ЭТА предстают в повествовании не хладнокровными убийцами, а борцами за выживание уникального края. Романтический образ террориста выводится и в романе «Коннемара в нашем сердце» Юлена Габирии, хотя в нем речь идет не о баскском сопротивлении, а об Ирландской республиканской армии, выступавшей за независимость Северной Ирландии³³. Близость двух мятежных регионов Европы, борющихся за самоопределение, в произведении показана через романтическую

31 См. итоги опроса, проведенного баскской социологической службой «Euskobarometro» в 2018 году: www.ehu.eus/documents/1457190/1525260/EB+2018+octubre.pdf.

32 Ачага Б. *Сын аккордеониста*. СПб.: Азбука-классика, 2006.

33 Габирия Ю. *Коннемара в нашем сердце*. М.: Герника, 2009.

историю ключевых персонажей – баскской девушки и ирландского парня. Уместно отметить, что романтические трактовки терроризма, предлагаемые баскскими писателями, не были эксклюзивным порождением литературного творчества: в первые десятилетия деятельности ЭТА баскская общественность, согласно данным социологических опросов, воспринимала активистов преимущественно в позитивном свете – как патриотов, идеалистов, романтиков. И лишь к 2000-м этот тренд сменился на негативное отношение³⁴.

Реконструкции мыслей и чувств террориста посвящен короткий рассказ Ивана Сальдуа «Библиография»³⁵. Здесь террорист – обыкновенный человек, такой же, как и все, разделяющий переживания и интересы сообщества: оказавшись за решеткой, он читает ту же книгу, какой увлечен и его тюремщик. В романе Анхеля Лерчунди «Абсолютное счастье»³⁶ шестнадцатилетняя девушка становится свидетельницей убийства, совершенного баскскими боевиками, и это событие оказывает колоссальное воздействие на ее последующую жизнь: все, что с ней происходит дальше, так или иначе возвращает ее к пережитому преступлению. В речи и думы своих героев автор вкладывает мысль о том, что террористы тщетно пытаются утвердить добро злыми средствами («Что за идиоты – они думают, что им удастся спасти мир»; «Остерегайся тех, кто делает доброе, обращаясь ко злу»³⁷.) Погибший от их рук – тоже баск, которого зовут Авель; аллюзии, отсылающие к библейскому братоубийству, более чем очевидны. Парадоксальным для главной героини представляется тот факт, что такое сокрушительное зло, как убийство, почти ничего не меняет в повседневной экзистенциальной ткани: в школе царит та же образовательная рутина, родственники, как и всегда, обсуждают житейские мелочи, а убийцы озабочены такими же бытовыми проблемами, как и прочие сограждане. Именно об этом в свое время писала Ханна Арендт, которая трактовала насилие как естественный и дополитический акт самоосвобождения, оправдываемый «необходимостью, теснящей всех смертных»³⁸. В подобной логике оно оказывается неотъемлемой составляющей человеческого существования, а вершашие его преступники предстают «ужасно и ужасающе нормальными»³⁹.

Влияние политических потрясений на жизнь сообщества отражено и в романе Кирмена Урибе «Бильбао – Нью-Йорк – Биль-

34 LLERA F.J. *ETA: medio siglo de terrorismo y limpieza étnica en Euskadi* // Sistema. 2013. № 231. P. 24–25.

35 Сальдуа И. *Библиография* // *Дождь в окне: антология баскского рассказа*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 214–218.

36 LERTXUNDI A. *Perfect Happiness*. Reno: Center for Basque Studies; University of Nevada Press, 2007.

37 Ibid. P. 60, 78.

38 АРЕНДТ Х. *Viva Activa, или О деятельности жизни*. СПб.: Алетейя, 2000. С. 42.

39 ОНА ЖЕ. *Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме*. М.: Европа, 2008. С. 411.

бао»⁴⁰. Это фактически собрание коротких историй, которые объединены общей идеей, заложенной в эпиграф: «Расскажи о себе самое сокровенное, [...] все публичное уже напечатано в газетах». Например, здесь есть история о выборе художника Аурелио Артета, которому после бомбардировки Герники баскское правительство заказало картину об этом событии, отражающую весь ужас произошедшего, и который от предложения отказывается: «Устал от войны, и все, чего он хочет – это покинуть страну и соединиться со своей семьей в Мексике»⁴¹. Любовь к семье выше творческого свершения и посмертной славы; в итоге заказ получает Пабло Пикассо, а результат известен всем. В некоторых историях иллюстрируется диссонанс между идейно-политическим и эмоционально-человеческим, мучающий людей:

«Она разместила в своем доме одного франкиста, но также и одну женщину, мать которой сидела в тюрьме. [...] Да, понимаю, это звучит странно, что у нее в доме жили люди того и другого лагеря. Но идеи одно, а сердцу не прикажешь»⁴².

Наконец, имеются и сатирические зарисовки:

«Бильбао. Шестидесятые. Каудильо готовится посетить город. [...] В целях пропаганды снимается фильм о встрече, чтобы его увидели заключенные. Власти желают продемонстрировать, что враги Франко повержены. [...] Кадры полностью деморализуют [заключенных]. [...] На улицах царит радость, все восторженно приветствуют Франко. На переднем плане возникает человек, забравшийся на фонарный столб на площади. Заключенные вдруг что-то понимают и хохочут. Человек, оседлавший фонарь, – один из пленников, сидящий рядом с ними в кинозале. Как может бедолага приветствовать Франко, если он за решеткой? [...] Как оказалось,] показывают кадры, когда “Атлетик” выиграл кубок последний раз. И кадры встречи “Атлетика” склеили с крупными планами диктатора»⁴³.

Наконец, баскские авторы, что вполне естественно, не могут обойти стороной и тему этнических корней: многие из них, подобно Бернардо Ачага, на всю жизнь очарованы своей малой родиной. В частности, такова одна из линий рассказа Шавьера Монтойа «Как уголь»:

«Должны пройти годы прежде, чем мы в полной мере осознаем существование крепких, хоть и незаметных уз, что привязывают нас к месту, где мы родились. Ведь хоть корни и скрыты под землей, но именно благодаря им высится дерево»⁴⁴.

40 УРИБЕ К. *Бильбао – Нью-Йорк – Бильбао*. М.: Герника, 2013.

41 Там же. С. 15.

42 Там же. С. 24.

43 Там же. С. 159.

44 МОНТОЙА Ш. *Как уголь // Дождь в окне: антология баскского рассказа*. С. 147.

Это вполне естественно: ведь, согласно «Баскской истории мира», баски всегда ощущают особость своего места среди народов планеты, в некотором смысле полагая себя самобытным миром. Мысль, что «малая родина и есть весь мир», отражается и в популярных анекдотах. В одном из них житель Бильбао – напомним, это административный центр провинции Бискайя – входит в книжный магазин и просит «мировую карту Бильбао». Продавец же в ответ уточняет: «Левого берега или правого?»⁴⁵.

* * *

Создание господствующих монолитных нарративов, зачастую предполагающих обособление «своих» от «чужих», представляет собой эффективный политический инструмент. Такой подход, однако, заметно примитивизирует действительность, не позволяя увидеть за массивами политического частные истории отдельных людей. У этой проблемы, как отмечалось в самом начале, две стороны. Первая из них теоретическая: здесь придется воссоздавать содержательную полноту баскского конфликта, восполняя лакуны нарративной мозаики недостающими историями-деталью. Вторая, напротив, практическая: она предполагает капитальную проработку исторического прошлого, выступающую обязательной предпосылкой долгожданного умиротворения баскского социума. Уже сегодня очевиден интерес исследователей конфликта (и прежде всего самих басков) к практической стороне вопроса: в частности, их очень интересуют механизмы правосудия переходного периода. Тем не менее в ближайшее время мы, несомненно, увидим и труды, в которых будут воссоздаваться человеческие истории этого более чем векового противостояния.

45 KURLANSKY M. *Op. cit.* P. 4. Через город протекает река Нервьон, разделяя «мир Бильбао» на две части.

АЛЕКСАНДР
ПИСАРЕВ

Александр Александрович Писарев (р. 1988) – исследователь, переводчик, преподаватель, младший научный сотрудник Института философии РАН.

Наблюдать и управлять:

обзор российских
интеллектуальных журналов

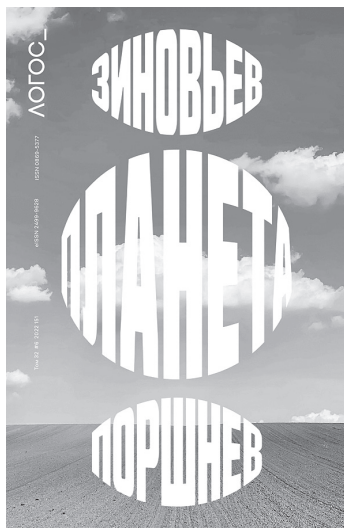
Обсуждаемые здесь выпуски отечественной интеллектуальной периодики в разных контекстах и разными путями выстраивают свои дискуссии вокруг связки знания и власти. «Логос» читает философа и писателя Александра Зиновьева в оптике позднего Фуко и почти полтора номера уделяет обсуждению карт как онтологических аппаратов и инструментов управления, навигации и познания. «Ab Imperio», продолжая эту линию, тематизирует в рамках знания-власти политику идентичности и противопоставляет государство империи и государство нации, а в своем последнем номере за 2022 год изучает расхождения дискурса и практики государства.

**ОБЗОР
ЖУРНАЛОВ**

299

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ, ФУКОЛЬДИАНЕЦ БЕЗ ФУКО

Основной блок материалов последнего номера «*Логоса*» за 2022 год (2022. № 6) – попытка взглянуть на Александра Зиновьева, неоднозначную, почти маргинализованную в постсоветском интеллектуальном сообществе фигуру, с неангажированных позиций и представить его в актуальном контексте. В начале публичной карьеры Зиновьев – противник советского строя, популярный сам- и тамиздатовский писатель и эмигрант, в конце критик западных обществ. Причиной противоречивости рецепции идей Зиновьева и ее характеру посвящена статья Николая Афанасова. Он отмечает, что в ущерб пониманию зиновьевской мысли большинство авторов заняты либо перечислением заслуг этого автора, либо изобличением его непрофессионализма, либо не всегда точным пересказом его идей (с. 34).

Странность положения зиновьевской мысли, помимо институциональных и содержательных причин, обусловлена тем, что он принципиально не сближался ни с какими сообществами (в том числе, например, в эмиграции дистанцировался от

диссидентских кругов) и жил по принципу «Я есть суверенное государство из одного человека». Об этом рассказывает в интервью Абдусалам Гусейнов, близко знавший Зиновьева. По его мнению, движущей силой зиновьевской критики советских порядков и способа мышления был разрыв между коммунистическим идеалом, в который он верил, и фактической реализацией этого идеала в действительности СССР. Гусейнов сжато объясняет представления Зиновьева о «законах социальности» и важность для него этической фигуры *индивидуалиста*. В чем-то его подход близок к прагматической антропологии Канта, и эта составляющая (граница на самом деле с житейской мудростью) расходится со сциентистским образом его проекта логической социологии. Методологически зиновьевский взгляд размечен в следующем высказывании Гусейнова:

«За философией Зиновьева стоят его логика и социология: в логике он доказывает, что не существует таких проблем, которые человеческий разум не мог бы решить из-за отсутствия логических средств их выражения, а в социологии доказывает, что социальное поведение индивидов подчиняется законам, столь же объективным и доступным познанию, как и физические законы. Знание человеком научной истины о своем бытии делает его соразмерным этому бытию и способным взять за него ответственность» (с. 10).

Логическая социология едва ли соотносилась с парадигмой современной Зиновьеву социологии, которой он себя противопоставлял, и скорее была социальной философией (подробнее об этом и причинах непринятия этого проекта профессиональным сообществом см. статью Афанасова). Более того, «реальностью» философии Зиновьева стала лишь ее идеологическая часть – в частности, критика западной идеологии («западнизма») – и начало его работы над альтернативной идеологией,

нашедшее отклик у определенной части аудитории его книг. Афанасов пишет об этом так:

«С опорой на идеи Зиновьева предлагается развивать цивилизационные, суверенные и независимые от Запада проекты. [...] В своей наиболее востребованной сегодня части [творчество Зиновьева] вполне может считаться противоречащим как самим базовым принципам методологии философа, так и общему содержанию корпуса его сочинений» (с. 45).

Остальные результаты за пределами этой популярной в узких кругах части остаются, по большому счету, неузнанными. Былая писательская популярность не привела к популярности или хотя бы востребованности в качестве социального исследователя.

«Разгадка (не)функционирования философии Зиновьева кроется в том, что если и не все, то очень многие его наблюдения кажутся истинными, но их обоснование не может быть воспроизведено в качестве способа дальнейшего размышления» (с. 48).

Словом, за тезисами не стоит исследовательской программы, в которой можно было бы работать другим исследователям. Зачем же читать этого автора сегодня?

Во-первых, Зиновьев все же сложнее, чем проект логической социологии и идеологические штудии. Эту сложность хорошо показал когда-то социолог Юн Эльстер. Он продемонстрировал, что в основе художественного мира Зиновьева – логические ловушки, ошибки и парадоксы (в особенности смешение двух типов отрицания), которые сам Зиновьев прежде изучал как профессиональный логик. Логические инвестиции в социально-философские наблюдения не такое уж частое явление (и скорее выпадающее из любых парадигм). Эльстер подмечает действительно занимательные сцепки логических сбоев мысли и социальных установлений. Подробнее об этом – в статье Александра Писарева.

Во-вторых, независимо от оценки проекта Зиновьева, он востребован как тонкий (на фоне официальной советской науки и работ западных советологов) наблюдатель и свидетель порядков, которые были в советском обществе (и, по-видимому, продолжают существовать). Данная мысль развивается Писаревым в прочтении «социологического романа» Зиновьева «Зияющие высоты» (1976) с опорой на фукольдианскую оптику исследований гвернаментальности.

Применимость этой оптики обусловлена тем, что зиновьевский и фукольдианский способы проблематизации управления близки: это формирование поведения индивидов через структурирование их поля возможностей и ограничений, то есть их свободы. Понятая так власть продуктивна: она производит определенных индивидов, вменяет им этику, но одновременно управляет ими не негативным образом, через ограничения, а через их свободу. Интересно, что гвернаментальный подход Фуко формировался примерно в те же годы, когда Зиновьев в СССР писал свой первый роман.

Эта оптика позволяет представить антиутопию города Ибанска, основанную на наблюдениях за советским обществом («реальным коммунизмом»), как действительность, которая структурирована гвернаментальностью – специфическим набором техник и рациональностей управления (как формирования поведения индивидов). *Ибанская гвернаментальность* гетерогенна, включает в себя элементы и авторитарного, и либерального управления реальных обществ (не только советского), а также отчасти является реакцией на кибернетическую гвернаментальность. Писарев предполагает, что она является гротескным близнецом советской управленческой реальности начала 1970-х. Некоторые ее элементы исчезли, другие же нетрудно найти в постсоветском обществе. В этом смысле

и советское, и постсоветское управление не герметичные политические режимы, а напротив – подвижные и относительно открытые сборки разнородных техник и рациональностей управления. Поэтому наблюдения Зиновьева могут быть актуальны для анализа современного постсоветского (и не только) управления.

Вдобавок для своего художественного мира Зиновьев строит антропологию, в которой получают объяснение наблюдавшиеся им явления советского общества: доносы, безответственность руководителей и исполнителей, аполитичность и нескритичность граждан, крайний эгоцентризм и тотальная имитация деятельности. Все это, по Зиновьеву, квазиестественное социальное зло. Хотя люди по своей природе ни к чему не предопределены («болванки»), они склонны идти по пути наименьшего сопротивления, то есть по пути зла. Моральность, право, религия, наука, напротив, требуют личного и коллективного этического усилия. Поэтому господство социального зла – угроза, которая всегда преследует любое массовое общество, – а значит, наблюдения и объяснительные схемы писателя могут быть значимы не только для советской действительности, но и для современности.

В-третьих, как показывает Игорь Кобылин, зиновьевская тематизация коммунизма как исторически конкретного проявления «вечных» социальных законов может быть прочитана как реплика в дискуссии вокруг неолиберального управления. Дело в том, что последнее экономизирует управленческие практики, подменяя социальное экономическим. Коммунизм в работах Зиновьева, напротив, полностью вытесняет экономическую рациональность, заменяя ее социальной. Кобылин трактует это как специфическую коммунистическую *гувернаментальность*. Только если Писарев видит в техниках управления у Зиновьева разнородность, то Кобылин прочитывает их как части абсолютной *гувернаментальности*:

Генеалогическая линия, которую благодаря *гувернаментальным штудиям Фуко* [...] можно прочертить от экономической правительности Смита к ее советской коммунальной инверсии, позволяет оценить по-настоящему оригинальный вклад Зиновьева в еще толком не описанную позднесоветскую управленческую мысль. Действительно, коммунизм как реальность – это не гибридная сборка административно-полицейской правительности раннемодерных монархий и экономического управления посредством (относительной) свободы, характерного для либеральных техник. Это, если так можно выразиться, абсолютная *гувернаментальность*, «самоуправляемые джунгли», где непрерывное регулирующее вмешательство уже неотличимо от спонтанности и свободы» (с. 107).

Еще один блок этого номера открывает обсуждение истории и онтологии *картографии*, которое продолжится в следующем выпуске «Логоса». Значимую роль в актуальных исследованиях картографии играют *пострепрезентативистские* подходы, поэтому обсуждение открывает статья Александра Писарева с обзором некоторых из них. Автор выписывает теоретический контекст этого направления, намечая его истоки в деконструкции Деррида, исследованиях науки и техники и, в частности, акторно-сетевой теории. Он показывает, что, несмотря на разницу задач и дисциплинарной прописки, перечисленные течения объединяет ряд схожих – преимущественно онтологических – решений, которые впоследствии переключались в исследования картографии. Вкратце, это попытка уйти от фундаментальности оппозиций *репрезентация–репрезентируемое*, *карта–территория*, *культура–природа* и исследовать их как *продукты* технонаучных и социальных практик и сетей. В таком случае карта – это не только и не столько *репрезентация территории*, сколько *инструмент навигации и политики*, который находится в отношениях взаимного означивания с территорией.

Дмитрий Замятин, продолжая обсуждение пострепрезентативистской онтологии карт, привлекает внимание к специфическому воображению, свойственному картографическим практикам. Это логичный шаг, ведь если есть карта как техника, то должны быть и условия ее возможности, в том числе некоторый способ мышления, высказывания и воображения. По мнению Замятина, картографирование – одна из базовых онтологических моделей воображения, которые сформировались эволюционно и способствовали освоению планеты человеком (это средний уровень между телесностью и *планетарностью* как процессом пространственной дифференциации Земли). В пределе «всякая картография, рассматриваемая с точки зрения ее онтологии, становится теперь – как бы автоматически – картографией воображения» (с. 192). Его выход на первый план связан с *картографическим поворотом*.

«Этот переворот в его завершающей фазе можно уверенно отнести к эпохе Модерна, когда стремительно формировавшиеся современные общества стали интенсивно пользоваться все более и более совершенными географическими картами, сопровождавшими, “оркестровавшими” и оформлявшими реальные и ментальные захваты большинства территорий и акваторий Земли» (с. 186).

Как становится ясно, картографирование не является нейтральной репрезентацией, отражением объективной реальности, а производит ее (отсюда *картоонтография*, с. 191). Оно – инструмент детерриторизации и ретерриторизации социальных групп (с. 189), создания и манипуляции территориальными идентичностями. Любая карта производит только частную пространственность, а не тотальную (потому картография всегда множественна). Вдобавок у разных картографий разные языки. Отсюда проблема несоизмеримости и множественности сопостранственностей, являющаяся и ис-

следовательской, и политической. Как соотносятся между собой территории, коррелятивные каждой из карт? Для решения этой проблемы Замятин привлекает идею *ассамбляжа* (Жиль Делёз, Мануэль Деланда) и *плоских онтологий* (Леви Брайант). «Карты и картографии – контингентные ассамбляжи, результирующие так или иначе процессуальные становления плоских онтологий» (с. 195).

Интересно, что, как отмечает Замятин, мышление антропоцена полностью зависимо от географического воображения и глубоко медиатизированной картоонтографии, позволяющих дифференцировать Землю как место существования человека и расположить ее в космическом пространстве (с. 193).

Владимир Каганский переводит обсуждение в плоскость семиологии и, опираясь на собственный картографический опыт, проясняет эпистемологический, семиотический и культурный статус карты. Он обращает внимание, что карта не сводится к изображению – она включает также зарамочные компоненты вроде условных знаков и комментариев. Так, карта, будучи сплошной, является не суммой знаков, а скорее совокупностью концептов, категориальных образов.

КРИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАРТОГРАФИИ

Дискуссия о картографии продолжается в следующем «*Логосе*» (2023. № 1), в котором читатель найдет материалы, посвященные пострепрезентативистскому повороту в этой области, кейсы из истории создания и использования карт, а также вводные статьи, посвященные цифровым картам и концепции «Цифровой Земли».

В предисловии к номеру редакторы-составители Константин Иванов, Станислав Гавриленко и Александр Писарев кратко

очерчивают идею критических исследований картографии и предлагают обзор ключевых тем и проблем, обсуждаемых в материалах номера.

«Критическому исследованию подвергаются, во-первых, представления современного западного здравого смысла и официальной научной идеологии, прежде всего самих профессиональных картографов, о карте как нейтральной и объективной репрезентации. Во-вторых, способы, контексты и последствия производства и использования карты в социально-политических практиках от колонизации, войн и перекраивания социальных общностей до управления территориями, нациестроительства и прокладки маршрута. [...] Критика во вполне материалистическом духе стремится понять, что же такое карта как часть действительности, в которой есть злоупотребления властью, социальная несправедливость, войны, беженцы, подтасовки на выборах, объективация целых социальных общностей, но также маршруты, путешествия, среды обитания и экологические проблемы» (с. 7).

Первый блок продолжает тему пострепрезентативистского поворота, обсуждение которого начали Писарев и Замятин в предыдущем номере. В рамках этого поворота тематизируется способ существования карты как части мира. В таком случае она *денатурализируется* и уже не сводится к нейтральной и объективной репрезентации территории. В программном для этого поля тексте Роб Китчин и Мартин Додж намечают генеалогию пострепрезентативизма и предлагают понимать картографию как науку *процессов и практик*, а не репрезентаций.

Карта в этой оптике – принципиально *незавершенный* продукт, который доопределяется в практиках решения пространственных проблем (с. 55). В таком случае на первый план выходит ее *онтогенез*, она лишается гарантированного онтологического статуса и обнаруживает свою кон-

текстуальность, временность, переходность (с. 41). Словом, карта – всегда ситуативный процесс картографирования. Эти свойства Китчин и Додж поясняют на примерах использования карты для путешествия и разграничения – движения по городу в одном случае и демонстрации распределения изменения численности населения в другом, – показывая, как производятся обе стороны связи карта–территория. Первая не отражает вторую, но связана с ней гораздо более сложными узлами и участвует в ее историческом *производстве и воспроизводстве*.

Такой режим существования карт Валери Новембер, Эдуардо Камахо-Хюбнер и Бруно Латур называют *навигационным* (с. 72) и тематизируют его в контексте появления цифровой картографии. Этот режим предполагает не проникаемое и объективно существующее евклидово пространство (с. 81) по ту сторону якобы репрезентирующей его карты (это был бы миметический режим), а *мультиверсум*. Соавторы отмечают, что достоверность карты обеспечивается не отношением подобия или соответствия территории, а длинной цепочкой институтов, инструментов, теорий, вычислений и знаний, элементом которой и является кар-

та (с. 72, 75). Вне этой цепочки она лишена ценности и не имеет научного референта. Как только вы разрушаете каскад, изолированный образ утрачивает свой научный или референциальный характер и выходит на совершенно другую траекторию. Он становится «миметическим», то есть производит как своего рода гало *фиктивный референт*, который может казаться очень убедительным, но не имеет в действительности практического эквивалента: это простое удвоение того, что показывается в образе. Миметический образ не ведет никуда, только к столь же фиктивному вопросу о его сходстве с оригинальной моделью, то есть с тем, что порождено самой репрезентацией (с. 76).

Ноябрь, Камахо-Хюбнер и Латур выдвигают смелое предположение, что миметический режим карты и сцепленное с ним представление об автономном пространстве восходят к нововременной перспективной живописи (особенно голландской), поскольку именно она предполагает две конечные точки, прототип и копию. По их мнению, «карты были эстетизированы и смешаны с формировавшейся культурой “реалистической” живописи». Первый шаг – удвоение одного и того же мира, сначала как рисунка и вычислений на бумаге, потом как виртуального образа мира, репрезентированного этими вычислениями; второй – *смешение* виртуального и реального миров (с. 78–82). То есть мир (евклидово вместилище всех территорий) – *результат* сшивания всех виртуальных образов всех карт, но затем последовательность действий переворачивается, как если бы мы двигались от абстрактного евклидова пространства к реальному миру и только затем уже к карте:

«“Пространство” появляется и исчезает как исторически, так и визуально в зависимости от того, интерпретируем ли мы репрезентационные техники в соответствии с навигационным или же миметическим измерением» (с. 83).

Впрочем, не менее традиционным референтом карты является *природа*. Дэнис Вуд и Джон Фелс приводят список типов природы, производимых разными картами, и сопровождают его анализом устройства карты. Это сложное *семиотическое* и идеологическое устройство, участвующее в установлении власти над территорией.

Исследование семиотической природы карт продолжает и углубляет Константин Иванов. Для картографии, как он показывает, характерны две синтагмы – «маршрута» и «границы», речевые эквиваленты которых *путешествие* и *разграничение*. Подчеркивается, что означаемым карты является семиотический пласт – коды. Анализ Иванова дополняет исследование Латура и его коллег, но одновременно вступает с ним в спор, поскольку получается, что навигационный режим карт должен быть дополнен неким *разграничивающим* режимом.

Вообще связка власти и знания – частая рамка для анализа картографии. В том же номере Станислав Гавриленко, отталкиваясь от «Послов» Ганса Гольбейна Младшего, показывает, что расцвет карт – и глобуса, в частности – приходится на тот период истории, когда политические аппараты – как на уровне крупномасштабных политических стратегий, так и на уровне рутинного управления – начинают учреждать себя в качестве аппаратов наблюдения. Глобус оказывается инструментом «синоптического видения и репрезентационной (картографической) поверхностью, на которой ведется тяжелая работа по сборке мира и контролю над ним» (с. 157).

Заключительный блок возвращает нас в современность и тематизирует цифровые карты, постепенно вытесняющие традиционные. Их расцвет предвосхитила концепция «Цифровой Земли», предложенная в 1992 году Альбертом Гором. Евгений Еремченко подробно анализирует эту концепцию и семиотическую специфику циф-

ровых карт. Если, как показывает Иванов, традиционные карты метасемиологичны, то цифровые картографические среды, по Еремченко, используют *беззнаковые* средства.

Андрей Леонов прослеживает эволюцию цифровых карт и доказывает, что они по сути стали *трехмерными интерактивными моделями* Земли, характеризующимися мультizaдачностью, мультимасштабностью и мультитемпоральностью (самый известный пример виртуального глобуса – сервис «Google Earth»). Леонов отмечает сопряженные с такими объектами риски, прежде всего контроль и достоверность данных, манипуляции настройками алгоритмов ради влияния на пользователей. В силу этих рисков, считает автор, традиционные двухмерные карты сохраняют свою важность для многих групп пользователей. Правда, сегодня все они, как правило, в конечном счете основываются на трехмерных цифровых моделях. Вывод Леонова перекликается с пострепрезентативистскими подходами к картам. Он считает, что будущее цифровых карт зависит не столько от их технического совершенствования, сколько от развития практик, правил и компетенций их использования.

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ МЕЖДУ ЗНАНИЕМ И ГОСУДАРСТВОМ

«*Ab Imperio*» (2022. № 3) продолжает годовую тему государства как института и аналитической категории. На этот раз в фокусе внимания номера – вопрос о разнице между государством империи и государством нации, причем он обсуждается в плоскости связи власти и знания:

«Субъект производства знания напрямую коррелирует с политической системой и одновременно определяет ее характер. От монархии и империи национальное государство отличают не столько политические

институты сами по себе, сколько преобладающий в обществе модус социальной агентности (автономного мышления и действия), воплощенный в общепризнанных социальных идентичностях (с. 17).

Инстанции, производящие знание об управляемых индивидах и общностях, о территории, ресурсах и возможностях, сильно влияют на устройство и функционирование политических институтов. Так, Гульмира Султангалиева и Айнура Суйнова показывают эволюцию связей между созданием знания о Казахской степи и ее управлением в XVIII–XIX веках. Субъектами сбора и обработки данных об этой территории были *«знающие люди»*, и авторы определяют их в три иерархически связанные категории. Прежде всего это систематически занимавшиеся сбором данных сотрудники региональной администрации в Оренбурге. Они опирались на агентурную сеть доверенных лиц – татарских мулл, писцов, купцов. И, наконец, проводники караванов и погонщики верблюдов, которые могли и не осознавать, что сообщают сведения, но, выполняя свои рабочие обязанности, демонстрировали практическое знание о местных природных и социальных реалиях.

Здесь легко выделить знание колонизаторов и знание субалтернов, но эта система «колониального знания» работала именно как *целое*. Вдобавок нанимаемые в администрацию казахи, делая карьеру чиновников, занимали промежуточное положение – еще не часть метрополии, но уже не субалтерны.

«Подчиняясь Петербургу, оренбургские чиновники контролировали поток информации, поступавшей в центральные органы власти, опосредованно влияя на их решения. В свою очередь местные казахские агенты-информанты поставляли в Оренбург сведения в интерпретации, отражающей их личные или клановые интересы» (с. 18).

Попытки властей в 1830-е ликвидировать эту разнородность источников знаний

и интересов – сделать производителями знания только представителей монополии, заменив вторую категорию и отменив третью, – провалились. Этот кейс показывает, что в государстве-империи субъект производства знания скорее мог быть гибридным – и имперским, и колониальным. В условиях империи нациецентричные порядки, ликвидирующие гибридность и разнородность, могут быть успешны, только если удастся поддерживать «чистые» социальные формы. Для установления такого порядка необходимо, чтобы население было реконцептуализировано как поделенное на четкие коллективные идентичности, которые ранжированы по оси власть–знание. Отсюда центральная роль *политик идентичности* в социальном воображении национализирующихся государств.

Луиза МакРейнолдс переключает внимание на паттерны знания, производимого западной и модерной по своему характеру доисторической археологией в Казахской степи. Во второй половине XIX века русские националисты обратились к археологическому знанию, чтобы найти корни чистой «биополитической» идентичности и возвести генеалогию русских к древним временам. Это знание заимствовало расоизирующее различие темной и светлой кожи, которое едва ли можно было напрямую применить к современному обществу, но которое проецировалось на доисторические времена. В результате социобиологические группы номинально «бесцветного» имперского общества за счет сконструированной генеалогии объявлялись чистыми и ранжировались как прямые потомки «черной» или «белой» расы. Российское общество того времени восприняло весь комплекс расоизирующих социальных дискурсов, включая расизм и культ арийского происхождения. Охрана чистоты собственной социальной идентичности продвигала культуру *политики идентичности*. Этот кейс показывает, что последняя – важное

связующее звено между политикой знания и политикой государства.

Впрочем, даже самые последовательные и крайние примеры национализирующих государств, которые опираются на расовую экспертную политику идентичности, доходящую до состояния биополитики, не всегда работали однозначным образом. Декларативно-нормативный уровень мог отличаться от того, что происходило на местах, поскольку система предоставляла исполнителям существенную свободу. Юрий Радченко иллюстрирует это обстоятельство политикой нацистской Германии в отношении караимов на территории Украины. Караимы доказали нацистам свою нееврейскую идентичность, апеллируя к антропологическим исследованиям, документам и отсутствию дискриминации в Российской империи. Однако принятое наверху политическое решение с заминками доводилось бюрократией до исполнителей, в результате, пока решение было в пути, многие караимы были уничтожены.

Пример столкновения национализирующей стратегии политик идентичности и реальной поликультурности и многообразия – современная Россия, где власть пытается втиснуть население в узкие рамки этноконфессиональной русской идентичности. Нормативная русскость при этом конструируется путем культивирования переживания паранойи, ресентимента и апелляций к мифологизированному прошлому. Произвольность созданных таким образом ценностей и традиций затрудняет их принятие и практикование. Вследствие этого они превращаются скорее в маркер различия свой–чужой и провоцируют конфликты со всеми, кто не соответствует нормативной идентичности.

Также в этом номере читатель найдет дневники российского флотского офицера Евгения Алексеева (1843–1917), который в конце века стал наместником на Дальнем Востоке и внес вклад в развязывание

русско-японской войны. В контексте темы номера эти дневники интересны тем, что Алексеев, несмотря на опыт разнообразия – многочисленные путешествия по империи и Америке, а также разнородное и разноразличное окружение, – поддался «национализации», к которой подталкивала военная форма, и стал «видеть, как национальное государство» (с. 23).

НЕ ГОСУДАРСТВОМ ЕДИНЫМ

В последнем за 2022 год номере «*Ab Imperio*» (2022. № 4) завершает годовую тему и переводит вопрос о государстве как акторе и категории описания в прагматическую плоскость: «Роль государства в проектах улучшения общества». Эту формулировку следует понимать в контексте сосуществования разных форм политической группности и субъектности. Государство, во-первых, не единый актор, во-вторых, *только один из* акторов, а не единственный и высший, скрадывающий поликультурность и полицентризм, как то обычно представляется, например, в мастер-нарративе истории России. На протяжении истории проекты *социальной инженерии* инициировали или осуществляли разные акторы, не только государство.

Например, Анастасия Акулич в исследовании российской экспансии в Китае на рубеже XIX–XX веков показывает, что стратегии местной российской администрации и Русской православной миссии серьезно расходились, хотя номинально обе силы относились к государству. Если чиновники стремились усилить имперское политическое влияние и экономический контроль над регионом (в связи со строительством Китайско-Восточной железной дороги), то миссионеры, преследуя вроде бы близкие цели и получая финансирование из государственных источников, ненамеренно добились усиления и автоно-

мизации китайской субъектности. Это было достигнуто за счет перевода религиозных книг и церковной службы на китайский язык, создания социальной группы китайского духовенства и последующего роста китайской православной общины. Здесь обнаруживается несовпадение государства, империализма, русскости и православия, которые обычно шли в сцепке как части неделимой сущности – русского государства. Можно предположить, что в этом случае ситуация империи вступила в противоречие с государственностью.

Оксана Ермолаева переносит нас в другую пограничную зону – между Финляндией и СССР в 1920–1930-е. Нелегальное трансграничное движение было здесь интенсивным, поскольку гражданская война и советская политика привели к тому, что граница разделила сложившиеся в этом регионе экономические и семейные связи. При этом СССР, хотя и будучи суверенным современным государством, не мог обеспечить охрану собственных рубежей. Лишь в 1930-е граница оказалась «на замке», но достигнуто это было не столько усилением охраны и техническим оснащением, сколько вовсе не современными средствами: были проведены массовые депортации приграничного населения во внутренние районы. На его место переселили людей из других регионов, у которых, разумеется, не было ни трансграничных связей, ни знания местности, чтобы обходить охрану. Этот способ использовался еще во времена Московской Руси. Словом, вместо институционального решения были использованы манипуляции с населением.

Обычно частью государственных планов по преобразованию общества является дисциплинирование индивидов и формирование нового типа субъективности, как это было в советском обществе. Однако и здесь государство не было монополистом и конкурировало с иными инстанциями. Иллюстрацией служит опубликованный

дневник молодого человека, призванного в пограничные войска в 1940-м и продолжившего службу в частях НКВД вплоть до 1944 года. Дневник свидетельствует о *расщеплении субъективности* между реальными действиями рационального субъекта, преследующего личные интересы, и размышлениями о политических идеалах и личной жизни, укладывающихся в официальный нарратив (с. 162). Например, беспорядочное и беспринципное сексуальное поведение контрастировало с искренне декларируемыми идеалами чистой любви и верности.

«Советский человек, воплощаемый автором дневника, оказывается вполне “кантианским субъектом”, который сознательно встраивается в советский нормативный дискурс и принимает советские официальные ценности, ни на минуту не забывая о том, что делает он это ради себя, а не ради общества, режима или идеологии. [...] Между нормативным дискурсом и практикой существовал принципиальный разрыв, и советский человек вполне органично сочетал два модуса существования: дискурсивный и внедискурсивный» (с. 163).

Это расщепление субъективности между практикой и дискурсом, в целом характерное для советской субъективности, отмечалось многими исследователями и писателями (в том числе упоминавшимся в начале обзора Зиновьевым) и затрагивало также политическое измерение.

Сходный разрыв между нормативным дискурсом и реальной практикой Бьорн Фелдер прослеживает в реализации запрета на аборт, принятого в СССР в 1936 году. Дело в том, что запрет предполагал легальные исключения и законодательно закрепленные показания к процедуре, в основном мотивированные *евгеническими* принципами. Однако евгенику в СССР уже в начале 1930-х критиковали как «фашистскую науку», а магистральный исторический взгляд выделяет евгенические дискуссии начала

1920-х и фиксирует исчезновение евгеники из публичной сферы. Однако изучение рутинных управленческих практик показывает, что она нигде не делала. Нормативный антиевгенический дискурс расходился со вполне евгенической практикой: последняя просто не опознавалась в качестве референта официального дискурса (и пока это отождествление не выявляло и утверждало государство, люди не замечали связи). В редакторском комментарии к статье Фелдера отмечается:

«В обстановке раздуваемой властями моральной паники [советские люди] могли обнаружить свастику на случайной газетной фотографии (или в любом другом “тесте Роршаха”, непреднамеренно генерировавшемся некачественной советской полиграфией), но в иных обстоятельствах оказывались не способны связать между собой очевидные “а” и “б”» (с. 27).

При этом и сама советская власть не критически отнеслась к закону, забыв о собственных принципах и допустив в нем евгенические обертоны. Кейс Фелдера показывает, что за сталинским государством скрывалась «дискурсивная пустота», если не считать ограниченный и простой репертуар, усваивавшийся индивидами в рамках социализации:

«Различные группы советских людей исполняли роль вездесущего тоталитарного государства, как они ее понимали, через самоорганизацию и самоконтроль, используя обрывки идей и концепций, официально не признанных подрывными» (с. 27).

Этот тезис перекликается с одним из основных советских наблюдений Александра Зиновьева, воплощенных им в ранних романах: ужасно не государство с системой лагерей, а люди, принявшие на себя функции контроля в повседневной жизни; именно через них власть наиболее эффективно осуществляет контроль, создавая в том числе зоны правовой неопределенности.

Невнимание к этой множественности и разнородности того, что было возможно под сенью государства, подрывает внушительную по объему критику, которая противопоставляет «плохое» сталинское государство с его «плохим» преемником Российской Федерацией и возможное «хорошее» демократическое. Проблема такой критики – в неявном поиске новой этатистской и нациецентричной коллективной субъектности, такой же однородной и солидарной, как отвергаемое «советское государство». Этот *идеалистический этатизм* характерен в том числе для постсоветских интеллектуалов.

Наглядный пример такой позиции Елена Барабан обнаруживает при параллельном чтении романов и исторических работ Бориса Акунина, посвященных позднеимперскому периоду. Акунин противопоставляет советскому авторитарному государству «нормальное» государство и единственный путь от первого ко второму видит в массовом личном моральном самосовершенствовании. Этот путь по сути является политической демобилизацией и обрекает индивида на выбор между конформизмом и эскапизмом. Как замечают редакторы, это позиция *аполитичного этатизма*: все политические действия и субъектности вытесняются из общества в пользу государства. В таком национально-ориентированном социальном мышлении нет частичных действий, переговоров между разнородными силами и политики как конкуренции, поскольку все это слишком фрагментарно, тогда как на кону – великая

тотальность, требующая столь же тотальной трансформации.

Генеалогию такого типа мышления Илья Герасимов прослеживает в социальной физике Конта, которая была осмыслением классической физики Ньютона и Галилея (с. 35). Если физика после научных революций начала XX века пошла дальше, то социальное мышление осталось прежним: общество – это замкнутая система в состоянии «термодинамического равновесия», а социальные процессы – это движущиеся тела. Отсюда сведение эмпирически наблюдаемой социальной сложности к простым сущностям, наделенным коллективной субъектностью и временной протяженностью – таким, как нация или государство.

* * *

Попавшие в наш обзор номера объединяет внимательное отношение к тому, что зацементировалось в привычных представлениях и не вызывает сомнений, будь то карты, давно ставшие частью повседневности, категория государства или маргинализируемые в части сообщества работы советского автора. Во всех темах так или иначе проблематизируются механизмы производства знания и реалий, неизбежно связанные с управлением. Хочется надеяться, такой критико-эпистемологический заход будет становиться все более востребованным. Главное, чтобы это не стало началом ухода в сугубо эпистемологические штудии как способ уйти от цензуры.

Рецензии

Великий преемник. Божественно совершенная судьба выдающегося товарища Ким Чен Ына

АННА ФАЙФИЛД

М.: Альпина Паблшер, 2021. – 376 с. – 2000 экз.

Добиваясь максимальной достоверности образа своего героя, написавшая эту книгу

журналистка «The Washington Post» обработала впечатляющие массивы информации, посвященной нынешнему руководителю Северной Кореи. Многие часы чтения были дополнены столь же обширными личными интервью – в основном с перебежчиками, которым удалось покинуть одну из самых закрытых стран мира. Анна Файфилд давно специализируется на азиатской политике; на сегодняшний день в ее активе десятилетия корреспондентской работы в Токио, Пекине и Сеуле. В своих размышлениях о Северной Корее она акцентирует внимание не столько на внутренних причинах устойчивости довольно необычного политического режима, сколько на личности его нынешнего лидера – человека, во многих смыслах незаурядного. С момента своего политического восхождения, начавшегося в 2008 году, этот мастер мистификации не раз и не два обманывал ожидания наблюдателей. Стоит напомнить, что от юного вождя, в 2011 году сменившего на высоком посту своего венценосного родителя и успешного получить образование в Швей-

**НОВЫЕ
КНИГИ**

311

царии, некоторые тщетно ожидали решительного реформирования закосневшей северокорейской системы. Автор книги, не стесняясь, признается, что в начале 2010-х и она сама принадлежала к широкому лагерю заблуждающихся: ей не верилось, что третье поколение сурового диктаторского клана сумеет удержать страну в своих руках. Тем не менее вопреки очевидности Ким Чен Ын явил подлинное чудо политической выживаемости, возбудив колоссальный интерес к собственной персоне. В плену его весьма своеобразного обаяния оказалась и Файфилд: журналистка пишет, что для нее работа в качестве корейского корреспондента «The Financial Times» «стала началом долгой страсти» (с. 19).

Глубинные изыскания, посвященные ее герою, журналистка продолжила в 2014 году, в очередной раз вернувшись в Корею – на сей раз представляя уже американскую прессу. Задача, поставленная ею перед собой, была поистине геркулесовой: ей хотелось ни больше ни меньше «собрать всю информацию о Ким Чен Ыне, какую только можно будет найти» (с. 21). Руководствуясь этой целью, Файфилд вознамерилась поговорить с каждым, кто когда-либо его встречал. Намеченный путь оказался весьма тернистым, поскольку людей, удостоенных личного общения с вождем, во-первых, оказалось крайне мало, а во-вторых, такие фигуры, как правило, были весьма необщительными. Скажем, с немалым трудом выявив тетю и дядю Ким Чен Ына, которые были его опекунами, пока тот учился в Швейцарии, журналистка отправилась в Берн, надеясь хотя бы чуточку приобщиться к отроческим «трудам и дням» будущего диктатора. Ей даже удалось посидеть возле дома, где он жил, и погулять вокруг школы, где он учился, – но вот разговоры выдались не слишком содержательные. Помучившись с узкой группкой «непосредственно общившихся», Файфилд была вынуждена

понизить планку и переориентироваться на другую страту, более расположенную к коммуникации – на северокорейских перебежчиков. Таких собеседников нашлось не менее сотни; что, конечно, лучше, чем ничего, но в целом, заметим, признать такую выборку представительной довольно непросто. Другим затруднением, немедленно вскрывшимся в ходе взаимодействия с этой группой, стали деньги: корейские беглецы, натерпевшиеся от нищеты и голода, не хотят делиться пережитым бесплатно, а журналистская этика не позволяет автору раскошеляться на подобные цели. Это, понятное дело, еще более сузило круг источников. Как бы то ни было, даже по крупицам удалось собрать кое-что интересное.

Из книги можно узнать, что нынешний великий руководитель рос в безмятежном уединении правительственного квартала в Пхеньяне и в приморской резиденции в Вонсане, столь обширной, что знатные отпрыски перемещались по ней на электрических гольфмобилях. В 1990-х, когда северокорейские дети с голоду объедали цветы и жевали траву, Ким Чен Ын лакомился суши, увлекался баскетболом и летал в Париж – посетить Диснейленд. Запертый в четырех стенах и обучаемый на дому, юноша испытывал острейший дефицит общения со сверстниками. Кендзи Фудзимото – молодой человек, приехавший из Японии готовить суши к столу северокорейского вождя, – рассказал американской журналистке, как совершенно неожиданно стал для венценосного подростка товарищем по играм и даже кем-то вроде приятеля. У будущего лидера были не только специально назначенные друзья, но и личные учителя, тренеры, повара, шоферы и телохранители. «Он рос, чувствуя себя самым особенным мальчиком в мире, мальчиком, которому все по силам» (с. 65). Уже в восемь лет он узнал, что унаследует отцовский пост, и это не могло не сказаться на его характере – ребенок рос

нетерпимым, вспыльчивым и замкнутым. Во время обучения в швейцарской школе он, в отличие от многих других «звездных» мальчиков, не ездил в школьный лагерь, не посещал вечеринок и дискотек, не употреблял алкоголя. И, как сообщают его одноклассники, «категорически избегал контактов с девочками» (с. 86).

В 2009 году, когда Ким Чен Ыну исполнилось 25 лет, его официально представили правящей элите как наследника Ким Чен Ира. Несмотря на юность, в предшествующие годы ему уже не раз удавалось, будь то нарочито или случайно, демонстрировать заинтересованной сановной публике недюжинные задатки государственного деятеля. Так, еще ребенком он устроил во дворе дома взлетную полосу, запуская с нее игрушечные самолеты; как отмечалось в местных СМИ, северокорейские генералы умилялись, видя в этом «очередное доказательство несравненных командных способностей Ким Чен Ына» (с. 65). Примерно то же самое позже происходило и в Военной академии имени Ким Ир Сена, куда его вместе со старшим братом определила мать: «газеты писали, что молодой человек настолько одарен в военной стратегии, что сам учит преподавателей вместо того, чтобы учиться у них» (с. 90). Дипломная работа молодого вождя называлась «Компьютерное моделирование для уточнения тактических карт с помощью глобальной навигационной системы (GPS)». Существовал ли этот труд в действительности, нам не известно, но одаренному подростку вручили диплом, в котором было указано, что он лучший студент лучшего вуза Корейской Народно-Демократической Республики.

Несмотря на необычайные достижения царственного наследника, его юный возраст в ходе передачи власти мог превратиться в серьезную проблему. Как известно, социальные и политические структуры в обеих Кореях до сих пор ориентированы на кон-

фуцианские устои, накрепко связывающие возраст с авторитетом. Для системы, где важные посты продолжали занимать восьмидесятилетние старцы, Ким Чен Ын был непозволительно молод. Более того, преемника не успели даже снабдить подходящим легитимирующим мифом, подобным тем великим легендам, что осеняли царствования его отца и деда. Беда, впрочем, оказалась поправимой: начиная с 2009 года могущественный Отдел пропаганды и агитации Трудовой партии Кореи понемногу начинает создавать вокруг стремительно зреющего руководителя персональный культ почитания. Официальная пресса именует его Восхитительным Товарищем, Молодым Генералом, Утренней Звездой, сияющей над всем народом (с. 98). На обязательных политзанятиях, проходивших на предприятиях и в учреждениях по всей стране, гражданам рассказывали, что юный гений начал стрелять из винтовки в три года и водить автомобиль в семь лет. «В такие байки поверить нельзя, мы смеялись над ними. Но, если бы кто-то выразил сомнение, поплатился бы жизнью», – делился с Файфилд один из ее собеседников (с. 100). Так или иначе, но к тому моменту, как Ким Чен Ын встал у заветного кормила, его восшествие на престол воспринималось корейцами как нечто естественное и неизбежное. Исключительное значение для становления нового лидера имела роль Скорбящего Наследника, сыгранная им в 2011 году после смерти отца. Это было очень важно – особенно в стране, где никто не хочет оказаться человеком, которого видеокамеры изобразят рыдающим не столь горестно и громко, как его соседи. Пока население усердно заливалось слезами, Ким Чен Ын, «превращая скорбь в силу», распорядился обеспечивать плакальчиков на промерзших улицах медицинской помощью и теплым питьем. Одновременно он продолжил собирать разнообразные – и порой весьма причудливые – титулы, которые столь

забавляют людей, следящих за корейскими новостями. В этом списке, демонстрирующем все степени подобострастия, Любимый и Уважаемый Товарищ соседствовал с Несгибаемым Победоносным Генералом, Хранителем Справедливости, Высшим Воплощением Любви, а также многочисленными соляными вариациями – Путеводным Лучом Солнца, Солнцем Революции, Солнцем Человечества. «Никакие восхваления не были для нового вождя чрезмерными», – констатирует Файфилд (с. 117).

Довольно быстро Ким Чен Ын сделался баснословным персонажем и за пределами КНДР. В Китае, как сообщает автор, его прозвали «Кимом III Жирным», и, как ни старалась государственная цензура КНР удалить эту кличку из интернета, ничего не получилось. Обычно сдержанные западные издания типа «The New Yorker» или «The Economist» тоже не смогли устоять перед искушением позубоскалить: если первый журнал украсил свою обложку образом Ким Чен Ына-младенца, забавляющегося игрушечными ракетами, то второй на своей обложке превратил характерную прическу вождя в ядерный гриб. Однако, даже став находкой для карикатуристов и комиков, новоявленный вождь уверенно утверждал собственную власть, поскольку «все его действия с первых дней на верховном посту тщательно просчитывались ради единственной цели – остаться Победоносным, Стальным и Волевым Командиром Северной Кореи» (с. 121). Для этого Ким Чен Ыну требовалась когорта сторонников, кровно заинтересованных в его успехе, и он сам решал, кого приблизить к себе, а кого убрать. Он без колебаний избавлялся от тех, кто мог угрожать его абсолютной власти, жестоко распорядившись судьбами сначала дяди, а потом и брата и показав, что и впредь не остановится ни перед чем.

В 1980–1990-е, пока другие азиатские страны переживали экономический бум, экономика КНДР «вязла где-то между

Викторианской эпохой и худшими днями правления Сталина» (с. 128). Тем не менее Ким Чен Ын отказался от разработки грандиозных планов типа китайской «политики открытости» или советской перестройки. Вместо этого он немного смягчил наиболее жесткие законы и перестал преследовать частную инициативу. Новый вождь позволил развернуться стихийным рынкам промышленных и продовольственных товаров, которые «стали самым действенным мотором перемен в истории Северной Кореи» (с. 133). Это в свою очередь обусловило повышение жизненного уровня населения и становление страты, напоминающей средний класс. Благодаря таким преобразованиям северо-корейская экономика не только избежала агонии и коллапса, в свое время пережитых социалистическим блоком, но даже в какой-то мере стабилизировалась. По оценкам южнокорейских экономистов, годовой объем производства за время правления Ким Чен Ына вырос более, чем вдвое. Для миллениалов, родившихся или взрослых в годы голода – то есть фактически ровесников вождя, – рынки превратились в часть повседневной жизни, а их поколение «часто называют прирожденными коммерсантами» (с. 135). Причем, как отмечает автор, вместе с законной торговлей в КНДР пришел и теневой бизнес – в частности, распространение наркотиков, с которыми власти не могут справиться, несмотря на все прилагаемые ими усилия.

При этом, немного ослабив вожжи внутри КНДР, Великий Преемник уже в первые годы своего правления постарался еще больше изолировать и без того закрытую страну от любых внешних воздействий. В этом плане он явно превзошел своего отца, не позволяя ни людям, ни информации циркулировать даже через корейско-китайскую границу, долгое время считавшуюся полуоткрытой. Тем не менее тотальная герметичность оказалась недостижимой из-за постигшего КНДР голода. Люди, тайком хо-

дившие за реку за продуктами, возвращались и рассказывали о китайской жизни: по их словам, даже собаки в КНР питаются лучше, чем северокорейцы. Информационное давление, подтачивавшее устои социализма с корейской спецификой, оказывалось и с юга – из Сеула. В этой связи американская журналистка ставит закономерный вопрос: если многие в Северной Корее знают, как живет остальной мир, и понимают, что власть их обманывает, то почему система до сих пор держится? Ответ, по ее словам, надо искать в «беспримечательной жестокости режима, который без колебаний обрушивает на людей страшные кары за малейший намек на недовольство» (с. 157). Согласно Файфилд, остальной мир почти не осведомлен о том, что творится в концлагерях третьего властителя династии Кимов. Работая в Корее, она постоянно искала людей, отбывавших заключение после 2011 года; тем не менее ей не удалось найти ни одного человека, который вышел бы из лагеря после того, как Ким Чен Ын пришел к власти. Более того, никто из опрошенных ею северокорейцев, а таких было немало, подобных людей тоже не знал.

Специалистам толком не известно, удастся ли узникам нынешней диктатуры выходить на свободу или они обречены оставаться за решеткой до конца своих дней, но зато нет сомнений, что ГУЛАГ чужде никому не делся, причем, как предполагают правозащитники, он вполне может оказаться ужаснее нацистских лагерей смерти (с. 165–166). Под каток репрессий в КНДР может попасть любой, включая ближайших сподвижников Великого Руководителя; например, широкую огласку получила печальная участь генерала Хен Ен Чхоль – высокопоставленного чиновника военного ведомства, по слухам, расстрелянного из крупнокалиберного пулемета, как было объявлено, «за измену и неподчинение». По сведениям южнокорейской разведки, одно из приписанных ему преступ-

лений заключалось в том, что он заснул во время выступления Ким Чен Ына. «С этого момента государственные чиновники наверняка стараются на совещаниях держать глаза широко раскрытыми», – философски замечает автор (с. 171).

Несмотря на нищету, изоляцию и репрессии, многие тысячи северокорейцев материально заинтересованы в том, чтобы диктатор оставался у власти как можно дольше. Это сложившийся за последние годы предпринимательский средний класс, у которого «есть ролевая модель – сам Великий Преёмник, пользующийся всеми выгодами своего положения» (с. 186). Эти люди тоже хотят, уподобляясь вождю, хотя бы немножко купаться в роскоши, слухи о которой широко распространились как в стране, так и за рубежом. Как полагает южнокорейская разведка, в КНДР насчитываются 33 резиденции Ким Чен Ына, которые хорошо просматриваются со спутников. Здания внутри таких комплексов связаны подземными туннелями, а под ними есть огромные бункеры, в которых вождь с родственниками и приближенными может укрыться от любой внешней опасности. Недавно в западной прессе появились сообщения о том, что перестройка лишь одной из таких резиденций обошлась в 175 миллионов долларов, но проверить эти цифры нет никакой возможности.

Особое внимание в книге уделяется личностно-психологическим характеристикам корейского диктатора. Йен Робертсон – клинический психолог и нейробиолог из дублинского Тринити-колледжа – в беседе с автором отверг расхожее мнение о склонности молодого вождя к психопатии, настаивая на том, что Ким Чен Ын «довольно устойчивая в психологическом смысле личность» (с. 243). Внимательно наблюдая за всеми действиями руководителя КНДР с момента его прихода к власти, он заключил, что интересующий его объект – классический нарцисс. Поскольку этот нарциссизм

является благоприобретенным – в основе его обладание верховной властью, – речь должна идти не столько о расстройстве психики, сколько об искажении восприятия. По словам Робертсона, организм диктаторов типа Ким Чен Ына, испытав от применения власти прилив дофамина, регулярно требует следующей дозы: «Совсем немногие способны противостоять такому химическому воздействию и не терять голову, если они достаточно долго распоряжаются огромной властью» (с. 244). Однако у этого явления есть обратная сторона: чем больше разрастается самолюбие, тем уязвимее оно становится. В результате у многих диктаторов защитная оболочка становится очень хрупкой и, чтобы ее пробить, достаточно легкого прикосновения – тем более, что «в случае Ким Чен Ына уязвленное самолюбие прорывается в довольно тревожных формах» (с. 245).

В повествовании упоминаются и кое-какие физические недуги великой личности, среди которых, в частности, фигурируют избыточный вес и подагра, но при этом Файфилд подчеркивает: слабое здоровье никак не мешает Великому Преемнику последовательно демонстрировать уверенность в себе. Придя к власти, он нуждался в быстрых и убедительных свершениях; в результате ставка была сделана на ядерную программу. По мнению автора, такой курс оказался эффективным, позволив северокорейскому режиму надежно застраховаться от вмешательства со стороны США. Хотя вождь постоянно подчеркивает, что атомное оружие будет использовано только в оборонных целях, даже самые приблизительные оценки ядерного арсенала КНДР вселяют тревогу: согласно экспертам, режим чучхе накопил ядерного топлива на пятнадцать бомб, хотя крайние оценки заявляют о шестидесяти и даже семидесяти зарядах. Впрочем, даже если о цифрах можно спорить, не подлежит сомнению одно: у КНДР действительно есть

атомный щит. «В этой области они не отстают», – говорил в беседе с Файфилд один из специалистов-атомщиков (с. 294).

Подытоживая свой анализ, автор пишет, что за полтора десятилетия Великий Преемник, как бы к нему ни относиться, добился пусть и не радикальных, но значительных перемен. О том, что он смог оснастить страну мощным ядерным арсеналом, уже говорилось. Кроме того, он позволил национальной экономике дышать чуть свободнее, одновременно убедив президента США в своей адекватности в качестве собеседника, а правителя Китая, главного благодетеля КНДР, – в умении вести себя прилично. Разумеется, это далеко не все, ибо «теперь ему предстоит главное испытание – убедить народ Северной Кореи, что при Великом Преемнике жить становится лучше» (с. 348). Однако, прочитав эту книгу, читатель не может не прийти к выводу, что северокорейский самодержец справится и с такой задачей. И это, отметим, вполне согласуется с наблюдением самой Файфилд, предваряющим проделанную ею работу: «Через семь десятилетий после создания КНДР я не заметила трещин в фасаде коммунистической державы» (с. 10). Таким образом, рассказ обретает логическое завершение, а читателю, интересующемуся современным тирановедением, есть над чем поразмыслить.

Юлия Крутицкая

Территория и история: позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо»

ЕКАТЕРИНА БОЛТУНОВА, ГАЛИНА ЕГОРОВА
М.: Кучково поле, 2022. – 400 с.

Карта предшествует территории. Бодрийяр провозгласил это в начале 1980-х, рассказывая миру о власти симулякров, а в 2010-м

Уэльбек несколько обновил акценты: «карта интереснее территории»¹. Книга Екатерины Болтуновой и Галины Егоровой, по сути, следует той же идее, хотя и без опоры на «французскую теорию» и связанную с ней литературную традицию. «Территория и история» российских историков посвящена двум государственным и, что важно, направленным на культивирование российской государственности проектам позднесоветского времени – «Городам-героям» и «Золотому кольцу».

Интригующая завязка – все не то, чем кажется, – представлена уже во введении. Авторы берутся развенчать сложившиеся представления о «Городах-героях» как исключительно властном начинании, а о «Золотом кольце», напротив, как о развернутой снизу, едва ли не одним журналистом, инициативе. И на этом противопоставление не заканчивается (с. 13–14). Эти две программы никогда ранее не рассматривались вместе, относительно друг друга, и эта смелая

сравнительная перспектива становится в «Территории и истории» ключом к новому видению.

Сказать, что книга основательно фундирована, – ничего не сказать. Размах источниковой базы воистину впечатляющий: в работе задействованы материалы 25 архивохранилищ. Помимо Государственного архива Российской Федерации, ведущим сотрудником которого является Галина Егорова², представлены еще несколько центральных и целый ряд – сообразно географии исследования – региональных российских архивов, а также три архива Республики Беларусь³. Особенно хотелось бы отметить привлечение фондов Красногорского государственного архива кинофотодокументов и архивов отдельных музейных комплексов и предприятий – таких, как Главный туристский комплекс в Суздале. Болтунова и Егорова анализируют отзывы из книг посетителей, дневник Алексея Варганова (возглавлявшего Суздальский музей-заповедник до начала 1960-х) и его переписку с историком Николаем Ворониным, сопоставляя их с впечатлениями участников экскурсий 1960–1990-х по «Городам-героям» и «Золотому кольцу», полученными в ходе специально проведенных интервью.

Авторы подробно прослеживают, как на каждом этапе формировался набор претендентов на искомый статус «Города-героя» или участника «Золотого кольца», какие использовались аргументы и насколько напряженной порой становилась борьба, кто непосредственно в ней участвовал – представители региональных властей, отделений Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры с момента его учреждения в 1965 году и так далее. Таким

- 1 Бодрийяр Ж. *Прецессия симулякров // Он же. Симулякры и симуляция*. Тула, 2013. С. 16; Уэльбек М. *Карта и территория*. М.: Астрель; CORPUS, 2012. С. 87. Идея о превосходстве карты над территорией, осенившая героя этой жутковатой фантазмагии, выделена в тексте крупными буквами.
- 2 Кроме того, оба автора представляют Лабораторию региональной истории России Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Екатерина Болтунова в качестве руководителя).
- 3 Киевские архивы в текущей ситуации недоступны. Возможно, по этой причине посвященный Украине параграф 1.2 местами не вполне убедителен.

образом, в анализ вовлечены не только те города, которые в итоге составили плеяду «Городов-героев» и «Золотого кольца», но и те, что могли бы войти в их число исходя из весомой роли в военных сражениях (для «Городов-героев») и обладания памятниками старины (для «Золотого кольца»), но так и не вошли. Орловская область, например, «была равным образом связана с культурным наследием и памятью о Великой Отечественной войне, но при этом не попала ни в один из проектов» (с. 212–213).

Такие коллизии делают видимым изменчивый баланс посылаемых государством сигналов и общественной инициативы. В частности, пример Орловской области «демонстрирует, как пришедший на 1960-е всплеск активности и широкое публичное обсуждение вопросов, соотнесенных с категориями “память” и “наследие”, быстро сменились апатией и разочарованием» (этот сюжет рассматривается в связи с бюрократической стороной в деятельности Всероссийского общества охраны памятников, с. 212–213). Изучение подобных коллизий в динамике приводит исследователей к следующему заключению:

«[Постоянные отказы из центра создавали] среду, в которой ни инициативе, ни ожиданиям не было места. Все это рождало у жителей, а равным образом и у местных властей сомнения в праве на свою долю в распределении ресурсов и, шире, на социальную акторность. С течением времени мы обнаруживаем у жителей центральных областей России прямо артикулированные сомнения в собственном праве на высказывание» (с. 218).

Обращение к тому, как *могли бы* развиваться события – или «проблематизация

отсутствия», в авторской терминологии, – представляется весьма продуктивной, хотя и вряд ли такой уж нетипичной, как об этом пишут Болтунова и Егорова (с. 16), позицией.

ГЕРОИ И ЗЛОДЕИ

Главным действующим лицом в разыгрывающихся батальных за почетный статус, влекущий за собой финансовые инвестиции и приток туристов, выступает власть. По крайней мере, мы видим происходившее преимущественно с высоты номенклатурного руководства разных этажей. Болтунова и Егорова делают попытку подступиться к тому, каким было восприятие этих процессов со стороны общества, местных жителей, утверждая, что «выборка из множества городов СССР, противостоявших фашистскому наступлению, лишь небольшой группы [«Городов-героев»], наделенной особым статусом и привилегиями, [...вызывала] у современников многочисленные вопросы», со ссылкой на опубликованные мемуары смоленского журналиста и материалы мурманского и тульского архивов (с. 60). Однако в книге не поясняется, кто эти современники и какого рода документы скрываются за архивными шифрами⁴. Отзывы посетителей Мамаева кургана (с. 251–252)⁵ и воспоминания участников экскурсий по «Городам-героям» и «Золотому кольцу» (с. 224, 227, 248, 255, 267) оказываются тем более поразительными и драгоценными, чем более редкими они являются в этой книге.

Рассмотренный в таком ключе перечень «Городов-героев» с неизбежностью приво-

⁴ Ссылка выглядит следующим образом: «Клименко И. Е. *Думы о былом: Размышления о времени, о людях, о себе*. Смоленск: Союз журналистов Смоленской области, 1998. С. 312; ГАМО (Мурманск). Ф. Р-1169. Оп. 1. Д. 2. Л. 22; ГАТО. Ф. Р-252. Оп. 7. Д. 859д. Л. 48» (с. 60).

⁵ Авторы цитируют их как по опубликованным источникам (*Голоса сердец: сборник* / Сост. В. Б. Ростовщиков, И. М. Кандауров. Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1982), так и вводя в оборот неопубликованные материалы книги отзывов Музея-заповедника «Сталинградская битва».

дит к выводу: на всех этапах, включая горбачевскую перестройку, они использовались для решения общегосударственных «задач, никак не связанных ни с героизмом военных лет, ни с местной коммеморацией» (с. 106). Продолжая эту линию рассуждений, авторы пишут о несправедливости, акцентируя несомасштабность грандиозных военных событий на территориях, не попавших в перечень «Городов-героев», и относительно скромной меморизации этих событий. Параграф 1.5 так и озаглавлен: «“Это несправедливо...”: территория Курской дуги».

Иногда, впрочем, разговор о власти переходит на личности, персональные интенции и страхи, как, например: «Вождь уже понимал, что то, чего он боялся летом 1942 г., [...] не произошло – [...] и говорить о героике было уже не просто можно, а должно» (с. 23–24). Для той – собственно аналитической (а не научно-популярной) – стратегии, которую выбрали авторы, вряд ли актуально, кто чего боялся, хотя бы это был и «вождь». Гораздо существеннее сам переход (так и хочется написать «символической политики», но авторы почему-то не пользуются этим концептом) к героике, – переход, который, к сожалению, затемняется риторикой популярного историописания. Призывая не сводить «активное продвижение героического образа» Киева к личным симпатиям Хрущева к Украине, в случае с Брежневым авторы, похоже, поступают именно так:

«Брежнев, военная биография которого не была связана с Московской битвой, очевидно, был мало заинтересован в создании большого коммеморативного пространства в Москве. К тому же в начале 1970-х он принял окончательное решение выстраивать свой биографический нарратив с отсылками к обороне “Малой земли”» (с. 68).

Своя порция подобного разбора мотиваций досталась и Александру III:

«Поиск точки опоры для царствования, формирование собственной властной образности, обращенной к русскому дискурсу, православию и истории допетровской России, заставили императора по-новому взглянуть на потенциал знакомой территории» (с. 280).

Выступая на Санкт-Петербургской презентации книги, Михаил Лурье обратил внимание на множественность акторов «Территории и истории» и формирование субъектности городов и территорий. Действительно, города и территории можно назвать вторым по значимости макроинтеркомом. Их действия показаны (фактически без отсылки к соответствующим теориям) в режиме интерпелляции, по Фуко и Альтюссеру: власть окликает «героев» и участников «кольца», а города и территории откликаются, вступая в соответствующие отношения с властью и друг другом, становясь субъектами этих отношений.

Например, сопоставление орловского парада партизан, первого салюта 1943 года и минского парада партизан 1944-го позволяет «говорить о начале конкурентной борьбы за право позиционировать себя в качестве главной территории партизанского движения» (с. 109). «Окликание» произвело такой мощный эффект, что многих претендентов приходилось осаживать. Самым распространенным обоснованием отказа стала ссылка на отсутствие средств. Еще один механизм, помогающий власти «сдерживать эти территории в их претензии на статусность», обнаруженный Болтуновой и Егоровой, – административное разделение областей, как это произошло с Курской областью. После того, как в 1954-м из ее состава была выделена Белгородская область, «перспектива восприятия территории как цельного региона, не переставшая, конечно, существовать, была серьезно ослаблена. Логика административно-территориального деления, предожившая новые границы, оказывалась

сильнее робких общественных инициатив» (с. 109). Если Курской области новое административное деление помешало обрести желаемый статус, то Владимирской, которая в 1944 году была выделена из состава Ивановской области, наоборот, помогло, поскольку «новая единица на карте СССР оказалась [...] прямо увязана с категорией “историческое наследие”» (с. 129–130).

Обсуждение распределения между территориями СССР различных «образов войны и сопротивления врагу» (с. 110) выводит анализ за пределы тематики одних лишь «Городов-героев». Авторы размышляют о возможностях локальной инициативы в отношении меморизации мест массовой гибели (пусть и в виде небольшого примечания на с. 110). Чрезвычайно важным представляется акцент на постепенном изменении роли локального в политике памяти о войне. В течение первых послевоенных десятилетий в официальной повестке героическое «оказывалось оторванным от локального и развернутым в сторону других территорий или соцстран» (с. 113), так что даже празднование 30-летия Победы в Курске проходило без привязки к Курской дуге (с. 111). Со ссылкой на документы Государственного архива Орловской области в книге приводятся данные о том, как в редакции «Орловской правды» при подготовке к публикации письма с воспоминаниями о войне из него «были удалены фразы об Орловской земле и Покровском районе. Такая подача информации позволяла сформировать повествование, в котором у героя оставлялось лишь место подвига – связь с какой-либо другой территорией в этом нарративе была не нужна» (с. 112). Примеры подобной редактуры – утверждают авторы со ссылкой уже на Российский государственный архив социально-полити-

ческой истории (РГАСПИ) – встречаются и в фондах центральной прессы, в частности, «Комсомольской правды»⁶. К началу 1980-х ситуация начала меняться в сторону более «вариантного» описания локального, «с отсылками к месту рождения или, чаще, месту проживания героя после войны» (с. 112).

В случае «Золотого кольца» Болтунова и Егорова также не ограничиваются анализом набора городов, стратегий лоббирования и сдерживания, но обращают внимание и на предметно-содержательную избирательность. Узкая направленность «Золотого кольца» на «древнерусский период» обусловила невнимание к усадебным комплексам и историческим личностям более позднего времени (с. 254–256). Историческое время при этом «превращалось в некую обобщенную древность, никак не связанную с жизнью конкретного советского туриста» (с. 267–268). Дабы соответствовать идеологическим установкам, принципиален был «отказ от разговора об имперском прошлом» (с. 258) и избегание религиозной тематики – и это во Владимире, Суздале и других звеньях «кольца», достояние которых едва ли не целиком составляет храмовая архитектура.

Фигура журналиста, по инициативе которого якобы и возникла идея «Золотого кольца», служит для того, чтобы продемонстрировать как нелепость претензий на индивидуальное авторство, так и несостоятельность представлений о «естественности» кольцевого маршрута, который, казалось, так легко складывается, потому что уже существует в природе вещей. Вместе с тем наличие подобных представлений авторы считают «значимым свидетельством особого восприятия этой территории в 1960-е» (с. 270). Конечно, в действительности маршрут складывался не сам собой, а ценой

6 Указание на тысячи писем, полученных «Комсомольской правдой» в 1961-м и 1965 годах в ответ на призыв к читателям описать «Самый памятный день войны», лишь «небольшая часть которых была опубликована и/или готовилась к публикации (см., например: РГАСПИ. Ф. М-98. Оп. 3. Д. 89)» (с. 112), полагаю, поможет другим исследователям в работе со столь ценным источником.

длительных дискуссий и борьбы за ресурсы, однако подспудная основа для «особого восприятия» все же была и носила «позднеимперский» характер:

«Речь шла не о создании, а перевоссоздании маршрута. Путешествие Александра III в 1881 г. наметило абрис, а масштабная поездка Николая II и императорской фамилии в честь 300-летия Дома Романовых в 1913 г. сформировала круг городов, которые спустя чуть более, чем половину столетия, составили советский маршрут “Золотое кольцо”» (с. 272).

Болтунова и Егорова спорят со сложившейся в историографии трактовкой поездки 1913 года как повторения «истории возведения на престол Михаила Федоровича» (с. 286). Для понимания смысла путешествий 1881-го и 1913 годов важны связь пространства с династической историей Романовых (с. 273). Среди множества поездок выбраны именно эти две в силу закольцованности, помогающей осмыслению охваченного пространства как цельного и символически единого (с. 282). Не подгоняется ли задача под ответ, читателю предстоит решить самому, взвешивая все приведенные аргументы, проходя по предложенным ссылкам и самостоятельно проверяя возможные контргипотезы.

Авторы сообщают, что указанием на схожесть маршрута «Золотого кольца» с николаевской поездкой 1913 года они обязаны Сьюзен Николь Смит, изучавшей краеведение и историю Владимиро-Суздальского музея-заповедника (с. 298). Возникшая у Смит и блестяще развитая Болтуновой и Егоровой идея про связь «Золотого кольца»

с царскими маршрутами – замечательная исследовательская находка, настоящая жемчужина. Жемчужина, однако, наскоро пришитая к основному полотну повествования про позднесоветский период. Спасительная тростинка коммуникативной памяти работает лишь наполовину, ибо не доказано, что путешествие Николая II, с его маршрутом и смыслами государственности, действительно вошло в коллективные представления жителей империи, а затем и Советского Союза и, соответственно, могло существовать в режиме коммуникативной памяти.

Параграф про поездку царской семьи 1913 года начинается с утверждения, что это путешествие «обсуждалось и интерпретировалось вплоть до падения самой монархии» (с. 283), свидетельствовать о чем призваны три изданных текста⁷ и один неизданный. Первый из них – иницированный Комитетом для устройства празднования 300-летия Путеводитель Василия Георгиевского – рассылался перед поездкой официальным лицам и членам свиты. Оставшиеся экземпляры пустили в продажу: 50 штук, как узнает читатель из приведенных в приложении документов, были переданы в один столичный магазин, восемь – в другой, итого 58, не слишком внушительная число. На чем основывается заключение о том, что «издание пользовалось популярностью и было быстро распространено» (с. 294), авторы не сообщают; тираж всех трех указанных произведений не известен. Еще одно любопытное описание поездки, составленное Евгением Погожевым, осталось незаконченным и неопубликованным⁸. Тезис о широкой известности

7 Георгиевский В. *Владимир, Суздаль, Переславль-Залесский: путеводитель по памятникам старины*. СПб., 1913; Богданович Е.В. *Историческое паломничество нашего царя в 1913 году*. СПб., 1914; *Майские юбилейные торжества 1613–1913. Высочайшее посещение их Имп. высочествами государем имп. Николаем Александровичем и государыней имп. Александрой Федоровной с августейшим семейством г. Владимира и г. Суздаля 16 мая 1913 г. и г. Переславля-Залесского 23 мая 1913 г.* Владимир-на-Клязьме, 1915.

8 Обращение к трактовкам Погожева, равно как и включенный в приложение отрывок 1916 года из его текста, хранящегося в фонде Комитета для устройства празднования 300-летия династии Романовых (Российский государственный исторический архив. Ф. 1320), станет несомненным подспорьем для исследователя его биографии и творчества.

и активном освещении царской поездки в прессе, включая региональную (с. 299), также не получил развития.

Рассуждение о том, как могла бы действовать коммуникативная память, – самая шаткая, непроработанная часть аналитической конструкции, что сказывается на формулировках: «элементы николаевской концепции неосознанно [...] возникали в сознании» (с. 300); «советское, формируя проект, смогло адаптировать имперский концепт под свои задачи» (с. 301). Демоническое «советское» оказывается актором с задачами и способностью к действию. Можно предположить, что под воспроизводящимся «концептом» имеется в виду нечто подобное структурам, как они понимаются в логике французского структуриализма. Думается, тезис о том, что к 1960-м «историческое паломничество Николая II забыли», выглядел бы более убедительным (действительно ли паломничество воспринималось как историческое, действительно ли о нем помнили хотя бы какое-то время) при более плотном и разностороннем анализе публикаций о поездке как в плане их распространенности, так и восприятия в качестве «нового взгляда власти на территорию» (с. 294).

КОВАРСТВО ПРОЕКТНОСТИ

«Проекты» – это первое понятие (причем вынесенное в заглавие), на котором спотыкаешься при чтении. Столь привычное сегодня слово, кажется, как нельзя лучше подходит для «Городов-героев» и «Золотого кольца». Более того, трудно представить, как еще, если не проектами, можно их на-

звать⁹. Так устроен сегодняшний взгляд, беззастенчивая проекция которого на другую эпоху заменяет эпистемическую установку, декларацию о намерениях – рассматривать эти кейсы исключительно с позиций сегодняшнего дня, как они видятся и что означают для нас сегодняшних. Собственная логика того времени лишается малейших шансов на самоценность.

На проектность работают и некоторые элементы авторского словаря и стиля. Выше мы уже могли заметить, как под пером авторов первые лица государства занимались «*формированием* собственной властной образности», «*решали выстраивать* свой биографический нарратив», словно подчиняясь некой гипертрофированной модели рационального действия. Употребление слов «выборка» и «респондент»¹⁰ заставит вздрагивать, вероятно, не только социологов. Выборкой авторы именуют итоговый перечень населенных пунктов, вошедших в число «Городов-героев» и «Золотого кольца», как если бы кто-то их целенаправленно отбирал согласно изначально ясной процедуре.

Приводимые в приложениях документы свидетельствуют, насколько иначе слово «проект» использовалось в анализируемый период – в значении предельно конкретного (предварительного) плана, разработки: проект планировки города, проект памятника или проект распоряжения. Распространенное сегодня понимание проекта как хорошо спланированного цикла деятельности, имеющего точно определенные цели, заданные начало и конец, практически отсутствовало.

Книга, однако, убедительно показывает обратное: вначале никакого проекта в современном его понимании и не было.

9 Примером неанхроничного словоупотребления может служить книга Сергея Журавлева об «Истории фабрик и заводов», которую автор избегает называть «проектом», прибегая к слову «начинание».

10 В случае с «респондентом», видимо, имеет место недоработка редактора: «он сообщил своему респонденту» (с. 138) – про переписку Варганова и Воронина – нужно: «корреспонденту»; «респонденты опросов» (с. 321) – нужно: «участники опросов».

Самое интересное заключается как раз в детальном прослеживании того, как к первым «Городам-героям» и звеньям «кольца» стремились присоединиться все новые и новые участники, как непредсказуемо все развивалось – то есть в изучении собственной логики тех событий. В таком подходе, на мой взгляд, состоит самая сильная сторона, суть «Территории и истории». Но проектность ему прямо противоречит.

Конечно, привилегия сегодняшнего дня, когда известно, чем увенчались дерзания прежних лет, неизбежна для историка, и авторы – порой очень обаятельно – приоткрывают свою «кухню»:

«Читая стенограмму конференции сейчас, спустя более, чем полстолетия, и глядя на произошедшие события ретроспективно и изнутри другой эпохи, начинаешь замечать и те проблемы, преодолеть которые оказалось не так легко, как это, вероятно, казалось участникам конференции» (с. 164; см. также с. 205–206).

Болтуновой и Егоровой удалось передать азарт исторического поиска, он действует очень заразительно и настолько увлекает, что все огрехи уходят в сторону – но, увы, не исчезают совсем.

Исследовательская кухня не сводится к ретроспективному взгляду, она включает еще и методологический выбор. Девственная чистота книги в отношении методологии, признаюсь, просто обескураживает. Читатель волен пуститься во все тяжкие, достраивая на свой лад оптику – будь то Фуко в случае наделения городов субъектностью, Бурдьё или кто-то еще в случае символического капитала и распоряжения им при осуществлении символической политики. Справедливости ради следует сказать, что в «Территории и истории» упомянуты некоторые ключевые, знаковые работы (например Ольги Малиновой про символическую политику), но методология как таковая не обозначена, и терминами «символическая политика», «символичес-

кий капитал», по большому счету, авторы не пользуются.

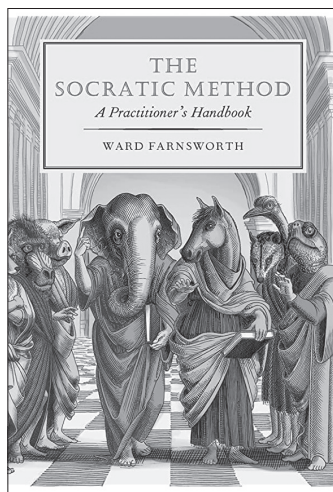
В отсутствие заявленной методологии ее место занимает *проектность*, играющая в другие ворота. Она своевольно (против намерения исследователей) выворачивает ситуацию, как если бы «Города-герои» и «Золотое кольцо» сразу были разработаны под ключ, тогда как всем содержанием книги авторы стремятся показать обратное.

НАТАЛЬЯ ВЕСЕЛКОВА

The Socratic Method: A Practitioner's Handbook

WARD FARNSWORTH

Boston: Godine, 2021. – xv, 245 p.

Американского юриста, специализирующегося на правовых проблемах реституции – и при этом, надо сразу сказать, увлекающегося изящной словесностью и классической философией, – удручают нынешние социальные сети, в чем он признается едва ли не на первой странице своей книги:

«Разум, питающий себя из этих источников, приучается к беззаботному существованию за счет скоропалительных выводов, неоспоримых очевидностей, незамыслова-

тых теорий и отчаянной злобы. Он жаждет исключительно одобрения и подтверждения и возмущается, когда ему противоречат. Способность концентрироваться стремительно падает; зашоренность мышления, понемногу распространяясь, сначала входит в норму, а затем и вовсе начинает восхваляться. Способность к взвешенному диалогу с несогласными людьми постепенно сходит на нет» (р. xi–xii).

В принципе, обо всем этом было известно и до восхождения славного Дональда Трампа, но незабываемое правление этого человека, вне всякого сомнения, обозначило некоторые очевидности еще более четко. «Если бы мне пришлось в одном слове выразить антитезу метода Сократа, то я использовал бы слово “Твиттер”» (там же), – подытоживает автор, и мы понимаем, что побуждает к такой категоричности. Не исключено, что ничего другого, кроме этой специфически американской боли, в виду и не имелось, но ошеломительные события, обрушившиеся на всех нас в достопамятном 2022-м, очень подогрели спрос на извращенное восприятие реальности, причем на сей раз едва ли не по всему миру. В силу сказанного американский правовед, сам того не подозревая, вдруг вышел на российский книжный рынок с удивительно актуальным продуктом, который каждой своей главой напоминает, насколько важно самостоятельно мыслить и чем чреват отказ от этого навыка – особенно, используя формулировку Ханны Арендт, в «темные времена», каковыми наши нынешние, вне всякого сомнения, и являются.

Урд Фарнсворт, вероятно, не слишком типичный юрист. Помимо работы «Практикующий стоик», название которой говорит за себя, бостонское издательство, выпустившее рецензируемую книгу, в предшествующие годы напечатало симпатичную, хотя и небольшую, серию его сочинений, посвя-

щенных английской словесности: в нее вошли «Классическая английская риторика», «Классическая английская метафора», «Классический английский стиль»¹¹. В своей новой публикации он рассказывает, как и чем его очаровал сократический метод ведения дискуссии, а также объясняет, почему эту античную технологию можно считать эффективным средством выправления нынешних недужных умов. Автор занимается всем этим не только с воодушевлением, но и со знанием дела; он прекрасно ориентируется в античной философии и ее социально-политических контекстах, а также в той части ее наследства, которую принято связывать с именем Сократа. В повествовании, разбитом на восемнадцать глав, последовательно и методично, но при этом отнюдь не заузно представлена «модель для сборки» сократического диалога, причем как в древних, так и в современных его итерациях. Кстати, довольно простая манера преподнесения сложного материала безошибочно выдает в авторе опытного преподавателя: действительно, с 2012 года он работает деканом Школы права Техасского университета.

Максимально сжатое описание сократического метода, по Фарнсворту, выглядит так:

«Когда кто-то заявляет, что нечто является хорошим или плохим, правильным или неправильным, немедленно подвергайте такие речи сомнению. Спросите, что значит подобное заявление, сопоставьте его с другими утверждениями собеседника и попытайтесь найти противоречие; посредством наводящих вопросов покажите, что сделанное заявление не вполне удовлетворяет даже того, кто его озвучил. По сути, вы отрицаете то, что было высказано собеседником, но делаете это искусно. Потом собеседник попробует уточнить свой тезис, а вы снова начнете искать в нем противоречие – и так далее» (р. 27).

11 Все упомянутые книги выходили в издательстве «Godine»: «Classical English Rhetoric» (2010), «Classical English Metaphor» (2016), «The Practicing Stoic» (2018), «Classical English Style» (2020).

Очевидно, что антитезой такого подхода выступает некритическое принятие чужих (или даже собственных) суждений за чистую монету; именно поэтому неспособность мыслить по-сократовски изображается в книге подоплекой «всего того буйства невежества и лицемерия, каким характеризуется нынешний политический дискурс» (р. 30). Автор, понятное дело, рассуждает о подобной ситуации в США – но, стоит до- бавить, отнюдь не только там.

Кстати, акцент на самокритике в ин- тересующем нас контексте исключительно важен: во многих платоновских диалогах Сократ, разговаривая с другими людьми, на самом деле полемизирует с собой, поправляя, опровергая, вразумляя именно себя. Фактически, он действует так же, как и его биограф Платон, который «творил свои диалоги, чтобы проработать собственные и сталкивающиеся друг с другом линии рас- суждений, приписывая их своим персона- жам» (р. 37). При этом, призывая читателя к неустанному сократическому копанию в себе, автор считает необходимым сделать важное предупреждение:

«Применять метод Сократа самостоятельно отнюдь не проще, чем пользоваться им в бе- седах с другими: на самом деле, наверное, наоборот. Ошибки в чужих суждениях под- мечать нетрудно, находить же их в собст- венных мыслях куда сложнее» (р. 42).

Золотые что называется слова.

Своеобразной единицей сократической деятельности автор называет вопрос. Боль- шая часть книги посвящена тому, как устро- ено вопрошание, практикуемое афинским мудрецом, и что из него можно извлечь. На- сколько известно из платоновских диалогов, Сократа крайне удручало, что люди убежде- ны в истинах, в которых никак не должны быть уверены: им кажется, будто они знают то, что на самом деле им неведомо. По этой причине его философия не состояла из на- бора убеждений: она представляла собой

процесс, в ходе которого размышляющий, не жалея сил, старается опровергнуть само- го себя:

«У каждого из нас внутри всегда должна работать оппозиционная партия – начало, постоянно оспаривающее то, что пред- ставляется общеизвестным и несомненным. Внутренний Сократ и есть достойный оппозиционер» (р. 49–50).

В основе всего этого перманентного оспаривания лежит процедура, которая обозначается термином «эленхос». Обра- щаясь к ее применению, Сократ сначала выясняет базовую мировоззренческую установку собеседника, потом искусно заставляет его согласиться с каким-нибудь тезисом, противоречащим этой установ- ке, а затем указывает своему визави на вскрывшееся противоречие. Опираясь на тексты платоновских диалогов, Фарнсворт умело демонстрирует нам, как это работа- ет. Помимо эленхоса, читателю предстоит ознакомиться с систолой и диастолой, апо- рией, диерезисом, апагогией и прочими приемами, используемыми в сократическом диалоге. Это весьма тониизирующий набор, который в конечном счете позволяет за- блудшему разуму вновь нащупать правиль- ный путь – а именно, восстановить после- довательность формулируемых суждений.

«Когда кто-то придерживается сразу двух мировоззренческих установок, которые не могут быть истинными одновременно, он либо наполовину спит, либо наполовину безумен. На самом деле у него нет никако- го конкретного мнения; такому человеку лишь кажется, что он мыслит» (р. 70).

Искреннее безразличие к тому, чтобы каждая новая мысль гладко и безупречно вытекала из мысли предыдущей, в книге приравнивается к безразличию в отноше- нии самого разума; по словам Фарнсворта, «такую установку, конечно, можно провоз- гласить личной позицией, но вот защитить

ее в конечном счете будет весьма трудно» (р. 74).

С развертыванием авторской аргументации читателю предлагается незамысловатый, но четкий набор принципов, в согласии с которыми рекомендуется вести сократические беседы со своими оппонентами:

а) пытайся найти истину, а не победить; б) изучай самих людей, а не только их утверждения; в) оценивай аргументы по существу независимо от того, кто их выдвигает; г) говори прямо и только то, что думаешь; д) относись к собеседнику как к судье, оценивающему твои показания; е) придерживайся принципа милосердия к оппоненту; ж) не обижайся сам и не обижай других (р. 98). Принципиально важным в этих рекомендациях представляется то, что Сократ отказывается использовать аргументы *ad hominem* в наиболее типичном для нынешнего дня разрезе: он никогда не нападает на своих партнеров лично, исходя из того, что даже самый отъявленный плут или негодяй способен порой сказать что-то дельное. «Строго говоря, можно даже сказать, что Сократ вообще ни с кем не спорит; он лишь заставляет собеседника спорить с самим собой» (р. 103).

Главным врагом сократической премудрости всегда и везде выступает интеллектуальное самодовольство: в диалогах столкновение с этим феноменом предстает единственной ситуацией, в которой благодушный Сократ готов выйти из себя. К персонажам, которые полагают, будто они в чем-то глубоко разбираются, афинский мудрец по-настоящему беспощаден: он самым жестоким образом издевается над ними, ничуть не щадя их самолюбие. Как поясняет Фарнсворт, «сократическая философия начинается с любви к истине, но с точки зрения *действия* ее первейшая задача отрицательна: она стремится избавить человека от иллюзии собственной мудрости» (р. 125). В книге многократно демонстрируется, что интеллектуальное

путешествие, затеваемое Сократом, всякий раз стартует с одной и той же отправной точки – понимания того, насколько мы далеки от окончательных ответов на самые важные вопросы. Приписывая этому моменту предельную серьезность, Фарнсворт не стесняется в выборе аргументов, порой звучащих более чем сурово. К числу таковых, например, можно отнести следующую мысль Джона Стюарта Милля – почитателя Платона и любимца самого автора:

«Лучше быть неудовлетворенным человеком, чем довольной свиньей; лучше быть неудовлетворенным Сократом, чем довольным дураком. И если дурак или свинья придерживаются другого мнения, то это лишь потому, что они рассматривают вопрос сугубо со своей колокольни. Но зато оппонентам, в отличие от них, известны обе позиции» (р. 146).

Прочитав виднейшего английского либерала, автор без лишних церемоний резюмирует:

«В той степени, в какой нас не заботит развитие сократического мышления, мы все, извините, свиньи. Но в той степени, в какой не хотим регрессировать до свинского состояния, мы все Сократы» (там же).

Таким образом, спектр вариантов, остающихся в распоряжении читателя, не так уж и богат. Такое вот сократическое «принуждение к мудрости».

Выход этой работы, посвященной интеллектуальной методике, которой исполнилось уже более 2500 лет, был весьма благосклонно встречен публикой, читающей по-английски. Кстати, на обложке американского издания представлена вариация на тему «Афинской школы» Рафаэля, на которой вместо шествующих рука об руку Платона и Аристотеля бок о бок шагают демократический осел и республиканский слон. Автор явно рассчитывает, что его труд получит прикладное применение и, возможно, даже принесет несколько

крупниц благоразумия и толерантности в сошедшую с рельсов здравого смысла американскую политику. Как отмечалось в рецензии «The Wall Street Journal», «иллюстрация на обложке, безусловно, отражает надежды профессора Фарнsworthа на то, что, усвоив дискурсивный метод Сократа, американцы сумеют наделить хотя бы чуточкой цивилиности тотемных чудищ нашей поляризованной политики»¹². Конечно же, я не мог не задуматься: а кого, интересно, изобразят на своей обложке издатели русского перевода? Опций, понятно, великое множество: отечественное пустоголовие не менее многогранно, чем заокеанское – с эпохи Салтыкова-Щедрина мало что в этом отношении изменилось, – а его последствия по-прежнему

впечатляют и завораживают. Поэтому пока остается лишь гадать. Кстати, нетерпеливый отечественный читатель уже готовится к встрече с книгой: так, наша психологическая общественность, интересующаяся прагматическими изводами того, что принято называть «саморазвитием», исподволь начинает рекламировать ее¹³. Между тем ждать осталось недолго: перевод действительно готовится, и одно из солидных российских издательств намеревается выпустить его уже в текущем году – если, разумеется, все будет хорошо и у страны, и у книгоиздателей, и у читателей.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

доцент Российского государственного гуманитарного университета

12 BAYLES M. *“The Socratic Method” Review: Let Us Reason Together* // The Wall Street Journal. 2022. June 24 (www.wsj.com/articles/the-socratic-method-book-review-let-us-reason-together-1165608510).

13 Сайты, ориентированные на так называемый «личный рост», уже вовсю изготавливают спринты, посвященные «бестселлеру Уорда Фарнsworthа», причем потребителям они предлагаются за деньги. См., например: <https://makeright.ru/library/the-socratic-method-by-ward-farnsworth-sprint/?read=indesign>. Интересно, что сказал бы на это Сократ?

Summary

The 148th *NZ* issue contains materials that are devoted to several major themes related to the ideological, political and cultural history of the 20th century – and to the transformation of this agenda (which is, in its essence, modern) during the first quarter of the 21st century.

The first big theme is the history of development and implementation of Marxism-Leninism as a theory, of the corresponding Marxist-Leninist ideology dominant in the Soviet era, and of the attempts to revise, modernise, and creatively develop this theory. And, of course, we will be talking about the fate of the leftist, socialist movement today.

Issue 148 opens with a block called “CONCRETE HISTORICISM AND MATERIALIST DIALECTICS”. Anton Syutkin outlines the intellectual biography of the unorthodox Soviet philosopher and art theorist Mikhail Lifshitz, who tried to develop Marxism in its Leninist version in parallel with the official ideology. Moving on from philosophy to philosophy of history and historiography, Alexander Dmitriev offers a brief overview of the attempts made by Soviet theorists of Marxist historiography to develop both the theory of history that was official in the USSR and the method of historical writing after World War II. Timur Atnashev further develops this topic. His article focuses on two noteworthy figures in the field of the official Soviet theorising of history, Mikhail Gefter and Pavel Volobuev, who in the 1960s and early 1970s tried to

modernise the official Marxist-Leninist historical discourse, but were defeated by administrative sanctions and found themselves cast to the margins of the academic sphere. However, their work turned out to be very useful at the next stage of Soviet history – during perestroika. Atnashev engages in polemics with the book by Alexei Yurchak “*Everything was Forever, Until it was No More*”, contributing his own views on the nature of the late Soviet society’s (particularly the humanitarian intelligentsia’s) attitude toward the official state ideology and the methods of its production and representation after the death of Stalin. The first thematic block concludes with an article by *NZ* editor Igor Kobylin, in which Soviet political economy is discussed in terms of early Christian (Byzantine) theology – as a phenomenon originating long before 1917.

The topic of leftist, socialist theory, but viewed in relation to today’s political practice, is explored in our CULTURE OF POLITICS section. It consists of the article by a patriarch of the British left movement, the political writer and campaigner Anthony Barnett, entitled “*The Year of the Definite Left: How Progressives Can Defeat the Right in 2023*”, and a discussion about this article that unfolded between the author himself and *NZ* editor-in-chief Kirill Kobrin. The practice of today’s left-wing politics is the topic of the new instalment of Tatiana Vorozheikina’s column THE REVERSE OF THE METHOD; this time, the focus is on the situation in Brazil, where a very stressful presidential election has

resulted in a recent return of the leftist politician Lula (Luiz Inácio Lula da Silva) to office. Vorozheikina analyses the extremely difficult situation in which the president has found himself, representing as he does about half of all the Brazilian voters, in a society that is currently torn between the radical left and the radical right. Lastly, the utmost triumph of communist ideas, in their North Korean variation, pushed to the point of political, economic and existential absurdity, is the topic of Yulia Krutitskaya's review of the Russian translation of Anna Fifield's book *"The Great Successor: The Divinely Perfect Destiny of Brilliant Comrade Kim Jong Un"*, published in the NEW BOOKS section.

The second thematic block revolves around not one but two of the NZ regular topics at once. These are the history and current state of political structures in post-colonial Africa, and the fate of post-war federalism. The block opens with an article by Andrey Korotaev and Alina Khokhlova, which gives a rundown of the last ten years of the political history of Mali. NZ editor Andrey Zakharov analyses the history of (pseudo-)federalism in post-colonial Cameroon. Leonid Isaev and Daria Bobarykina offer the reader a detailed description of the hardest state recovery process in Somalia, tracing its political, economic and social roots. Adjacent to this block CASE STUDY section examines the topic of federalism and separatism on the material of a European – namely Basque – context in the Yulia Frolova's piece.

NZ ARCHIVE section presents a memoir, originally published in the 1920s, written by the Tsar's army general Sergei Dobrorolsky about the summer of 1914 troop mobilisation in the Russian Empire. This text, which had rather a strange fate, especially in Soviet and post-Soviet Russian historiography, once again raises the question of which one of the "great powers" participating in World War I was, if not the "culprit", then the active actor in the rapid process of unleashing the global catastrophe that led to the collapse of the world order that had existed prior to 1914. The present publication of Dobrorolsky's memoir was prepared by Alexander Kustarev and Konstantin Tarasov, who also accompanied it with their own brief articles.

The POLITICS OF CULTURE section features a translation of the chapter entitled *"Humanism as an Initiative"* from the book *"The German Spirit in Danger"* by the eminent German philologist Ernst Robert Curtius. Dmitry Kolchigin translated Curtius's text – that first came out in 1932, just before Hitler's rise to power and is, incidentally, extremely relevant today – thoroughly annotated it and accompanied it with a substantial article that introduces the reader to the historical, cultural and biographical context of the piece.

This NZ issue ends with the RUSSIAN INTELLECTUAL JOURNALS REVIEW by Alexander Pisarev, and the NEW BOOKS section.

www.eurozine.com

The most important articles on European culture and politics

Eurozine is a netmagazine publishing essays, articles, and interviews on the most pressing issues of our time.

Europe's cultural magazines at your fingertips

Eurozine is the network of Europe's leading cultural journals. It links up and promotes over 100 partner journals, and associated magazines and institutions from all over Europe.

A new transnational public space

By presenting the best articles from the partner magazines in many different languages, Eurozine opens up a new public space for transnational communication and debate.

The best articles from all over Europe at www.eurozine.com **eurozine**

Оформить подписку на журнал можно в следующих агентствах:

«Подписные издания»: подписной индекс П3832 (только по России) <https://podpiska.pochta.ru>

«МК-Периодика»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.periodicals.ru

«Экстра-М»: подписной индекс 42756 (по России и СНГ) www.em-print.ru

«Ивис»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.ivis.ru

«Информ-система»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informsystema.ru

«Информнаука»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informnauka.ru

«Прессинформ»: подписной индекс 45683 (по России и СНГ) <http://pinform.spb.ru>

«Урал-Пресс»: подписной индекс: 45683 (по России и за рубежом) www.ural-press.ru

Приобрести журнал вы можете в следующих магазинах:

В Москве:
«Московский Дом Книги»
ул. Новый Арбат, 8
+7 495 789-35-91

«Фаланстер»
М. Гнездиновский пер., 12/27
+7 495 749-57-21

«Фаланстер» (на Винзаводе)
4-й Сыромятнический пер., 1-6 (территория ЦСИ Винзавод)
+7 495 926-30-42

«Циолковский»
Пятницкий пер., 8
+7 495 951-19-02

В Санкт-Петербурге:
На складе издательства
Лиговский пр., 27/7
+7 812 579-50-04
+7 952 278-70-54

В Воронеже:
«Петровский»
ул. 20-летия ВЛКСМ, 54а (ТЦ «Петровский пассаж»)
+7 473 233-19-28

В Екатеринбурге:
«Пиотровский»
ул. Б. Ельцина, 3 («Ельцин-центр»)
+7 343 312-43-43

В Нижнем Новгороде:
«Дирижабль»
ул. Б. Покровская, 46
+7 831 434-03-05

В Перми:
«Пиотровский»
ул. Ленина, 54
+7 342 243-03-51